

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 3 (87) июль – сентябрь 2020 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 3 (87) July – September, 2020

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 3 (87) июль – сентябрь 2020 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал.

Зарегистрирован как средство массовой информации в Государственном комитете Российской Федерации по печати (свидетельство № 019232 от 28 сентября 1999 г.).

ISSN 2071-8284.

Решением ВАК Минобрнауки России от 8 июля 2019 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования.

19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Распространяется на территории Российской Федерации по подписке. Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» – 36631.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г.Н. Голядкин, С.Н. Горбунова, И.А. Шадрин, Л.М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Подписано в печать 15.09.2020 г. Дата выхода в свет 25.09.2020 г. Формат 60 x 84/8 Печать офсетная. Объём 30,0 п.л. Тираж 500 экз. 1-й завод 250 экз. Заказ № 121. Отпечатано в типографии Санкт-Петербургского университета МВД России. Тел. 8 (812) 744-00-97 Цена свободная.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 3 (87) July – September, 2020

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» was registered as a mass media in the State Committee of the Russian Federation on Press (Certificate No. 019232 dated September 28, 1999).

ISSN 2071-8284.

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of July 19, 2019, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies on law and the state.
- 12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.
- 12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; private international law.
- 12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal executive law.
- 12.00.09 – Criminal procedure.
- 12.00.12 – Criminalistics; forensic and expert activity; law enforcement intelligence operations.
- 12.00.14 – Administrative law; administrative procedure.
- 13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 13.00.08 – Theory and methods of professional education.
- 19.00.03 – Labor psychology, engineering psychology, ergonomics.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI).

It is distributed on the territory of the Russian Federation (subscription index on the catalog of Agency «Pressa Rossii» – 36631).

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G.N. Golyadkin, S.N. Gorbunova, I.A. Shadrina, L.M. Bukina.

Address of editorial and publisher: 1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Signed to print 16 September 2020. Date of publishing 25.09.2020. Format 60 x 84/8. Offset printing. Volume 30,0 p.p. Circulation 500 copies. Order № 121. Printed in the printing-office of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Tel. 8 (812) 744-00-97. The price is free.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук (Россия, Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

Травников А. В. – председатель редакционной коллегии (Россия, Санкт-Петербург)

Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Бошкович Горан, доктор юридических наук, декан Академии Криминалистики и Полицейской подготовки Республики Сербии (Сербия, Белград)

Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)

Гутман М. Ю., доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Денисов С. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)

Колярич Драгана, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Республики Сербии (Сербия, Белград)

Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)

Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Мамонов В. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Муттилайнен Веса Петтери, начальник отдела исследований Университетского колледжа полиции Финляндской Республики, доктор общественных наук (Финляндия, Тампере)

Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сафин Ф. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Москва)

Слепцов И. В., кандидат юридических наук, профессор (Казахстан, Костанай)

Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Тычинин С. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Хлебушкин А. Г., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Чечетин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)

Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L.V., Candidate of Philological Sciences (Russia, Saint-Petersburg)

Editorial Board

Travnikov A. V., Chairman of an Editorial Board (Russia, Saint-Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boskovic Goran, Prof. PhD, Acting Dean of the Academy of Criminalistic and Police Studies of the Republic of Serbia (Serbia, Belgrade)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Grivennaya E.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Gutman M. Y., Doctor of Juridical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Denisov S. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LL.D, Judge of the Constitutional Court of the Republic of Serbia (Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint-Petersburg)

Mamonov V. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Muttillainen Vesa Petteri, Chief of Research of the Police University College of Finland, Doctor of Social Sciences (Finland, Tampere)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safin F. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences, Professor (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint-Petersburg)

Tychinin S. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Khlebushkin A. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Saint-Petersburg)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint-Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Бредихин А. Л., Удальцов А. А.</i> Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства	10
<i>Варламова Н. В.</i> Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской конвенции о защите прав человека	15
<i>Луковская Д. И., Ломакина И. Б.</i> Проблема определённости правовопознания (в контексте эволюции юснатурализма)	26
<i>Синиченко В. В., Кавецкий Д. Б.</i> Кадровое обеспечение милиции Иркутской губернии в период антибольшевистской власти в 1918–1919 гг.	33
<i>Сорокина Е. А.</i> Государственная противоэпидемическая политика: опыт Швеции по противодействию коронавирусу	42

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Васильева Т. А.</i> Ответ Италии на пандемию COVID-19: проблемы правового регулирования в чрезвычайной ситуации	54
<i>Новопапловская Е. Е.</i> Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в период пандемии COVID-19	61
<i>Сорокина Е. А.</i> Преюдициальная процедура в Суде ЕС и трансформация европейского антидискриминационного права	66

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Абакумова Е. Б.</i> Перспективные направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере охраны авторских прав	73
<i>Нижник Н. С., Бурданова Н. А.</i> Защита интересов ребёнка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей	80

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Герасимова А. Р.</i> Понятие организованной террористической деятельности	92
<i>Маркова Е. А.</i> Регламентация ответственности за преступления, совершённые с использованием электронных средств платежа, в законодательстве стран романо-германской правовой семьи	98
<i>Мурат Д.</i> Современное состояние формирования кадровой политики уголовно-исполнительной системы (на примере Монголии)	106
<i>Никуленко А. В., Смирнов М. А.</i> Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования	111
<i>Павлик Е. М., Кетенчиева Е. С.</i> Криминологическая характеристика лиц, осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ	118

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Титов П. М.</i> Проблемы правового положения прокурора по уголовным делам частного обвинения	123
---	-----

<i>Тучина О. А.</i> Домашний арест в системе мер процессуального пресечения в отношении несовершеннолетних (в генезисе)	133
<i>Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э.</i> Следственный судья – новый участник уголовного процесса Кыргызской Республики	140

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Иванов П. И.</i> Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности	148
<i>Кондратьев М. В.</i> Генезис и методология оперативно-розыскной науки	157
<i>Латышов И. В., Самуйленко Ф. П.</i> Актуальные вопросы систематизации научных знаний об условиях выстрела в судебной баллистике	164
<i>Скрипченко А. В., Иванова Е. С.</i> Современные высокотехнологичные способы подделки оттисков печатей и штампов в документах	170
<i>Ширшов Б. В.</i> Особенности криминалистической тактики в системе научного знания и её связь с другими разделами криминалистики	179

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Равнюшкин А. В.</i> О происходящей трансформации административного права и государственного управления в России	185
--	-----

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Васильева З. В.</i> Возможности влияния гуманитарных дисциплин на духовно-нравственное развитие обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России	194
---	-----

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Марченко Г. В., Сошникова И. А.</i> Применение методов воспитывающего обучения в образовательных организациях МВД России	202
<i>Миронкина О. Н.</i> Комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД в системе повышения квалификации	210

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА

<i>Арбузова Е. Н., Семакова А. И.</i> Оценка психологического состояния и ресурсов со-владающего поведения обучающихся образовательной организации МВД России в условиях самоизоляции	218
<i>Гейжан Н. Ф., Симакова Т. А.</i> Дистанционное обучение в аспекте психологии труда преподавателей и обучающихся	227
<i>Попинако Е. А., Гончарова Н. А.</i> Психологические особенности социально-психологической адаптации сотрудников органов внутренних дел с различным уровнем личностного адаптационного потенциала	234

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE; HISTORY OF STUDIES ON LAW AND THE STATE

<i>Bredikhin A. L., Udaltsov A. A.</i> Propaganda as a means of implementing the ideological function of the state	10
<i>Varlamova N. V.</i> Lockdown as a response to the COVID-19 pandemic: analysis in the context of the European Convention on Human Rights	15
<i>Lukovskaya G. I., Lomakina I. B.</i> The problem of certainty of legal cognition (in the context of the evolution of Nature Law)	26
<i>Sinichenko V. V., Kavetsky D. B.</i> Personnel support of the police of the Irkutsk province during the period of anti-Bolshevik power in 1918–1919	33
<i>Sorokina E. A.</i> State anti-epidemic policy: Swedish experience in countering coronavirus	42

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LITIGATION; MUNICIPAL LAW

<i>Vasilieva T. A.</i> Italy's response to the COVID-19 pandemic: problems of normative management of emergency	54
<i>Novopavlovskaya E. E.</i> Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation during the COVID-19 pandemic	61
<i>Sorokina E. A.</i> The preliminary ruling procedure at the Court of justice of the European Union and transformation of European anti-discrimination law	66

CIVIL LAW; ENTREPRENEURIAL LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

<i>Abakumova E. B.</i> Promising avenues of the Russian Federation participation in the international cooperation in the sphere of copyright protection	73
<i>Nizhnik N. S., Burdanova N. A.</i> Protecting the interests of the child: legal aspects of the exercise of parental rights and responsibilities	80

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>Gerasimova A. R.</i> The concept of organized terrorist activity	92
<i>Markova E. A.</i> Regulation of liability for offences committed by using electronic means of payment in the legislation of the Romano-Germanic legal system countries	98
<i>Murat D.</i> Actual state of development of human resources Policy of the penal system (on the example of Mongolia)	106
<i>Nikulenko A. V., Smirnov M. A.</i> The necessary defense and excess of its limits: legislative improvement opportunities	111
<i>Pavlik E. M., Ketenchiyeva E. S.</i> A criminal profiling of persons convicted for narcotic drugs and psychotropic substances illicit trafficking	118

CRIMINAL PROCEDURE

<i>Titov P. M.</i> Problems of the legal status of the prosecutor on criminal cases of private accusation	123
<i>Tuchina O. A.</i> House arrest in the system of procedural preventive measures against minors (in genesis)	133
<i>Shestakova S. D., Imanalieva U. E.</i> The investigating judge as a new figure in the Kyrgyz Republic criminal procedure	140

CRIMINALISTICS; FORENSIC AND EXPERT ACTIVITY; LAW ENFORCEMENT INTELLIGENCE OPERATIONS

<i>Ivanov P. I.</i> Stages and methods of legalization of criminal proceeds obtained as a result of economic and tax crimes	148
<i>Kondratyev M. V.</i> The genesis and methodology of operational-investigative science	157
<i>Latyshov I. V., Samuylenko F. P.</i> Actual issues of systematization of scientific knowledge on the conditions of shot in the forensic ballistics	164
<i>Skripchenko A. V., Ivanova E. S.</i> Modern high-technological methods of forging overprinting seals and stamps in documents	170
<i>Shirshov B. V.</i> Features of criminalistic tactics in the system of scientific knowledge and its relationship with other units of criminalistics	179

ADMINISTRATIVE LAW; ADMINISTRATIVE PROCEDURE

<i>Ravnyushkin A. V.</i> Current transformation of administrative law and state management in Russia	185
--	-----

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

<i>Vasileva Z. V.</i> Opportunities for the influence of humanitarian subjects on the spiritual and moral development of the cadets of higher educational organizations of the MIA of Russia	194
--	-----

THEORY AND METHODS OF VOCATIONAL EDUCATION

<i>Marchenko G. V., Soshnikova I. A.</i> The application of educational teaching methods in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	202
<i>Mironkina O. N.</i> A comprehensive approach to the formation of anti-corruption behavior of the internal affairs bodies employees in the professional development system	210

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, ERGONOMICS

<i>Arbuzova E. N., Semakova A. I.</i> Assessment of psychological status and coping resources of students of the educational organization of the MIA of Russia in the conditions of self-isolation	218
<i>Geyzhan N. F., Simakova T. A.</i> Distance learning in the aspect of labor psychology of teachers and students	227
<i>Popinako E. A., Goncharova N. A.</i> Psychological features of the socio-psychological adaptation of employees of internal affairs bodies with a different level of personal adaptation potential	234

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УДК 34 (091)

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-10-14

А. Л. Бредихин

кандидат юридических наук

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0001-5906-5966. E-mail: axel_b@mail.ru*

А. А. Удальцов

кандидат юридических наук, доцент

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0003-2286-817X. E-mail: oudaltsov@mail.ru*

Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства

Аннотация: В статье авторы анализируют сущность пропаганды как средства осуществления идеологической функции государства. Отмечается, что пропаганда является механизмом распространения информации убеждающего воздействия в интерпретации и оценках представителей государственной власти. Определяется структура пропаганды: бенефициар пропаганды, субъекты пропаганды, содержание пропаганды, каналы осуществления пропаганды, адресат пропаганды, система обратной связи. Выделяются виды пропаганды: политическая, аксиологическая, образовательно-воспитательная, профилактическая.

Авторы приходят к выводу, что основные направления и содержание пропаганды устанавливается в нормативных актах и принимаемых в соответствии с ними программах и организационных мероприятиях. Наряду с осуществлением пропаганды идеологическая функция реализуется посредством запрета или ограничения пропаганды либо иного распространения информации, создающей угрозу основам конституционного строя и иным образом направленной на дестабилизацию политической обстановки в государстве, а также запрета на пропаганду идей, которые могут нанести вред основам морали и нравственности.

Важнейшее значение в осуществлении пропаганды имеют средства массовой информации. Государство широко использует этот ресурс на равных правах с другими субъектами для распространения государственно значимых идей, пользуется услугами различных коммуникационных агентств. Однако государство формирует законодательную базу деятельности СМИ, их права и ограничения, что всё-таки определяет особое положение государства в этом процессе.

Ключевые слова: идеология, идеи, убеждения, идеологическая функция государства, пропаганда, структура пропаганды, запрет пропаганды, средства массовой информации.

Для цитирования: Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 10–14. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-10-14.

Aleksey L. Bredikhin

Cand. Sci. (Jurid.)

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5906-5966. E-mail: axel_b@mail.ru*

Andrei A. Udaltsov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2286-817X. E-mail: oudaltsov@mail.ru*

Propaganda as a means of implementing the ideological function of the state

Annotation: In the article the authors analyze the essence of propaganda as a means of implementing ideological function of the state. It is noted that propaganda is a mechanism of spreading information persuasive influence in the interpretation and estimation of state power representatives. The structure of propaganda is determined: beneficiary of propaganda, subjects of propaganda, content of propaganda, channels of realization of propaganda, addressee of propaganda, feedback system. Types of propaganda are distinguished: political, axiological, educational, preventive.

The authors come to the conclusion that the basic directions and the propaganda content are established in normative acts and the programs and organizational actions accepted according to them. Along with the implementation of propaganda, the ideological function is implemented by prohibiting or restricting propaganda or other dissemination of information that endangers the foundations of the constitutional order and is otherwise aimed at destabilizing the political situation in the State, as well as prohibiting the propaganda of ideas that may harm the foundations of morality and morality.

The mass media are essential in carrying out propaganda. The State widely uses this resource on an equal footing with other actors to disseminate ideas of public importance and uses the services of various communication agencies. However, the state forms a legal framework for the mass media, their rights and limitations, which still determines the special position of the state in this process.

Keywords: ideology, ideas, beliefs, ideological function of the state, propaganda, structure of propaganda, prohibition of propaganda, mass media.

For citation: Bredikhin A. L., Udaltsov A. A. Propaganda as a means of implementing the ideological function of the state // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 10–14. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-10-14.

Идеологическая функция государства, как и любая другая, осуществляется путём использования традиционных методов убеждения и принуждения. Для метода принуждения обязательно подчинение поведения индивида или группы людей не собственной воле, а воле государства; при убеждении такого подчинения нет [10, с. 192]. Убеждающий метод в осуществлении идеологической функции государства преобладает.

Метод убеждения связан с использованием совокупности средств и приёмов, одним из которых в рамках реализации идеологической функции государства является пропаганда. Государственную пропаганду часто воспринимают негативно, как намеренное введение в заблуждение населения относительно реального состояния экономических, политических и иных важных сфер государственной деятельности [8, с. 169–171]. Вместе с тем государственная пропаганда может быть направлена и на достижение общественно-полезных и гуманитарных ценностей, которые поддерживаются всеми или большинством членов общества. Следовательно, пропаганда – явление многоаспектное и многоплановое. Она не несёт заранее определенного ценностного содержания, а служит лишь механизмом распространения информации убеждающего воздействия в интерпретации и оценках представителей государственной власти.

Пропаганду можно рассматривать и как способ осуществления управления государством, побуждающий добровольно соблюдать закон и следовать государственной политике, поэтому цели, поставленные перед пропагандой, в итоге могут реализовываться и в принудительном порядке.

Важно отметить, что государственная пропаганда является устоявшимся средством осуществления идеологической функции государства, поэтому предпосылок для ее упразднения в настоящее время нет.

Сама по себе пропаганда представляет собой некую деятельность по распространению информации различного содержания (идей, взглядов, оценок, фактов и т. п.), целью которой является формирование в сознании людей определённых убеждений или побуждение их к определённому поведению. Отличие пропаганды от других видов информирования в том, что она воздействует на сознание и более глубокие структуры психики: эмоции, настроение, психологические переживания, установки и ожидания и призвана формировать оценочное отношение к тем или иным аспектам общественно-политической жизни.

Важнейшими задачами пропаганды можно назвать поддержание и повышение легитимности власти в целом и поддержку проводимых реформ и стратегических целей. Иногда под легитимностью власти подразумевают ее легаль-

ность, а именно «формирование, полномочия, пределы государственной власти, все ее содержание, создание, компетенцию, функционирование государственного механизма, всех составляющих его органов. Все это предусматривается и регламентируется правом, основывается на конституции и законах Российской Федерации» [2, с. 462]. Однако это не совсем верно, хотя легитимность напрямую связана с законностью.

Если говорить о пропаганде как средстве реализации идеологической функции государства, то она осуществляется в интересах государства (действующей государственной власти). При этом непосредственно эту деятельность могут осуществлять не только государственные структуры.

А. Н. Буховец определяет пропаганду как «механизм распространения и манипуляции массовым, коллективным и индивидуальным сознанием с целью формирования определённого мировоззрения, которое стимулировало бы определённые политические действия»¹. По его же мнению, пропаганда подчиняется идеологии государства. Среди основных функций пропаганды выделяют: процесс легитимации, конструирование «диалога» между источником пропаганды и реципиентом, формирование адекватной «обратной связи» (принятие и усвоение распространяемых положений), социализация и адаптация к сложившимся реалиям при помощи социальных ритуалов, мифов, неформальных норм и т. д. [5, с. 20].

Если предложить нейтральное оценочное определение пропаганде, то она состоит в доведении до населения основных идей, идеологических установок и стратегических задач, поддерживаемых государством с целью формирования к ним положительного отношения [3, с. 149]. Кроме того, сопутствующими функциями пропаганды являются просвещение и информирование.

Е. Н. Тонгузаева отмечает, что в узком смысле «политическая пропаганда – есть пропаганда власти, властеотношений и идей власти, а государственная включает в себя ещё и пропаганду ценностей государства (отказа от алкоголя, пропаганду здорового образа жизни, семейных ценностей, антиинфантильную пропаганду, пропаганду поддержки малого бизнеса и т. д.). Обязанности по реализации последней закреплены в различных федеральных законах (Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов», Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и др.)» [8, с. 199].

Структурно пропаганда состоит из следующих элементов:

а) бенефициар пропаганды (тот, в чьих интересах осуществляется). В нашем случае конечным интересантом является государственная власть в

лице высших органов власти, формирующих идеологию государства и его стратегические цели;

б) субъекты пропаганды, т. е. лица, которые непосредственно участвуют в распространении пропагандистских материалов. Этими субъектами могут быть органы государственной власти в рамках своей компетенции, пресс-службы органов государственной власти, государственные образовательные и иные учреждения, общественные и политические организации, коммерческие пропагандистские агентства и некоторые другие. Такую работу ведут и органы внутренних дел в рамках своих полномочий [6, с. 27–32];

в) содержание пропаганды (идеи, установки, идеология, ценности, технологии и пр.);

г) каналы осуществления пропаганды (интернет, радио, телевидение, пресса, культурно-массовые мероприятия, пресс-конференции и пр.);

д) адресат пропаганды (отдельные личности, социальные группы, возрастные категории (дети, молодёжь, старшее поколение), народ в целом;

е) система обратной связи, которая предполагает восприятие мнений населения относительно содержания пропагандируемых идей, оценку эффективности пропаганды и политики в целом. Такая обратная связь достигается путём опросов, анализа статистических данных и иных фактов, позволяющих судить об идеологических предпочтениях, настроениях населения.

Основными видами пропаганды следует назвать: а) политическую (поддержание легитимности власти, консолидации и мобилизации общества на «отпор реальным или мнимым внешним угрозам национальной безопасности» [5, с. 109]; б) аксиологическую (формирование определённых политических и иных ценностей у населения); в) образовательно-воспитательную (формирование уважительного отношения к государству и его истории, развитие патриотизма, просвещение в целом); г) профилактическую (предупреждение совершения преступлений и правонарушений, а также противоправного и аморального поведения в среде юношества, молодежи и пр.).

Основные направления и содержание пропаганды устанавливаются в нормативных актах и принимаемых в соответствии с ними программами организационных мероприятий. При этом слово «пропаганда» часто не прямо упоминается.

Так, например, Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» в ст. 10 предусматривает обязанность рекламодателя в определённом объёме заключать договоры на распространение социальной рекламы, которая представляет собой информацию, адресованную неопределённому кругу лиц и направленную на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства. Такая социальная реклама является формой пропаганды в рамках осуществления идеологической функции государства.

Наряду с осуществлением пропаганды идеологическая функция реализуется посредством запрета или ограничения пропаганды либо иного распространения информации, создающей угрозу основам конституционного строя и иным образом направленной на дестабилизацию по-

¹ Буховец А. Н. Идеологическая функция государства: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Буховец Алексей Николаевич. – Москва, 2002. – С. 139.

литической обстановки в государстве, а также запрет на пропаганду идей, которые могут нанести вред основам морали и нравственности.

Общие требования к пропаганде установлены частью 2 статьи 29 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

В продолжение этого ч. 2 ст. 239 УК РФ предусматривает ответственность за создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство такой организацией либо структурным подразделением.

Важнейшая роль в осуществлении пропаганды принадлежит средствам массовой информации, которые иногда называются четвертой властью именно потому, что они выполняют идеологическую функцию. Следовательно, государство вынуждено осуществлять пропагандистские и иные идеологические мероприятия с помощью средств массовой информации на тех же правах, что и другие лица. Однако государство наряду с этим формирует законодательную базу для деятельности СМИ, ограничения и запреты.

В ст. 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» установлена недопустимость злоупотребления свободой массовой информации, предусмотрены ограничения и запреты в распространении определенной информации.

Ст. 25.1 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» также предусматривает особый порядок распространения на территории Российской Федерации сообщений и материалов иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента.

В. Р. Абрамян отмечает, что в настоящее время в России обозначилась новая специфическая функция средств массовой информации – организация целевого дискурса модернизации политической системы в российских периодических общественно-политических, экспертно-аналитических изданиях. СМИ отражают процесс модернизации за счёт популяризации ее идей, детерминант, ресурсов, целей и преимуществ для общества [1, с. 166]. Таким образом, пропаганда обеспечивает информационное сопровождение и легитимацию проводимых реформ.

Вместе с тем государственно-властные структуры не всегда обладают достаточной компетентностью для эффективного ведения пропагандистской деятельности, не имеют соответствующей техники и технологий, поэтому для выполнения такой работы привлекаются специа-

лизированные организации (коммуникационные агентства), которые комплексно сопровождают пропагандистскую деятельность как в средствах массовой информации, так и в иных формах.

В. В. Евликова отмечает, что «информационное сопровождение деятельности государства, осуществляемое по государственному заказу коммуникационными агентствами, являются формой государственных связей с общественностью, в которых коммуникационные агентства являются институциональными субъектами государственных связей с общественностью»². Такие агентства не только служат проводником для реализации государственной пропаганды, но и обеспечивают взаимодействие общества и государства путём актуализации идеологической деятельности государства и ожиданий общества. Государственная служба связи с общественностью является посредником между обществом и государственной властью, обеспечивает механизмы взаимной адаптации, а также способствует участию граждан в политическом процессе [4, с. 97].

Механизм осуществления государственной пропаганды довольно чётко прослеживается в свете последних общественно значимых событий: пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и голосования по внесению поправок в Конституцию Российской Федерации. События эти разноплановые, но государственная пропаганда в обоих случаях имеет множество общих черт.

Если говорить о государственных интересах в деле борьбы с распространением коронавирусной инфекции, то главным является мобилизация населения вокруг задач сдерживания темпов заражения COVID-19 и недопущения паники в обществе. Одним из важнейших средств решения поставленных задач стало информирование о текущей ситуации через государственные СМИ, Интернет-ресурсы (к примеру, был открыт специализированный сайт <https://стоп-коронавирус.рф>); создана нормативная база для ограничения мобильности населения наряду с закреплением социальных гарантий для лиц, которым ограничительные меры принесут ущерб (как гражданам, так и организациям).

Голосование по поправкам в Конституцию Российской Федерации как необходимый этап трансформации современного политико-правового устройства России сопровождалось государственной пропагандой в похожем ключе. Нормативная база, регулировавшая порядок проведения голосования, учитывала специфику эпидемиологической ситуации и обеспечила соблюдение мер безопасности. Для информирования граждан о сути поправок были задействованы государственные и муниципальные СМИ; привлекались авторитетные учёные, политики и деятели культуры; появился специальный информационный ресурс в сети Интернет.

Несмотря на общественный резонанс по тем или иным аспектам политики государственной

² Евликова В. В. Информационное сопровождение деятельности российского государства: политологический анализ : автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Евликова Виктория Вадимовна. – Москва, 2013. – С. 5.

власти России, следует отметить достаточную эффективность государственной пропаганды, её общественную полезность и действие в правовом поле. Так, удалось избежать серьезных массовых протестов, которые могли бы дестабилизировать общественную обстановку; организовать материальную поддержку нуждающихся слоёв населения и важнейших отраслей экономики; создать условия для выхода страны из экономического кризиса. Эти меры позволили сохранить доверие граждан к институтам государственной власти, что в конечном итоге обеспечило высокий уровень легитимности государственной власти и повлияло на результаты голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации.

На основании изложенного можно говорить о том, что пропаганда является значимым средством осуществления идеологической функции государства. В этом смысле пропаганда заключается в распространении информации различного содержания (идей, взглядов, оценок, фактов и т. п.), целью которого является формирование в сознании людей определённых убеждений или побуждение их к определённому поведению. Такая пропаганда осуществляется в интересах государства как государственными органами и организациями, так и негосударственными структурами. Её главными целями являются поддержание легитимности власти и проводимых стратегических реформ.

Список литературы

1. *Абрамян В. Р.* Расширение проблемно-тематических ниш информационного сопровождения модернизации политической системы РФ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2 (43). – С. 165–170.
2. *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / изд. 2-е, доп. – Москва: ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.
3. *Бредихин А. Л.* Формы и методы осуществления идеологической функции государства // Юрист-Правовед. – 2019. – № 4. – С. 147–151.
4. *Евликова В. В.* Государственные связи с общественностью: информационный, пропагандистский, управленческий подход // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – № 1-1. – С. 92–97.
5. *Порецкова А. А.* Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 19–33
6. *Соловьева Н. В., Панова А. А., Соловьёв Н. П.* Осуществление стратегической государственной пропаганды посредством использования средств массовой информации (теоретический аспект) // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 9. – С. 108–112.
7. *Тимко С. А.* Пропагандистская работа органов внутренних дел и ее функции // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – № 3. – С. 27–32.
8. *Тонгузаева Е. Н.* Государственная пропаганда как элемент реализации информационной политики / Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека : материалы VIII Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников. – Саратов: Саратовский источник, 2015. – С. 198–200.
9. *Трофимов Е. А.* Государственная пропаганда в России в начале XXI в.: политологический очерк // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 169–171.
10. *Черноголовкин Н. В.* Теория функций социалистического государства. – Москва: Юридическая литература, 1970. – 215 с.

References

1. *Abramyan V. R.* Rasshirenije problemno-tematicheskikh nish informatsionnogo soprovozhdeniya modernizatsii politicheskoy sistemy RF // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura. – 2015. – № 2 (43). – S. 165–170.
2. *Baytin M. I.* Sushchnost' prava (Sovremennoye normativnoye pravoponimaniye na grani dvukh vekov) / izd. 2-ye, dop. – Moskva: OOO ID «Pravo i gosudarstvo», 2005. – 544 s.
3. *Bredikhin A. L.* Formy i metody osushchestvleniya ideologicheskoy funktsii gosudarstva // Yurist»-Pravoved. – 2019. – № 4. – S. 147–151.
4. *Yevlikova V. V.* Gosudarstvennyye svyazi s obshchestvennost'yu: informatsionnyy, propagandistskiy, upravlencheskiy podkhod // Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad. – 2010. – № 1-1. – S. 92–97.
5. *Poretskova A. A.* Kontseptualizatsiya teoreticheskikh podkhodov k izucheniyu politicheskoy propagandy // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye. – 2015. – T. 8. – № 2. – S. 19–33
6. *Solov'yeva N. V., Panova A. A., Solov'yov N. P.* Osushchestvleniye strategicheskoy gosudarstvennoy propagandy posredstvom ispol'zovaniya sredstv massovoy informatsii (teoreticheskii aspekt) // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2018. – № 9. – S. 108–112.
7. *Timko S. A.* Propagandistskaya rabota organov vnutrennikh del i yeye funktsii // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2009. – № 3. – S. 27–32.
8. *Tonguzayeva Ye. N.* Gosudarstvennaya propaganda kak element realizatsii informatsionnoy politiki / Vzaimodeystviye institutov vlasti i obshchestva v sfere zashchity prav cheloveka : materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii aspirantov, prepodavateley, prakticheskikh rabotnikov. – Saratov: Saratovskiy istochnik, 2015. – S. 198–200.
9. *Trofimov Ye. A.* Gosudarstvennaya propaganda v Rossii v nachale XXI v.: politologicheskii ocherk // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 21. – S. 169–171.
10. *Chernogolovkin N. V.* Teoriya funktsiy sotsialisticheskogo gosudarstva. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1970. – 215 s.

Н. В. Варламова

кандидат юридических наук, доцент

*Институт государства и права Российской академии наук
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10*

ORCID: 0000-0002-0968-3296. E-mail: varlam_n@list.ru

Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской конвенции о защите прав человека

Аннотация: Пандемия COVID-19 требует от органов публичной власти осуществления призванных противодействовать распространению заболевания разнообразных мер, многие из которых сопряжены с ограничениями прав человека. Одним из самых распространённых и вместе с тем наиболее чувствительных способов реагирования на пандемию, использовавшихся практически во всех странах, был так называемый локдаун. Данный термин, не имеющий строгого юридического значения, охватывает систему мер, направленных на сокращение социальных взаимодействий между людьми. Эти меры включают требования соблюдать «социальную дистанцию» и не покидать своё жилое помещение без крайней необходимости, строгую изоляцию для отдельных групп населения, запрет различных массовых мероприятий, закрытие многих учреждений и организаций, ограничение транспортного сообщения между государствами и регионами внутри страны. В статье на основе анализа прецедентной практики Европейского суда по правам человека обсуждаются проблемы совместимости данных ограничений с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Представляется, что большинство мер, ассоциируемых с локдауном, могут быть оправданы в соответствии с различными статьями Конвенции как предпринятые в целях предотвращения распространения коронавируса и защиты здоровья населения, при условии их законности, обоснованности, исходя из сложившейся эпидемиологической ситуации и соразмерности (не чрезмерности) установленных ограничений. Более того, реализация ряда таких мер может рассматриваться как выполнение государствами – участниками Конвенции своих позитивных обязательств по защите жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией.

Ключевые слова: права человека, пандемия COVID-19, локдаун, ограничение свободы, позитивные обязательства, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека.

Для цитирования: Варламова Н. В. Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской конвенции о защите прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 15–25. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-15-25.

Natalia V. Varlamova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

*Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-0968-3296. E-mail: varlam_n@list.ru

Lockdown as a response to the COVID-19 pandemic: analysis in the context of the European Convention on Human Rights

Annotation: During the COVID-19 pandemic public authorities have to implement a variety of measures to counter the spread of the disease, many of which involve human rights restrictions. One of the most common and at the same time sensitive way to respond to a pandemic is so-called lockdown. This term does not have a strict legal meaning; it covers a system of measures aimed at reducing social interactions between people. These measures include the requirement to maintain a “social distance” and not to leave home unless necessary, strict isolation for certain population groups, prohibition of various mass events and closure of many organizations, restriction of transport links between states and regions within the country. Based on the analysis of the case law of the European Court of Human Rights, the author discusses the problems of compatibility of these restrictions with the provisions of the Convention for the Protection of

Human Rights and Fundamental Freedoms. Most of these measures can be justified in accordance with the Convention if they are taken in order to prevent the spread of coronavirus and protect public health, if they are lawful and reasonable in the context of epidemiological situation and proportionality (not excessiveness). Moreover, the implementation these measures can be considered as the fulfilment of the positive obligations by the countries-members of the Convention to protect the lives of persons under their jurisdiction.

Keywords: human rights, COVID-19 pandemic, lockdown, restriction of freedom, positive obligations, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European Court of Human Rights

For citation: Varlamova N. V. Lockdown as a response to the COVID-19 pandemic: analysis in the context of the European Convention on Human Rights // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87) – P. 15–25. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-15-25.

Введение

Пандемия COVID-19 сегодня оказывает влияние на функционирование органов публичной власти практически всех государств мира, которые сталкиваются с серьёзными проблемами в связи с необходимостью противодействовать распространению заболевания. Для преодоления пандемии требуются исключительные меры, многие из которых сопряжены с ограничениями прав человека.

Одним из самых распространённых и вместе с тем наиболее обременительных способов реагирования на пандемию является так называемый локдаун. Данный термин не имеет строгого юридического значения. Под локдауном обычно понимается система мер, направленных на сокращение социальных взаимодействий между людьми и реализуемых прежде всего посредством ограничения их передвижения. Эти меры включают требования соблюдать «социальную дистанцию» (т. е. находиться на расстоянии не менее полутора–двух метров от других людей, за исключением совместно проживающих) и «оставаться дома» (т. е. покидать свое жилое помещение только в случае крайней необходимости – для поездок на работу, к врачу, похода в магазин, аптеку, выгула домашних животных и т. п.), а также запрет различных массовых мероприятий, закрытие школ, вузов, храмов, музеев, театров, ресторанов, кафе и т. п., иногда и вообще большинства предприятий, учреждений и организаций, ограничение транспортного сообщения между государствами и регионами внутри страны. Для определённых категорий лиц могут предусматриваться и более строгие ограничения – полная изоляция для носителей коронавируса и контактировавших с ними, а также лиц из особых групп риска (старше 65 лет, страдающих хроническими заболеваниями, прибывших из-за рубежа или из других регионов и т. п.). Локдаун сопряжён с предоставлением полиции дополнительных полномочий по контролю за перемещением людей (в том числе с использованием цифровых технологий) и установлением санкций (в виде штрафов или более строгого режима изоляции) за нарушение введённых запретов. С теми или иными модификациями подобные меры были введены едва ли не во всех странах, как правило, в рамках тех или иных специальных режимов (чрезвычайно-

го и т. п. положения)¹, допускающих отступление от конституционных гарантий прав человека².

Очевидно, что многие из этих требований и запретов вызывают вопросы относительно их совместимости с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод³, обязательствами, которыми связаны подавляющее большинство стран Европы, в том числе и Россия. Ответы на данные вопросы могут быть только вероятностными, поскольку Европейскому суду по правам человека еще не приходилось в своей практике сталкиваться с подобными ограничениями, вводимыми в целях борьбы с пандемией, а нынешние меры в случае их оспаривания станут предметом рассмотрения Суда только спустя несколько лет [3]. Сегодня на основе анализа решений Европейского суда по делам, где поднимались схожие проблемы, можно лишь предположить, какую оценку он бы дал тем или иным мерам, предпринимаемым в рамках локдауна. Такой анализ представляет не только теоретический, но и практический интерес, в частности, для решения вопроса о необходимости отступления от обязательств в соответствии с Конвенцией на основании её ст. 15. Хотя сегодня многие государства уже избрали свою стратегию в отношении дерогации, аналогичные проблемы, к сожалению, возможны и в будущем. Исследователи полагают, что в эпоху изменения климата мир будет сталкиваться с чрезвычайными ситуациями, порождаемыми не только внешней опасностью или внутренними беспорядками, но и эпидемиями и стихийными бедствиями – ураганами, засухами, наводнениями и т. п. [2].

¹ См., например: О введении режима повышенной готовности : Указ мэра Москвы от 5 марта 2020 года № 12-УМ // Российская газета. 2020, 5 марта; О внесении изменений в указ мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ : указ мэра Москвы от 2 апреля 2020 года № 36-УМ // Российская газета, 2 апреля; Coronavirus Act 2020 // Legislation.gov.uk. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/7/schedule/16/enacted> (дата обращения: 25.06.2020); LOI n° 2020-290 du 23 mars 2020 d'urgence pour faire face à l'épidémie de covid-19 // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000041746313&fastPos=2&fastReqId=2119309547&categorieLien=id&oldAction=rechTexte> (дата обращения: 25.06.2020).

² По подсчётам исследователей конституции, более 90 % всех государств мира предусматривают возможность объявления чрезвычайного положения [1; 2].

Локдаун как ограничение свободы

Специалисты обсуждают, не нарушают ли меры по социальной изоляции, предпринятые с целью ограничения распространения COVID-19, положения ст. 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность) [4; 5]. Любое лишение человека свободы должно подпадать под перечень допустимых оснований, предусмотренных данной статьёй. Таким основанием в данном случае является «законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний» (п. 1(e) ст. 5 Конвенции). Здесь просматривается по меньшей мере две проблемы: во-первых, какие меры социальной изоляции могут считаться «лишением свободы» в смысле ст. 5 Конвенции и, соответственно, потенциально её нарушать; во-вторых, какие категории лиц могут быть лишены свободы с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний.

Согласно устоявшейся практике Европейского суда, в ст. 5 Конвенции речь идет о физической свободе человека, и она запрещает произвольное лишение свободы⁴. Вместе с тем ст. 5 не предоставляет защиты от посягательств на свободу передвижения, которая гарантируется ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции от 16 сентября 1963 г.⁵ Несомненно, понятия «свобода» и «личная неприкосновенность» имеют более широкое значение, однако в иных своих аспектах они защищаются в рамках других статей Конвенции: ст. 2 (право на жизнь), 3 (запрещение пыток), 4 (запрещение рабства и принудительного труда), 8 (право на уважение частной и семейной жизни), 9 (свобода мысли, совести и религии), 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний и объединений) и 3 (запрещение высылки граждан), 4 (запрещение коллективной высылки иностранцев) Протокола № 4 к Конвенции.

³ СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

⁴ ECtHR. *Lawless v. Ireland* (No. 3). Application no. 332/57. Judgment of 1 July 1961. Series A. No. 3. Para. 14 (the law); *Engel and Others v. the Netherlands*. Applications no. 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72, 5370/72. Judgment of 8 June 1976. Series A. No. 22. Para. 58; *Bozano v. France*. Application no. 9990/82. Judgment of 18 December 1986. Series A. No. 111. Para. 54; *Amuur v. France*. Application no. 19776/92. Judgment of 25 June 1996. Reports. 1996-III. Para. 42; *Riera Blume and Others v. Spain*. Application no. 37680/97. Judgment of 12 October 1999. Para. 28.

⁵ ECtHR. *Engel and Others v. the Netherlands*. Applications no. 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72, 5370/72. Judgment of 8 June 1976. Series A. No. 22. Para. 58; *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Para. 92; *Ashingdane v. the United Kingdom*. Application no. 8225/78. Judgment of 28 May 1985. Series A. No. 93. Para. 41; *Amuur v. France*. Application no. 19776/92. Judgment of 25 June 1996. Reports. 1996-III. Para. 42; *Riera Blume and Others v. Spain*. Application no. 37680/97. Judgment of 12 October 1999. Para. 28; *H.M. v. Switzerland*. Application no. 39187/98. Judgment of 26 February 2002. Para. 40.

Статья 5 Конвенции применяется, если имело место «лишение свободы». Это далеко не всегда является очевидным. Вне всяких сомнений, лишением свободы признается принудительное по решению представителей власти «задержание», «заключение под стражу», «арест», «содержание под стражей». Все эти термины, используемые в ст. 5, по сути равнозначны и подразумевают соответствующие меры независимо от того, как они обозначаются в национальном законодательстве. Вопрос о том, какие меры социальной изоляции, предпринимаемые в связи с пандемией, могут рассматриваться как лишение свободы, довольно сложен. Европейский суд ранее не сталкивался с оспариванием таких ограничений. Его практика по применению п. 1(e) ст. 5 представлена лишь одним делом⁶. Однако применительно к другим категориям дел Судом был сформулирован целый ряд правовых позиций как общего, так и частного характера, которые некоторым образом применимы к мерам социальной изоляции и позволяют предположить, как они могли бы быть расценены Судом в случае их оспаривания.

При решении вопроса о том, был ли человек «лишён свободы» в смысле ст. 5 Конвенции, Европейский суд исходит из конкретного положения, в котором находится лицо, и принимает во внимание тип, продолжительность, последствия и способ осуществления рассматриваемых мер. При этом, по мнению Суда, разница между лишением свободы и ограничением свободы заключается только в степени или интенсивности соответствующей меры, а не в её характере или сущности⁷. При определении характера ограничений мер их нужно рассматривать «в целом и в совокупности»⁸, что позволяет учитывать конкретный контекст их применения⁹.

⁶ ECtHR. *Enhorn v. Sweden*. Application no. 56529/00. Judgment of 25 January 2005.

⁷ ECtHR. *Engel and Others v. the Netherlands*. Applications no. 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72, 5370/72. Judgment of 8 June 1976. Series A. No. 22. Para. 58; *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Paras. 92–93; *Ashingdane v. the United Kingdom*. Application no. 8225/78. Judgment of 28 May 1985. Series A. No. 93. Paras. 41–42; *Nielsen v. Denmark*. Application no. 10929/84. Judgment of 28 November 1988. Series A. No. 144. Para. 67; *Amuur v. France*. Application no. 19776/92. Judgment of 25 June 1996. Reports. 1996-III. Para. 42; *Riera Blume and Others v. Spain*. Application no. 37680/97. Judgment of 12 October 1999. Para. 28; *H.M. v. Switzerland*. Application no. 39187/98. Judgment of 26 February 2002. Para. 42; *Medvedyev and Others v. France* [GC]. Application no. 3394/03. Judgment of 29 March 2010. Para. 73; *Stanev v. Bulgaria* [GC]. Application no. 36760/06. Judgment of 17 January 2012. Para. 115; *Austin and Others v. the United Kingdom* [GC]. Applications no. 39692/09, 40713/09, 41008/09. Judgment of 15 March 2012. Para. 57; *Nada v. Switzerland* [GC]. Application no. 10593/08. Judgment of 12 September 2012. Para. 225; *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Paras. 80–81.

⁸ ECtHR. *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Paras. 95; *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Para. 80.

⁹ ECtHR. *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Para. 81.

В некоторых пограничных случаях провести такое различие Суду довольно сложно¹⁰, и он формирует свое мнение в результате глубокого анализа фактических обстоятельств дела¹¹.

В практике Европейского суда (и Европейской комиссии по правам человека) лишением свободы признавались, в частности:

– изоляция жителей Кипра по приказу турецких оккупационных военных властей (при этом введение комендантского часа не было расценено как лишение свободы)¹²;

– домашний арест¹³;

– удержание лиц, ищущих убежища, в транзитной зоне аэропорта в течение 20 дней (с учётом того, что им в этот период не предоставлялась никакая-либо юридическая и социальная помощь в связи с обращением за статусом беженцев)¹⁴;

– принудительное содержание в течение десяти дней в гостинице родственниками под надзором специально привлеченных для этого лиц (не полиции) по указанию и с ведома властей¹⁵;

– помещение в вытрезвительный центр¹⁶;

– содержание на основании судебных приказов в специальном центре для несовершеннолетних, где обеспечивался режим безопасности (охраны), равносильный режиму среднего или высокого уровня безопасности (охраны) в тюрьмах для взрослых правонарушителей¹⁷;

– принудительное помещение ВИЧ-инфицированного лица в больничный изолятор и содержание в нем в общей сложности в течение полутора лет (решения суда о содержании в изоляторе постоянно продлевались, и общий срок пребывания в нём должен был бы соста-

вить семь лет, но заявитель несколько раз совершал побеги из больницы и реально был лишён свободы полтора года)¹⁸.

Европейский суд исходит из того, что лишение свободы может нарушать ст. 5 Конвенции, несмотря на согласие лица с этой мерой¹⁹.

Одновременно Европейский суд отказался квалифицировать как лишение свободы:

– содержание 12-летнего ребёнка, не страдающего психическим заболеванием, в течение пяти с половиной месяцев в детском психиатрическом отделении государственной больницы по решению его матери, принятому по совету семейного врача и врача-психиатра (ребёнку было необходимо лечение в связи с его нервным состоянием; ограничения, которым подвергался ребёнок, были аналогичны существующим в обычной больнице: получив разрешение, он мог покидать отделение (в сопровождении персонала) для посещения, например, библиотеки, спортивной площадки, музеев, а также видеться с родителями и школьными друзьями; к концу пребывания в больнице он снова стал ходить в школу)²⁰;

– принудительное помещение в дом престарелых в связи с необходимостью постоянного лечения и ухода (в данном случае заявительница не содержалась в закрытой палате, пользовалась полной свободой передвижения и могла поддерживать социальные контакты с внешним миром)²¹.

В обоих этих делах были заявлены особые мнения судей, не согласившихся с решением большинства. В деле Нильсен против Дании Комиссия по правам человека, предварительно рассматривавшая жалобу, пришла к выводу, что в данном случае имело место лишение свободы²². Суд не согласился с позицией Комиссии. Решение Суда было принято девятью голосами против семи. Судьи, оставшиеся в меньшинстве, полагали, что специфические условия (конфликт между родителями по поводу права опеки над ребёнком), при которых ребёнок, не страдающий психическим заболеванием, вопреки своей воле был помещен в психиатрическое отделение больницы, продолжительность и характер его содержания там образуют лишение свободы в смысле ст. 5 Конвенции (совместное особое мнение судей Т. Вильямсона, Л. Э. Петтити, К. Руссо, А. Шпильмана, Ж. Де Мейера, Х. А. Карильо Салседо, Н. Валтикоса).

В деле Х.М. против Швейцарии судья Г. Йорундссон полагал, что заявительница под-

¹⁰ ECtHR. *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Para. 93.

¹¹ Eur. Commission H.R. Application 7341/76. *Eggs v. Switzerland*. Decision of 11 December 1976. DR. 1977. No. 6. P. 170–179.

¹² Eur. Commission H.R. *Cyprus v. Turkey*, Report of 10 July 1976. Paras. 235, 286.

¹³ ECtHR. *Giulia Manzoni v. Italy*. Application no. 19218/91 Judgment of 1 July 1997. Reports. 1997-IV. Para. 22; *N.C. v. Italy*. Application no. 24952/94. Judgment of 11 January 2001. Para. 33; *Mancini v. Italy*. Application no. 44955/98. Judgment of 2 August 2001. Para. 17; *Lavents v. Latvia*, Application no. 58442/00. Judgment of 28 November 2002. Paras. 64–66; *Nikolova v. Bulgaria* (№ 2). Application no. 40896/98. Judgment of 30 September 2004. Paras. 60, 74; *Danov v. Bulgaria* Application no. 56796/00. Judgment of 26 October 2006. Paras. 61, 80; *Ciobanu v. Romania and Italy*. Application no. 4509/08. Judgment of 9 July 2013. Para. 22; *Ninescu v. Republic of Moldova*. Application no. 47306/07. Judgment of 15 July 2014. Para. 53; *Delijorgji v. Albania*, Application no. 6858/11. Judgment of 28 April 2015. Para. 75; *Buzadji v. Republic of Moldova* [GC]. Application no. 23755/07. Judgment of 5 July 2016. Para.104; *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Para. 87.

¹⁴ ECtHR. *Amuur v. France*. Application no. 19776/92. Judgment of 25 June 1996. Reports. 1996-III. Paras. 43–49.

¹⁵ ECtHR. *Riera Blume and Others v. Spain*. Application no. 37680/97. Judgment of 12 October 1999. Paras. 29–30.

¹⁶ ECtHR. *Witold Litwa v. Poland*. Application no. 26629/95. Judgment of 4 April 2000. Para. 46.

¹⁷ ECtHR. *Suzie Koniarska v. the United Kingdom*. Application 33670/96. Decision of 12 October 2000. Para. 1.

¹⁸ ECtHR. *Enhorn v. Sweden*. Application no. 56529/00. Judgment of 25 January 2005. Paras. 31–33, 47.

¹⁹ ECtHR. *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*. Applications no. 2832/66, 2835/66, 2899/66. Judgment of 18 June 1971. Series A. No. 12. Para. 65.

²⁰ ECtHR. *Nielsen v. Denmark*. Application no. 10929/84. Judgment of 28 November 1988. Series A. No. 144. Paras. 70, 72–73.

²¹ Eur. Court H.R. *H.M. v. Switzerland*. Application no. 39187/98. Judgment of 26 February 2002. Paras. 44–49.

²² Eur. Court H.R. *Nielsen v. Denmark*. Application no. 10929/84. Judgment of 28 November 1988. Series A. No. 144. Para. 71.

верглась лишению свободы. Он отметил, что именно так данная мера квалифицировалась во внутреннем законодательстве и решениях национальных властей, принятых в отношении г-жи Х. М. Его позицию поддержал судья Л. Лукайде. Тот факт, что г-жа Х. М. находилась в открытой палате, пользовалась свободой передвижения и могла поддерживать социальные контакты с внешним миром, отметил он, не меняет реальности и строгости ограничительного режима, в котором она содержалась. Заключённым в тюрьмах и иных местах содержания под стражей, что представляет собой типичные случаи лишения свободы в смысле ст. 5 Конвенции, также могут быть разрешены свободное передвижение в пределах определённого пространства и контакты с внешним миром посредством телефонных разговоров, писем и приёма посетителей, предоставлена возможность при определённых условиях выезжать за пределы тюрьмы. Однако они, несомненно, «лишены свободы», поскольку, как и заявительница по данному делу, не могут покидать место содержания в любое время по их усмотрению и отправляться, куда они пожелают.

При обсуждении вопроса о том, могут ли те или иные меры социальной изоляции в рамках локдауна быть равнозначны лишению свободы, полезно обратиться к позициям, выраженным Европейским судом в серии дел относительно совместимости с Конвенцией мер пресечения, сопряжённых с целым рядом серьёзных ограничений личной свободы и налагаемых в Италии на лиц, подозреваемых в причастности к преступной деятельности.

В знаменитом деле Гуццарди против Италии Европейский суд рассматривал жалобу заявителя, которому в связи с подозрением в принадлежности к мафиозным организациям в качестве превентивной меры было предписано проживать на небольшом острове Азинара под надзором полиции. Государство-ответчик, оспаривая применимость ст. 5 Конвенции, утверждало, что условия принудительного проживания на острове существенным образом отличаются от положения заключённых в тюрьмах. Заявитель был обязан жить в селении Кала-Реале площадью менее двух с половиной километров, но очень многие населенные пункты в Италии и в других странах имеют примерно такую же площадь. Ему запрещалось покидать свое жилище только в ночное время, а днем он мог это делать свободно. Почти все время (в течение 14 месяцев из 16), с ним жили его жена и сын, уважались неприкосновенность его жилища и семейной жизни. Г-н Гуццарди мог общаться с людьми в селении, где жил; получив разрешение, выезжать на Сардинию или на материк; сообщив карабинерам фамилию и номер своего абонента, пользоваться телефонной связью; его переписка не контролировалась²³.

Европейский суд отметил, что сами по себе оспариваемые меры не подпадают под сферу

действия ст. 5 Конвенции, но способ их осуществления может привести к тому, что в результате они окажутся «лишением свободы». Именно этот вопрос и был его предметом рассмотрения в данном деле²⁴.

Европейский суд учёл, что г-н Гуццарди мог свободно передвигаться в пределах небольшой территории острова, доступ на который был затруднён, а девять десятых его территории занимала тюрьма. Он жил вместе с другими поднадзорными лицами и полицейскими в той части селения Кала-Реале, где находились обветшавшие здания медицинского учреждения, участок карабинеров, школа и часовня. Практически всё свободное население острова проживало в селении Кала-д'Олива, посещать которое заявитель не мог. Таким образом, г-н Гуццарди был практически лишён возможности поддерживать социальные контакты со свободными людьми, кроме жены и сына. Надзор за ним осуществлялся строго и практически постоянно: он не мог покидать свое жилище с 22 до 7 часов без предварительного уведомления; должен был дважды в день отмечаться в органах, осуществляющих надзор; сообщать фамилию и номер своего абонента, когда хотел позвонить по телефону; для выезда с острова требовалось специальное разрешение (такие поездки были редкими и проходили под строгим надзором карабинеров). За невыполнение любой из возложенных на него обязанностей заявитель подлежал аресту.

Каждая из данных мер, взятая в отдельности, не образует «лишение свободы», но в своей совокупности они порождают обращение, подпадающее под действие ст. 5 Конвенции, которое может быть уподоблено заключению в открытой тюрьме или пребыванию в дисциплинарном подразделении. С учётом всех этих обстоятельств Европейский суд пришел к выводу, что в данном случае имело место лишение свободы в смысле ст. 5 Конвенции²⁵.

Решение Суда по данному вопросу было принято одиннадцатью голосами против семи. Судьи, оставшиеся в меньшинстве, полагали, что условия принудительного проживания г-на Гуццарди на Азинаре не образуют «лишение свободы» в смысле ст. 5 Конвенции, а должны рассматриваться как ограничение свободы передвижения и выбора места жительства, гарантированной ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции, который Италия тогда не ратифицировала (особое мнение судьи М. Зекиа, особое мнение судьи сэра Дж. Фицмориса, особое мнение судьи Д. Биндшедлер-Роберта, совместное особое мнение судей П. А. Тетжена и Э. Гарсиа Де Энтерриа, частично особое мнение судьи Ф. Матшера, особое мнение судьи Ж. де Д. Пинейро Фариньи).

В дальнейшем Европейский суд отошел от данной позиции и стал рассматривать применяемые в Италии меры полицейского надзора, предполагающие обязательства проживать в

²³ ECtHR. *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Para. 91.

²⁴ ECtHR. *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Para. 94.

²⁵ ECtHR. *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Para. 95.

определённом населённом пункте, не выходить из дома в ночное время, не хранить и не носить с собой оружие, не пользоваться мобильными телефонами и электронными средствами связи, не посещать бары, развлекательные центры, публичные дома, публичные мероприятия, вести честный и добропорядочный образ жизни, не давать повода для возникновения подозрений, не общаться с ранее судимыми лицами и теми, в отношении кого избраны меры пресечения, в контексте ст. 2 (свобода передвижения) Протокола № 4 к Конвенции (то, что данные меры представляют собой вмешательство в свободу передвижения, у Суда не вызывает сомнения)²⁶. Обстоятельства данных дел отличались от дела Гуццарди лишь тем, что во всех этих случаях заявителям было предписано проживать в населённых пунктах большей площадью с обычным составом населения и учреждений. Исходя из этого, Суд признал, что заявителей не заставляли жить на огороженной территории²⁷ и не лишали возможности поддерживать социальные контакты²⁸. Запрет покидать дом с 22.00 до 6.00 он не счёл равнозначным домашнему аресту²⁹.

В деле Де Томмазо против Италии судьи А. Шайо, П. П. де Альбукерке, Э. Курис выразили несогласие с позицией большинства. По их мнению, оспариваемые меры столь сильно затрагивают жизнь человека, что они «в целом и в совокупности» должны быть приравнены к лишению свободы. Судья Э. Курис предположил, что изменение позиции Европейского суда было связано с тем, что Италия ратифицировала Протокол № 4 к Конвенции, и защита прав лиц, подвергшихся такому превентивному полицейскому надзору, может осуществляться на основании его ст. 2. Однако в связи с этим Э. Курис справедливо обращал внимание на то, что данный Протокол до сих пор не ратифицировали Греция, Соединенное Королевство, Турция и Швейцария. Будут ли соответствующие меры, если они реализованы в этих странах, рассматриваться как лишение свободы в смысле ст. 5 или в рамках Конвенции они вообще не могут быть оспорены? В условиях пандемии COVID-19 данный вопрос становится особенно актуальным.

Можно предположить, что меры социальной изоляции, заключающиеся в принудительном помещении на карантин в больницу или другое специальное учреждение, а также

строгая изоляция дома, сопряжённая с полным запретом покидать данное помещение, отслеживанием возможных нарушений с помощью специальных технологий (по сути, аналогичная домашнему аресту), с большой долей вероятности будут признаны Европейским судом лишением свободы в смысле ст. 5 Конвенции. В данном случае возникает вопрос, могут ли они быть оправданы на основании п. 1(е) ст. 5 как «законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний»?

В уже упоминавшемся деле Энхорн против Швеции принудительное помещение в больничный изолятор было применено к ВИЧ-положительному лицу, которое потенциально являлось источником заражения и таким образом представляло угрозу для здоровья других людей. Исследователи выражают сомнение в том, что на основании п. 1(е) ст. 5 возможно лишение свободы лиц, не инфицированных COVID-19 (или тех, в отношении которых это достоверно неизвестно) – лиц старше 65 лет, лиц, контактировавших с заболевшими или прибывших из стран (регионов) с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией. Если допустить такую возможность, то окажется, что это единственный случай, когда ст. 5 Конвенции позволяет лишать свободы людей, не относящихся к определенной категории, в связи с их поведением (совершение преступления (п. 1(а)) или наличие обоснованных подозрений в этом (п. 1(с)), неисполнение обязательства, предписанного законом (п. 1(б)), незаконный въезд в страну или пребывание в стране (п. 1(ф)) или состоянием (несовершеннолетние, нуждающиеся в воспитательном надзоре (п. 1(д)), душевнобольные, алкоголики, наркоманы, бродяги (п. 1(е)), а просто исходя из социальной (эпидемиологической) целесообразности [5].

В аутентичных текстах Конвенции на английском и французском языках первая фраза п. 1(е) ст. 5 сформулирована немного по-разному, что дает основание для диаметрально противоположных выводов. Французский текст (*“s’il s’agit de la détention régulière d’une personne susceptible de propager une maladie contagieuse”*) допускает законное задержание «лица, которое может распространять заразную болезнь», а английский (*“the lawful detention of persons for the prevention of the spreading of infectious diseases”*) – «лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний». В английском тексте (перевод ст. 5 Конвенции на русский язык в данном случае ориентирован на английский текст) первая фраза п. 1(е) ст. 5 Конвенции (в отличие от всех других) сформулирована таким образом, что допускает лишение свободы неопределённых категорий лиц, а в определённых целях – предотвращения распространения инфекционных заболеваний, что предполагает наложение ограничений (равнозначных лишению свободы) и на фактически или предположительно здоровых людей. Толкование, следующее из данной формулировки, может рассматриваться как предпочтительное в связи с теми целями ли-

²⁶ ECtHR. *Raimondo v. Italy*. Application no. 12954/87. Judgment of 22 February 1994. Series A. № 281. Para. 39; *Vito Sante Santoro v. Italy*. Application no. 36681/97. Judgment of 1 October 2004. Para. 37; *Villa v. Italy*. Application no. 19675/06. Judgment of 20 April 2010. Paras. 41–43; *S.M. v. Italy*. Application no. 18675/09. Decision of 8 October 2013. Paras. 21–23; *Labita v. Italy*[GC]. Application no. 26772/95. Judgment of 6 April 2000. Para. 193; *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Paras. 79–91.

²⁷ Следует отметить, что территория, на которой проживал г-н Гуццарди, также не была огорожена.

²⁸ ECtHR. *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Para. 85.

²⁹ ECtHR. *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Paras. 86–87.

шения свободы, которые, по мнению Европейского суда, заложены в п. 1(e) ст. 5 Конвенции [4]. В целом ряде решений Суд подчеркивал, что в п. 1(e) ст. 5 речь идёт о социально неприспособленных лицах. Все перечисленные в нем категории людей могут быть лишены свободы как в целях оказания им медицинской помощи, так и по соображениям, продиктованным социальной политикой, либо одновременно и по медицинским, и по социальным основаниям. Таким образом, Конвенция допускает лишение свободы лиц, указанных в п. 1(e) статьи 5, не только в связи с тем, что они представляют угрозу для общества, но и в их собственных интересах³⁰.

Исходя из таких установок, в рамках п. 1(e) статьи 5 Конвенции может быть оправдано лишение свободы как лиц, контактировавших с заболевшими коронавирусом или прибывших из эпидемиологически неблагополучных регионов, которые могут считаться потенциально опасными возможными носителями вируса, так и лиц старше 65 лет или страдающих серьёзными заболеваниями в целях их собственной безопасности, поскольку заболевание представляет угрозу для их жизни. Пандемия COVID-19 наглядно демонстрирует целесообразность именно такого «прочтения» первой фразы п. 1(e) статьи 5 Конвенции, но именно в условиях чрезвычайной ситуации, обусловленной эпидемиологической обстановкой, а не в обычных условиях.

В деле Энхорн против Швеции Европейский суд указал как на общие, так и на специальные, применительно к предотвращению распространения инфекционных заболеваний, условия, при которых лишение свободы может считаться законным в смысле Конвенции. Выражения «законный» и «в соответствии с процедурой, установленной законом», используемые в п. 1 ст. 5, отметил Суд, отсылают к национальному законодательству и предполагают обязанность соблюдать его материальные и процессуальные нормы. В случае лишения свободы особенно важно, чтобы соблюдался общий принцип правовой определённости. Условия лишения свободы должны быть четко определены в национальном законодательстве, законы – быть доступными для ознакомления, а их положения сформулированы таким образом, чтобы человек, при необходимости получив соответствующую консультацию, мог в разумных пределах предвидеть, какие последствия может повлечь его поведение. Существенным элементом «законности» лишения свободы в смысле п. 1(e) ст. 5 является отсутствие произвола при реализации соответствующих мер. Наконец, лишение свободы как крайне серьёзная мера оправдано, только если были рассмотрены иные менее суровые меры и они признаны недостаточными для защиты других лиц или пу-

бличного интереса. Лишение свободы должно не просто соответствовать национальному законодательству, но быть необходимым в конкретных обстоятельствах в соответствии с принципом соразмерности³¹.

При оценке «законности» содержания под стражей «для предотвращения распространения инфекционных заболеваний» Европейский суд считает необходимым руководствоваться двумя критериями: представляется ли распространение инфекционного заболевания угрозой для здоровья населения и общественной безопасности; и является ли лишение свободы инфицированного человека последним средством предотвращения распространения болезни при условии, что рассматривался вопрос о применении менее суровых мер, но они были признаны недостаточными для защиты публичного интереса. Когда эти требования не выполняются, основания для лишения свободы отсутствуют³².

В конкретных обстоятельствах дела Энхорна Европейский суд пришёл к выводу, что принудительная изоляция заявителя не была «последним средством» для предотвращения распространения ВИЧ, поскольку не рассматривалась возможность применения менее жёстких мер. Кроме того, Суд счёл, что продление в течение почти семи лет приказа об обязательной изоляции заявителя, в результате чего он принудительно содержался в больнице почти полтора года, нарушает справедливый баланс между необходимостью обеспечить защиту от распространения ВИЧ и правом заявителя на свободу³³.

³¹ ECtHR. *Enhorn v. Sweden*. Application no. 56529/00. Judgment of 25 January 2005. Para. 36. Ранее данные правовые позиции ранее были выражены в целом ряде дел, в частности, Европейский суд сослался на следующие свои решения: ECtHR. *Varbanov v. Bulgaria*. Application no. 31365/96. Judgment of 5 October 2000. Para. 51; *Amann v. Switzerland* [GC], Application no. 27798/95. Judgment of 16 February 2000. Para. 50; *Steel and Others v. the United Kingdom*. Application no. 24838/94. Judgment of 23 September 1998. Para. 54; *Amuur v. France*. Application no. 19776/92. Judgment of 25 June 1996. Para. 50; *Hilda Hafsteinsdóttir v. Iceland*. Application no. 40905/98. Judgment of 8 June 2004. Para. 51; *Chahal v. the United Kingdom*. Application no. 22414/93. Judgment of 15 November 1996. Para. 118; *Witold Litwa v. Poland*. Application no. 26629/95. Judgment of 4 April 2000. Para. 78; *Vasileva v. Denmark*, Application no. 52792/99. Judgment of 25 September 2003. Para. 41.

³² ECtHR. *Enhorn v. Sweden*. Application no. 56529/00. Judgment of 25 January 2005. Para. 44. Поскольку Европейский суд ранее не рассматривал дела о лишении свободы «в целях предотвращения распространения инфекционных заболеваний», он выработывал критерии оценки его соответствия принципу соразмерности и требованию отсутствия произвола, основываясь *mutatis mutandis* на своих правовых позициях, сформулированных применительно к другим категориям лиц, указанных в п. 1(e) статьи 5 Конвенции, в частности, душевнобольным и алкоголикам (paras. 41–42). Таким образом, предпринятый ранее анализ итальянских дел, связанных с применением мер превентивного полицейского надзора, для оценки возможности квалификации как лишения свободы ограничений, установленных в рамках локдауна, представляется вполне оправданным.

³³ ECtHR. *Enhorn v. Sweden*. Application no. 56529/00. Judgment of 25 January 2005. Para. 55.

³⁰ См.: ECtHR. *Guzzardi v. Italy*. Application no. 7367/76. Judgment of 6 November 1980. Series A. No. 39. Para. 98; *Witold Litwa v. Poland*. Application no. 26629/95. Judgment of 4 April 2000. Para. 60; *Suzie Koniarska v. the United Kingdom*. Application 33670/96. Decision of 12 October 2000. Para. 1; *Enhorn v. Sweden*. Application no. 56529/00. Judgment of 25 January 2005. Para. 43.

Таким образом, можно предположить, что в условиях пандемии COVID-19 помещение на карантин в больницу или иное специальное учреждение будет допустимым в рамках ст. 5 Конвенции при условии невозможности домашней изоляции (например, когда лицу нельзя выделить отдельное помещение (комнату) и есть риск заражения членов его семьи), а также при нарушении им режима домашней изоляции.

Наконец, Конвенция гарантирует право на судебное оспаривание лишения свободы (п. 4 ст. 5), а внутреннее законодательство, которым оно предусматривается, должно отвечать приведённым выше требованиям правовой определённости.

Могут ли считаться «лишением свободы» иные менее строгие меры в рамках локдауна, образующие требование «оставаться дома», такие как разрешение покидать жилое помещение только для похода в ближайший магазин и аптеку, поездки на работу (если деятельность предприятия или организации не приостановлена) и осуществление контроля передвижений, оспаривается спорным. Некоторые исследователи полагают, что такие ограничения не позволяют людям «поддерживать социальные контакты»³⁴ и потому равнозначны лишению свободы [4].

Отдельные меры, предпринимаемые в рамках локдауна, могут вступать в противоречие и с другими статьями Конвенции, в частности, затруднённый контакт детей с родителями, проживающими отдельно, как и вообще контактов между раздельно проживающими родственниками – ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни)³⁵, закрытие храмов – ст. 9 (свобода религии), запрет массовых мероприятий – ст. 11 (свобода собраний). Все эти статьи допускают предусмотренные законом и соразмерные ограничения гарантируемых прав в целях охраны здоровья.

Локдаун и позитивные обязательства государств в соответствии с Конвенцией

Исследователи полагают, что осуществление ряда мер, образующих локдаун, можно рассматривать как выполнение государством своих позитивных обязательств по защите жизни в рамках ст. 2 Конвенции [6]³⁶. Для этого есть ос-

³⁴ ECtHR. *De Tommaso v. Italy* [GC]. Application no. 43395/09. Judgment of 23 February 2017. Para. 85.

³⁵ В одном из дел Европейский суд не установил нарушения ст. 8 Конвенции в связи с невозможностью усыновителя, ограниченного в родительских правах, посещать ребёнка, помещённого в детский дом, в период установленного там карантина по гриппу. При этом Суд учёл, что карантин не был необоснованно длительным (два месяца), и ребёнка можно было видеть и общаться с ним через застеклённое окно (ECtHR. *Kuimov v. Russia*. Application no. 32147/04. Judgment of 8 January 2009. Paras. 103–104). Очевидно, что и в условиях ограничительных мер, обусловленных пандемией, имеются многочисленные возможности общаться с родственниками и вообще поддерживать социальные контакты с использованием современных средств связи.

³⁶ Европейский суд выводит из Конвенции как негативные (не допускать нарушения её положений органами и лицами, наделёнными публично-властными полномочиями), так и позитивные (предпринимать необходимые действия, направленные на предотвращение нарушений прав человека) обязательства государств-участников [7, p. 97].

нования. Европейский суд исходит из того, что государство обязано принимать необходимые превентивные оперативные меры для защиты лиц, жизни которых угрожает опасность³⁷. Аналогичной позиции придерживается и Комитет ООН по правам человека. В Замечании общего порядка № 36 относительно обязательств государств по обеспечению права на жизнь, гарантированного ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах³⁸, он указал среди прочего, что государствам следует принимать соответствующие меры для преодоления тех социальных условий, которые могут создавать прямые угрозы жизни. К ним, в частности, Комитет отнёс распространение опасных для жизни заболеваний. В целях защиты права на жизнь Комитет призвал государства в том числе обеспечивать безотлагательный доступ людей к медицинскому обслуживанию и санитарным услугам, укреплять службы по оказанию эффективной неотложной медицинской помощи, разрабатывать, когда это необходимо, планы действий в чрезвычайных ситуациях, направленные на снижение риска бедствий и ликвидацию их последствий (п. 26).

Позитивные обязательства государств в соответствии с Конвенцией разнообразны. Они могут заключаться в осуществлении правового регулирования, необходимого для защиты прав и свобод человека³⁹; проведении необходимых мероприятий по предотвращению нарушений Конвенции со стороны государственных органов и должностных лиц и надлежащем расследовании жалоб и обращений в связи с допущенными (по мнению заявителей) нарушениями⁴⁰, с защитой прав и свобод человека от нарушений

³⁷ ECtHR. *Osman v. the United Kingdom* [GC]. Application no. 23452/94. Judgment of 28 October 1998. Para. 115; *Kontrová v. Slovakia*. Application no. 7510/04. Judgment of 31 May 2007. Para. 49.

³⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 36. Статья 6: право на жизнь. 3 сентября 2019 г. CCPR/C/GC/36 // United Nations. Human Rights. Office of the High Commissioner. UN Treaty Body Database. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2F36%2F36&Lang=en (дата обращения 30.06.2020).

³⁹ ECtHR. *Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium*. Application no. 9267/81. Judgment of 2 March 1987. Series A. No. 113. Para. 50; *Osman v. the United Kingdom*. Application no. 23452/94. Judgment of 28 October 1998. Para. 115; *Siliadin v. France*. Application no. 73316/01 Judgment of 26 July 2005. Paras. 89, 112; *Rantsev v. Cyprus and Russia*. Application no. 25965/04. Judgment of 7 January 2010. Paras. 284–285, 290–293; *Danilenkov and Others v. Russia*. Application no. 67336/01. Judgment of 30 July 2009. Paras. 131–136.

⁴⁰ ECtHR. *McCann and Others v. the United Kingdom*. Application no. 18984/91. Judgment of 27 September 1995. Series A. No. 324. Para. 161; *Ribitsch v. Austria*. Application no. 18896/91. Judgment of 4 December 1995. Series A. No. 336. Para. 34; *Aksoy v. Turkey*. Application no. 21987/93. Judgment of 18 December 1996. Reports. 1996-VI. Paras. 56, 61, 97–100; *Kaya v. Turkey*. Application no. 22729/93. Judgment of 19 February 1998. Reports. 1998-I. Paras. 86, 87, 91, 92; *Kurt v. Turkey*. Application no. 24276/94. Judgment of 25 May 1998. Reports. 1998-III. Paras. 123–129, 130–134, 140–142; *Assenov and Others v. Bulgaria*. Application no.

со стороны частных лиц⁴¹. Эти обязательства обычно возлагаются на государство в совокупности⁴².

К мерам, образующим локдаун, будут применяться общие условия реализации государствами своих позитивных обязательств в соответствии с Конвенцией. Европейский суд стремится не возлагать на государства «неисполнимые или несоразмерные обременения»⁴³, при этом действия, осуществляемые в рамках позитивных обязательств, должны быть «разумными» и «адекватными» (эффективными на практике)⁴⁴, а также исключаящими дискриминацию⁴⁵.

В условиях пандемии актуализируются позитивные обязательства, требующие от государства оказания частным лицам определённых социальных услуг, необходимых для реального осуществления гарантируемых Конвенцией прав и свобод. Конвенция непосредственно социальные права не гарантирует, однако Европейский суд допускает такое толкование ее положений, когда за государствами признаются некоторые обязательства социально-экономического характера⁴⁶.

В частности, Европейский суд не исключает, что при определённых обстоятельствах непредоставление необходимой медицинской помощи может повлечь за собой ответственность

государства на основании ст. 2⁴⁷ и 3⁴⁸ Конвенции. Хотя ст. 2 Конвенции прямо не обязывает государства предоставлять медицинскую помощь определённого уровня, действия или бездействие властей в сфере здравоохранения при определённых обстоятельствах могут образовывать её нарушение⁴⁹.

Европейский суд считает возможным возлагать на государства ответственность за невыполнение позитивных обязательств по предоставлению медицинской помощи лишь в некоторых исключительных обстоятельствах: во-первых, когда жизнь отдельного человека заведомо подвергается опасности из-за отказа в доступе к лечению, не терпящему отлагательства; во-вторых, когда лишение доступа к неотложному лечению, необходимому по жизненным показаниям, обусловлено системными или структурными нарушениями в оказании медицинских услуг, и власти знали или должны были знать о таком риске и не предприняли никаких действий по его предотвращению, чем поставили под угрозу жизнь пациентов. Для признания наличия второй исключительной ситуации необходимо, чтобы отказ в предоставлении медицинских услуг выходил за рамки простой ошибки или халатности, и соответствующие лица, в нарушение своих профессиональных обязанностей отказывая пациенту в неотложной медицинской помощи, понимали, что подвергают опасности его жизнь. Кроме того, нарушения при оказании медицинских услуг должны носить именно системный или структурный характер, ответственность за которые несут государственные органы, и быть связаны с невыполнением государством своего обязательства по надлежащему нормативному регулированию данной сферы отношений⁵⁰. При

24760/94. Judgment of 28 October 1998. Paras. 92, 102, 106; Velikova v. Bulgaria. Application no. 41488/98. Judgment of 18 May 2000. Para. 70; Hugh Jordan v. the United Kingdom. Application no. 24746/94. Judgment of 4 May 2001. Para. 108; Anguelova v. Bulgaria. Application no. 38361/97. Judgment of 13 June 2002. Paras. 136–140; Rantsev v. Cyprus and Russia. Application no. 25965/04. Judgment of 7 January 2010. Paras. 232–247, 288, 299–300, 307–309; Estamirov and Others v. Russia. Application no. 60272/00. Judgment of 12 October 2006. Paras. 85–114, 118–120; Amanat Ilyasova and Others v. Russia. Application no. 27001/06. Judgment of 1 October 2009. Paras. 85–112, 117–119, 125–128, 134–137.

⁴¹ ECtHR. X and Y v. the Netherlands. Application no. 8978/80. Judgment of 26 March 1985. Series A. No. 91. Para. 23; Powell and Rayner v. the United Kingdom. Application no. 9310/81. Judgment of 21 February 1990. Series A. No. 172. Paras. 39, 41–43, 45–46; Costello-Roberts v. the United Kingdom. Application no. 13134/87. Judgment of 25 March 1993. Series A. No. 247-C. Paras. 26–28; Osman v. the United Kingdom. 23452/94. Judgment of 28 October 1998. Paras. 115–116; Rantsev v. Cyprus and Russia. Application no. 25965/04. Judgment of 7 January 2010. Paras. 286, 294–298.

⁴² См., например: ECtHR. Volodina v. Russia. Application no. 41261/17. Judgment of 9 July 2019. Para. 77. Подробнее о позитивных обязательствах в соответствии с Конвенцией см.: Akandji-Kombe J.-F. Positive Obligations under the European Convention on Human Rights. A Guide to the Implementation of the European Convention on Human Rights. Human Rights Handbooks. No. 7. Strasbourg: Council of Europe, 2007.

⁴³ ECtHR. Osman v. the United Kingdom [GC]. Application no. 23452/94. Judgment of 28 October 1998. Para. 116; Opuz v. Turkey. Application no. 33401/02. Judgment of 9 June 2009. Para. 129.

⁴⁴ ECtHR. Opuz v. Turkey. Application no. 33401/02. Judgment of 9 June 2009. Paras. 136, 153.

⁴⁵ The Belgian linguistic case. Applications no. 1474/62, 1677/62, 1691/62, 1994/63, 2126/64. Judgment of 23 July 1968.

⁴⁶ ECtHR. Airey v. Ireland. Application no. 6289/73. Judgment of 9 October 1979. Series A. No. 32. Para. 26.

⁴⁷ ECtHR. L.C.B. v. the United Kingdom. Application no. 23413/94. Judgment of 9 June 1998. Reports. 1998-III; Erikson v. Italy Application no. 37900/97. Decision of 26 October 1999; Sieminska v. Poland. Application no. 37602/97. Decision of 29 March 2001; Calvelli and Ciglio v. Italy. Application no. 32967/96. Judgment of 17 January 2002; Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom. Application no. 46477/99. Judgment of 14 March 2002; Öneriyildiz v. Turkey. Application no. 48939/99. Judgment of 18 June 2002.

⁴⁸ Eur. Commission H.R. Bonnechaux v. Switzerland. Application 8224/78. Report of 5 December 1978. DR. 1980. No. 18. P. 100; Lukanov v. Bulgaria. Application no. 21915/93. Decision of 12 January 1995. DR. 1995. No.80-A. P. 128–130; ECtHR. Herczegfalvy v. Austria. Application no. 10533/83. Judgment of 24 September 1992. Series A. No. 244; M.P. v. Poland. Application no. 39247/98. Decision of 25 May 1999; Kudla v. Poland. Application no. 30210/96. Judgment of 26 October 2000; Keenan v. the United Kingdom. Application no. 27229/95. Judgment of 3 April 2001.

⁴⁹ Eur. Commission H.R. Isiltan v. Turkey. Application 20948/92. Decision of 22 May 1995. DR. 1995. No. 81. P. 40; Taylor Family, Crampton Family, Gibson Family and the King Family v. the United Kingdom. Application 23412/94. Decision of 30 August 1994. DR. 1994. No. 79-A. P. 127, 135–137; ECtHR. Erikson v. Italy. Application no. 37900/97. Decision of 26 October 1999; Sieminska v. Poland. Application no. 37602/97. Decision of 29 March 2001.

⁵⁰ ECtHR. Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal. Application no. 56080/13. Judgment of 19 December 2017. Paras. 190–196.

этом распределение государственных средств, ассигнуемых на здравоохранение, относится на усмотрение государства и не находится под контролем Европейского суда⁵¹.

Обязательства государства по охране здоровья могут быть обусловлены также тем, что в некоторых ситуациях представители государства потенциально несут ответственность за состояние здоровья определённых людей, находящихся под их контролем, в частности, лиц, лишённых свободы⁵².

Можно предположить, что в условиях пандемии COVID-19 позитивными обязательствами государств будут признаны: проведение санитарно-эпидемиологических и карантинных мероприятий; организация оказания медицинской помощи (в том числе соблюдение справедливого баланса в случае ограничения права на медицинскую помощь при иных заболеваниях), недискриминационный характер предоставления медицинской помощи; обеспечение особых потребностей социально уязвимых групп населения (пожилые, дети, лица с ограниченными возможностями)⁵³; защита лиц, находящихся в специальных учреждениях или на специальных режимах – в местах лишения свободы⁵⁴, психиатрических больницах, домах-интернатах, воинских частях, учебных заведениях со специальным режимом пребывания (мореходные, лётные, военные училища, в том числе суворовские, нахимовские, кадетские и т. п.); обеспечение индивидуальными средствами защиты медицинских работников и лиц, осуществляющих публичные функции, в том числе социальное обслуживание населения, в условиях опасности заражения⁵⁵; обеспечение доступности индиви-

дуальных средств защиты для населения; защита от домашнего насилия.

Выполнение позитивных обязательств не освобождает государство от необходимости соблюдать гарантии, установленные Конвенцией. В отношении прав, которые могут быть ограничены в процессе реализации позитивных обязательств, действуют общие правила их допустимости в соответствии с Конвенцией⁵⁶: они должны быть предусмотрены законом, необходимы и соразмерны преследуемым правомерным целям.

Применительно к условиям пандемии эти общие требования с очевидностью предполагают, что государства должны постоянно мониторить эпидемиологическую ситуацию и корректировать меры, принимаемые в целях борьбы с коронавирусом, с учётом её изменений. Реализация всех ограничительных мер должна находиться под независимым судебным контролем, позволяющим гарантировать их соответствие как национальному законодательству, так и международным обязательствам по обеспечению прав человека. Исследователи специально подчеркивают, что позитивные обязательства государства ориентированы на защиту людей от угроз их правам и свободам, а не на расширение возможностей по использованию средств принуждения. Позитивные обязательства предполагают, что государство должно что-то сделать «для нас, а не с нами» [6]⁵⁷.

Заключение

В принципе, практически все меры, образующие локдаун, при условии их надлежащего установления и реализации могут быть совместимы с требованиями Конвенции. Вероятно, поэтому лишь десять⁵⁸ из 47 государств – участников Конвенции, воспользовавшись ст. 15, официально заявили об отступлении от предусмотренных обязательств в связи с чрезвычайной ситуацией, вызванной пандемией COVID-19 (причём среди них нет стран, наиболее сильно пострадавших от эпидемии, таких как Великобритания, Италия, Испания). Остальные обоснованно полагали, что даже введя различные ограничительные режимы, смогут оставаться в рамках требований Конвенции. Исследователи по-разному оценивают такую позицию. Мартин Шейнин, бывший специальный докладчик ООН по правам человека и борьбе с терроризмом и член Комитета ООН по правам человека, поддерживает стремление справляться с кризисом, используя обычные процедуры, которые позволяют устанавливать

⁵¹ ECtHR. *Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal*. Application no. 56080/13. Judgment of 19 December 2017. Para. 175.

⁵² ECtHR. *Kudla v. Poland*. Application no. 30210/96. Judgment of 26 October 2000. Paras. 93–94; *Keenan v. the United Kingdom*. Application no. 27229/95. Judgment of 3 April 2001. Para. 110.

⁵³ См. подробнее: Recommendation CM/Rec(2014)2 of the Committee of Ministers to member States on the promotion of human rights of older persons. Adopted by the Committee of Ministers on 19 February 2014 at the 1192nd meeting of the Ministers' Deputies // Council of Europe. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805c649f (дата обращения: 28.07.2020).

⁵⁴ См. подробнее: Совет Европы. Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП). Свод принципов обращения с лицами, находящимися в условиях несвободы, в контексте пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) от 20 марта 2020 г. // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16809cfa4d> (дата обращения: 28.07.2020).

⁵⁵ Европейский суд специально подчёркивал, что всегда, когда государство предпринимает или организует опасные виды деятельности или разрешает их, оно должно с помощью системы правил и достаточного контроля обеспечить, чтобы риск сводился к разумному минимуму (ECtHR. *Stoyanovi v. Bulgaria*. Application no. 42980/04. Judgment of 9 November 2010. Para. 61). Подробнее см.: [9].

⁵⁶ ECtHR. *Opuz v. Turkey*. Application no. 33401/02. Judgment of 9 June. 2009. Para. 129.

⁵⁷ В более общем плане об опасности трансформации обязанности по защите права на принуждение см.: [10; 11].

⁵⁸ Албания, Армения, Грузия, Латвия, Молдова, Румыния, Сан-Марино, Северная Македония, Сербия и Эстония. Официальные заявления о дерогации см.: Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/webContent/62111354> (дата обращения: 28.07.2020).

дополнительные ограничения прав человека, обусловленные «насушной социальной потребностью», вызванной пандемией, и соразмерные ей [12]. Алан Грин, напротив, полагает, что отказ от дерогации сопряжён с риском «нормализации» исключительных полномочий и мер, что может привести к снижению уровня защиты прав человека в обычных условиях [5].

В любом случае вряд ли кто-то будет оспаривать то, что чрезвычайные меры, введённые в целях охраны здоровья населения, представляют собой «самое убедительное оправдание радикального ограничения прав», но и в данном случае «следует крайне осторожно относиться к призывам обменять основные права на охрану здоровья» [13].

Список литературы / References

1. Bjørnskov Ch., Voigt S. The Architecture of Emergency Constitutions // International Journal of Constitutional Law. – 2018. – Vol. 16. – Issue. 1. – P. 101–127.
2. Ginsburg T., Versteeg M. Binding the Unbound Executive: Checks and Balances in Times of Pandemic. (May 25, 2020) // SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3608974> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3608974> [Accessed 1 June 2020].
3. Dzehtsiarou K. COVID-19 and the European Convention on Human Rights. March 27, 2020 // Strasbourg Observer. – URL: <https://strasbourgeoisobservers.com/2020/03/27/covid-19-and-the-european-convention-on-human-rights/#more-4563> [Accessed 28 July 2020].
4. Hickman T., Dixon E., Jones R. Coronavirus and Civil Liberties in the UK // Blackstone Chambers. Covid-19: Legal Insights (6 April 2020). – URL: <https://coronavirus.blackstonechambers.com/coronavirus-and-civil-liberties-uk/> [Accessed 16 June 2020].
5. Greene A. Derogating from the European Convention on Human Rights in Response to the Coronavirus Pandemic: If not Now, When? (April 14, 2020). European Human Rights Law Review 2020. // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3593358> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3593358> [Accessed 7 June 2020].
6. Mavronicola N. Positive Obligations in Crisis // Strasbourg Observers (7 April 2020). URL: <https://strasbourgeoisobservers.com/2020/04/07/positive-obligations-in-crisis/> [Accessed 21 June 2020].
7. Leach P. Taking a Case to the European Court of Human Rights. – London: Blackstone Press Ltd., 2001. – 392 p.
8. Akandji-Kombe J.-F. Positive Obligations under the European Convention on Human Rights. A Guide to the Implementation of the European Convention on Human Rights. Human Rights Handbooks. No. 7. – Strasbourg: Council of Europe, 2007. – 68 p.
9. Stubbins Bates E. COVID-19 Symposium: Article 2 ECHR's Positive Obligations – How Can Human Rights Law Inform the Protection of Health Care Personnel and Vulnerable Patients in the COVID-19 Pandemic? 01.04.2020 // OpinioJuris. – URL: <http://opiniojuris.org/2020/04/01/covid-19-symposium-article-2-echrs-positive-obligations-how-can-human-rights-law-inform-the-protection-of-health-care-personnel-and-vulnerable-patients-in-the-covid-19-pandemic/> [Accessed 28 June 2020].
10. Coercive Human Rights. Positive Duties to Mobilise the Criminal Law under the ECHR / Ed. by L. Lavrysen and N. Mavronicola. – London: Hart Publishing, 2000. – 312 p.
11. Lazarus L. Positive Obligations and Criminal Justice: Duties to Protect or Coerce? University of Oxford. Legal Research Paper Series. Paper No. 41/2013. September 2012. // SSRN. – URL: <http://file:///D:/Downloads/SSRN-id2214508.pdf> [Accessed 28 June 2020].
12. Scheinin M. COVID-19 Symposium: To Derogate or Not to Derogate? // Opinio Juris. – URL: <https://opiniojuris.org/2020/04/06/covid-19-symposium-to-derogate-or-not-to-derogate/> [Accessed 28 June 2020].
13. Cortés-Arbeláez A. Pandemic and States of Emergency: A Comparative Perspective // Int'l J. Const. L. Blog, May 22, 2020. – URL: <http://www.iconnectblog.com/2020/05/pandemic-and-states-of-emergency-acomparative-perspective/> [Accessed 1 June 2020].

© Варламова Н.В., 2020

Статья поступила в редакцию 30.07.2020 г.

УДК 340.1

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-26-32

Д. И. Луковская

доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7-9

ORCID: 0000-0003-3340-1356. E-mail: lukovskai@yandex.ru

И. Б. Ломакина

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор

Университет прокуратуры РФ (СПб юридический институт)

Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44

ORCID: 0000-0002-9232-949X. E-mail: lomakina7311@gmail.com

Проблема определённости правопознания (в контексте эволюции юснатурализма)*

Аннотация: В статье рассматривается проблема определённости правопознания в контексте эволюции юснатурализма. Отмечается, что категория определённости по-разному понималась представителями различных научных школ и направлений теоретико-правовой мысли. Однако классические доктрины были в большей степени солидарны в том, что определённость необходима в качестве исходного принципа познания правовой действительности, в отличие от релятивистских постклассических теорий, взявших диаметрально противоположный принцип в качестве методологического основания, а именно «неопределённость». В статье актуализируется понимание того, что юснатурализм как классический тип правопонимания имеет внутреннюю логику развития. Отмечается, что современные теории «возрожденного естественного права», в целом оставаясь в рамках естественно-правовых представлений, всё же преодолевают дуализм и параллелизм систем естественного и позитивного права. В онтологии современный юснатурализм признает человеческую сконструированность права, участие субъекта в постоянном воспроизводстве правовой реальности; в гносеологии – признает включённость субъекта в процесс познания, отказ от абсолютизации «законодательного» разума и переход к интерпретативному «коммуникативному» разуму; в аксиологии – отстаивает социокультурную конкретизацию, в том числе и в действующей правовой системе. В статье актуализируется идея интересубъективности права как интегрирующая различные аспекты правопознания и действия права, ориентирующая на выявление смысла права не с точки зрения одномерной моносубъектности (индивида или гомогенного общества), а в диалогичной (полилогичной) интересубъектности – во взаимодействии субъектов правового общения. Признание динамизма права, актуализации права в правоприменительной деятельности проблематизирует идею определённости в правопознании, но уже на новой, человекоцентристской методологической и теоретической основе.

Ключевые слова: естественное право, определённость, неопределённость, классические теории, постмодернизм, позитивное право, человекомерность.

Для цитирования: Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Проблема определённости правопознания (в контексте эволюции юснатурализма) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 26–32. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-26-32

Genevra I. Lukovskaya

Dr. Sci (Jurid.), Professor

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3340-1356. E-mail: lukovskai@yandex.ru

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00528).

Irina B. Lomakina

Dr. Sci (Jurid.), Dr. Sci (Hist.), Professor

University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Saint Petersburg Law Institute)

44, Liteyny prosp., Saint Petersburg, 191104, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9232-949X . E-mail: lomakina7311@gmail.com

The problem of certainty of legal cognition (in the context of the evolution of Nature Law)**

Annotation: The article deals with the problem of certainty of legal cognition in the context of the evolution of Natural Law. It is noted that the category of certainty was understood differently by representatives of various scientific schools and strands of theoretical framework idea. However, the classical doctrines were similar in the sense that certainty is necessary as the initial principle of cognition of legal reality, in contrast to the relativistic post-classical theories, which took the diametrically opposite principle as a methodological basis, namely «uncertainty». The article actualizes the understanding that Nature Law as a classical type of legal understanding has an internal logic of development. It is noted that modern theories of «Resurgence of Natural Law» generally remain within the framework of natural law concepts, but still overcome the dualism and parallelism of the systems of natural and positive law. In ontology, the modern Natural Law recognizes the human construction of law, the participation of the subject in the constant reproduction of legal reality; in epistemology, it recognizes the inclusion of the subject in the process of cognition, the rejection of the absolutization of the «legislative» mind and the transition to an interpretive «communicative» mind; in axiology, it defends socio – cultural concretization, including in the current legal system. The authors actualize the idea of intersubjectivity of law as integrating various aspects of legal cognition and the operation of law, focusing on identifying the meaning of law not from the point of view of one – dimensional monosubjectivity (individual or homogeneous society), but in dialogical (polylogical) intersubjectivity - in the interaction of subjects of legal communication. Recognition of the dynamism of law, the actualization of law in law enforcement activities problematizes the idea of certainty in law, but on a new, human-centered methodological and theoretical basis.

Keywords: natural law, certainty, uncertainty, classical theories, postmodernism, positive law, human dimension.

For citation: Lukovskaya G. I., Lomakina I. B. The problem of certainty of legal cognition (in the context of the evolution of Nature Law) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 26–32. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-26-32.

Проблема «определённости» и «неопределённости» знаний о познаваемой действительности, в том числе и в сфере права, решалась неоднозначно представителями различных научных школ и направлений. Несмотря на множество концепций и теорий, их можно с известной долей условности представить в виде двух эпистемологических традиций. Первую традицию представляют логически рассудочные, рациональные построения (Платон, Аристотель, стоики), в которых субъект и объект разделены, а знание выводится или «отражается» в зависимости от чётко очерченных границ познаваемого. Такое знание образует «идеал-конструкты», вписываемые в логически неправо-

творечивое целое, т. е. в теорию. Целостность, определённость, логическая связанность и непротиворечивость, выводимость содержания из исходного основания по строгим логико-методологическим правилам и принципам формировали определённую картину мира [5, с. 23].

Определённость присутствует во всём – и в социальной действительности, и в её осмыслении. Такую действительность можно моделировать, упрощать и, конечно же, прогнозировать (предсказывать) будущее. Аксиоматичность исходных начал предопределяла строгую логичность теоретических конструкций, в том числе и в сфере права. Так, классические типы правового понимания – юснатурализм, этатизм и социология права – выстраивали право в соответствии с исходными базовыми детерминантами его развития. Например, юснатурализм в качестве фундаментальной детерминанты выбрал идею

** The publication was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-011-00528).

свободы, которая через свободную волю субъекта (индивида) предопределяла субъективные права, лёгшие в основу так называемого естественного права, которое, в свою очередь, стало критерием «правильности» позитивного права. Противопоставление естественного права позитивному и моральная составляющая трансцендентных ценностей, имманентно присущих нормам естественного права, стали нарративом юснатурализма. Вневременной и внеконтекстуальный характер норм естественного права обусловили определённую степень неопределённости самого естественного права и знания о нём.

Юридический позитивизм (этатизм) в качестве исходного основания взял волю суверена, объективированную в норме права. Отсюда право – сначала приказ государя, а несколько позже функция государства, выраженная в официальных документах, санкционированных государством и обеспеченных силой государственного принуждения. Определённость самого права, выраженного в законодательных актах, исходящих от органов государственной власти и обеспеченных силой государственного принуждения, и знание о нём также признавалось определённым и не предполагало «платоновской складки», таящей неопределённость и случайность в её постижении.

Социология права как промежуточный тип правопонимания между юснатурализмом и позитивизмом предлагает различные, но всё же определённые исходные принципы и детерминанты изучаемого феномена, и здесь вариаций достаточно много (интерес, конфликт, классовая борьба, социетальность, социальный контроль и проч.). В зависимости от того, какое основание берётся в качестве исходного, выстраивается право, точнее, его модель как нормативной регулятивной системы, призванной решать социальные проблемы в правовой сфере общества. Отсюда вырисовывается облик права, определяется его функциональная природа и даётся понятие, содержащее, как правило, квинтэссенцию его сущностных черт. В таком варианте право тоже чётко определено границами, как и определён результат его познания.

Таким образом, все классические концепции в той или иной степени претендовали и претендуют на определённую степень достоверности полученных результатов, неопределённость и случайность не принимаются во внимание либо спекулятивно встраиваются в заранее заданные границы. В наибольшей степени «вирусу опре-

делённости» были подвержены в классическом исполнении юридический позитивизм и юснатурализм. Однако это не означает, что неопределённости в этих теориях нет. Конечно, неопределённость была, но по существу она сводилась к отсутствию информации об объекте. Поэтому говорить о вероятности наступления какого-либо события или явления, об их случайности можно лишь тогда, когда об этом в силу каких-то причин отсутствует знание. Чем больше знаний, тем меньше оснований считать вероятным, случайным появление того или иного события или явления. Таким образом, вероятность, случайность и неопределённость не существуют сами по себе, причина этого – именно неполнота знаний.

Вторая научная традиция – релятивистская (эмпирическая, скептическая). В отличие от рационально-рассудочной, релятивистская традиция исходит из априорной неопределённости знаний о действительности, и сама действительность предстаёт как череда случайных событий, не связанных между собой причинно-следственными связями. Истоки этой традиции усматриваются в античности, прежде всего в творчестве софистов. «Человек есть мера всех вещей...», – утверждал Протагор [3, с. 25], из этого утверждения следует, что основой познания может быть текучая чувственность, не отражающая объективных явлений. Релятивистами были и скептики. Обнаруживая неопределённость знаний, зависимость их от исторических условий процесса познания, скептицизм акцентировал внимание на недостоверности всякого знания вообще. В этой связи небезынтересны взгляды борца с догмой Секста Эмпирика. Он в высшей степени точно сформулировал проблему неопределённости знаний об исследуемой действительности. Предложив взамен определённости неопределённость, Секст, по сути, провозгласил отказ от всякой уверенности, истинности и выводимости знания¹. Среди сохранившихся работ Секста можно упомянуть трактат «Adversos Mathematicos» («Против математиков»), который иногда переводится «Против учёных». Античные скептики превозносили просвещённое невежество как первый шаг к честному познанию истины.

Против теоретического догматизма выступал и арабоязычный скептик XI века Аль-Газали

¹ Секст Эмпирик, Сочинения. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1976. – С. 249.

(в латинской традиции Альгазель). Он написал трактат «Против учёных», и в нём он полемизирует со школой «фаласифа», прямой наследницей классической философии (берущей начало от Аристотеля), которую арабы смогли примирить с исламом при помощи рационалистической аргументации [10, с. 99]. Однако больше всех преуспел в скептицизме католический епископ, член Французской академии П. Юэ, написавший свой знаменитый труд «Философский трактат о слабости человеческого ума» в 1690 г. Юэ выдвигает весьма серьёзные аргументы против связи причин и следствий. В частности, он утверждает, что у каждого события может быть бесконечное число вероятных причин. Средневековые скептики, как христианские, так и мусульманские, использовали скептицизм в качестве инструмента для неприятия науки как «фабрики по производству знания». Индуктивное знание вызывало беспокойство и заставляло скептиков более вдумчиво подойти к религиозным аргументам, хотя и в очищенной от «клерикальной шелухи» теистической форме [10, с. 100]. Идея опоры на веру, а не на разум известна как фидеизм. Одним из таких мыслителей был П. Бейль, ранний представитель французского Просвещения. За неудобоваримые убеждения его сослали в Голландию, где он образовал философский кружок, близкий к Пирроновым скептикам. Труды П. Бейля оказали значительное влияние на Д. Юма. Во многом разделяя взгляды Д. Локка и Д. Беркли, а также П. Бейля, С. Кларка, Ф. Хатчесона и Д. Батлера, Д. Юм пошёл дальше своих предшественников (эмпириков) и проложил дорогу эпистемологическому плюрализму, который был предтечей «эпистемологического анархизма» (П. Фейерабенда).

Концепция П. Фейерабенда, сформулированная в его работе «Против метода» [7, с. 10], во многом напоминает трактат Секста Эмпирика «Против учёных». Понимание науки как способа или метода добычи эмпирического знания, но без претензий на абсолютную истину, уходит своими корнями именно в античный скептицизм, и в этом смысле П. Фейерабенд был неоригинален. Концепция К. Поппера, направленная на «раскупорку мозга» от платонизма, выглядит более оригинальной. Учёный сформулировал полномасштабную теорию, использующую технику «фальсификации» («фальсифицировать» – значит доказать неправильность), которая позволяет провести границу между наукой и ненаукой. Но самое значимое достижение Поппера – это его догадка о фундаментальной, суровой и

необоримой непредсказуемости мира и о том, что мы не можем провести некий «решающий эксперимент», подтверждающий истинность теории [10, с. 34]. Скептицизм, таким образом, соответствует научному методу неопределённости, которая проистекает из неопределённости самой действительности. Поэтому скептическая картина мира пластична и не имеет границ. Она неопределённа, поэтому ничто не выносится за скобки, все исследуемое не конечно, мир таков, каков он есть, любая модель мира лишь момент, статичная, усечённая копия, которая не отражает всей многомерности схваченной кадром реальности, которая была запечатлена когда-то фотографом (исследователем).

Современные постклассические типы правопонимания, а к ним можно отнести неопозитивизм, возрождённое (по сути, обновлённое) естественное право, постклассические социологические концепции (феноменолого-коммуникативная, диалогическая и др.) в качестве исходного уже не берут какое-то одно основание; не так категоричны они и в утверждениях об истинности знания. На примере естественно-правовой концепции рассмотрим в данном аспекте эволюцию базовых принципов правопонимания.

Современные теории «возрождённого естественного права» в целом остаются в рамках естественно-правовых представлений, но дуализм и параллелизм систем естественного и позитивного права в них отчасти преодолевается. Уже концепция естественного права с меняющимся содержанием Р. Штаммлера² продемонстрировала преодоление догматичности классического юснатурализма.

Постклассические теории естественного права предполагают в онтологии признание человеческой сконструированности права, участия субъекта в постоянном воспроизводстве правовой реальности; в гносеологии – признание включённости субъекта в процесс познания, отказ от абсолютизации «законодательного» разума и переход к интерпретативному «коммуникативному» разуму; в аксиологии – отстаивание социокультурной конкретизации, в том числе и в действующей правовой системе, универсальных ценностей, принципов и норм или принципиальный отказ от универсализма

² Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. – Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – С. 365.

в праве (аксиологический релятивизм). Принцип интерсубъективности, интегрирующий различные аспекты правопознания и действия права, ориентирован на выявление смысла права не с точки зрения одномерной моносубъективности (индивида или гомогенного общества), а в диалогичной (полилогичной) интерсубъективности – во взаимодействии субъектов правового общения.

К числу обновлённых естественно-правовых теорий, избравших, по оценке некоторых интерпретаторов, своего рода «средний» путь между позитивизмом и юснатурализмом (непозитивизмом), обычно относят концепции Р. Дворкина, Р. Алекси, А. Кауфманна, Ю. Хабермаса. Сами же сторонники естественного права в его новом обличье убеждены в том, что как таковая естественно-правовая идея до сих пор не опровергнута [4, с. 155]. Тем не менее очевидно, что естественное право, как имманентное в этих концепциях позитивному праву, не является более параллельно с ним действующей и противостоящей ему нормативно-правовой системой, т. е. такого рода дуализм современному юснатурализму не свойствен. В постклассических теориях сохраняется идея ценностного приоритета естественного права по отношению к позитивному праву, а значит, и соответствующая всей традиции юснатурализма критическая функция естественного права. В таком ракурсе естественное право сигнализирует о дефектности правовой системы (чаще – отдельных правовых норм) – моральной дефектности, которая, как разъясняет, например, свою позицию Р. Алекси, трансформируется в её юридическую дефектность [1, с. 428].

В дискурсивных теориях естественного права (Ю. Хабермас, Р. Алекси) особое значение приобретают права человека, которые и представляют собой «новое естественное право», выступающее моральным требованием к позитивному правопорядку. Права человека признаются критерием его оценки [2, с. 24]. Из этого следует, что дуализм классических теорий как будто и не опровергнут и даже не переосмыслен. Однако такой вывод был бы поспешным, так как предполагается интегрирование (позитивирование) прав человека в правовую систему, уже отвечающую критерию справедливости (обладающую «претензией на правильность»). Для Р. Алекси само существование прав человека обусловлено исключительно их обоснованностью – обоснованием каждым и всеми в ходе и

в результате рационального дискурса, который осуществляется по определённым правилам, на началах свободы и равенства всех, кто выражает желание принять в нём участие [2, с. 24]. Так что права всё же не привносятся извне, а имеют «человеческое», коммуникативно-процедурное происхождение. Ю. Хабермас также полагал, что принципы естественного права нельзя закреплять раз и навсегда средствами морали [11, с. 182] или легитимировать каким-либо философским авторитетом. Тем самым социальные (и, следовательно, правовые) нормы притязают не на истину, а на социальную значимость, т. е., по Хабермасу, на принятие или признание их универсальной аудиторией. При этом «универсальность аудитории» является лишь потенциальной, так как предполагается, что любой желающий может – но не обязан – принять участие в обсуждении (делиберации) и формировании нормы. «Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые общее следование ей возымеет для удовлетворения интересов каждого отдельного индивида, могут быть без какого бы принуждения приняты всеми, до кого она имеет касательство» [11, с. 179].

Концепция Ю. Хабермаса в социально-философском плане основывается на дискурсивной рациональности, формирующейся в «идеальной речевой ситуации» – в практике «идеального коммуникативного сообщества», способствующей достижению компромисса в ходе обсуждения любой социальной проблемы. Условием, обеспечивающим признание нормы, претендующей на значимость, по мнению Ю. Хабермаса, является принцип универсализации: «идеальная языковая ситуация» обеспечивает одобрение нормы со стороны всех затрагиваемых ею лиц. К условиям процесса коммуникации он причисляет иммунитет против подавления и неравенства, симметричность коммуникации, руководство одним мотивом – мотивом совместного поиска истины и, наконец, допущение идеального «неограниченного коммуникативного сообщества». При этом Ю. Хабермас приводит правила дискурса, сформулированные Р. Алекси: 1) ни один говорящий не должен противоречить себе; 2) каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету A, должен быть готов применить предикат F к любому другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен A; 3) разные говорящие не должны использовать

одно и то же выражение, придавая ему различные значения; 4) каждый говорящий может говорить только то, во что он сам верит; 5) тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основание для этого; 6) каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе; 7) каждый может ставить под вопрос любое утверждение; 8) каждый может вводить в дискурс любое утверждение; 9) каждый может выражать свои установки, желания и потребности; 10) никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определённые в пунктах 6 и 7 [11, с. 137–140].

Таким образом, сама процедура рационального дискурса предполагает нормативную значимость классических естественно-правовых принципов свободы и равенства его участников как оснований прав человека [11, с. 137–140]. По логике классической естественно-правовой доктрины дискурсивно-рациональной необходимостью, т. е. жёсткой императивностью, морального обоснования прав человека определяется их приоритетное долженствование (в «дуальной» взаимосвязи с позитивностью права) в онтологической структуре правопорядка. Более того, нормативные аргументы, устанавливающие, согласно формуле Радбруха (которой следует Р. Алекси), порог крайней несправедливости (вопиющее нарушение прав человека), позволяют, по Алекси, утверждать, что эта формула не говорит, что «крайняя несправедливость не должна быть правом», а что «крайняя несправедливость не является правом» [1, с. 428].

Онтологический императив естественного права реализуется далеко не сразу. Согласование должного и бытия происходит в процессе становления права: от основной нормы (естественного закона, принципа справедливости) к позитивному закону и, наконец, завершается в решении в конкретной ситуации – в судебном решении (а также в деятельности прокуроров, адвокатов, исполнительной власти) [4, с. 173–174]. Если в классических теориях естественного права закон «возникает из права», то в новейших его версиях «из закона возникает право» [4, с. 173–174; 7, с. 187].

Заметим, что хотя акцент в этих его версиях делается не на законотворчестве, а на действии и применении позитивного законодательства, но при этом сохраняется само различие

права и закона, характерное для всей традиции юснатурализма.

В современной философии права поискам баланса между принципом равной свободы и принципами социальной справедливости («принципом различий») посвящена теория справедливости как честности Дж. Ролза [9, с. 15], получившая широкую известность и вызвавшая критику, прежде всего у сторонников классических либеральных ценностей (особое внимание привлекла полемика с Дж. Ролзом Р. Нозика). Теория Дж. Ролза сформировалась в рамках постклассической методологии интерсубъективности и процедурной дискурсивности. Вместе с тем она построена на началах классического контрактуализма [9, с. 15]: за «завесом неведения», т. е. будучи беспристрастными, участники гипотетического общественного договора выберут, как убежден Дж. Ролз, принцип равной свободы (он приоритетен, по Ролзу) и принцип социальной справедливости.

С позиций современного юснатурализма в связи с конструированием социальных прав происходит постепенное «смыслоразвертывание» базисных прав. Классические базисные права, развивает эту свою мысль Ю. Хабермас, ссылаясь на Дж. Ролза, лишь тогда получают «равную ценность» (Дж. Ролз) для всех граждан, когда восполняются социальными и культурными правами [12, с. 69]. Современные учения о естественном праве демонстрируют преемственную инновационность методологического, теоретического обоснования естественно-правовых идей свободы, равенства, справедливости. Эти идеи претерпевают и содержательную трансформацию, особенно в естественно-правовых концепциях социальной справедливости.

Таким образом, во-первых, очевидна преемственность естественно-правовых концепций в рамках единой традиции юснатурализма. Во-вторых, эта преемственность носит инновационный характер. Эволюция юснатурализма наглядно демонстрирует тот факт, что постклассическая эпистемология «не отрицает научную рациональность..., но пересматривает её, например, как коммуникативную или диалогическую» [13, с. 13]. Признание динамизма права, актуализации права в правосудии – в творческой деятельности судейского корпуса, вновь и вновь проблематизирует идею определённости в правопознании, но уже на новой, человекоцентристской методологической и теоретической основе.

Список литературы

1. Алекси Р. Между позитивизмом и неопозитивизмом? Третий ответ Евгению Булыгину / Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. – Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2016. – С. 41–428.
2. Алекси Р. Существование прав человека // Правоведение. – 2011. – № 4. – С. 21–31.
3. Джохадзе Д. В. Античный диалог и диалектика // Философия и общество. – 2012. – № 2. – С. 23–45.
4. Кауфманн А. Онтологическая структура права // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – С. 151–174.
5. Ломакина И. Б. Постижение правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – № 3 (20). – С. 23–29.
6. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления : монография. – Харьков: Право, 2002. – 327 с.
7. Музьяков С. И. Античный скептицизм и современная философия науки: диалог сквозь тысячелетия // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 3. – С. 8–16.
8. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – Москва: ООО «Изд. АСТ», ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 640 с.
9. Ролз Дж. Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев. – Новосибирск: Изд. Новосибирского ун-та, 1995. – 507 с.
10. Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / 2-е изд., доп. / пер. с англ. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 736 с.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 320 с.
12. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.
13. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. – Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2012. – 650 с.

References

1. Aleksii R. Mezhdru pozitivizmom i nepozitivizmom? Tretiy otvet Yevgeniyu Bulyginu / Bulygin Ye.V. Izbrannyye raboty po teorii i filosofii prava. – Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2016. – S. 41–428.
2. Aleksii R. Sushchestvovaniye prav cheloveka // Pravovedeniye. – 2011. – № 4. – S. 21–31.
3. Dzhokhadze D. V. Antichnyy dialog i dialektika // Filosofiya i obshchestvo, – 2012. – № 2. – S. 23–45.
4. Kaufmann A. Ontologicheskaya struktura prava // Rossiyskiy yezhegodnik teorii prava. – 2008. – № 1. – S. 151–174.
5. Lomakina I. B. Postizheniye pravovoy deystvitel'nosti: ot nauchnoy traditsii k simvolicheskomu universumu // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2019. – № 3 (20). – S. 23–29.
6. Maksimov S. I. Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya: monografiya. – Khar'kov: Pravo, 2002. – 327 s.
7. Muzyakov S. I. Antichnyy skeptitsizm i sovremennaya filosofiya nauki: dialog skvoz' tysyacheletiya // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2015. – № 3. – S. 8–16.
8. Popper K. R. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya. – Moskva: ООО «Изд. АСТ», ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 640 s.
9. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti / nauch. red. V.V. Tselishchev. – Novosibirsk: Izd. Novosibirskogo un-ta, 1995. – 507 s.
10. Taleb N. N. Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuyemosti / 2-ye izd., dop. / per. s angl. – Moskva: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020. – 736 s.
11. Khabermas Yu. Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2001. – 320 s.
12. Khabermas Yu. Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka // Voprosy filosofii. – 2012. – № 2. – S.66–80.
13. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. – Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2012. – 650 s.

© Луковская Д. И., Ломакина И. Б., 2020

Статья поступила в редакцию 30.06.2000 г.

В. В. Синиченко

доктор исторических наук, профессор
Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ORCID: 0000-0001-9384-2175. E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Д. Б. Кавецкий

Восточно-Сибирский институт МВД России

Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

ORCID: 0000-0003-1203-1165. E-mail: Kadmi68@mail.ru

Кадровое обеспечение милиции Иркутской губернии в период антибольшевистской власти в 1918–1919 гг.

Аннотация: В статье поставлена цель изучить деятельность милиции Иркутской губернии в годы Гражданской войны. Объектом исследования в статье стали подразделения народной (гражданской) милиции, созданные в начале марта 1917 г. и действовавшие на основании Положения, принятого Временным правительством России 17 апреля 1917 г.

28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД РСФСР издал новое постановление «О рабочей милиции», но после свержения Советской власти летом 1918 г. на востоке страны, восточные регионы вернулись к Положению от 17 апреля. Функционирование милиции в 1918–1919 гг., основанной на принципах Временного правительства, и стало объектом анализа в настоящей работе.

Предметом исследования является кадровая работа, осуществлявшаяся в указанный период в правоохранительных органах Прибайкалья.

Наряду с общенаучными методами (анализ, синтез, дедукция, индукция и т. п.) в работе использовались проблемно-хронологический и сравнительный методы, которые позволили выявить динамику исторических событий в Восточной Сибири, их влияние на политику и принятие решений, а также раскрыть сходство и различия по формам, организации и проявлению действий милиции, действовавших на востоке России в исследуемый период времени.

Делается вывод, что деятельность властей Иркутской губернии по комплектованию подразделений милиции была некавалифицированной.

Конечно, руководители различных уровней в меру своих ограниченных ресурсов старались укрепить органы охраны общественного порядка, но отсутствие системности в организации правоохранительной работы оказывало отрицательное влияние на деятельность милиции.

Ни Омское правительство, ни гражданские и военные власти Иркутской губернии не смогли обеспечить на должном уровне ни материального снабжения милиции, ни её кадрового обеспечения. В результате милиция Иркутской губернии не только не выступила на защиту власти против большевиков, но и не смогла справиться с функциями охраны правопорядка. Рост уголовной преступности в 1918 и 1919 гг. фиксируется всеми печатными изданиями Иркутской губернии того времени, а также статистическими отчётами губернской милиции.

Ключевые слова: преступность, милиция, кадры, большевики, белые правительства, Сибирь, уголовно-розыскное бюро, правопорядок.

Для цитирования: Синиченко В. В., Кавецкий Д. Б. Кадровое обеспечение милиции Иркутской губернии в период антибольшевистской власти в 1918–1919 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 33–41. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-33-41.

Vladimir V. Sinichenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Academy of Management of the MIA of Russia

8, str. Zoe and Alexandra Kosmodemyanskikh, Moscow, 125171, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9384-2175. E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Dmitry B. Kavetsky

East Siberian Institute of the MIA of Russia
110, Lermontov str., Irkutsk, 664074, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1203-1165. E-mail: Kadmi68@mail.ru

Personnel support of the police of the Irkutsk province during the period of anti-Bolshevik power in 1918–1919

Annotation: The article aims to study the activities of the police of the Irkutsk province during the Civil War. The object of the study in the article was the units of the people's (civilian) police, created in early March 1917 and acting on the basis of the Regulation adopted on April 17, 1917 by the Provisional Government.

On October 28 (November 10), 1917, the PKIB of the RSFSR issued a new decree «On the Workers' Police», but after the overthrow of Soviet power in the summer of 1918 in the east of the country, the eastern regions returned to the Regulation of April 17. The functioning of the police in 1918–1919, based on the principles of the Provisional Government and became the object of analysis in this work.

The subject of the study is the personnel work carried out during this period in the law enforcement agencies of the Baikal region.

Along with general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction etc.), the work used problem-chronological and comparative methods that revealed the dynamics of historical events in Eastern Siberia, their impact on politics, on decision-making, and revealed similarities and differences in the forms, organization and manifestation of police actions operating in eastern Russia in the indicated historical period of time.

It is concluded that the activities of the authorities of the Irkutsk province to recruit police units were unskilled.

Of course, leaders at various levels, to the extent of their limited resources, tried to strengthen the public order authorities, but the lack of systemic organization of law enforcement work had a negative impact on the activities of the police.

Neither the Omsk government, nor the civilian and military authorities of the Irkutsk province, could provide at the proper level not the material supply of the police, nor its personnel support. As a result, the police of the Irkutsk province not only did not defend the authorities against the Bolsheviks, but also could not cope with the functions of law enforcement. The increase in criminal criminality in 1918 and 1919 is recorded by all printed publications of the Irkutsk province of that time, as well as statistical reports of the provincial police.

Keywords: crime, police, personnel, Bolsheviks, white governments, Siberia, criminal investigation bureau, law and order.

For citation: Sinichenko V. V., Kavetsky D. B. Personnel support of the police of the Irkutsk province during the period of anti-Bolshevik power in 1918–1919 // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87) – P. 33–41. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-33-41.

Рост преступности и снижение уровня общественной безопасности в России после революций 1917 года привели к существенной утрате доверия органами государственной власти и местного самоуправления. Наиболее критическое отношение население испытывало к милиции, сотрудники которой ежедневно взаимодействовали с гражданами новой России. Проступки и преступления, совершаемые сотрудниками милиции, которые были приняты на службу после февральской революции 1917 г., дискредитировали по сути всю систему государственной власти новой России.

Поскольку подбор кадров, их обучение, расстановка, определение эффективных мотивационных и дисциплинарных мер для сотрудников правоохранительных органов имели и

имеют первостепенное значение для всей государственной службы и являются неременным условием для успешной деятельности современной полиции, нам важно изучить исторический опыт кадровой работы предыдущих поколений российских правоохранителей.

Отметим, что вопросы функционирования «народной» милиции в годы Гражданской войны относительно кратко рассматривались в академических изданиях современного российского периода¹.

¹ МВД России : энциклопедия / под ред. В. Ф. Некрасова. – Москва: Олма пресс, 2002. – С. 275–279; Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк / под ред. В.Ф. Некрасова. – Москва: Объединённая редакция МВД России, 1996. – С. 183–195.

Подробно правовые аспекты становления «народной» милиции анализировались в ряде статей современных исследователей [5; 6; 7; 8; 11].

Подразделения народной (гражданской) милиции, созданные в начале марта 1917 г., действовали на основании Положения, принятого 17 апреля 1917 г. Временным правительством России.

28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД Советской России – РСФСР издал новое постановление «О рабочей милиции», и «народная милиция» сменилась «рабочей милицией». Но после свержения Советской власти в Сибири летом 1918 г. там вернулись к Положению от 17 апреля 1917 г. и снова воссоздали «народную милицию».

Вопросы институциональных форм становления «народной милиции» в годы революции и Гражданской войны также получили освещение в ряде работ [1; 3; 4; 9; 10; 12; 13].

Есть работы, посвященные и непосредственно кадровой работе в милиции, но Временного правительства до октября 1917 г. [2], а не «белых» правительств 1918 и 1919 гг.

В каком ужасном состоянии находилась кадровая работа в правоохранительных органах по подбору сотрудников в то время, видно и из многочисленных источников.

Так, в статье современника событий революции и гражданской войны в Приангарье М. Кина «Авгиевы конюшни», опубликованной 4 сентября 1919 г. в газете «Свободный край», автор критикует деятельность милиции и отмечает, что местной власти так и не удалось «набрать и организовать добропорядочный, отвечающий своему назначению кадр агентуры, которая ставила бы превыше всего закон и право»².

Отметим, что милиция, сформированная весной 1917 года, являлась децентрализованной структурой, формируемой на местах. Вследствие этого данная деятельность имела существенные различия между регионами, в том числе в таком деле, как подбор, подготовка и расстановка кадров³.

Иркутская милиция, созданная весной 1917 года под руководством бывших политзаключенных и ссыльнопоселенцев из числа местного населения, не была расформирована в период власти большевиков. В дни вооруженного противостояния и упразднения в губернии органов власти Временного правительства служащие Иркутской городской милиции отказались участвовать в забастовке по призыву Иркутской городской думы. Политическая позиция иркут-

ских милиционеров была выражена заявлением, что «в виду особого положения Милиции, которая каждый момент должна быть готова к защите всех граждан и по службе своей должна быть вне всякой политики»⁴.

После установления Советской власти отдельные милиционеры, не согласные с Октябрьским переворотом, уволились, а губернское и городское руководство милиции было заменено на сторонников большевиков. В целом же структура милиции не претерпела изменений, так как подавляющее количество сотрудников продолжило правоохранительную службу.

В дни падения Советской власти в Иркутске имели место грабежи, погромы и нападения на объекты милиции со стороны анархистов. 11 и 12 июля 1918 г. они пытались взять штурмом второй и четвертый комиссариаты милиции г. Иркутска, но были встречены огнем оборонявших свои здания милиционеров. «Только после того, как у защитников здания четвертого комиссариата закончились боеприпасы, они получили команду немедленно уходить. При этом среди милиционеров один – Штембель, погиб, а другой – Кещинский, получил тяжёлое ранение. Среди анархистов погибли и были ранены 10 человек»⁵.

Данный факт, как и позиция милиционеров в период как установления, так и свержения Советской власти, свидетельствует об аполитичности основного состава Иркутской городской милиции, а также о сознательном отношении сотрудников к своей работе по охране общественного порядка.

Сотрудники милиции, не принявшие смену власти, покинули город вместе с руководителями и активными сторонниками Советской власти, как это сделал начальник железнодорожной милиции Трифонов⁶.

После ухода большевиков высшей властью в губернии объявила себя Иркутская губернская земская управа под председательством эсера П. Д. Яковлева, признавшая в июле 1918 г. власть Временного Сибирского правительства в Омске. В иркутских газетах сообщалось, что уполномоченный этого правительства Н. В. Фомин, официально объявил о назначении П. Д. Яковлева на должность губернского комиссара с возложением на него задачи «управления общегосударственными органами и представительствами центральной власти» на территории Иркутской губернии. Перед губернским комиссаром была поставлена задача «установления власти

² Кин М. Авгиевы конюшни // Свободный край. 1919. – 4 сентября. – С. 2.

³ Хрисанфов В. И. История государства и права России 1917–1999 гг. : курс лекций. – Санкт-Петербург: Лань : С.-Петерб. ун-т МВД России, 1999. – С. 24.

⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. Р-911. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 7.

⁵ Бой у 4 комиссариата // Иркутские дни. – 1918. – 14 июля. – С. 4.

⁶ В железнодорожной милиции // Иркутские дни. – 1918. – 16 июля. – С. 3.

Временного Сибирского правительства путем уничтожения Советской власти, восстановления земских и городских самоуправлений, организации вооруженных сил», а также обеспечения «охран[ы] жизни и достоинства граждан»⁷.

От имени губернской земской управы П. Д. Яковлев распорядился возложить проведение мероприятий, необходимых для охраны общественной безопасности, жизни и имущества граждан, на военный штаб под командованием полковника А. В. Элерц-Усова⁸.

Была также поддержана инициатива граждан по восстановлению запрещенных большевиками органов самообороны.

Военное командование занявших город войск также приняло меры к обеспечению правопорядка в городе. Командир Средне-Сибирского корпуса полковник А. Н. Пепеляев «для восстановления нормальной жизни» 13 июля 1918 г. объявил город «на военном положении», временно воспретил «всякие сходки и митинги» и «со всей строгостью военного закона, до расстрела включительно» пообещал преследовать хулиганов и мародёров⁹.

После ухода войск на Восточный фронт потребность повседневного обеспечения правопорядка обуславливала необходимость устройства милиции в Иркутской губернии.

В результате сотрудники «рабочей милиции», большинство которых оставалось на своих служебных местах, несмотря на смену власти, сохранили свои прежние должности. Организационная структура, сложившаяся ранее, также сохранялась. Поменялась только терминология. Так, «комиссара милиции» стали называть «начальником охраны», а комиссаров районов – начальниками районов¹⁰.

Восстанавливалась работа уголовно-розыскного бюро, ранее распущенного «по просьбе» прибывших «с Даурского фронта анархистов»¹¹.

После стабилизации ситуации в городе были проведены увольнения и аресты некоторых милиционеров как активных сторонников Советской власти. Так, 19 июля 1918 г. были «арестованы и переправлены в городскую тюрьму начальник 6-го района Ковальков и три его помощника, а несколько милиционеров района уволены». 22 июля 1918 г. отстранили от должности начальника охраны г. Иркутска В. А. Ще-

пачева, а через три дня арестовали его помощника Добролюбова»¹².

Большинство сотрудников милиции, в том числе и руководство районных подразделений, остались на своих местах. В некоторых волостях сельской местности с весны 1917 г. даже сохранились так называемые добровольные или «бесплатные милиционеры»¹³.

Отстранение начальника Иркутской городской милиции В. А. Щепачева, как и некоторых других руководителей милиции, имело место вследствие восстановления «в прежней должности тех, кто её лишился по решениям советской власти»¹⁴.

Так, начальником охраны стал 28-летний выпускник юридического факультета Петроградского университета, член партии социалистов-революционеров, подпоручик Л. Я. Малышев. Должность его помощника занял С. Д. Ряховский¹⁵.

Руководство милицией в губернии было возложено на губернского инспектора милиции М. И. Постникова. Под его началом были объединены городская, земская (9 уездных районов), горная и железнодорожная милиции¹⁶.

Таким образом, как и после прихода к власти большевиков, так и после падения Советской власти в регионе структура милиции не претерпела существенных изменений, а большинство сотрудников продолжили службу.

Восстанавливая местное самоуправление досоветского времени, Временное Сибирское правительство соответствующим образом организовывало и правоохранительную деятельность. Согласно утвержденным им 14 июля 1918 г. «Временным правилам к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», восстанавливалось действие Положения о милиции, принятое Временным правительством 17 апреля 1917 г. [4, с. 3], которое вновь стало руководящим документом для милиции Приангарья летом 1918 г. Также восстанавливалось действие нормативных правовых актов органов местного самоуправления, в подчинении которых находились подразделения милиции до установления Советской власти. Это свидетельствует о позиции нового руководства губернии считать себя правопреемниками упразднённых большевиками в начале 1918 г. губернских властных структур.

17 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство постановлением своего Админи-

⁷ Фомин Н. В. К населению г. Иркутска и Иркутской губернии. // Иркутские дни. – 1918. – 14 июля. – Л. 2.

⁸ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1.

⁹ Приказ № 2. 13 июля 1918 г. // Иркутские дни. – 1918. – 14 июля. – Л. 2.

¹⁰ Переименование комиссарских должностей // Иркутские дни. – 1918. – 19 июля. – С. 3.

¹¹ В уголовно-розыскном бюро // Иркутские дни. – 1918. – 21 июля. – С. 2.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 192. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 5.

¹³ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 21.

¹⁴ Местная жизнь // Иркутские дни. – 1918. – 28 июля. – Л. 3.

¹⁵ Новые назначения // Иркутские дни. – 1918. – 30 июля. – С. 2.

¹⁶ Новые назначения // Иркутские дни. – 1918. – 25 июля. – С. 2.

стративного совета приняло решение «об изъятии милиции из ведения городских и земских самоуправлений с передачей её в ведомство МВД»¹⁷.

Внеся необходимые изменения в целый ряд законодательных актов, правительство утвердило «Временное положение о сибирской милиции», которое содержало целый ряд требований, предъявлявшихся к поступающим на службу в милицию. Они должны были иметь российское гражданство; достичь возраста в 21 год; иметь образование не ниже среднего для назначения на должности начальников милиции и их помощников. В отношении рядового состава милиции требовалось быть «вполне грамотным».

Не принимались на службу в милицию следующие категории граждан:

«1) состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях; 2) подвергавшиеся по суду лишению или ограничению прав или осуждённые хотя и без лишения прав, но за преступления, наказание за которые сопряжено с поражением прав, а также осуждённые за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества, подлоги, лихоимство и ростовщичество, если со дня наказания прошло менее 5 лет; 3) несостоятельные должники; 4) состоящие под опекой за расточительность; 5) содержатели домов терпимости; 6) занимавшие ответственные должности при Советской власти»¹⁸.

В целом оценивая положение, мы можем сказать, что главное отличие от более раннего постановления Временного правительства состояло в том, что к работе в милиции не допускались ответственные работники при Советах [7, с. 37].

Реформа милиции и её вывод из подчинения органам местного самоуправления не являлись неожиданными для руководителей сибирских губерний. Курс на твёрдую власть, «которая смогла бы без проволочек и беспрепятственно организовать все силы страны для победы» и устранить все то, «что может ей мешать действовать быстро и решительно», был доведён военным министром Сибирского правительства генералом А. Н. Гришиным-Алмазовым до сведения местных властей на открывшемся 20 июля 1918 г. в Томске собрании Сибирской областной думы. На собрании присутствовала и делегация возглавивших Иркутскую губернию социалистов-революционеров во главе с председателем областной думы И. А. Якушевым. По воспоминаниям делегата собрания – председателя Иркутского земельного комитета М. А. Кроля ир-

кутяне крайне отрицательно отнеслись к речи Гришина-Алмазова, расценив её как «мысль о военной диктатуре» [3].

По возвращении в Иркутск иркутские делегаты довели до руководителей местных органов самоуправления положения намечавшихся реформ. При их обсуждении иркутская городская и губернская земские управы «выявили свое отрицательное отношение к переходу милиции в ведение МВД»¹⁹.

Так, проходившее 7–10 августа 1918 года по старому стилю Ангарское аймачное земское собранию постановило, что «в случае передачи милиции от земства в ведение МВД за желательность замещения милицейских должностей выборными милиционерами, избранными соответствующими собраниями»²⁰.

В Нижнеудинске местное земское собрание на своем заседании 31 августа 1918 г. постановило «пока мириться с временным переходом милиции в ведение МВД»²¹.

15 августа 1918 г. начальникам милиции в Иркутске и уездах Иркутским губернским инспектором милиции было отправлено указание о недопустимости выборного начальства в милиции и о назначении и подчинении всей милиции в уезде начальнику уездной милиции»²².

Находящиеся у власти в губернских структурах власти сторонники децентрализованных органов охраны общественного порядка тем не менее не отказывались выполнять решение Омского правительства, а только высказывали свое несогласие с его содержанием. Уже после выхода «Временного положения о сибирской милиции», принятого Административным советом Временного Сибирского правительства 17 сентября 1918 г., благодаря которому милиция становилась исполнительным органом Временного Сибирского правительства на местах и действовала в составе единого государственного МВД, данная реформа критиковалась на втором Иркутском чрезвычайном губернском собрании 6 октября 1918 г.

В своём докладе и ответах на вопросы делегатов собрания губернский инспектор милиции Постников отмечал, что переход милиции в ведение МВД «и самим министерством мыслиться как временная, но необходимая при данном положении мера», и «не принять» перехода «нельзя, так как это категорический приказ правительства». «Выборного начальства в милиции (тоже) быть не должно, так как это при настоящем уровне развития народа поведёт к отрицательным результатам, возникнет панибратство между милицией и населением»²³.

¹⁹ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 7.

²⁰ ГАИО. – Ф. Р-243. – Оп. 7. – Д. 16. – Л. 3.

²¹ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 21.

²² ГАИО. – Ф. Р-38. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 206 об.

¹⁷ ГАРФ. – Ф. 4531. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 98 об. – 101 об.

¹⁸ ГАРФ. – Ф. 4531. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 99–101 об.

Заместитель председателя губернского земств Г. П. Ассар в своём выступлении при обсуждении доклада Постникова отметил, что «с переходом милиции в ведение МВД мириться нельзя» и что в «Иркутской губернии ничего не изменилось только потому, что здесь на посту губернского комиссара и губернского инспектора милиции стоят люди определённого земского направления». Собранию было предложено считать «переход милиции в ведение МВД как временную меру» вследствие войны с большевизмом, что и было принято в резолюции 30 голосами «за» и 2 «против»²⁴.

Таким образом, земские органы власти губернии хоть были и против передачи управления милицией из своих рук в ведение МВД Сибирского правительства, приняли к исполнению постановление о милиции и в дальнейшем работали в соответствии с его Положением.

Руководителей подразделений милиции в Иркутске и уездах губернии назначали в основном из отставных военных, а также бывших служащих полиции или милиции Всероссийского Временного правительства. Курс на данную кадровую политику прямо указывался губернским комиссаром П. Д. Яковлевым через иркутскую прессу. Газеты с явным неудовольствием сообщали о назначении «стары[х] деятел[ей] дореволюционной полиции» на «видные посты уездной милиции», указывая должности назначаемых лиц при их службе в царской полиции²⁵.

Иркутская либеральная пресса и общественность, после того как Сибирское правительство возглавил А. В. Колчак, ранее не допускавшие весной и летом 1917 г. приёма на службу в милицию бывших служащих полиции, выражали недовольство при принятии кадровых решений губернскими правоохранительными органами. Принадлежность к служащим бывшей российской полиции перестала в 1919 г. быть отрицательным фактором для приёма на службу в милицию.

Тенденцию к преимуществом милиции по отношению к полиции можно увидеть и в переименовании должностей младших помощников начальника милиции в надзирателей милиции²⁶. Налицо явный возврат дореволюционной терминологии.

Другим источником комплектования милиции стал приём на службу офицеров, находящихся в запасе. Руководство губернии своими ходатайствами перед военным командованием добивалось предоставления офицерам, «занимающим штатные должности городской и уездной милиции», отсрочки от призыва в дей-

ствующую армию²⁷. Военное командование шло навстречу ходатайствам гражданских властей и удовлетворяло их просьбы об отсрочке от призыва. В Иркутске в ноябре 1918 г. из шести начальников районов воинские звания имели трое, у двоих из них звания были выше, чем начальник городской милиции.

Комплектование должностей милиционеров осуществлялось в соответствии с требованиями «Временного положения о сибирской милиции». О каком-либо конкурсе на должности сведений не имеется. Денежное довольствие милиционеров было ниже, чем для рабочих. Очень остро стоял вопрос о дисциплине принятых на службу милиционеров, и особенно о пьянстве среди них. В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) сохранились приказы начальника Иркутской милиции поручика Малашева. По данным документам можно сделать вывод об имевшейся кадровой текучке среди милиционеров в городских подразделениях. В большинстве ежедневных приказов имеются разделы «увольняются» и «назначаются» с перечислением лиц, оставляющих или замещающих должности. Увольнения в основном происходили по отрицательным мотивам.

Отметим, что китайская община Иркутска при правлении А. В. Колчака снова, как и при Временном правительстве, ходатайствовала «через своего консула» «о разрешении иметь обществу на своем содержании 8 милиционеров китайцев, полагая, что таковые могут оказать большие услуги в делах раскрытия преступных деяний и задержания преступников из среды китайцев». В ходатайстве китайцам было отказано, «так как милиция организуется государственная, а не национальная»²⁸. Для работы с китайцами использовался сотрудник старой полиции, китаец, имевший российское подданство – Сюй Высянь²⁹.

В уездах и волостях Иркутской губернии оценка состояния деятельности милиции в ноябре 1918 года была проведена органами местного управления.

Отмечалось, что в Нижнеудинске в 1918 г. на службу в милицию поступили люди «с тёмным прошлым»³⁰. В Балаганском уезде милиция была незнакома не только с законами, но и с «Положением о милиции». Многие милиционеры потворствовали самогоноварению³¹.

В селе Братском «милиция не боролась с преступностью и самогонкой»³².

²⁶ ГАИО. – Ф. Р-38. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 364.

²⁷ ГАИО. – Ф. Р-911. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 192 об.

²⁸ Отклонение ходатайства от Китайской милиции // Свободный край. – 1918. – 7 сентября. – Л. 3.

²⁹ ГАИО. – Ф. Р-38. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1.

³⁰ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 21.

³¹ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 4.

²³ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9.

²⁴ ГАИО. – Ф. Р-45. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9 об.

²⁵ Местная жизнь // Наше дело. – 1919. – 22 января. – С. 3.

В сельской местности критика милиции строилась в основном на невыполнении ею своих обязанностей по борьбе с самогонварением.

Проверяющие видели причину данной ситуации в низком денежном довольствии милиционеров. «Получая 240 рублей в месяц, милиционеры не в силах пропитаться за эти деньги», и поэтому их «заработок – охота за самогонкой. С крупными самогонщиками у них деловой контакт, у мелких же они отбирают самогонку и сами пьют»³³.

Имелись и положительные отзывы о милиции. В Тулунской волости инспектор отмечал отсутствие суда и то, что «порядок держится на милиции», отношение населения к которой «дружелюбное»³⁴.

Таким образом, по отчётам проверяющих в большинстве волостей Приангарья имелись милиционеры, но инструкторы отмечали их неопытность и недостаточное количество. На это же жаловалось и местное население, предлагавшее для борьбы «с преступностью и самогонкой вооружить 2–3 человек в каждом селе, что увеличит силу милиции»³⁵.

Большинство исследователей деятельности правоохранительных органов периода революции и Гражданской войны в Сибири отмечают слабый уровень подготовки и дисциплины служащих милиции Сибирского Временного правительства и в городах Сибири. Так, губернский комиссар, неоднократно инспектировавший подразделения милиции региона, отмечал, что нарушение служебной дисциплины, выражавшееся чаще всего в употреблении спиртных напитков, стало повсеместным явлением милиции лета 1919 г. «За взяточничество, пьянство и бездеятельность» был расформирован «весь штат первого района Иркутского уезда»³⁶. В ежедневных приказах начальника Иркутской городской милиции периодически сообщалось о заключении в тюрьму и увольнениях милиционеров за пьянство, а также наказаниях (арестах) за иные нарушения дисциплины, прежде всего за неумелое и неосторожное обращение с оружием, а также грубое, некорректное обращение с гражданами.

Представляющий интерес, поучительный и для современной российской полиции случай имел место на Усольском курорте 10 августа 1919 г. Когда после концерта у выходящей публики проверяли документы, гр. Каргаполов «не мог показать документа, так как он был у него в номере». Милиционер, «выведенный из

терпения», пожаловался начальнику 1-го отдела Иркутской уездной милиции Загоскину, Загоскин приказал «расстрелять» Каргаполова. Милиционеры «приняли за шутку» слова своего начальника и поугали Каргаполова. Более чем через месяц, 18 сентября 1919 г. о данном случае и о шутке Загоскина в газете «Наше дело» была опубликована статья, в заключение которой автор написал, «что те, кому это ведать надлежит, обратят на указанный факт внимание и примут соответствующие меры для охлаждения пыла Загоскина»³⁷.

Конечно, в Иркутской губернии уделялось внимание профессиональной и нравственной подготовке милиционеров. В марте 1919 г. в Иркутске была организована школа милиционеров, решение об организации которой было принято еще в октябре 1918 года. В ней прошли обучение только 30 милиционеров и 6 помощников начальников районов. Они обучались в течение четырёх месяцев на основе «программы для школ урядников»³⁸.

Подготовку проходили как поступавшие на службу в милицию, так и действовавшие сотрудники. В качестве преподавателей привлекались руководители подразделений милиции и сторонние преподаватели. Обучавшиеся изучали следующие дисциплины: «Гимнастика и военный строй», «Административное право и положение о сибирской милиции»; «Устав о воинской повинности»; «Медицинский надзор и гигиена»; «Ветеринарный надзор»; «Уголовное право»; «Уголовный процесс»; «Государственное право»; «Финансовое право»; «Акцизный устав»³⁹.

Первый выпуск школы милиции состоялся 18 сентября 1919 года. Закончившие школу на «хорошо» и «отлично» получили поощрение от руководства и выдвигались на повышение в должности.

Отрицательное влияние на деятельность милиции оказывал недостаток средств на её содержание, выражавшийся, кроме низкого уровня денежного довольствия, в недостатке штатных единиц. Жители города были недовольны и недостатком милиционеров, и вынужденными налогами на содержание необходимого для надлежащей охраны общественного порядка штата милиционеров. Введение осенью 1918 года дополнительных налогов на содержание добавочного штата милиционеров вызывало недовольство населения. Сокращение военными властями данного штата в Иркутске на 84 человека в конце июня 1919 года отрицательно

³² ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 5.

³³ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 177.

³⁴ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 46.

³⁵ ГАИО. – Ф. Р-1956. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 5.

³⁶ В уездной милиции // Наше дело. – 1919. – 9 августа. – С. 3.

³⁷ Администратор новой формации // Наше дело. – 1919. – 18 сентября. – С. 4.

³⁸ К вопросу о курсах для милиции // Свободный край. – 1919. – 21 ноября. – С. 3.

³⁹ Курсы для чинов милиции // Свободный край. – 1919. – 18 июня. – С. 2.

повлияло на криминогенную ситуацию в городе, и в августе 1919 года, «идя навстречу настоятельному желанию Иркутян», командующий Иркутским военным округом «на средства путём специального сбора» снова увеличил штат городской милиции⁴⁰.

Во второй половине 1919 года в Иркутск и в уезды губернии стали прибывать многочисленные беженцы и эвакуированные из регионов, оставленных Колчаковскими войсками. Эвакуированные сотрудники милиции были обязаны зарегистрироваться по месту прибытия, прикомандироваться к местным «учреждениям милиции, неся службу наравне с местными чинами»⁴¹. Поэтому мы должны отметить, что в последние месяцы власти в Иркутске Сибирского Временного правительства штатная численность милиции увеличивалась и комплектовалась в основном за счёт эвакуированных.

Весной 1919 года в Иркутске началось формирование отряда милиции особого назначения для борьбы с вооружёнными противниками действующей власти, то есть красными партизанами. Набор в отряд бывших пленных красноармейцев можно считать главным кадровым провалом в деятельности управляющего губернией П. Д. Яковлева. ОМОН Иркутской губернии насчитывал 1136 солдат и офицеров, которых иркутские большевики считали на 75 % своими [1, с. 79].

В результате только 6 августа 1919 г. к партизанам перешёл 41 человек особотряда, а на следующий день еще 43 бойца. Данные обстоятельства вынудили П. Д. Яковлева прибегнуть к другим методам формирования отряда и прикомандировывать к нему добровольцев из действующих боевых частей [8, с. 330]. Однако это не помогло, отряд по словам самого П. Д. Яковлева, «превратился в банду карателей», прославился «бесчинствами и насилиями, или, в лучшем случае переходом на сторону красных» [10, с. 49]. В конце концов в декабре 1919 года ОМОН во главе со своим командиром Ф. С. Решетиным перешёл на сторону Политцентра, и власть А. В. Колчака в Иркутске пала.

Итак, оценивая деятельность властей Иркутской губернии по комплектованию подразделений милиции, необходимо признать, что руководители различных уровней в меру своих ограниченных ресурсов старались укрепить органы охраны общественного порядка. Отрицательное влияние оказало решение Омского правительства создать централизованное МВД, в ведении которого находились бы региональные подразделения «народной милиции», без соответствующего надлежащего финансирования этих структур. В результате провалом завершилась попытка использовать милицию, сформированную из местных жителей, в вооружённом противостоянии со сторонниками большевиков. Необходимой мотивации для ведения боевых действий с партизанами губернская «народная милиция» не имела. Более того, увидев, что войска А. В. Колчака терпят поражение, она перешла на сторону Советской власти и перережала сообщения «белого» правительства в центре Восточной Сибири.

⁴⁰ Усиление городской милиции // Свободный край. – 1919. – 23 августа. – С. 3.

⁴¹ Официальный отдел // Свободный край. – 1919. – 3 сентября. – С. 3.

Список литературы

1. Грозин С. Ю. Милиция Временного правительства (февраль–октябрь 1917 г.) / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат. XXII науч.-практ. конф. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. – С. 175–177.
2. Костылев А. О. Работа с кадрами милиции при временном правительстве / Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел : межвузовский сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. – Москва: Моск. ун-т МВД России, 2002. – С. 199–202.
3. Кузнецова Е. Н. Политика Временного правительства в области охраны общественного порядка: опыт создания народной милиции / Российская полиция : три века служения Отечеству : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 850–856.
4. Малыгин А. Я., Степанов М. М. Правоохранительные органы белых правительств. – Москва: Юридический институт МВД России, 1999. – 169 с.
5. Машкова А. С. Правовые основы деятельности милиции в 1917–1918 гг. // История, теория, практика российского права. – 2019. – № 12. – С. 126–138.
6. Нижник Н. С. Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований // Полицейская деятельность. – 2017. – № 6. – С. 35–78.

7. *Петров А. В.* К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 1 (15). – С. 35–40.

8. *Петров А. В.* Народная милиция временного правительства и милиция антибольшевистских правительств: сравнительно-правовой аспект (на материалах Сибирского и Уральского региона). – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного университета, 2005. – 148 с.

9. *Рязанов С. М.* Бывшие полицейские и тюремные чиновники в годы революции и Гражданской войны / Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 : материалы научной конференции / под ред. С.В. Неганова. – Пермь: ПермГАСПИ, 2019. – С. 261–270.

10. *Скорикова Н. А.* Из истории Сибирской милиции // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 10 (93). – С. 327–331.

11. *Сонин В. В.* Правовое положение милиции Временного правительства Приморской земской управы (1920 г.) // Вологодские чтения. – 2009. – № 72. – С. 9–10.

12. *Фирсов И. Ф.* Народная и рабочая милиция Зауралья // Академический вестник. – 2012. – № 1 (19). – С. 189–194.

13. *Шабельникова Н. А., Черномаз В. А.* Организационные основы становления милицейских учреждений Приморья в 1917–1922 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 10. – С. 49–52.

References

1. *Grozin S. Yu.* Militsiya Vremennogo pravitel'stva (fevral'–oktyabr' 1917 g.) / Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh : sb. mat. КНКНН наuch.-prakt. konf.. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2017. – S. 175–177.

2. *Kostylev A. O.* Rabota s kadrami militsii pri vremennom pravitel'stve // Voprosy sovershenstvovaniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti organov vnutrennikh del: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov ad»yunktov i soiskateley. – Moskva: Mosk. un-t MVD Rossii, 2002. – S. 199–202.

3. *Kuznetsova Ye. N.* Politika Vremennogo pravitel'stva v oblasti okhrany obshchestvennogo poryadka: opyt sozdaniya narodnoy militsii / Rossiyskaya politsiya : tri veka sluzheniya Otechestvu : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 850–856.

4. *Malygin A. Ya., Stepanov M. M.* Pravookhranitel'nyye organy belykh pravitel'stv. – Moskva: Yuridicheskiy institut MVD Rossii, 1999. – 169 s.

5. *Mashkova A. S.* Pravovyye osnovy deyatel'nosti militsii v 1917–1918 gg. // Istoriya, teoriya, praktika rossiyskogo prava. – 2019. – № 12. – S. 126–138.

6. *Nizhnik N. S.* Politziya Rossiyskoy imperii v kontekste sovremennykh istoriko-pravovykh issledovaniy // Politseyskaya deyatel'nost'. – 2017. – № 6. – S. 35–78.

7. *Petrov A. V.* K voprosu o pravovom obespechenii organizatsii i deyatel'nosti militsii Vremennogo pravitel'stva i militsii «belykh» pravitel'stv Urala i Sibiri // Vestnik Permskogo universiteta. – 2012. – № 1 (15). – S. 35–40.

8. *Petrov A. V.* Narodnaya militsiya vremennogo pravitel'stva i militsiya antibol'shevistskikh pravitel'stv: sravnitel'no-pravovoy aspekt (na materialakh Sibirskogo i Ural'skogo regiona). – Chelyabinsk: Izd-vo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. – 148 s.

9. *Ryazanov S. M.* Byvshiy politseyskiye i tyuremnyye chinovniki v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny / Noyabr'skiye istoriko-arkhivnyye chteniya – 2018 : materialy nauchnoy konferentsii / pod red. S. V. Neganova. – Perm': PermGASPI, 2019. – S. 261–270.

10. *Skorikova N. A.* Iz istorii Sibirskoy militsii // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2014. – № 10 (93). – S. 327–331.

11. *Sonin V. V.* Pravovoye polozheniye militsii Vremennogo pravitel'stva Primorskoj zemskoy upravly (1920 g.) // Vologodinskiye chteniya. – 2009. – № 72. – S. 9–10.

12. *Firsov I. F.* Narodnaya i rabochaya militsiya Zaural'ya // Akademicheskiy vestnik. – 2012. – № 1 (19). – S. 189–194.

13. *Shabel'nikova N. A., Chernomaz V. A.* Organizatsionnyye osnovy stanovleniya militseyskikh uchrezhdeniy Primor'ya v 1917–1922 gg. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2017. – № 10. – S. 49–52.

УДК 578.834

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53

Е. А. Сорокина

кандидат исторических наук

Институт этнологии и антропологии РАН

Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32а

ORCID: 0000-0001-5296-5486. E-mail: 119019@mail.ru

Государственная противоэпидемическая политика: опыт Швеции по противодействию коронавирусу*

Аннотация: В условиях объявления в мире пандемии COVID-19 задача выработки государством политики, способной остановить стремительное распространение коронавирусной инфекции, стала первоочередной фактически для каждого государства в мире. Проблемы взаимодействия органов государственной власти в период пандемии, нормативное регулирование их функционирования в чрезвычайных условиях в странах, затронутых пандемией, получили различное разрешение. В научном и профессиональном сообществах России и зарубежных стран консолидированный подход к решению вопроса формирования единой правовой модели взаимодействия публичной власти и общества в условиях эпидемии коронавирусной инфекции не сложился. Правовое регулирование лечения и профилактики COVID-19 в зарубежных государствах выявило проблемные зоны в системе управления здравоохранением. В мире сформировались различные модели организации противодействия распространению инфекции.

Статья посвящена анализу модели государственно-правовой деятельности Швеции, избравшей самостоятельный оригинальный путь в борьбе с эпидемией COVID-19. Обращено внимание на отсутствие нормотворческой практики органов исполнительной власти; предоставление широких полномочий по борьбе с коронавирусной эпидемией Управлению общественного здоровья при Министерстве здравоохранения и социальных дел, которое занимается и организацией работы, и сбором и обработкой информации о заболевших, и разработкой рекомендаций и мероприятий противоэпидемической программы. Охарактеризованы медико-психологические, экономические, финансовые, культурные, бытовые и иные социальные последствия, характеризующие эффективность деятельности государства в условиях экстраординарных событий, необходимость преодоления негативных последствий локдаунов в экономике и психологическом настрое общества и восстановления стабильной общественной жизни.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, Швеция, государственная противоэпидемическая политика, концепция борьбы с коронавирусной эпидемией, здравоохранение, карантин, нормотворчество в условиях пандемии.

Для цитирования: Сорокина Е. А. Государственная противоэпидемическая политика: опыт Швеции по противодействию коронавирусу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 42–53. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53.

Elena A. Sorokina

Cand. Sci. (Hist.)

Institute of Ethnology and Anthropology RAS

32a, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5296-5486. E-mail 119019@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН «Многообразие культур и стратегии развития. Институты и управление в полиэтничных обществах. Европейский образ жизни в диалоге культур».

State anti-epidemic policy: Swedish experience in countering coronavirus

Annotation: With the COVID-19 pandemic announced in the world, the task of developing a state policy that can stop the rapid spread of coronavirus infection has actually become the primary task for every state in the world. The problems of interaction between public authorities during a pandemic, the normative regulation of their functioning in emergency conditions in different countries have received different solutions. In the scientific and professional communities of Russia and foreign countries, a consolidated approach to solving the issue of forming a unified legal model of interaction between public authorities and society in the context of the coronavirus epidemic has not taken any shape. The legal regulation of the treatment and prevention of COVID-19 in various countries has revealed problem areas in the healthcare management system. Various models of organization of counteracting the spread of infection have formed in the world.

The article is devoted to the analysis of the model of state and legal activity of Sweden, which has chosen an independent original path in the fight against the COVID-19 epidemic. Attention is paid to the lack of rule-making practice of executive authorities; proving wide powers in fighting the coronavirus epidemic to the Public Health Office under the Ministry of Health and Social Affairs, which is involved in organizing work, collecting and processing information about patients, and developing recommendations and measures for the anti-epidemic program. The medical and psychological, economic, financial, cultural, household and other social consequences characterizing the effectiveness of the state's activity in the conditions of extraordinary events, the necessity of overcoming the negative consequences of lockdowns in the economy and the psychological mood of society and the restoration of a stable social life are characterized.

Keywords: pandemic, COVID-19, Sweden, state anti-epidemic policy, the concept of fighting the coronavirus epidemic, health care, quarantine, rule-making in a pandemic.

For citation: Sorokina E. A. State anti-epidemic policy: Swedish experience in countering coronavirus // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 42–53. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53.

Самая актуальная, обсуждаемая и поистине важнейшая для всего мира тема сегодня – распространение и активизация коронавирусной инфекции, обсуждение и поиск путей и методов борьбы с ней, разработка вакцины, изыскание возможностей для излечения пациентов. Не менее важны для мирового сообщества вопросы преодоления последствий пандемии COVID-19, изучение её влияния на мировую экономику, политику, социальные связи и общественную жизнь и, конечно, на здоровье людей [1; 2; 3; 4]. Пандемия коронавируса в мире, перспективы её возможного развития и последствий для населения, для национальных экономик, для исполнительной и законодательной власти различных государств – эти проблемы привлекают пристальное внимание самых разнообразных и многочисленных заинтересованных участников – от рядового населения до власть имущих, политиков, экономистов, законодателей и представителей исполнительной власти. Такое внимание общества к теме пандемии вполне закономерно: ведь происходило чрезвычайно быстрое распространение опасной инфекции, что имело серьёзные негативные последствия, в том числе резкое увеличение количества инфицированных и, к сожалению, погибших от этого вируса. По состоянию на 19 июля в мире инфицированы коронавирусом более 14 млн 300 тыс.

человек, из которых около 8 млн человек выздоровели, а около 600 тыс. человек скончались¹. До сих пор у медиков нет вакцины и действенных проверенных лекарств против коронавируса. По сравнению с начальным периодом пандемии (в марте, к примеру) в настоящее время, т. е. практически через полгода после объявленной официально ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения при ООН) пандемии, у специалистов (вирусологов, эпидемиологов, инфекционистов и других) уже имеется значительно больше информации и знаний о ходе развития заболевания, методах лечения тяжело заболевших и реабилитации пациентов. Тем не менее данная инфекция всё ещё недостаточно изучена, что ставит перед специалистами и учёными новые задачи и цели. Сейчас среди исследователей и практических специалистов всё более активно звучат мысли о том, что коронавирус сам по себе не исчезнет и на протяжении определённого времени будет по-прежнему существовать в популяциях, хотя, возможно, и в несколько ослабленной форме. И это будет продолжаться до

¹ Коронавирус COVID-19: новости [Электронный ресурс] // Сайт «Новости@Mail». – URL: <https://news.mail.ru/story/incident/coronavirus/?fm=1> (дата обращения: 18.07.2020).

тех пор, пока около 60 % населения или немногим более (в каждой стране и в мире в целом) не переболеет COVID-19. Только в таком случае может сформироваться коллективный или, другими словами, популяционный иммунитет, что может позволить сильно затормозить распространение пандемии в мире. К числу реальных негативных рисков бушующей в мире пандемии коронавируса относятся не только многочисленные медицинские, но и социальные, психологические и экономические последствия. В их числе – имевшие место в большинстве стран мира локдауны, вследствие которых произошли самые разнообразные негативные перемены: рост безработицы, торможение национальных экономик, увеличение числа сопутствующих заболеваний у населения и т. д.

Коронавирус «не обошёл своим вниманием» практически ни одну страну мира. И ВОЗ 11 марта официально объявила пандемию коронавирусной инфекции COVID-19 в мире. Национальные власти государств мира в своих практических действиях двигались в аналогичном направлении: в разных странах вводились достаточно жёсткие карантинные меры, которые подразумевали закрытие внешних границ, осуществление определённых (и значительных) ограничений передвижения граждан, транспорта, торговых потоков, также временно закрывались для посещений общественные места. Необходимыми шагами в действиях по преодолению распространения коронавируса было и то, что инфицированные люди (с подтверждённым тестированием) практически изолировались дома, если позволяло течение болезни, а в тяжелых случаях пациентов госпитализировали в палаты интенсивной терапии. «Вершиной» такого рода карантинных мероприятий и ограничений стало взимание штрафов за нарушение предписанных в период эпидемии правил. Также временно закрывались общественные места – магазины, зрелищные и спортивные заведения, концертные залы, музеи, а большинство людей переводились на дистанционные режимы работы и обучения (в случае со школьниками и студентами). Таким образом, именно за счёт заметного сокращения непосредственных личных контактов, соблюдения гражданами норм социального и физического дистанцирования (не менее 1,5 метра между людьми), предполагалось затормозить цепочку передачи коронавируса в обществе. Реализация таких жёстких мер считалась необходимой не только для того, чтобы оградить возможно большую часть граждан от заражения, но и для оказания максимальной поддержки национальным системам здравоохранения и больницам, для предотвращения возможного обвала медицинской помощи из-за одномоментного мощного потока тяжёлых пациентов.

В общих чертах алгоритм действий национальных властей разных стран был приблизительно одинаков, отличаясь незначительными изменениями и деталями. Все решения, как правило, принимались на высшем уровне исполнительной власти и оформлялись в виде постановлений или иных распоряжений. В Российской Федерации Президент В. В. Путин в своём выступлении по телевидению подчеркнул, что необходимо принять предупреждающие, превентивные меры для уменьшения распространения опасного вируса². Стоит обратить внимание на то, что Правительство РФ в связи со вспышкой коронавируса в Китае ещё 30 января 2020 г. издало распоряжение «О временном ограничении движения через пункты пропуска на отдельных участках Государственной границы РФ с КНР»³. Впоследствии были изданы и другие распоряжения Правительства РФ, касающиеся возможных передвижений через границы на территорию России граждан КНР, Ирана, Кореи, Италии, а несколько позднее – и всех других иностранных граждан. Границы Российской Федерации, таким образом, практически закрылись⁴. Издаваемые распоряжения Правительства РФ временно приостанавливали свободное передвижение иностранных граждан через российские границы в связи с напряженной эпидемиологической ситуацией. Также был принят План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции от 17 марта 2020 года⁵. Осуществляемое со стороны высшей российской исполнительной власти (Президент РФ,

² Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина по ТВ 25 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=EkgP1gsQo_w (дата обращения: 17.06.2020).

³ О временном ограничении движения через пункты пропуска на отдельных участках государственной границы Российской Федерации с Китайской Народной Республикой: распоряжение Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт «СтопКоронавирус.рф». – Режим доступа: <https://xn--80aefpabagmfblc0a.xn--p1ai/info/ofdoc/government> (дата обращения: 07.07.2020).

⁴ Распоряжения Правительства Российской Федерации, касающиеся передвижений граждан КНР (от 3.02.2020 №194-р), Ирана (от 27.02.2020 №446-р; от 6.03.2020 №550-р)), Кореи (от 27.02.2020 №448-р), Италии (от 12.03.2020 №597-р) [Электронный ресурс] // Сайт «СтопКоронавирус.рф». – Режим доступа: <https://xn--80aefpabagmfblc0a.xn--p1ai/info/ofdoc/government> (дата обращения: 20.06.2020).

⁵ План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции от 17 марта 2020 года [Электронный ресурс] // Сайт «СтопКоронавирус.рф». – Режим доступа: <https://xn--80aefpabagmfblc0a.xn--p1ai/info/ofdoc/government> (дата обращения: 20.06.2020).

Правительство РФ) своеобразное социальное и административное регулирование посредством использования определённых правовых норм в значительной степени распространялось на принятие решений, направленных на поддержку некоторых категорий граждан и бизнеса. Непосредственно изданием конкретных распоряжений по установлению, внедрению и контролю за противоэпидемическими мероприятиями занимались высшие должные лица субъектов РФ (губернаторы и главы регионов) и чиновники Роспотребнадзора, который в целом отвечает за санитарно-эпидемиологическое благополучие населения нашей страны⁶.

Вышеизложенное относительно общей логики действий властей в полной мере (хотя и с отдельными изменениями) отражает реальную картину борьбы и преодоления коронавирусной пандемии практически во всех странах. Однако существует ещё и опыт Швеции, где в период коронавирусной эпидемии был выбран и реализован иной путь. Внимание многих медиков, специалистов (вирусологов и эпидемиологов), учёных, представителей ВОЗ и простых людей на протяжении длительного времени приковано к этой стране именно по причине избранного там своеобразного и самостоятельного пути в борьбе с эпидемией COVID-19. Как и во всех других странах, где была отмечена пандемия, главной задачей для шведских властей и для специалистов-практиков было замедлить распространение коронавирусной инфекции, минимизировать риски для всего населения, особенно для так называемых групп риска, обеспечить наиболее благоприятное и безопасное преодоление эпидемии для жителей страны. Замедление распространения коронавирусной эпидемии в Швеции имело большое значение как для самого населения, так и для стабильного функционирования системы здравоохранения в стране в целом, больниц и отделений интен-

сивной терапии. Однако в Швеции практически отсутствовала отмеченная во всех других странах нормотворческая практика исполнительной власти по изданию правовых и рекомендательных актов. Подавляющее большинство рекомендаций, касающихся эпидемии коронавируса, правил поведения населения, и прочая необходимая информация предоставлялась в основном на официальном сайте канцелярии шведского правительства Regeringskansliet, правительственном сайте по коронавирусу Krisinformation, сайте управления здравоохранения Folkhälsomyndigheten⁷.

Действующая в Швеции система организации государственной власти и структуры органов исполнительной власти является результатом длительного исторического пути, в результате которого она и была сформирована. Существенной особенностью этой системы является то, что исполнительная власть страны в значительной степени децентрализована, у чиновников регионального (лены или губернии) и локального уровня (коммуны или муниципалитеты) имеются соответствующие полномочия для установления и принятия тех или иных норм на практике, а в дальнейшем – для контроля за ходом исполнения решений и распоряжений. Так, к примеру, в Швеции в период эпидемии многие рестораны и кафе продолжали работать, но были установлены определённые нормы и правила этой работы. При несоблюдении предписанных правил и норм рестораны и кафе могли сначала оштрафовать, а впоследствии и закрыть. Контролем и вынесением решений о замеченных недостатках занимались коммунальные (муниципальные) службы и органы. Государственная правительственная политика осуществляется посредством принятия рискдагом (шведский парламент) решений и инициатив, внесённых на рассмотрение исполнительной властью. Практическая реализация правительственной политики в различных направлениях и областях жизни страны осуществляется различными министерствами. Однако в Швеции министерства представляют собой крайне немногочисленные организации, в функции которых входит исключительно общая и рекомендательная деятельность в соответствующих отраслях. Практической разработкой конкретных мероприятий, программ и их последующей реализацией занимаются отдельные управления (агентства) при соответствующих министерствах. В таких управлениях (агент-

⁶ Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения COVID-19 : постановление Главного государственного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Роспотребнадзора. – Режим доступа: <https://www.rosпотребнадзор.ru/files/news/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 20.06.2020). См. также: https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/files/spec/postfnov%20koronaV.pdf; https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/post.php (дата обращения: 20.06.2020); по субъектам Российской Федерации см., к примеру, Указ мэра Москвы С. С. Собянина №12-УМ от 5 марта 2020 г. «О введении режима повышенной готовности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт мэра Москвы. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/#popup:lukaz> (дата обращения: 20.06.2020).

⁷ См. официальные сайты: <https://www.regeringen.se/corona>; <https://www.krisinformation.se/en/hazards-and-risks/disasters-and-incidents/2020/official-information-on-the-new-coronavirus/aktuell-om-covid-19>; <https://www.folkhalsomyndigheten.se/smittskydd-beredskap/utbrott/aktuella-utbrott/covid-19>.

ствах) работают высококлассные специалисты – эксперты по конкретным направлениям. Как правило, в деятельность таких управлений не вмешиваются ни правительство, ни само министерство. Правительство лишь утверждает финансирование и направление работ этих управлений.

Мы рассмотрим деятельность управления общественного здоровья (Folkhälsomyndigheten, далее – управление здравоохранения), которое непосредственно занимается работой по преодолению коронавирусной эпидемии COVID-19, сбором и обработкой информации по заболевшим, разработкой конкретных рекомендаций и мероприятий. Это управление функционирует при Министерстве здравоохранения и социальных дел (Socialdepartementet), в ведении которого находится весь комплекс вопросов по социальному обеспечению шведского населения, а также вопросы здравоохранения и медицины страны, проблемы инвалидов и соблюдения прав детей. Зона ответственности упомянутого управления в рамках всей страны чрезвычайно обширна и включает все вопросы, имеющие отношение к практическому функционированию медицинской системы и здравоохранения. Главный эпидемиолог Швеции Андерс Тегнелл (Anders Tegnell), работающий в этом управлении, сейчас широко известен не только в Швеции, но и в мире, благодаря регулярным выступлениям на пресс-конференциях и брифингах. А. Тегнелл в выступлениях представлял общественности выбранную противоэпидемическую концепцию, которая реализовывалась в Швеции. На всех пресс-конференциях и брифингах в течение весенних месяцев А. Тегнелл рассказывал о сложившейся в стране ситуации с распространением инфекции и состоянии медицинской помощи. Также он информировал о текущем состоянии дел: скорости распространения инфекции, состоянии здоровья заболевших, количестве жертв эпидемии. Подчеркнём, что он представлял консолидированное мнение специалистов управления здравоохранения по выбору стратегии и тактики в борьбе с эпидемией COVID-19.

Опишем в общих чертах основные особенности шведской модели противоэпидемической программы. Одной из важных задач, как уже отмечалось, было максимальное замедление распространения инфекции COVID-19 в стране и создание благоприятных условий для эффективного функционирования всей системы здравоохранения страны (впрочем, аналогичные задачи стояли перед всеми национальными системами здравоохранения). Важно было не допустить резкого роста числа заболевших, которые нуждались бы в высокопрофессиональной медицинской помощи в больницах и в отделениях интенсивной терапии, где при необ-

ходимости должна быть оказана необходимая и достаточная помощь всем нуждающимся в ней пациентам. Для достижения заявленных целей считалось необходимым наличие свободных (не занятых пациентами) больничных коек в размере не менее 10 % от их общего количества⁸. По состоянию на 19 июля в Швеции насчитывалось 77 300 инфицированных, из которых 2 490 человек нуждаются в интенсивном лечении. Зафиксировано 5 619 летальных исходов⁹.

Заявленных обязательных позиций в принятой противоэпидемической концепции по борьбе с COVID-19 в Швеции было не так много. В первую очередь речь шла о защитных мероприятиях для группы риска (пожилые люди старше 70 лет, а также те, кто страдает тяжёлыми хроническими заболеваниями и имеет иные осложнения здоровья). Помимо этого декларировалось обязательное изолирование и нахождение дома тех, кто был инфицирован, т. е. лиц с подтверждённым коронавирусом. Прямых запретов со стороны властей было немного – так, существовал запрет на собрания больше 50 человек и с конца марта были закрыты для посещения дома престарелых. Все остальные предлагаемые управлением здравоохранения противоэпидемические меры существовали в форме рекомендаций для жителей страны. В Швеции отсутствовала система штрафов и наказаний за несоблюдение распоряжений властей. Принципиально важными мерами для борьбы с COVID-19 специалисты управления здравоохранения считали обязательное соблюдение так называемой физиологической (социальной) дистанции на расстоянии до 1,5 метров друг от друга в общественных местах, регулярная личная гигиена (тщательное мытьё рук, использование антисептиков). Известный врач, в прошлом тоже главный эпидемиолог Швеции, Юхан Гизеке (Johan Giesecke) сказал в одном из своих интервью, что нельзя находиться в карантине постоянно. Такой путь никуда не приведёт, т. к. после снятия карантинных ограничений опять возрастает опасность новой вспышки инфекции. Кроме того, никакой карантин не может, к сожалению, защитить полностью группу риска (лица старше 70 лет)¹⁰. Шведские эпидемиологи видят слабую сторону применения карантинной

⁸ Hur många måste dö för flockimmuniteten? 12.05.2020.Svenska Dagbladet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/hur-manga-maste-do-for-flockimmuniteten> (дата обращения: 15.05.2020).

⁹ Folkhälsomyndigheten. <https://experience.arcgis.com/experience/09f821667ce64bf7be6f9f87457ed9aa> (дата обращения: 19.07.2020).

¹⁰ Johan Giesecke om brittisk expert: "Arrogant". 28.04.2020.Svenska Dagbladet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/johan-giesecke-om-brittisk-expert-arrogant> (дата обращения: 02.05.2020).

тактики запретов и ограничений для населения, применяемой в подавляющем большинстве стран, в том, что реализация таких мер не помогает, по их мнению, кардинально решить проблемы и преодолеть эпидемию, а только способствует растягиванию инфекционного периода. Основными разносчиками этой быстро распространяемой и заразной коронавирусной инфекции являются как раз те, кто переносит болезнь сравнительно легко, без тяжёлых последствий, иногда незаметно даже для самих себя. Сейчас, анализируя многомесячный опыт борьбы с пандемией COVID-19 в мире, можно согласиться с тем, что говорилось шведскими врачами с самого начала: коронавирус, к сожалению, пришёл на длительное время, и быстро его победить не получится. Поэтому меры, предпринимаемые для сдерживания распространения коронавируса и борьбы с ним, должны быть такими, чтобы их можно было применять в течение длительного времени.

Предложенные шведскими специалистами управления здравоохранения относительно мягкие меры, носящие рекомендательный (а не запретительный) характер, не должны были негативно воздействовать ни на людей (что могло бы произойти в случае введения жёстких ограничений на передвижение, выход из дома и т. п.), ни на экономику. В самой Швеции первый случай заражения коронавирусом был зафиксирован в середине февраля, активно распространяться эпидемия начала в первых числах марта, а 31 марта премьер-министр Стефан Левен (Stefan Löfven) распорядился закрыть для посещения дома престарелых. Этот запрет впоследствии был продлён до 31 августа 2020 г. Тогда же было издано распоряжение о запрете собираться группами более 50 человек¹¹. В Швеции, как известно, всё время работали и не закрывались на карантин ни детские сады, ни начальная школа, были открыты детские площадки. По мнению специалистов, в противном случае один из родителей должен был бы брать отпуск и сидеть с ребёнком, что считалось неправильным, особенно если эти родители трудились в области здравоохранения. Необходимо было максимально увеличить в больницах численность медработников разных категорий, и власти даже обращались с призывами к медикам, вышедшим на пенсию, с предложениями выйти на работу в больницы.

¹¹ Krisinformation 15.06.2020. Besöksförbud inom äldreomsorgen förlängs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.krisinformation.se/nyheter/2020/juni/nationellt-besoksfobud-inom-aldreomsorgen-forlangts> (дата обращения: 15.06.2020); Krisinformation.se. Emergency information from Sweden authorities. <https://www.krisinformation.se/en/news/2020/june/ud-lifting-travel-advice-for-ten-countries-on-30-june> (дата обращения: 17.06.20).

Как уже отмечалось, многие рестораны и кафе на протяжении всего времени пандемии в стране продолжали работать – но с соблюдением необходимых социальных норм. При обнаружении нарушений предписанных норм выписывался штраф, а если нарушения продолжались, такое предприятие могло быть даже закрыто. С самого начала развития эпидемии, в начале весны, было предложено перевести на удалённый (дистанционный) режим работы основную часть сотрудников различных фирм, предприятий и организаций (в первую очередь в Стокгольме, где вирус интенсивно распространялся). Шведские школьники старших классов и студенты сразу также были переведены на удалённое обучение.

Надо отметить, что в силу «мягкой» противэпидемической политики в Швеции продолжалась обычная, размеренная жизнь, но с условием соблюдения гражданами рекомендованных властями мер. Не прекращалось железнодорожное и авиасообщение, хотя вокзалы и аэропорты работали по откорректированным расписаниям. В конце марта перед наступлением Пасхи (в 2020 г. это 12 апреля) и пасхальных каникул – традиционного времени поездок шведов – по телевидению выступил шведский король Карл XVI Густав с обращением к жителям страны не выезжать из своего региона постоянного проживания, учитывая непростую эпидемиологическую ситуацию в стране¹². С аналогичным обращением в эти же дни выступил и премьер-министр С. Левен. Призывы властей к населению не покидать места своего постоянного проживания в большей степени относились в тот момент к жителям столицы. В Стокгольме проживают более 2,5 млн человек, в то время как население всей Швеции составляет чуть более 10 млн человек. Средняя плотность населения по всей Швеции около 20 человек на квадратный километр, в Стокгольме же – в 10 и более раз выше¹³. Понятно, что чем выше плотность населения, тем больше опасность распространения любой инфекции, в том числе и коронавируса, и, напротив, при меньшей плотности населения резко сокращаются скорость и масштабы заражения. Именно в столице фиксировалось наибольшее число заболевших в сравнении с другими регионами. И призывы стараться не покидать без крайней необходимости места постоянного проживания большей частью относились к жителям столицы и ближайших при-

¹² Kung Karl XVI Gustav. Vi får leva på annat sätt. 29.03.2020. Dagens Nyheter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dn.se/nyheter/sverige/kung-carl-xvi-gustaf-vi-far-leva-pa-annat-satt>. (дата обращения: 06.04.2020).

¹³ См. также https://countrysometers.info/ru/Sweden#population_densit. (дата обращения: 15.05.2020).

городов. По контрольным данным телефонных сетей, когда по географическому расположению вышек сотовой связи фиксируется местонахождение телефонных аппаратов, выяснилось, что жители страны в целом поверили властям и исполнили их рекомендации. Передвижения людей в этот период по стране значительно сократились¹⁴. Также некоторые ограничения на поездки по стране, особенно для студентов, действовали и в мае, в период студенческих каникул. Одним из декларируемых и реализуемых на практике принципов шведской противоэпидемической политики считается гибкость применения рекомендаций и предлагаемых ограничений на практике. Так, указанные транспортные меры вводились по предложению управления здравоохранения, и при изменении эпидемиологической ситуации, по предложению этого же ведомства, и отменялись – в июне ситуация стабилизировалась, и эти временные меры были сняты. Сами шведские граждане не испытывали каких-либо чрезмерных официальных ограничений в отношении своих свобод или передвижений по стране. Существовавшие рекомендации властей не вводили какие-либо запреты для граждан на поездки, но призывали совершать их в случае крайней необходимости, что означало ответственность самого гражданина в выборе решения [5, с. 124]. В то же время продолжает действовать временный запрет на въезд в Швецию из стран, не входящих в Шенгенскую зону и Европейское сообщество, введенный с 19 марта и продлённый по 31 августа¹⁵.

При разработке своих рекомендаций специалисты управления здравоохранения использовали математические модели скорости распространения коронавирусной инфекции по стране, которые в тот момент рассчитывались на основании имевшихся на начало эпидемии данных (март). В соответствии с этими расчётами предполагалось, что к концу мая (позже было уточнение – к концу июня) около 20 % населения Стокгольма должны были переболеть коронавирусом и приобрести иммунитет. Однако по данным на конец мая антитела были обнаружены лишь у 7 % обследованных жителей столицы. По заключениям учёных-эпидемиологов появление так называемого коллективного

иммунитета, который сможет помочь сильно затормозить распространение инфекции и позволить её контролировать, возможно при условии, что более 60 % населения перенесёт это заболевание, и у них будут выработаны необходимые антитела¹⁶.

Учёные-эпидемиологи, вирусологи, инфекционисты обращают внимание на актуальность опасности заражения коронавирусной эпидемии и в настоящее время, когда многие европейские и азиатские страны уже стали понемногу снимать различные карантинные ограничения для своих граждан и национальных экономик. Сейчас существуют очаги эпидемии в Северной Америке и Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, появляются и повторные очаги в Азии и некоторых европейских странах. Все чаще звучат голоса учёных и специалистов из разных стран о том, что коронавирусная инфекция не исчезнет и с этим необходимо считаться. Специалисты говорят о реальности второй волны коронавирусной эпидемии. В этом контексте представляет интерес шведский противоэпидемический «мягкий» опыт борьбы с COVID-19, без применения локаутов, крупных остановок производства, без ограничений личных свобод граждан. В целом авторы шведской противоэпидемической стратегии считают избранную тактику действий верной и оправдавшей себя, хотя и не совсем бесспорной. А. Тегнелл, главный эпидемиолог Швеции, отмечал в своих интервью, что в самом начале эпидемии не хватало необходимой информации о степени заразности и скорости распространения коронавирусной инфекции. Он признавал в одном из своих интервью, что в ходе выработки решений были совершены и достаточно серьёзные промахи. Это касалось главным образом распространения коронавирусной инфекции среди группы риска (люди старше 70 лет) и в домах престарелых и связанной с этим высокой смертности среди людей старшей возрастной группы¹⁷. Именно

¹⁴ А что там, в Швеции? Exler.ru.25.04.2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Страница Александра Экслера». – Режим доступа: https://www.exler.ru/blog/a-что-там-v-shvetsii.htm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. (дата обращения: 29.04.2020).

¹⁵ О продлении временного запрета въезда в Швецию до 31 августа и ослабление ряда ограничений 02.07.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.government.se/press-releases/2020/07/extension-of-temporary-entry-ban-to-sweden-until-31-august-2020-and-easing-of-restrictions-for-more-travellers> (дата обращения: 05.07.2020).

¹⁶ Anders Tegnells forganger: Sverige har muligvis valgt den forkerte strategi – Danmark fortjener ros. 26.05.2020. Berlingske [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.berlingske.dk/internationalt/anders-tegnells-forgaenger-sverige-har-muligvis-valgt-den-forkerte>. (дата обращения: 29.05.2020); "Sverige är bäst även när väldigt många dör» 28.05.2020. Dagens nyheter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dn.se/insandare/sverige-ar-bast-aven-nar-valdigt-manga-dor> (дата обращения: 03.06.2020).

¹⁷ Tegnells svar på skarpa kritiken i DN-debatt: Grundläggande felaktigheter.SVT.se.14.04.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/forskare-kritiska-til-fhm-lat-politikerna-ta-over>. (дата обращения: 17.04.2020); Tegnell: Fler åtgärder hade behövts. SVT.se-03.06.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=7487188>. (дата обращения: 07.06.2020).

вопросы высокой смертности в этой категории вызывали больше всего претензий и возмущений со стороны критиков шведской «мягкой» противоэпидемической модели.

В самой Швеции далеко не все специалисты и общественность страны безоговорочно приняли официальную «мягкую» противоэпидемическую стратегию (без введения жёстких карантинных мер и ограничений). До сих пор идут споры и обсуждения целесообразности и успешности её применения в период коронавирусной эпидемии. Целая группа учёных и специалистов, врачей, вирусологов, эпидемиологов и общественных деятелей не поддержала принятых официальных мер. В ведущей шведской газете «Дагенс нюхетер» (Dagens Nyheter) 14 апреля было опубликовано письмо группы видных шведских учёных, которые резко критиковали действия управления здравоохранения. Они считали принимаемые меры недостаточными для остановки распространения эпидемии и инфицирования населения и призывали к введению более жёстких карантинных мер (временному закрытию магазинов, ресторанов, всех общественных мест и прочее) для замедления распространения инфекции в первую очередь в самом Стокгольме. Одним из серьёзных аргументов против шведской «мягкой» тактики было то, что по сравнению с соседними скандинавскими странами и Финляндией, где применили жёсткие карантинные меры, летальность в Швеции была значительно выше¹⁸. При сравнении данных, к примеру, на 6 мая, можно увидеть те тенденции, которые вызывали сильную обеспокоенность специалистов и просто противников «мягкой» противоэпидемической тактики. Так, в Швеции было зафиксировано почти 3000 смертей от коронавируса. В этот же период в Дании – 493 смертельных случая, в Финляндии и Норвегии – 240 и 214 случаев соответственно, что суммарно было значительно меньше, чем только в одной Швеции¹⁹. На протяжении июня, к сожалению, такие тенденции также отмечались. Критики «мягкой» тактики также подчёр-

кивали, что была недостаточно унифицирована статистика подсчёта заболевших и жертв эпидемии первоначально как в самой Швеции, так и в других странах. Соседние со Швецией скандинавские страны и Финляндия начали постепенно отменять существовавшие у них карантинные запреты и ограничения для своих граждан и жителей Шенгенской зоны. Но ещё остаются ограничения для передвижений шведов внутри скандинавского региона: пока эти страны (кроме Исландии) не хотят пускать к себе шведов. И это вызывает непонимание шведских официальных лиц²⁰.

На пресс-конференции ещё в начале мая А. Тегнелл сообщил, что около трёх четвертей умерших от коронавирусной инфекции были в возрасте 70 лет и старше и находились под опекой социально-патронажной службы²¹. Внимание властей к максимальной защите группы риска (в первую очередь это люди старше 70 лет) и дома престарелых декларировалось в деятельности управления здравоохранения с самого начала в качестве важной и приоритетной цели²². Работа с пожилыми людьми, функционирование домов престарелых (как государственных, так и частных), их штатный и внештатный персонал, выездные патронажные службы входят в юрисдикцию управления социальных дел (Socialstyrelsen) социального министерства. Именно оно готовит соответствующие рекомендации и координирует эту деятельность. Непосредственный контроль деятельности на местах и её соответствия рекомендациям осуществляют местные коммунальные власти. Можно найти следующие сведения по статистике заболеваемости и смертности в системе патронажного ухода за пожилыми людьми по состоянию на 6 мая 2020 г.: половина граждан старше 70 лет, скончавшихся от COVID-19 на указанное время, проживали в домах престарелых (соответственно 948 человек), 26 % умерших (493) пользова-

¹⁸ Folkhälsomyndigheten har misslyckats - nu måste politikerna gripa in. 14.04.2020. Dagens nyheter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dn.se/debatt/folkhalsomyndigheten-har-misslyckats-nu-maste-politikerna-gripa-in>; <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/forskare-kritiska-til-fhm-lat-politikerna-ta-over>. (дата обращения: 18.04.2020).

¹⁹ Schwedens Corona-Todesfälle schaffen politische Unruhe. 06.05.2020. Neue Zuercher Zeitung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nzz.ch/international/schweden-corona-todesfaelle-schaffen-politische-unruhe-ld.1555044>. (дата обращения: 08.05.2020); Sverige är bäst även när valdigt många dör. 29.05.2020. Dagens Nyheter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dn.se/insandare/sverige-ar-bast-aven-nar-valdigt-mangador>. (дата обращения: 03.06.2020).

²⁰ Linde till Lavrov: Så funkar coronastrategin – 27.05.2020. Svenska Dagbladet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/linde-till-lavrov-sa-funkar-coronastrategin> (дата обращения: 29.05.2020); Ann Lindes oro: Sämre relationer vid gränsen. 14.06.2020. Expressen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.expressen.se/nyheter/coronaviruset/ann-lindes-oro-samre-relationer-vid-gransen> (дата обращения: 16.06.2020).

²¹ Närmar oss 3 000 avlidna – ett förskräckligt stort tal. 06.05.2020. Svenska Dagbladet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/myndigheternas-presstraff-om-coronalaget>. (дата обращения: 10.05.20); Sverige betraktas som ett smittfarligt land. Svenska Dagbladet. 10.05.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/sverige-betraktas-som-ett-smittfarligt-land>. (дата обращения: 12.05.2020).

²² См.: <https://www.government.se/articles/2020/04/strategy-in-response-to-the-covid-19-pandemic>. 06.04.2020. (дата обращения: 10.04.2020).

лись услугами выездных патронажных служб. Что касается места смерти, то 52 % граждан старше 70 лет скончались в домах престарелых, 43 % – в больницах, 3 % – у себя дома²³ [26].

Премьер-министр С. Левен, и управление здравоохранения признавали, что в этих учреждениях коронавирусная инфекция получила очень сильное распространение, и отмечалось много летальных случаев²⁴. Первоначально обитателям домов престарелых и находящимся под надомным патронажным обслуживанием проводилось очень мало диагностических тестов. По этой причине дома престарелых были с опозданием закрыты для посещений – распоряжение премьер-министра вышло только 31 марта. Но к началу июня ситуация несколько выправилась – по стране стали проводить порядка 50 тысяч диагностических тестов в неделю, хотя реально требовалось еще больше²⁵. Отмечалось, что тяжёлая ситуация в социально-патронажной службе сложилась в том числе из-за плохой профилактической и разъяснительной работы с персоналом социальных организаций, работающим с пожилым контингентом как на постоянной, так и на почасовой основе. Непосредственно в домах престарелых значительная часть сотрудников состоит в постоянном штате и имеет соответствующие трудовые договоры. Но зачастую (в связи с нехваткой персонала) для патронажных работ по уходу за обитателями домов престарелых и проживающими дома (в частных домохозяйствах) привлекаются и те, кто работает внештатно, на временной почасовой основе, без постоянного трудового договора. Нередко это могут быть студенты на подработках или недавно приехавшие иностранцы, которые ещё не включились в рынок труда. По данным на март текущего года, до 40 % медико-социального персонала трудились на такой

почасовой основе²⁶. И эта часть персонала, что также признавалось управлением здравоохранения, была недостаточно информирована о том, как правильно работать с подопечными в период коронавирусной эпидемии. Крайне необходимо было также осуществлять контроль и за состоянием здоровья сотрудников в период эпидемии, а в случае недомогания им следовало оставаться дома. Но это реально могли себе позволить лишь сотрудники, имеющие штатные трудовые договоры (в которых такие условия были официально прописаны). Те, кто трудился на почасовой основе и не имел договоров с такими условиями, боясь потерять работу, выходили работать при любом самочувствии, в том числе и уже будучи больными²⁷. Помимо прочего, сотрудники патронажной службы должны были использовать в своей работе с подопечными средства индивидуальной защиты (перчатки, маски, санитайзеры), однако социальные службы нередко заявляли о недостатке таких средств индивидуальной защиты²⁸. Возникшую проблему необходимо было оперативно решать. Премьер-министр С. Левен в интервью газете «Экспрессен» (Expressen) от 17 июня подчеркнул значимость для всего общества проблемы заражения коронавирусной инфекцией обитателей домов престарелых и подчеркнул необходимость и важность соблюдения персоналом санитарно-гигиенических требований. В связи с этим он объявил о проведении планируемой правительством организации обучения по соблюдению санитарно-гигиенических норм всех сотрудников социально-патронажной службы (это около 140 тыс. человек), чтобы не допустить повторения совершённых серьёзных ошибок²⁹.

Говоря об эпидемии коронавирусной инфекции в Швеции нельзя обойти вниманием и её быстрое распространение в эмигрантских об-

²³ Närmar oss 3 000 avlidna – ett förskräckligt stort tal. 06.05.2020. Svenska Dagbladet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/myndigheternas-presstraff-om-coronalaaget>. (дата обращения: 10.05.20); Sverige betraktas som ett smittfarligt land. Svenska Dagbladet.10.05.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svd.se/sverige-betraktas-som-ett-smittfarligt-land>. (дата обращения: 12.05.2020).

²⁴ Tegnell: Fler åtgärder hade behövts. 03.06.2020. SVT.se [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=7487188>. (дата обращения: 07.06.2020); Löfvens försvar: ”Vi har inte högst dödstal”. 17.06.2020. Expressen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.expressen.se/nyheter/lofvens-forsvar-vi-har-inte-hogst-dodstal>. (дата обращения: 19.06.2020).

²⁵ Över 5 000 döda – Tegnell: ”Många länder har högre siffror”.18.06.2020. Expressen TV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.expressen.se/tv/nyheter/over-5-000-doda-tegnell-mangalander-har-hogre-siffror> (дата обращения: 19.06.2020).

²⁶ Schwedens Corona-Todesfälle schaffen politische Unruhe.06.05.2020. Neue Zuercher Zeitung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nzz.ch/international/schweden-corona-todesfaelle-schaffen-politische-unruhe-ld.1555044>. (дата обращения: 08.05.2020)

²⁷ Выступление министра здравоохранения и социальных дел Лены Халегрен и главы управления здравоохранения Юхана Карлссона. 2.07.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=svlHD2mpk9k#action=share>; <https://www.folkhalsomyndigheten.se/the-public-health-agency-of-sweden/communicable-disease-control/covid-19> (дата обращения: 07.07.2020).

²⁸ Arbetsmiljöverket överklagar beslut om munskydd. 16.06.2020. Arbetar skydd.se [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arbetarskydd.se/arbetsmiljo/arbetsmiljoverket-overklagar-beslut-om-munskydd-6997290>. (дата обращения: 18.06.2020).

²⁹ Löfvens försvar: ”Vi har inte högst dödstal”. 17.06.2020. Expressen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.expressen.se/nyheter/lofvens-forsvar-vi-har-inte-hogst-dodstal>. (дата обращения: 19.06.2020).

щинах, в первую очередь Стокгольма (особенно это касается сомалийской общины), где степень заражения была значительно выше, чем в целом по стране. Это имело свои объяснения, связанные с бытовыми и историко-культурными традициями иммигрантов. Как правило, в одной квартире проживают совместно несколько поколений одной семьи иммигрантов. Кроме того, существует незываемая традиция посещения заболевших родственников. Именно так и происходило быстрое распространение инфекции. В районах Стокгольма, где компактно проживают преимущественно иммигранты (Ринкебю, Киста, Спонге, Тенста), муниципальные власти стали проводить санитарно-просветительскую работу, информируя о необходимости и правилах соблюдения личной гигиены с помощью листовок на языках проживающих там иммигрантов³⁰.

В настоящее время не представляется возможным в полной мере говорить об успехе или провале шведского «мягкого» противоэпидемического подхода или, другими словами, шведской модели. Все происходящие в настоящее время процессы – и сама коронавирусная эпидемия в Швеции, и её распространение в мире, и взаимодействие разных стран по преодолению последствий пандемии – находятся ещё в развитии и не завершились. У самих специалистов – эпидемиологов, вирусологов, врачей – пока нет полного понимания природы возникновения и распространения вируса, путей борьбы с вирусом и применения надежной терапии для заболевших. Специалисты предполагают, что коронавирус будет ещё жить и существовать в нашем обществе. Это означает, что необходимо искать (и находить!) средства для преодоления последствий эпидемии и излечения заболевших. Особо подчеркнём (это признают и сами шведские исследователи и практики), что шведский опыт подразумевает создание комплекса мер и мероприятий, которые сами эпидемиологи посчитали возможным реализовывать на основе тщательного анализа всего комплекса факторов, социально-культурного опыта и традиций именно своей страны. Заимствование такого опыта вряд ли будет целесообразным в иных социальных, культурных, экономических условиях. Реализуемые в Швеции меры для борьбы с коронавирусной эпидемией (социальное дистанцирование, перевод людей на удалённую работу, а старших школьников и студентов – на дистанционное обучение, проведение про-

филактических мероприятий с работающими на эпидемии и прочее), как мы хотели показать, практически не отличались от принятых во всех других странах. Отличия были в форме проведения и степени взаимодействия властей непосредственно с населением. В стране были официально введены запреты на собрания (разрешено собираться не более 50 человек), на посещение домов престарелых, на приезд в страну иностранцев из иных, кроме ЕС, регионов. Тем не менее, в стране продолжали работу детские сады и начальная школа, ряд магазинов, ресторанов, что вызывало неоднозначную реакцию общественности.

Основной акцент в деятельности управления здравоохранения, которое выступало главным автором – действующим лицом – в период коронавирусной эпидемии, делался на то, что шведские граждане, дисциплинированные и традиционно относящиеся с доверием к властям и официальным распоряжениям, будут добровольно и последовательно исполнять издаваемые рекомендации [5, с. 125]. Важным условием для реализации шведской «мягкой» противоэпидемической стратегии являются, безусловно, исполнительность и обязательность самих шведов. С другой стороны, такой подход означал в том числе и понимание гражданами своей личной ответственности за реализацию предлагаемых мер в борьбе с коронавирусной эпидемией. Как отмечалось, в стране не вводились карантинные меры, не было локдауна. Тем не менее шведская экономика, аналогично экономикам других стран, хотя, возможно, и в меньшей степени, испытала последствия коронавирусной эпидемии: в период её обострения в апреле уровень безработицы вырос почти до 10 %, а министерство экономики заявило о довольно ощутимом сокращении ВВП страны в текущем году до вероятных 6 %³¹.

Потребность точного понимания и оценки всем обществом в целом и профессионалами успешности или провала шведской модели борьбы с коронавирусной инфекцией привело к тому, что премьер-министр С. Левен в своём выступлении 30 июня 2020 года заявил о создании специальной комиссии по оценке деятельности и принятых в стране мерах для преодоления эпидемии COVID-19. Предполагается, что полный отчёт комиссия представит правительству и парламенту к февралю 2022 г. Также будут подготовлены два промежуточных доклада, первый

³⁰ Коронавирус: шведская модель борьбы с эпидемией [Электронный ресурс] // Социально-экономический портал «Exrus.eu». – URL: <https://ru.exrus.eu/Koronavirus-shvedskaya-model-borby-s-epidemiyeu-id5e8716770bf04049f009ea08>. (дата обращения: 04.04.2020).

³¹ Swedish Jobless Rate Climbs Amid Brewing Political Storm. Bloomberg. 25.05.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-25/swedish-jobless-rate-climbs-to-7-9-amid-brewing-political-storm?srnd=premium-europe&sref=fgHqaWRV> (дата обращения: 01.06.2020).

из которых должен быть готов уже к 30 ноября 2020 года³².

В странах, перенёсших эпидемию, отмечаются серьёзные последствия в различных областях. Это касается не только экономической, финансовой, медико-психологической, культурной сфер, но и бытовых проявлений [6, с. 8; 7, с. 9; 8, с. 91]. Шведская пресса свидетельствует, что выросло число преступлений, связанных с наркотиками. Это касается главным образом районов крупных городов, где проживают иммигранты. Есть факты и иного рода. Подростки и молодые люди, старшеклассники, которые раньше имели возможность подрабатывать в различных местах, в том числе в кафе и пр., в период коронавирусной эпидемии потеряли свой дополнительный заработок, поскольку из-за уменьшения потока посетителей сократилось число действующих торговых предприятий. И такие негативные жизненные изменения (потеря дополнительного, хотя и небольшого, дохода) в совокупности с отменой занятий в старших классах школы подтолкнули часть молодых людей к поиску неординарных решений, в том числе и в сфере продажи личных услуг³³.

³² Брифинг премьер-министра С. Левена 30.06.20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-xG4t7QkfMs> ; <https://www.youtube.com/watch?v=cb2shqRUJ28> (дата обращения: 01.06.2020).

³³ В Швеции число наркопреступлений выросло почти на треть. 16.06.2020 [Электронный ресурс] // Сайт «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/20200616/1573002257.html>. (дата обращения: 18.06.2020); Polisen och socialtjänsten larmar ungdomar säljer sex efter att ha blivit av med jobb under pandemin. Dagens nyheter. 21.05.20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dn.se/sthlm/polisen-och-socialtjansten-larmar-ungdomar-saljer-sex-efter-att-ha-blivit-av-med-jobb-under-pandemin>. (дата обращения: 24.05.2020).

Пандемия коронавируса во всех странах, затронутых ею, интенсифицировала наработку колоссального практического опыта как борьбы с коронавирусом, так и правоприменительной и нормотворческой практики. В Российской Федерации, особенно на первых порах, деятельность исполнительных органов в связи с эпидемией регламентировалась распоряжениями Правительства РФ и Роспотребнадзора, а полномочия глав субъектов и регионов по принятию оперативных решений в этот период значительно выросли. В Швеции мы видим несколько иную ситуацию, когда основная ответственность за разработку и реализацию противоэпидемической программы была возложена на управление здравоохранения страны. Высшая законодательная (риксдаг) и исполнительная (в лице премьер-министра) власти не принимали чрезмерно активного участия в этой работе, хотя премьер-министр С. Левен и министры правительства время от времени проводили правительственные брифинги по актуальным вопросам. То, каким образом в Швеции преодолевали коронавирусную эпидемию, отражает индивидуальный опыт конкретной страны с её культурой, традициями, экономикой. Пока преждевременно делать какие-либо выводы и оценки, равно как и слепо заимствовать модели осуществления того или иного решения. Говорить об успешности или провале шведской «мягкой» модели преодоления эпидемии коронавируса или о преимуществах тех или иных программ преодоления эпидемии пока ещё преждевременно. Сегодня основной задачей для всех стран является победа над эпидемией COVID-19, преодоление негативных последствий локдаунов в экономике и психологическом настрое общества, восстановление стабильной общественной жизни.

Список литературы

1. Белов В. Б. Последствия пандемии коронавируса для экономики Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2 (14). – С. 83–90.
2. Савинов Ю. А., Кириллов В. Н., Тарановская Е. В. Влияние китайского коронавируса на мировую экономику и торговлю // Международная экономика. – 2020. – № 2. – С. 63–71.
3. Осипов Ю. М. Разверзшаяся реальность // Философия хозяйства : альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2020. – № 3 (129) – С. 13–32.
4. Абсалямова С. Г., Мухаметгалиева Ч. Ф. Влияние эпидемии коронавируса на мировую экономику / Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства : сборник научных трудов / под общей редакцией З. О. Адамановой. – Вып. 6. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – С. 61–63.
5. Плевако Н., Карлбек Х. Вирус и шведская модель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 2. – С. 123–129.
6. Громыко Ал. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 2. – С. 4–13.
7. Белов В. Б. COVID-19 – Game Changer европейской экономики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 3. – С. 4–12.

8. *Потемкина О. Ю.* Влияние COVID-19 на свободу передвижения и миграцию в Евросоюзе // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 3. – С. 89–94.
9. *Потемкина О. Ю.* Миграция и убежище в период пандемии // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2020, март-май. – Вып. 100. – С. 88–91.
10. *Смирнов Е. Н.* «Мировая экономика коронавируса»: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. № 13 (3). – С. 243–266.
11. *Волков Ю. Г., Курбатов В. И.* Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9 (42). – №2. – С. 17–31.

References

1. *Belov V. B.* Posledstviya pandemii koronavirusa dlya ekonomiki Germanii // Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN. – 2020. – № 2 (14). – S. 83–90.
2. *Savinov Yu. A., Kirillov V. N., Taranovskaya Ye. V.* Vliyaniye kitayskogo koronavirusa na mirovuyu ekonomiku i trgovlyu // Mezhdunarodnaya ekonomika. – 2020. – № 2. – S. 63–71.
3. *Osipov Yu. M.* Razvershayasya real'nost' // Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU «Filosofiya khozyaystva». – 2020. – № 3 (129) – S. 13–32.
4. *Absalyamova S. G., Mukhametgaliyeva Ch. F.* Vliyaniye epidemii koronavirusa na mirovuyu ekonomiku / Natsional'nyye ekonomicheskiye sistemy v kontekste formirovaniya global'nogo ekonomicheskogo prostranstva: sbornik nauchnykh trudov / pod obshchey redaktsiyey d.e.n., professora Z. O. Adamanovoy. – Vypusk 6. – Simferopol': IT «ARIAL», 2020. – S. 61–63.
5. *Plevako N., Karlbek Kh.* Virus i shvedskaya model' // Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN. – 2020. – № 2. – S. 123–129.
6. *Gromyko Al. A.* Koronavirus kak faktor mirovoy politiki // Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN. – 2020. – № 2. – S. 4–13.
7. *Belov V. B.* COVID-19 – Game Changer yevropeyskoy ekonomiki // Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN. – 2020. – № 3. – S. 4–12.
8. *Potemkina O. Yu.* Vliyaniye COVID-19 na svobodu peredvizheniya i migratsiyu v Yevrosoyuze // Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN. – 2020. – № 3. – S. 89–94.
9. *Potemkina O. Yu.* Migratsiya i ubezhishche v period pandemii // Yevropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii. – 2020, mart-may. – Vyp. 100. – S. 88–91.
10. *Smirnov Ye. N.* «Mirovaya ekonomika koronavirusa»: poisk optimal'nykh putey preodoleniya posledstviy krizisa // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2020. № 13 (3). – S. 243–266.
11. *Volkov Yu. G., Kurbatov V. I.* Global'naya sotsiologiya pandemii: otechestvennyye i zarubezhnyye stsennarii i trendy poslekoronavirusnogo mira // Gumanitariy Yuga Rossii. – 2020. – Т. 9 (42). – №2. – S. 17–31.

© Сорокина Е.А., 2020

Статья поступила в редакцию 05.07.2020 г.

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

УДК 342.4

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-54-60

Т. А. Васильева

доктор юридических наук, доцент

Институт государства и права Российской академии наук

Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0002-7294-1649. E-mail: tan-vas@mail.ru

Ответ Италии на пандемию COVID-19: проблемы правового регулирования в чрезвычайной ситуации

Аннотация: В связи с глобальным характером пандемии COVID-19 органы государственной власти различных стран вынуждены были решать сходные задачи, связанные с защитой публичных интересов и обеспечением права на здоровье, неразрывно связанного с правом на жизнь. Италия первой из стран западной демократии испытала на себе воздействие коронавируса. 31 января 2020 г. в стране было введено чрезвычайное положение, которое должно было действовать до 31 июля 2020 г., и распространялось, начиная с марта, на всю территорию страны, предполагая жёсткие ограничения свободы передвижения.

Пандемия COVID-19 продемонстрировала способность органов публичной власти противостоять чрезвычайной ситуации и одновременно обнажила системные проблемы во взаимоотношениях органов государственной власти на горизонтальном и вертикальном уровнях. В результате введения чрезвычайного положения, правительство сосредоточило в своих руках значительный объём полномочий. Урегулирование ситуации осуществлялось либо актами делегированного законодательства, либо административными актами Председателя Совета министров или отдельных министров. Декреты Председателя Совета министров стали играть ведущую роль в управлении чрезвычайной ситуацией. Парламент страны в течение месяца после объявления чрезвычайного положения не проявлял какой-либо активности и возобновил свою деятельность только в связи с необходимостью одобрения декретов-законов. Фактически был ослаблен конституционный контроль за деятельностью Правительства. Слабая координация действий государства и областей в нормотворческой сфере подрывала доверие между органами власти различного уровня, оказывала негативное воздействие на соблюдение принципа лояльного сотрудничества.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, Италия, чрезвычайное положение, права человека, свобода передвижения, Правительство, Парламент, иерархия источников права, области.

Для цитирования: Васильева Т. А. Ответ Италии на пандемию COVID-19: проблемы правового регулирования в чрезвычайной ситуации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 54–60. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-54-60.

Tatiana A. Vasilieva

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

Institute of State and Law Russian Academy of Sciences

10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7294-1649. E-mail: tan-vas@mail.ru

Italy's response to the COVID-19 pandemic: problems of normative management of emergency

Annotation: Due to the global nature of the COVID-19 pandemic, public authorities of different countries had to deal with similar tasks related to protecting of public interests and ensuring the right to health, inextricably linked to the right to life. Italy was the first Western democracy to experience the effects of the coronavirus. On January 31, 2020, a state of emergency was introduced in the country, which was supposed to be in effect until July 31, 2020. In March it was extended to the entire territory of the country, and severe restrictions on freedom of movement were introduced.

The COVID-19 pandemic has demonstrated the ability of public authorities to withstand an emergency and at the same time exposed systemic problems in the relationships of public authorities, both at the horizontal and vertical levels. Introduction of the state of emergency resulted in the Government's significant increase of power. The situation was managed either by delegated legislation, or by administrative regulations of the President of the Council of Ministers or individual Ministers. The decrees of the President of the Council of Ministers have taken a leading role in the emergency management. Within a month after the declaration of the state of emergency, the Italian Parliament did not show any activity and resumed its activities only due to necessity to approve decrees and laws. In fact, the constitutional control over the Government activity was weakened. The lack of due coordination between the State and regions in the normative sphere undermined trust between authorities and had a negative impact on adherence to the principle of loyal cooperation.

Keywords: COVID-19 pandemic, Italy, emergency, human rights, freedom of movement, Government, Parliament, hierarchy of sources of law, regions.

For citation: Vasilieva T. A. Italy's Response to the COVID-19 Pandemic: Problems of Normative Management of Emergency // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 54–60. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-54-60.

Введение

30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила, что вспышка инфекции COVID-19 представляет собой чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение¹. По данным ВОЗ, на этот день было зафиксировано 7818 подтвержденных случаев заболевания, преобладающее большинство – в Китае и только 82 случая – в других странах².

¹ Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 (nCoV) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (дата обращения: 11.06.2020).

² COVID – 19 – хронология действий ВОЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/27-04-2020-who-timeline-covid-19> (дата обращения: 11.06.2020).

11 марта 2020 г. Генеральный директор ВОЗ охарактеризовал эпидемию нового коронавируса как пандемию. В этот период её центр переместился в Европу, где к середине марта было зарегистрировано 40 % всех случаев заболеваний, а к концу апреля – 63 % от общего числа смертей, вызванных COVID-19³.

В связи со сложившейся ситуацией органы государственной власти европейских государств вынуждены были заниматься сходными проблемами, связанными с защитой публичных интересов и обеспечением права на здоровье, неразрывно связанного с правом на жизнь. Поскольку пандемия носила глобальный характер, право на здоровье невозможно было обеспечить без введения серьёзных ограничительных мер в отношении конституционно гарантированных прав, в первую очередь связанных с контактами

³ Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. Европейское региональное бюро. – URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/novel-coronavirus-2019-ncov> (дата обращения: 17.06.2020).

с другими людьми и с доступом в общественные места. Каждое из государств принимало решения, исходя из ситуации с распространением инфекции и особенностей конституционного устройства своей страны.

В настоящее время уже накоплен определенный опыт борьбы с коронавирусом и можно анализировать характер и сроки действия принятых мер, их обоснованность и пропорциональность, соблюдение предусмотренных в законодательстве процедур [1, р. 193–194], определять, какие из этих мер можно признать эффективными, а какие не подтвердили свою состоятельность.

Пандемия как чрезвычайная ситуация в контексте итальянской правовой системы

Италия была первой страной западной демократии, испытавшей на себе воздействие коронавируса. Председатель Совета министров Дж. Конти охарактеризовал ситуацию с COVID-19 как наиболее серьезный кризис, который переживала страна после II Мировой войны⁴. Согласно докладу Национального института статистики и Высшего института здравоохранения Италии с начала эпидемии (20 февраля 2020 г.) и до 1 июля 2020 г. в стране было выявлено 239 606 случаев заболевания, максимальное число (113 351) – в марте 2020 г. К 1 июня 2020 г. умер 32 981 человек, имевший положительный анализ на COVID-19, из них 15 133 умерли в период до 31 марта 2020 г. Начиная с мая 2020 г., уровень смертности в Италии соответствовал средним показателям за 2015–2019 гг.⁵

В конституции страны не предусмотрено введение чрезвычайного положения, однако, как отмечается в литературе, фактически оно конституционализировано [2, р. 82]. В учредительном акте в ряде статей, посвященных правам человека, имеются «ограничительные клаузулы», то есть предусмотрены конституционные механизмы, допускающие при определенных обстоятельствах ограничение соответствующих прав [3, р. 3]. В частности, возможно ограничение свободы передвижения в целях охраны здоровья и безопасности (ч. 1 ст. 16), осуществление проверок и осмотров жилища в целях охраны здоровья и предотвращения общественных бедствий (ч. 3 ст. 14), введение запрета собраний по обоснованным мотивам безопасности и общественного порядка (ч. 3 ст. 14). Кроме того, Италия как государство – участник Европейской конвенции может ориентироваться и на предусмотренные в ней допустимые ограничения.

⁴ Dichiarazioni del Presidente del Consiglio, Giuseppe Conti, sulle nuove misure per il contenimento dell'epidemia. Dichiarazioni del Presidente Conte - 21/03/2020 [Электронный ресурс] // Governo italiano. Presidenza del Consiglio dei Ministri. URL: <http://www.governo.it/it/media/dichiarazioni-del-presidente-conte/14359> (дата обращения: 24.06.2020).

⁵ В докладе представлены сведения, касающиеся 93,1 % итальянских коммун, в которых проживает 95 % населения страны. См.: Impatto dell'epidemia COVID-19 sulla mortalità totale della popolazione residente periodo gennaio-maggio 2020 [Электронный ресурс] // Ministero della salute. URL: https://www.epicentro.iss.it/coronavirus/pdf/Rapp_Istat_Iss_9luglio.pdf (дата обращения: 11.07.2020).

Чрезвычайное положение регламентируется в Италии Кодексом гражданской защиты, утвержденным законодательным декретом от 2 января 2018 г. № 1⁶. Решение о введении чрезвычайного положения принимает Совет министров по предложению своего Председателя, которое может быть сформулировано также по требованию Председателей заинтересованных областей и автономных провинций. В решении определяются сроки и территориальные рамки действия соответствующего режима, предусматривается выделение первичных финансовых средств на неотложные нужды и оказание помощи населению (ч. 1 ст. 24). Чрезвычайное положение может вводиться на срок не более 12 месяцев и продлеваться еще один раз на такой же срок (ч. 3 ст. 24). Досрочное прекращение чрезвычайного положения осуществляется в том же порядке, что и его введение (ч. 4 ст. 23).

В целях координации действий в рамках чрезвычайного положения общенационального характера посредством издания распоряжений в сфере гражданской защиты возможно осуществление мер, отступающих от любых действующих нормативных положений, в предусмотренном решением о введении чрезвычайного положения порядке в соответствии с общими принципами правопорядка и нормами ЕС. Такие акты издаются по согласованию с областями и автономными провинциями, территориально затронутыми стихийным бедствием, в них должны указываться те нормы, от которых они отступают, с соответствующим обоснованием (ч. 1 ст. 25).

Чрезвычайное положение было введено в Италии 31 января 2020 г. на основании решения Совета министров⁷. Ситуация с коронавирусом квалифицировалась как чрезвычайная ситуация национального значения, связанная с обстоятельствами, носящими характер стихийного бедствия, естественного происхождения или обусловленного человеческой деятельностью, которому необходимо противостоять с использованием чрезвычайных полномочий и средств, могущих использоваться в течение ограниченных, заранее определенных сроков (п. «с» ч. 1 ст. 7 Кодекса, преамбула решения Совета министров). Декларация Правительства об объявлении чрезвычайного положения в связи с опасностью для здоровья, обусловленного возникновением патологий, связанных с передаваемыми вирусами – возбудителями инфекции, предусматривала введение соответствующего режима на шестимесячный срок (п. 1 Решения Совета министров), предоставление главе Департамента гражданской защиты⁸ права издавать распоряжения для осуществления

⁶ Decreto legislativo 2 gennaio 2018, n. 1. Codice della protezione civile // G.U. n. 17 del 22 gennaio 2018.

⁷ Delibera del Consiglio dei Ministri 31 gennaio 2020. Dichiarazione dello stato di emergenza del rischio sanitario connesso all'insorgenza di patologie derivanti da agenti virali transmissibile // G.U. n. 26 del 1 febbraio 2020.

⁸ В соответствии с Кодексом гражданской защиты Председатель Совета министров является национальным органом государственной власти по вопросам гражданской защиты, определяющим политику в данной сфере

необходимых мер в соответствии с общими принципами правопорядка (п. 2), выделение из Фонда чрезвычайных ситуаций общенационального характера 5 млн евро на осуществление первичных мероприятий (п. 3).

Охрана здоровья рассматривается в Италии и как основное право человека, и как публичный интерес (ст. 32 Конституции). Как отмечается в литературе, в случае серьёзной чрезвычайной ситуации и угрозы для здоровья всех и каждого, охрана здоровья как публичный интерес превращается в высшую ценность, которая может служить оправданием серьёзных ограничений личных свобод и действий в повседневной жизни, введения жёстких рамок в отношении реализации других конституционно признанных прав всеми и каждым [4]. При этом предпринятые меры должны быть обоснованы и соразмерны преследуемой цели, то есть охране здоровья.

Введенные ограничения затронули значительный круг основных прав и свобод, в первую очередь – свободу передвижения и проживания в любой части национальной территории (ст. 16), право собираться мирно (ст. 17), свободу выражения мнения (ст. 21), свободу исповедовать религиозные верования (ст. 19), право на забастовку (ст. 40), право на труд (ст. 4), свободу частной хозяйственной инициативы (ст. 41), свободу преподавания и права учебных заведений (ст. 33), право на образование (ст. 34), свободу переписки и всех видов связи (ст. 15).

В Италии были введены одни из самых жёстких ограничений свободы передвижения. Первоначально ограничительные меры затрагивали только отдельные районы страны, наиболее пострадавшие от коронавируса⁹, однако затем их распространили на всю территорию. В определенной степени была воспринята правовая позиция Конституционного суда Италии, согласно которой предотвращение распространения инфекционных болезней необходимым образом требует принятия однородных мер на всей территории страны (решение № 5 от 15 января 2018 г.)¹⁰. Содержание ограничительных мер также постоянно расширялось.

В соответствии с декретом-законом от 23 февраля 2020 г. № 6¹¹ в тех коммунах и районах, где имелось хотя бы одно лицо с позитивным

анализом и неизвестным источником передачи вируса, лица, происходившие из затронутых инфекцией районов, либо случаи невыздоровления, компетентные органы власти были призваны принимать любые пропорциональные и адекватные меры сдерживания и управления развитием эпидемической ситуации в целях предотвращения распространения коронавируса (ч. 1 ст. 1). В частности, они могли вводить запрет на въезд и выезд из коммуны или района (п. «а», «б» ч. 2 ст. 1). Ограничительные меры могли вводиться посредством принятия декретов Председателя Совета министров по предложению министра здравоохранения, заслушав министра внутренних дел, министра обороны, министра экономики и финансов и других министров, обладающих компетенцией по соответствующему вопросу, а также председателей заинтересованных областей, если ограничения касаются одной или нескольких областей, или председателя конференции областей, если речь идет о территории страны в целом (ч. 1 ст. 3). В целях предотвращения распространения эпидемии компетентные органы власти могли принимать и иные меры, связанные со сдерживанием и управлением эпидемией, выходящие за рамки предусмотренных в ч. 1 ст. 1 случаев (ст. 2).

Председатель Совета министров издал ряд декретов, в которых уточнялись территориальные рамки действия и характер ограничительных мер. 1 марта действие запрета 2020 г. было распространено на 10 коммун области Ломбардия и одну коммуну области Венето (п. «а», «б» ч. 2 ст. 1, Приложение 1 декрета Председателя Совета министров)¹². 8 марта 2020 г. на всей территории области Ломбардия и 14 провинций других областей были запрещены любые перемещения физических лиц внутри административно-территориальных единиц и за их пределы, за исключением перемещений, связанных с производственной необходимостью, состоянием здоровья и безотлагательной ситуацией. При этом людям было разрешено возвращаться в места постоянного жительства или пребывания (п. «а» ч. 1 ст. 1 декрета Председателя Совета министров)¹³. В тот же день был издан ещё один декрет, распространивший эти меры на всю территорию страны (ч. 1 ст. 1)¹⁴. 22 марта 2020 г. физическим лицам запретили использовать общественный или частный транспорт для перемещения за пределы коммуны пребывания, за исключением случаев, связанных с доказан-

(ч. 1 ст. 3). Департамент гражданской защиты – структурное подразделение Бюро Совета министров, созданное в 1982 г. в качестве центра мобилизации и координации всех общенациональных ресурсов, пригодных для оказания помощи населению в случае серьёзных чрезвычайных ситуаций. См.: Protezione civile [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.protezionecivile.gov.it/dipartimento> (дата обращения: 11.06.2020).

⁹ В числе наиболее пострадавших оказались северные области (Ломбардия, Венето, Пьемонт, Эмилия-Романья, Лигурия).

¹⁰ Corte Costituzionale. Sentenza n. 5 del 18 gennaio 2018. Para 7.2.2 [Электронный ресурс] // Сайт «Consulta Online». – URL: <http://www.giurcost.org/decisioni/2018/0005s-18.html> (дата обращения: 17.05.2020).

¹¹ Decreto-Legge 23 febbraio 2020, n. 6. Misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 45 del 23/02/2020.

¹² Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri 1 marzo 2020. Ulteriori disposizioni attuative del decreto-legge 23 febbraio 2020, n.6, recante misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 52 del 1-3-2020.

¹³ Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri 8 marzo 2020. Ulteriori disposizioni attuative del decreto-legge 23 febbraio 2020, n.6, recante misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 59 del 8-3-2020.

¹⁴ Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri 8 marzo 2020 recante nuove misure per il contenimento e il contrasto del diffondersi del virus COVID-19 sull'intero territorio nazionale // G.U. n. 62 del 9-3-2020.

ной производственной необходимостью, состоянием здоровья, безотлагательной ситуацией. Была отменена возможность возвращаться в места постоянного жительства или пребывания (п. «b» ч. 1 ст. 1 декрета Председателя Совета министров)¹⁵.

Соответствующие меры были скорректированы декретом-законом от 25 марта 2020 г. № 19¹⁶, в соответствии с которым в целях сдерживания и противодействия опасности для здоровья, связанной с распространением вируса COVID-19, на определённой части или на всей территории страны до 31 июля 2020 г. могли вводиться на срок не более 30 дней с возможностью продления или изменения предусмотренные в данном акте меры, которые могли усиливаться или ослабляться в зависимости от развития эпидемиологической ситуации (ч. 1 ст. 1). Данные меры, в частности, могли предусматривать: ограничение передвижения лиц, в том числе возможности удаления от места пребывания, проживания или жилища, за исключением ограниченных по времени и расстоянию индивидуальных перемещений, обусловленных производственными нуждами, необходимой и безотлагательной ситуацией, состоянием здоровья или другими особыми причинами; закрытие для публики улиц города, парков, игровых площадок, общественных садов и вилл, а также других общественных мест; введение ограничений или запрета на въезд и выезд за пределы коммун, провинций, областей или страны; применение карантина в отношении тех, кто имел непосредственные контакты с лицами с подтверждённым диагнозом инфекционного вирусного заболевания или кто приехал из-за границы; абсолютный запрет покидать собственное жилище для лиц, на которых распространяется карантин в связи с положительным анализом на наличие вируса (п. «a»–«e» ч. 2 ст. 1).

В итальянской литературе отмечалось, что чрезвычайное положение 2020 г. имело чётко выраженную специфику: оно вводилось на длительный срок, распространялось, начиная с марта месяца, на всю территорию страны, предусматривало такое полное «закрытие» страны, какое никогда не вводилось в Италии, при этом были существенно ограничены возможности осуществления судебного контроля за применением ограничительных мер [5].

Соблюдение принципа законности и иерархии источников права

В результате введения чрезвычайного положения Правительство сосредоточило в своих руках существенный объём полномочий, поскольку урегулирование ситуации осуществлялось либо

актами делегированного законодательства (декреты-законы), либо декретами Председателя Совета министров или отдельных министров. Как отмечалось в литературе, в условиях демократического строя в такой ситуации необходимо, чтобы и другие высшие органы власти имели возможность вмешательства и осуществления контроля: Президент – осуществлять полномочия гаранта, Парламент – получать полную информацию о деятельности правительства и высказывать свою позицию в отношении предпринятых мер. Поскольку Парламент является одним из важнейших институтов демократии, то он не может быть ослаблен или прекратить свою деятельность даже в условиях пандемии [6, р. 120–121].

По общему правилу права и свободы человека могут быть ограничены только на основании закона (см., например, ч. 2 ст. 13, ч. 5 ст. 21 Конституции). Такой подход объясняется рядом причин: закон – это акт Парламента, единственного органа, избираемого непосредственно гражданами, выражающего суверенитет народа и наделённого полномочиями, связанными с представительством нации; законодательный процесс носит открытый характер и осуществляется под контролем общественного мнения; в палатах Парламента есть представители оппозиции, которые имеют возможность высказывать свою позицию; закон может быть оспорен в органе конституционного контроля – Конституционном суде, являющемся верховным гарантом соблюдения Конституции; 500 тысяч избирателей могут потребовать проведения референдума для полной или частичной отмены положений закона, что является инструментом народного политического контроля за деятельностью представительного органа [7, р. 49].

Вместе с тем в необходимых и безотлагательных случаях Правительство может под свою ответственность издавать акты делегированного законодательства – декреты-законы, коллегиальные решения Совета министров, оформленные в виде декретов Президента Республики (ст. 77, ч. 5 ст. 87 Конституции). В соответствии с итальянской доктриной Президент Республики не может вернуть декреты-законы, одобренные Советом министров, с учётом особой ответственности правительства в отношении данных актов и срочности процедуры их принятия [8, р. 147].

В преамбуле декрета-закона указываются обстоятельства, обусловившие его принятие, и исходные данные решения Совета министров. Содержание декрета не может выходить за рамки предмета регулирования, указанного в его названии. До ратификации декреты-законы рассматриваются как временные положения, наделёемые силой закона (ч. 2 ст. 76). Они утрачивают силу с момента издания, если не получают законодательного утверждения в течение шестидесяти дней после опубликования (ч. 3 ст. 76)¹⁷.

Правительство безотлагательно представляет декрет-закон для последующего ут-

¹⁵ Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri 22 marzo 2020. Ulteriori disposizioni attuative del decreto-legge 23 febbraio 2020, n.6, recante misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19, applicabile sull'intero territorio nazionale // G.U. n. 76 del 22-3-2020

¹⁶ Decreto-Legge 25 marzo 2020, n. 19. Misure urgenti per fronteggiare l'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 79 del 25/03/2020.

¹⁷ Конституционный суд в решении № 360 1996 г. отметил, что конституционное регулирование квалифици-

верждения в палаты, которые, даже если они распущены, специально созываются и собираются на заседание в течение пяти дней. В ходе рассмотрения Парламент может внести любые изменения в представленный правительством текст. Поправки, внесённые в текст декрета-закона, вступают в силу на следующий день после принятия закона об утверждении декрета. В государственном вестнике «Газетта Уффичиале» публикуется информация об отказе в одобрении, частичном одобрении либо прекращении действия декрета-закона в связи с истечением установленного срока.

По мнению экспертов [9, р. 7], в действующем итальянском праве отсутствуют адекватные правовые средства для нормативного регулирования чрезвычайной ситуации. В последние десятилетия Правительство использует издание декретов-законов не в предусмотренных Конституцией целях¹⁸, а в рамках законодательства о гражданской защите. В процессе противодействия стихийным бедствиям в соответствии с предписаниями Кодекса гражданской защиты ключевую роль играют акты вторичного уровня – административные акты Председателя Совета министров, председателей областей, синдиков коммун как территориальных органов власти в сфере гражданской защиты. Ситуация с COVID-19 предоставляла хорошую возможность для использования декретов-законов в соответствии с их конституционным назначением, однако это предполагало бы осуществление контроля парламента за нормативным регулированием ситуации с противодействием распространению инфекции.

В итальянской литературе широко обсуждался вопрос о допустимости регулирования чрезвычайной ситуации декретами Председателя Совета министров. С одной стороны, декрет позволяет более оперативно и гибко реагировать на ситуацию, и при сильной позиции политических партий даже в условиях чрезвычайной ситуации председатель Правительства может работать в тесном контакте с их представителями [10]. С другой стороны, это акт главы Правительства, на который не распространяется контроль парламента, Президента страны, на него нельзя подать жалобу в Конституционный суд, рассматривающий конституционные споры только в отношении законов или актов, имеющих силу закона [7, р. 47].

рует установленный шестидесятидневный срок действия безотлагательных декретов как тот предел, который невозможно преодолеть и который – собственно, в силу уважения предписания о наделении палат обычными законодательными полномочиями – не может быть нарушен или обойдён косвенным образом.

¹⁸ В последние десятилетия данные акты стали использоваться Правительством для реализации наиболее важных элементов своей предвыборной программы, и очень часто утверждение декретов-законов в парламенте стало увязываться с постановкой вопроса о доверии Совету министров.

Декреты Председателя Совета министров стали играть основополагающую роль в управлении чрезвычайной ситуацией, хотя в Законе № 400 от 23 августа 1988 г. о деятельности Правительства и об организации Бюро Совета министров они даже не упоминались. В Кодексе гражданской защиты регламентировалась возможность издания Председателем Совета министров директивных указаний, содержащих основные направления, касающиеся осуществления деятельности по гражданской защите на координационной основе в целях обеспечения единства соответствующих мер с учётом территориальных особенностей (ч. 2 ст. 3).

В условиях чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией COVID-19, декретам Председателя Совета министров был придан статус и полномочия, не предусмотренные правовой системой Италии [11, р. 576]. Административным актом стали ограничивать основные права и свободы, устанавливать порядок осуществления декретов-законов и их уточнение. Это видоизменяло в определённой степени и статус главы Правительства, который фактически наделялся полномочиями по принятию ключевых решений под свою ответственность в чрезвычайной ситуации [12, р. 139].

В определённой степени вопрос был урегулирован после принятия декрета-закона от 25 марта 2020 г. № 19, в котором были внесены коррективы в порядок разработки и принятия декретов Председателя Совета министров. В частности, предусматривалось, что соответствующие акты должны приниматься после заслушивания мнения научно-технического комитета, формируемого руководителем Департамента гражданской защиты (ч. 2 ст. 2). Они подлежат предварительному контролю Счётной палаты, но в течение времени его осуществления считаются временно действующими и подлежащими исполнению (ч. 4 ст. 2). Декреты Председателя Совета министров публикуются в официальном вестнике «Газетта Уффичиале» и передаются в палаты Парламента на следующий день после их опубликования. Председатель Совета министров или по его поручению один из министров раз в 15 дней информируют палаты о предпринятых мерах (п. 5 ст. 2).

Заключение

Председатель Конституционного суда Итальянской Республики М. Картабья отмечала, что страна противостояла различным чрезвычайным ситуациям и кризисам, ни разу не прибегнув к приостановлению или отмене конституционного устройства, находя в рамках этого устройства инструменты, позволяющие использовать конституционные принципы с учётом имеющихся возможностей. По её мнению, необходимость, пропорциональность, поиск баланса, возможность рассмотрения в судебном порядке, временный характер мер – вот те критерии, которые в соответствии с конституционной судебной практикой позволяют в любые времена осуществлять на систематической и не-

фрагментарной основе охрану основных прав, гарантированных Конституцией, и вводить необходимые ограничения¹⁹.

Итальянские авторы обращают внимание на то, что пандемия COVID-19 продемонстрировала, с одной стороны, способность органов публичной власти противостоять чрезвычайной ситуации не только в санитарно-техническом, но и в социально-политическом плане. С другой стороны, эта ситуация создала условия для ослабления конституционного контроля за осуществлением власти и открыла дорогу для авторитарных тенденций, вступающих в противоречие с демократическими принципами Конституции [12, р. 131].

В какой-то степени Парламент страны сам упустил инициативу, поскольку в течение месяца после объявления чрезвычайного положения не проявлял какой-либо активности ни в политическом, ни в правовом плане. В отличие от других европейских парламентов, он не адаптировал свою деятельность к новым условиям и не ввёл удалённый режим работы. Фактически он возобновил свою деятельность только в связи с необходимостью одобрения декретов-законов.

¹⁹ Cartabia M. Presidente della Corte costituzionale. L'Attività della Corte Costituzionale nel 2019 [Электронный ресурс] // Сайт «Corte costituzionale». – URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/relazione_cartabia/1_relazione.pdf (дата обращения: 24.07.2020).

Проблема усугублялась ещё и тем, что вопросы здравоохранения в соответствии с разграничением компетенции между государством и областями относятся к сфере конкурирующей компетенции (ч. 3 ст. 117). Пандемия COVID-19 оказала различное воздействие на регионы страны, наиболее пострадавшие области требовали от Правительства предоставления им большей самостоятельности для урегулирования ситуации. Выбор конференции председателей областей в качестве координационного органа территориальных коллективов оказался не совсем удачным, поскольку эта структура ранее практически не собиралась на заседания. Все это приводило к слабой координации действий государства и областей в нормотворческой сфере, порождало увеличение числа обращений в административные трибуналы по вопросам толкования нормативных предписаний государства и областей, подрывало доверие между органами власти и оказывало негативное воздействие на соблюдение принципов лояльного сотрудничества, субсидиарности и пропорциональности в их взаимоотношениях [9, р. 10]. Таким образом, пандемия коронавируса обнажила системные проблемы во взаимоотношениях органов государственной власти как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне, выявила необходимость более чёткого следования конституционным предписаниям в сфере нормотворчества.

Список литературы / References

1. *Groppi T.* Le sfide del coronavirus alla democrazia costituzionale // Consulta online. Revista telematica. – 2020. – Fasc. 1. – P. 192–196.
2. *Tripodina C.* La Costituzione al tempo del coronavirus // Costituzionalismo.it. – 2020. – Fasc. 1. – P. 78–88.
3. *Blando G.* Libertà religiosa e libertà di culto ai tempi di Covid-19: una questione di bilanciamento [Электронный ресурс] // Сайт «Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo». – URL: <https://www.federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm?Artid=42267> (дата обращения: 17.04.2020).
4. *Nocelli M.* La lotta contro il coronavirus e il volto solidaristico del diritto alla salute [Электронный ресурс] // Сайт «Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo». – URL: <https://www.federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm?Artid=41239> (дата обращения: 17.05.2020).
5. *Cintioli F.* Sul regime del lockdown in Italia (note sul decreto legge n. 19 del 25 marzo 2020) [Электронный ресурс] // Сайт «Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo». – 2020. – n. 10. – URL: <https://www.federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm?Artid=41781> (дата обращения: 17.05.2020).
6. *Algotino A.* Covid-19: primo tracciato per una riflessione nel nome della Costituzione // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. – 2020. – Fasc. 3. – P. 116–125.
7. *Brunelli G.* Democrazia e tutela dei diritti fondamentale ai tempi del coronavirus // Diritto virale. Collana dei Ricercatori del Dipartimento di Giurisprudenza dell'Università degli Studi di Ferrara. – Vol. 1. Pandemia e mutazioni del diritto. – Ferrara: Università degli Studi di Ferrara. Dipartimento di Giurisprudenza, 2020. – P. 46–52.
8. Manuale di diritto pubblico. A cura di G. Amato e A. Barbera con la collaborazione di C. Fusaro / 4 ed. – Bologna: il Mulino, 1994.
9. *Clementi F.* Il lascito della gestione normativa dell'emergenza: tre riforme ormai ineludibili // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. – 2020. – Fasc. 3. – P. 1–15.
10. *Caravita B.* L'Italia ai tempi del coronavirus: rileggendo la Costituzione italiana [Электронный ресурс] // Сайт «Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo». – 2020. – n. 6. – URL: <https://www.federalismi.it/nv14/editoriale.cfm?eid=548> (дата обращения: 17.05.2020).
11. *Lucarelli A.* Costituzione, fonti del diritto ed emergenza sanitaria // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. – 2020. – Fasc. 2. – P. 558–583.
12. *Sorrentino F.* Riflessioni minime sull'emergenza coronavirus // Costituzionalismo.it. – 2020. – Fasc. 1. – P. 130–139.

Е. Е. Новопавловская

кандидат юридических наук, доцент

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова

Российская Федерация, 308012, Белгород, ул. Костюкова, д. 46

ORCID: 0000-0002-5103-1427. E-mail: novopavlovskaya@gmail.com

Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в период пандемии COVID-19

Аннотация: Даже в период пандемии коронавируса (COVID-19) все суды, в том числе Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляли свою деятельность. Однако формат их функционирования стал иным, нежели прежде. Условия пандемии коронавируса (COVID-19) заставили многих перейти в иной формат работы, побудили ускорить процессы цифровизации, в том числе реализацию основных этапов цифровизации правосудия, включающих предоставление в электронном виде общего доступа к актам судебных органов, замену протоколов в бумажном виде аудиопротоколами, налаживание удобного электронного документооборота, а также устойчивой и доступной системы видеоконференцсвязи в судах, формирование доступного и удобного отслеживания задержек в проведении судебных заседаний и принятых судебных актов и др. В статье проведён мониторинг практики судебного конституционного нормоконтроля в период пандемии коронавируса, сделан акцент на исследовании сущности спорных правоотношений. На основе полученных результатов автор приходит к выводу о том, что даже в нетипичных, сложных для всей страны и мира в целом условиях, граждане и их объединения высказывали неудовлетворённость регламентацией отношений различной отраслевой принадлежности, призывая Конституционный Суд Российской Федерации вывести из правового пространства неконституционные нормы, устранить проблемы правотворческого характера, выступающие причинами проблем правоприменительной практики.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, пандемия, Конституционный Суд, нормоконтроль, правовая неопределённость.

Для цитирования: Новопавловская Е. Е. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в период пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 61–65. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-61-65.

Elena E. Novopavlovskaya

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

46, Kostyukov str., Belgorod, 308012, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5103-1427. E-mail: novopavlovskaya@gmail.com

Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation during the COVID-19 pandemic

Annotation: Even during the coronavirus pandemic (COVID-19) all courts including the Constitutional Court of the Russian Federation carried out their activities. However, the format of their functioning has become different than before. The conditions of the coronavirus pandemic (COVID-19) forced a great deal of organisations to pass to a different operating mode, encouraged them to speed up digitalization processes, including the implementation of the main stages of digitalization of justice, comprising the provision of electronic access to judicial acts, the replacement of paper-based protocols with audio protocols, the regulation of convenient electronic document flow as well as a stable and accessible video conferencing system in courts, the formation of an accessible and convenient system of tracking delays of court hearings and adopted judicial acts, etc. The article gives the monitoring results of the practice of judicial constitutional regulation during

the coronavirus pandemic, emphasizes the study of the essence of controversial legal relations. Based on the results obtained, the author comes to the conclusion that even in atypical, difficult conditions for the whole country and the entire world, citizens and their associations expressed dissatisfaction with the regulation of relations of various industry branches, urging the Constitutional Court of the Russian Federation to remove unconstitutional norms from the legal space, to eliminate problems of a law-making nature, which are the causes of problems of law enforcement practice.

Keywords: digitalization of justice, pandemic, Constitutional Court, rule of law, legal ambivalence.

For citation: Novopavlovskaya E. E. Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation during the COVID-19 pandemic // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 61–65. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-61-65.

Реалии пандемии коронавируса (COVID-19) заставили многих из нас перейти в иной формат работы, в том числе дистанционный. Не осталась в стороне и судебная власть. Особую актуальность и значимость в таких условиях приобрели вопросы востребованности электронных ресурсов судебной системы и цифровизации правосудия в целом, которые уже не один год вызывают как научный, так и практический интерес исследователей, оценивающих положительные и отрицательные аспекты применения нейронной сети в целях обеспечения особого формата юридического взаимодействия судебной власти и общества [1, с. 50–56; 2, с. 23–25; 3; 4, с. 46–49; 5; 6, с. 26–31; 7, с. 11–18].

Принятые в разные годы нормативные правовые акты¹, направленные на развитие российской судебной системы, в том числе документы программного характера, зафиксировали мероприятия по информатизации и внедрению современных информационных технологий, включая автоматизированные системы (в частности, ГАС «Правосудие»²), призванные минимизировать нарушение процессуальных сроков, сократить количество незавершённых дел, обеспечить удобную и быструю доступность к информации, повысив тем самым качество и доступность правосудия³. Однако согласимся с

мнением К. Л. Брановицкого, что умелое использование современных технологий в правосудии приведёт к значительному сокращению или облегчению «пути к судебной защите», но не решит всех проблем его качества и доступности. Подобного рода проблемы требуют применения комплексного подхода, «целевые индикаторы и показатели по которому легче в достижении» [8, с. 4]. Сюда относится направление процессуальных документов в электронном виде; использование автоматизированных систем распределения дел между судьями, что позволяет компьютерно формировать судебные составы, учитывая нагрузку и специализацию судей; увеличение числа залов судебных заседаний, оборудование которых позволяет проводить видеопотоколирование; расширение иных возможностей электронного взаимодействия судов и общества. Как справедливо замечает Ю. С. Харитонов, в числе мер по цифровизации правосудия в России должны быть и такие, которые призваны обеспечивать безопасность информации, хранящейся в системах судов [9, с. 3]. Факт необходимости обеспечения информационной безопасности и защиты информации, а также поиска баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, с одной стороны, и правом на доступ к информации о деятельности суда, с другой, также верно подчёркивают Е. В. Гриценко и Ю. А. Ялунер [10, с. 98].

Сложившиеся условия пандемии потребовали осуществления корректировки деятельности всей судебной власти, при которой должен был соблюдаться баланс обеспечения безопасности здоровья, жизни граждан и принципа доступности правосудия. Президиумом Верховного суда Российской Федерации и Президиумом Совета судей Российской Федерации были даны соответствующие рекомендации судам о порядке их дальнейшей деятельности в сложившихся условиях⁴, с соблюдением которых чуть более

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3889.

² Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL.: <https://sudrf.ru/>

³ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» : Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583 (в ред. от 1 ноября 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 41. – Ст. 4248; О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (в ред. от 25 декабря 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

⁴ О приостановлении личного приёма граждан в судах : Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 808; О приостановлении

чем за один месяц было рассмотрено свыше 2 млн дел и материалов⁵.

Весьма активно в период пандемии COVID-19 осуществлял свою деятельность и Конституционный Суд Российской Федерации⁶, мониторинг практики которого позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, решения КС РФ были приняты не только по обращениям, поступившим в период пандемии, но и до его начала. На официальном сайте КС РФ в разделе «Обращения в КС РФ» появилась новая вкладка «Электронная система подачи обращений»⁷, пройдя по которой, заявитель попадает в личный кабинет. Признаем, что в сложившихся реалиях пандемии граждане и их объединения активно используют подобное нововведение.

Во-вторых, в качестве заявителей выступали как отдельные граждане: индивидуально (Постановление КС РФ от 25 июня 2020 г. № 29-П⁸) либо коллективно (Постановление КС РФ от 24 марта 2020 г. № 12-П⁹, Постановление КС РФ от 26 июня 2020 г. № 30-П¹⁰), так и юридические лица различных организационно-правовых форм, в том числе ООО (Постановление КС РФ от 21 апреля 2020 г. № 19-П¹¹, Постановление КС РФ от 12 мая 2020 г. № 23-П¹²), АО (Постановление Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2020 г. № 15-П¹³, Постановление КС РФ от 30 июня 2020 г. № 31-П¹⁴) и др. Более того, имели место также обращения представителей властных структур государства, например, законодательных (представительных) органов государственной власти (Постановление КС РФ от 4 июня 2020 г. № 27-П¹⁵), судов (Определение

КС РФ от 18 июня 2020 г. № 1345-О¹⁶) и др. В частности, по запросу Костромского областного суда КС РФ дал оценку конституционности положений ст. 4.6 и ч. 1.3 ст. 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, признав их противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не позволяют определить порядок исчисления срока, в течение которого лица, уплатившие административный штраф в половинном размере до вступления постановления о его назначении в законную силу, считаются подвергнутыми административному наказанию. В этой связи КС РФ возложил на федерального законодателя обязанность по проведению соответствующих корректировок норм административного законодательства (Постановление КС РФ от 23 июня 2020 г. № 28-П¹⁷). И, следовательно, третий вывод, который мы можем сделать: КС РФ не только выводит из правового пространства неконституционные законоположения, но и участвует в механизме устранения правовых неопределённостей.

В-четвертых, предмет рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства составляли нормативные правовые акты, регламентирующие общественные отношения различной отраслевой направленности. Речь шла не только о неконституционности норм материального права: конституционного, гражданского (Постановление КС РФ от 28 апреля 2020 г. № 21-П¹⁸, Определение КС РФ от 18 июня 2020 г. № 1345-О), трудового (Постановление КС РФ от 19 мая 2020 г. № 25-П¹⁹), земельного (Постановление КС РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П²⁰), налогового (Постановление КС РФ от 9 апреля 2020 г. № 16-П²¹, Постановление КС РФ от 29 апреля 2020 г. № 22-П²², Постановление КС РФ от 30 июня 2020 г. № 31-П), административного (Постановление КС РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П²³, Постановление КС РФ от 13 мая 2020 г. № 24-П²⁴, Постановление КС РФ от 23 июня 2020 г.

личного приёма граждан в судах: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 08 апреля 2020 г. № 821 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Работа отечественных судов в условиях пандемии: информация Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2020 г. // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Далее – КС РФ.

⁷ Официальный сайт КС РФ. – URL: <https://petition.ksrfr.ru/> (дата обращения: 25 июля 2020).

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 27. – Ст. 4287.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2431.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 27. – Ст. 4288.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3223.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3227.

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2434.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 28. – Ст. 4497.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 24. – Ст. 3851.

¹⁶ Работа отечественных судов в условиях пандемии: информация Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2020 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 27. – Ст. 4286.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3225.

¹⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 21. – Ст. 3375.

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1639.

²¹ Российская газета: Федеральный выпуск. – 20.04.2020. – № 85 (8139).

²² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3226.

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3221.

²⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3228.

№ 28-П), права социального обеспечения (Постановление КС РФ от 27 мая 2020 г. № 26-П²⁵) и др., но и процессуального, например, гражданско-процессуального права (Постановление КС РФ от 26 июня 2020 № 30-П). Значительное количество решений КС РФ приходится на июль 2020 г. И опять-таки отраслевая направленность оспариваемых заявителями норм весьма многообразна, при этом большинство из них составляли положения кодифицированных правовых актов, в частности, Гражданского кодекса Российской Федерации (Постановление КС РФ от 24 июля 2020 № 40-П²⁶), Трудового кодекса Российской Федерации (Постановление КС РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П²⁷), Налогового кодекса Российской Федерации (Постановление КС РФ от 2 июля 2020 № 32-П²⁸), Уголовного кодекса Российской Федерации (Постановление КС РФ от 22 июля 2020 № 38-П²⁹), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (Постановление КС РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П³⁰), Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Постановление КС РФ от 7 июля 2020 г. № 33-П³¹) и др.

Примечательно, что заявители высказывали свою неудовлетворённость законодательным регулированием различных аспектов конституционных прав граждан различной видовой принадлежности, в том числе:

- личных прав, например, свободы передвижения (Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2020 г. № 29-П);

- политических прав – в частности, права на проведение публичных массовых мероприятий (Постановление КС РФ от 4 июня 2020 г. № 27-П), права на равный доступ к государственной службе (Постановление КС РФ от 6 апреля 2020 г. № 14-П³²);

- социально-экономических прав, например, права граждан на социальное обеспечение (Постановление КС РФ от 22 апреля 2020 г. № 20-П³³), что в условиях пандемии коронавируса

приобрело особое звучание, актуальность и значимость в связи с приостановлением, а порой и прекращением деятельности ряда предприятий, учреждений и организаций, когда работодатели допускали грубые нарушения трудового законодательства, в том числе, не выплачивая либо сокращая заработную плату, осуществляя незаконные увольнения и др.

В-пятых, обратим также внимание, что нормоконтрольная функция КС РФ реализовывалась не только в отношении нормативных правовых актов федерального уровня, но и регионального. Наглядным примером тому может выступать Постановление от 4 июня 2020 г. № 27-П, в котором КС РФ констатировал неконституционность положений Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» в части установленного в ст. 3.4 запрета на проведение публичного мероприятия в месте, расположенном ближе 150 метров от военных объектов; зданий, в которых расположены образовательные учреждения; зданий и объектов, используемых для богослужений, проведения религиозных обрядов и церемоний; зданий, занимаемых организациями, предназначенными для оказания стационарной медицинской помощи. В обоснование данного решения КС РФ отметил, что подобное регулирование находится за конституционно установленными пределами законодательных полномочий субъектов Российской Федерации. Резюмируем, что речь идёт о нарушениях принципов разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и российскими регионами. И опять-таки КС РФ признал необходимость внесения соответствующих законодательных изменений в части корректировки названного выше закона Самарской области.

Приведённые данные и примеры практики КС РФ наглядно подтверждают, что даже в сложных условиях пандемии граждане и их объединения активно прибегали к механизмам конституционного судопроизводства, используя функцию судебного конституционного нормоконтроля в целях защиты своих конституционных прав и свобод. Констатируем также факт повышения востребованности электронных ресурсов судебной системы, но это вовсе не означает, что нейронные сети должны заменить судей. Нейронные сети следует рассматривать лишь как вспомогательный инструмент для анализа документов. Не более того.

²⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 22. – Ст. 3586.

²⁶ Российская газета: Федеральный выпуск. – 07.08.2020. – № 174 (8228).

²⁷ Российская газета: Федеральный выпуск. – 24.07.2020. – № 162 (8216).

²⁸ Российская газета: Федеральный выпуск. – 15.07.2020. – № 153 (8207).

²⁹ Российская газета: Федеральный выпуск. – 31.07.2020. – № 168 (8222).

³⁰ Российская газета: Федеральный выпуск. – 24.07.2020. – № 162 (8216).

³¹ Российская газета: Федеральный выпуск. – 15.07.2020. – № 153 (8207).

³² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2433.

³³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 20. – Ст. 3224.

Список литературы

1. *Белякова А. В.* Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 12. – С. 50–56.
2. *Боброва Н. А.* Цифровизация: плюсы и минусы // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 23–25.
3. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э. В. Алимов, Д. Р. Алимова, Х. И. Гаджиев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – Москва: ИЗиСП, Контракт, 2020. – 176 с.
4. *Котлярова В. В.* К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 12. – С. 46–49.
5. *Проскурякова М. И.* Защита персональных данных в праве России и Германии: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2017. – 26 с.
6. *Саурин А. А.* Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 26–31.
7. *Танимов О. В.* Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2. – С. 11–18.
8. *Брановицкий К. Л.* Соотношение понятий «качество» и «цифровизация правосудия» // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 7. – С. 3–7.
9. *Харитонов Ю. С.* Платформизация правосудия: опыт Китая и будущее судебных систем мира // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 3. – С. 3–11.
10. *Гриценко Е. В., Ялунер Ю. А.* Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 3. – С. 97–129.

References

1. *Belyakova A. V.* Razvitie tsifrovyykh tekhnologii v sisteme pravosudiya kak odin iz sposobov uskoreniya sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federatsii // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2019. – № 12. – S. 50-56.
2. *Bobrova N. A.* Tsifrovizatsiya: plyusy i minusy // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2019. – № 10. – S. 23-25.
3. Zashchita dannykh: nauchno-prakticheskii kommentarii k sudebnoi praktike / E. V. Alimov, D. R. Alimova, Kh. I. Gadzhiev i dr.; otv. red. V. V. Lazarev, Kh. I. Gadzhiev. – Moskva: IZiSP, KONTRAKT, 2020. – 176 s.
4. *Kotlyarova V. V.* K voprosu o tsifrovizatsii protsessa otpravleniya pravosudiya // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2019. – № 12. – S. 46-49.
5. *Proskuryakova M. I.* Zashchita personal'nykh dannykh v prave Rossii i Germanii: konstitutsionno-pravovoi aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2017. – 26 s.
6. *Saurin A. A.* Tsifrovizatsiya kak faktor transformatsii prava // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2019. – № 8. – S. 26-31.
7. *Tanimov O. V.* Transformatsiya pravootnoshenii v usloviyakh tsifrovizatsii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2020. – № 2. – S. 11-18.
8. *Branovitskii K. L.* Sootnoshenie ponyatii «kachestvo» i «tsifrovizatsiya pravosudiya» // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2019. – № 7. – S. 3-7.
9. *Kharitonova Yu. S.* Platformizatsiya pravosudiya: opyt Kitaya i budushchee sudebnykh sistem mira // Vestnik arbitrazhnoi praktiki. – 2020. – № 3. – S. 3-11.
10. *Gritsenko E. V., Yaluner Yu. A.* Pravo na sudebnuyu zashchitu i dostup k sudu v usloviyakh informatizatsii i tsifrovizatsii: znachenie opyta stran obshchego prava dlya Rossii // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. – 2020. – № 3. – S. 97-129.

УДК 342.7

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-66-72

Е. А. Сорокина

кандидат юридических наук

*Институт государства и права Российской академии наук
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-6618-8574. E-mail: sorokina_ea@mail.ru*

Преюдициальная процедура в Суде ЕС и трансформация европейского антидискриминационного права

Аннотация: Существенной особенностью правовой системы ЕС является преюдициальная процедура, представляющая собой уникальный инструмент сотрудничества в рамках диалога между Судом ЕС и национальными судебными органами государств-членов. Основная её цель – это обеспечение единообразного толкования и применения положений права ЕС во всех национальных правовых системах и сохранение единства европейской правовой системы.

Постоянное использование национальными судами государств-членов механизма преюдициальных запросов и конструктивное межсудебное сотрудничество позволило Суду ЕС выработать обширную судебную практику о запрете дискриминации и внести существенные изменения в европейское антидискриминационное право.

Преюдициальные решения Суда ЕС демонстрируют склонность к расширению представлений о том, что представляет собой дискриминация. В большинстве случаев они свидетельствуют о постоянном стремлении Суда толковать положения европейского права таким образом, чтобы обеспечить их полную эффективность. Очевидна его готовность в продвижении и улучшении защиты от дискриминации в Европе. Хотя эта защита не одинакова для всех дискриминационных оснований, однако определённые правовые позиции Суда ЕС являются важным вкладом в трансформацию антидискриминационного права, способствуют изменениям в национальном законодательстве государств-членов и более эффективной защите основных прав и свобод человека в целом.

Ключевые слова: право ЕС, Суд ЕС, национальные суды, преюдициальная процедура, судебный диалог, антидискриминационное право, защита от дискриминации.

Для цитирования: Сорокина Е. А. Преюдициальная процедура в Суде ЕС и трансформация европейского антидискриминационного права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 66–72. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-66-72.

Elena A. Sorokina

Cand. Sci. (Jurid.)

*Institute of State and Law Russian Academy of Sciences
10, Znamenska str., Moscow, 119019, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6618-8574. E-mail: sorokina_ea@mail.ru*

The preliminary ruling procedure at the Court of justice of the European Union and transformation of European anti-discrimination law

Annotation: The preliminary ruling procedure is an essential feature of the EU legal system, which is a unique cooperation tool as part of the dialogue between the Court of Justice of the EU and national courts of the Member States. Its main purpose is to ensure uniform interpretation and application of the provisions of EU law with all Member States and to preserve the uniformity of the European legal system.

The continuous use by national courts of the Member States of the mechanism of preliminary ruling and constructive inter-judicial cooperation, the Court of Justice has developed an extremely extensive case law on the prohibition of discrimination and with the result to introduce substantial changes in European anti-discrimination law.

The preliminary rulings of the Court of Justice have shown its inclination to expand notions of what constitutes discrimination and in most cases the Court prompt by the desire to interpret the provisions of European law so as to ensure the full effectiveness of the law, as well as a willingness to promote and strengthen protection against discrimination in Europe. While the protection against discrimination on some grounds is stronger than others, however, the preliminary rulings of the Court of Justice are important contribution to the transformation of anti-discrimination law, promote change in the national legislation of the Member States and provide the more effective protection of human rights in general.

Keywords: EU law, CJEU, national courts, preliminary ruling procedure, judicial dialogue, anti-discrimination law, protection against discrimination.

For citation: Sorokina E. A. The preliminary ruling procedure at the court of justice of the European Union and transformation of European anti-discrimination law // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 66–72. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-66-72.

Введение

В настоящее время европейская архитектура прав человека характеризуется наличием трёх уровней норм и институтов, которые во многом дублируют друг друга. Так, положения о правах человека находят отражение в национальных конституциях государств, в актах Европейского Союза (далее – ЕС) и Европейской конвенции о правах человека. В то же время на каждом уровне данной системы существуют институты, на которые возложена задача их защиты, в частности, суды [1, р. 3].

В том случае, если речь идет о ЕС, защита основных прав человека является одной из тех областей, где вмешательство Суда ЕС было наиболее масштабным [2, р. 125]. При этом значительная часть его решений была принята в результате функционирования преюдициальной процедуры, являющейся уникальным инструментом, в соответствии с которым Суд в Люксембурге и национальные суды государств-членов несут общую ответственность за обеспечение единообразного толкования и применение положений европейского права¹. Данная процедура позволяет обеспечивать право на эффективную судебную защиту и способствует сотрудничеству между Судом ЕС и национальными судами, которые признаются неотъемлемой частью европейской судебной системы [3, с. 131–156]. В своей практике Суд неоднократно рассматривал данную процедуру в качестве судебного диалога, который основан на четком разделении функций между наднациональными и национальными судьями². В частности, в

компетенцию национального суда входит инициирование преюдициальной процедуры, определение содержания преюдициального запроса, в котором отражаются фактические обстоятельства дела и изложение причин его направления, а в последующем применение преюдициального решения Суда ЕС в рамках определённого дела. В свою очередь Суд должен отвечать за абстрактное толкование положений права ЕС, всегда принимая преюдициальные запросы от национальных судов, и выносить преюдициальные решения³.

Благодаря межсудебному диалогу в рамках преюдициальной процедуры, Суд ЕС разработал основополагающие принципы европейского правопорядка и отдельные правовые позиции в области защиты основных прав и свобод, при этом существенные изменения произошли в области европейского антидискриминационного права.

Преюдициальные решения Суда ЕС и защита от дискриминации

Поскольку все виды дискриминации противоречат процессу европейской интеграции, принципы равенства и недискриминации заложены в основу права ЕС. Интерпретационная деятельность Суда ЕС позволила ему выработать обширное прецедентное право о запрете дискриминации, в результате чего «он стал не

¹ В настоящее время преюдициальная процедура предусматривается ст. 267 Договора о функционировании ЕС. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ C 326. 26 October 2012. P. 47–390.

² CJEC. Case 2/06 Willy Kempter KG v. Hauptzollamt Hamburg-Jonas. Reference for a preliminary ruling; Finanzgericht Hamburg – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 12 February 2008. Para. 42; Case 210/06 Cartesio Oktató és Szolgáltató bt v. Hungary. Reference for a preliminary ruling; Szegedi Ítéltábla – Hungary. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 December 2008. Para. 91.

³ CJEC. Case 20/64 SARL Albatros v Société des pétroles et des combustibles liquides (Sopéco). Reference for a preliminary ruling; Tribunale civile e penale di Roma – Italy. Judgment of the Court of 4 February 1965; Case 13/68 SpA Salgoil v Italian Ministry of Foreign Trade, Rome. Reference for a preliminary ruling; Corte d'appello di Roma – Italy. Judgment of the Court of 19 December 1968; Joined cases 36 and 71/80 Irish Creamery Milk Suppliers Association and others v Government of Ireland and others; Martin Doyle and others v An Taoiseach and others. References for a preliminary ruling; High Court – Ireland. Judgment of the Court of 10 March 1981; Case 338/85 Fratelli Pardini SpA v Ministero del Commercio con l'Estero and Banca Toscana (Lucca branch). Reference for a preliminary ruling; Pretura di Lucca – Italy. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 21 April 1988.

только «двигателем интеграции», но и средством защиты от дискриминации» [4, p. 732].

Следует упомянуть, что 70-е годы прошлого столетия имели решающее значение для данного процесса. Именно в этот период Суд ЕС посредством нескольких преюдициальных решений обеспечил эффективную защиту от дискриминации не только по признаку национальности, но и по признаку пола. В последнем случае основой послужила ст. 119 Римского договора (в настоящее время – ст. 141 Договора о функционировании ЕС), в соответствии с которой устанавливался принцип равной оплаты для мужчин и женщин за равный труд. Это нашло отражение в известной серии дел *Defrenne*, в которых истец, стюардесса бельгийской авиакомпании, утверждала, что она получала меньшую заработную плату по сравнению с мужчинами-стюардами, несмотря на одинаковый характер выполняемой работы. Кроме того, трудовые отношения с персоналом женского пола прекращались при достижении ими 40 лет, в то время как стюарды и сотрудники мужского пола компании имели возможность продолжать трудовую деятельность после достижения данного возраста.

В решении по делу *Defrenne II* Суд ЕС отметил, что ст. 119 Римского договора обладает прямым действием и подлежит исполнению как национальными судами государств-членов, так и в отношениях между государствами, частными компаниями и индивидами. При этом Суд обратил внимание, что равная оплата является не только частью экономических, но и социальных целей Сообщества⁴. Кроме того, он указал на важность соблюдения равного отношения к мужчинам и женщинам, заявив, что он является одним из общих принципов права, и защита от дискриминации по данному признаку является частью основных прав человека⁵.

В последующем подобный подход Суда ЕС позволил установить определённые основы для развития более широкой «платформы» прав человека в области защиты от дискриминации [5, p. 638]. Как отмечается в литературе, принимая данные решения, Суд концентрировался на социальных, психологических и культурных особенностях, которые присущи человеку в зависимости от того или иного пола в дополнение к биологическим различиям [6, p. 26]. В частности, например, именно Суд ЕС стал одним из первых в мире судов, который на основании толкова-

ния принципа равного отношения к мужчинам и женщинам применил его в отношении лиц, которые сменили свой пол [7].

Первый случай, который рассматривался Судом ЕС – дело *P v S and Cornwall*, которое касалось мужчины, уволенного работодателем в связи с тем обстоятельством, что он решил сделать операцию по смене пола. Принимая во внимание, что в середине 90-х гг. на уровне ЕС по существу была запрещена только дискриминация по признаку национальности и пола, истец утверждал, что его увольнение равносильно дискриминации по последнему основанию. Суд по трудовым спорам Великобритании не обнаружил прямой дискриминации в данном случае, однако обратился в Суд ЕС с преюдициальным запросом. В своем решении Суд отметил, что нарушается п. 1 ст. 5 Директивы 76/207/ЕС об имплементации принципа равенства мужчин и женщин в вопросах трудоустройства, профессионального образования, продвижения по службе и условиях труда 1976 г.⁶, и указал, что её положения «являются выражением принципа равенства в соответствующей области как одного из основополагающих принципов европейского права». Затем, ссылаясь на решение по делу *Defrenne II*, отметил, что право не подвергаться дискриминации по признаку пола является одним из основных прав человека, соблюдение которого он должен обеспечить. При этом подчёркивалось, что сфера действия положений Директивы не может ограничиваться просто дискриминацией, основанной на том факте, что человек того или иного пола. Ввиду своей цели и характера прав, которые она стремится защитить, область её применения также охватывает дискриминацию, которая является результатом внешних изменений пола соответствующего лица. В данном случае Суд ЕС указал, что лицо, которое намерено сделать операцию по смене пола или уже сделало такую операцию, не должно подвергаться менее благоприятному отношению по сравнению с лицами того пола, к которому оно принадлежало до операции по изменению пола⁷.

Со вступлением в силу Амстердамского договора 1997 г.⁸ были введены дополнительные основания защиты от дискриминации. В частности, введён запрет дискриминации по расовому, этническому, религиозному признакам, на

⁶ Council Directive 76/207/EEC on the implementation of the principle of equal treatment for men and women as regards access to employment, vocational training and promotion, and working conditions // OJ L 039. 14 February 1976. P. 40–42.

⁷ CJEC. Case 13/94 P v S and Cornwall City Council. Reference for a preliminary ruling: Industrial Tribunal, Truro – United Kingdom. Judgment of the Court of 30 April 1996. Paras. 18–21.

⁸ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // OJ C 340. 10 November 1997. P. 1–144.

⁴ CJEC. Case 43/75 Gabrielle Defrenne v Société anonyme belge de navigation aérienne Sabena. Reference for a preliminary ruling: Cour du travail de Bruxelles – Belgium. Judgment of the Court of 8 April 1976. Paras. 4–12.

⁵ CJEC. Case 149/77 Gabrielle Defrenne v Société anonyme belge de navigation aérienne Sabena. Reference for a preliminary ruling: Cour de cassation – Belgium. Judgment of the Court of 15 June 1978. Paras. 25–27.

основании инвалидности, возраста, сексуальной ориентации. Отмечается, что появление данного положения «было застенчивым и хрупким» и первоначально не вызвало особого внимания [8, р. 57], тем не менее были приняты акты вторичного права – Директива 2000/43/ЕС от 29 июня 2000 г., имплементирующая принцип равного обращения с людьми, независимо от их расового или этнического происхождения⁹, и Директива 2000/78/ЕС от 27 ноября 2000 г. о создании общих стандартов, направленных на обеспечение равноправия в сфере труда и занятости, которые сформировали дальнейшую европейскую политику в области запрета дискриминации¹⁰.

Толкование Судом ЕС положений этих двух директив, а также ст. 13 Амстердамского договора (в настоящее время ст. 19 Договора о функционировании ЕС) предоставило возможность в рамках преюдициальной процедуры принять несколько знаковых решений, которые отражают не только степень их воздействия на национальные правовые системы, но и идентичные проблемы, существующие в государствах-членах.

Об этом свидетельствует первая интерпретация Суда положений Директивы 2000/78 в решении по делу *Mangold*, в котором было признано, что нормы немецкого законодательства, предусматривающие заключение срочных трудовых договоров с лицами, достигшими 52-летнего возраста, без ограничения противоречат положениям европейского права. В данном случае Суд ЕС проявил особую смелость, поскольку период транспонирования положений данной Директивы в национальное законодательство государств-членов ещё не истёк, и рассматриваемый спор был между частными лицами [9, р. 243–261]. Однако данное решение примечательно тем, что Суд сформулировал новый общий принцип европейского права, запрещающий дискриминацию по возрасту¹¹. По мнению Суда, данный принцип не закреплён в самой Директиве, но имеет свои истоки в области международного права и конституционных традициях, общих для государств-членов. Однако на момент принятия данного решения, только конституции двух национальных правопорядков – Португалии и Финляндии – признавали данный принцип, в то время как другие источники не содержали прямых запретов дискриминации по возрасту [10, р. 221]. Тем не менее Суд ЕС вновь подтвердил существование данного принципа в решении по делу *Bartsch*¹², хотя он и не применялся в этом случае.

⁹ Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin // OJ L 180. 19 July 2000. P. 22–26

¹⁰ Council Directive 2000/78/EC of 27 November 2000 establishing a general framework for equal treatment in employment and occupation // OJ L 303. 2 December 2000. P. 16–22.

¹¹ CJEC. Case 144/04. Werner Mangold v Rüdiger Helm. Reference for a preliminary ruling: Arbeitsgericht München – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 22 November 2005. Para 75.

Несмотря на критику данного подхода Суда [11, р. 53–65; 12, р. 587–593; 13, р. 1177–1183], в настоящее время она должна рассматриваться в исторической ретроспективе, так как с момента вступления в силу Лиссабонского договора Хартия ЕС об основных правах¹³ приобрела юридически обязательную силу, обеспечивая правовую основу для защиты от дискриминации по признаку возраста (ст. 21). Это было признано и Судом ЕС в решении по делу *Küçükdeveci*, в котором подчёркивалось, что общий принцип недискриминации по признаку возраста впервые был признан в решении *Mangold*, и в настоящее время Хартия обладает той же юридически обязательной силой и включает его¹⁴.

При этом Суд ЕС допускает широкий круг законных целей, оправдывающих различие в обращении по признаку возраста. Такие цели включают: содействие занятости для молодых и пожилых работников¹⁵; объединение возможностей распределения трудоустройства между поколениями¹⁶; обеспечение смешения поколений на рабочих местах¹⁷; предотвращение необходимости увольнять работников по причине нетрудоспособности¹⁸.

¹² CJEC. Case 427/06 Birgit Bartsch v Bosch und Siemens Hausgeräte (BSH) Altersfürsorge GmbH. Reference for a preliminary ruling: Bundesarbeitsgericht – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 23 September 2008. Para 25.

¹³ Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 326. 26 October 2012. P. 391–407.

¹⁴ CJEC. Case 555/07 Seda Küçükdeveci v Swedex GmbH & Co. KG. Reference for a preliminary ruling: Landesarbeitsgericht Düsseldorf – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 19 January 2010.

¹⁵ CJEC. Case 411/05 Félix Palacios de la Villa v Cortefiel Servicios SA. Reference for a preliminary ruling: Juzgado de lo Social nº 33 de Madrid – Spain. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 October 2007; Case 88/08 David Hütter v Technische Universität Graz. Reference for a preliminary ruling: Oberster Gerichtshof – Austria. Judgment of the Court (Third Chamber) of 18 June 2009; Joined Cases 159/10 and 160/10. Gerhard Fuchs and Peter Köhler v Land Hessen. References for a preliminary ruling: Verwaltungsgericht Frankfurt am Main – Germany. Judgment of the Court (Second Chamber) of 21 July 2011.

¹⁶ CJEC. Case 341/08 Domnica Petersen v Berufungsausschuss für Zahnärzte für den Bezirk Westfalen-Lippe. Reference for a preliminary ruling: Sozialgericht Dortmund – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 12 January 2010; Case 45/09 Gisela Rosenblatt v Oellerking Gebäudereinigungsges. mbH. Reference for a preliminary ruling: Arbeitsgericht Hamburg – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 12 October 2010.

¹⁷ CJEC. Joined Cases 250/09 and 268/09 Vasil Ivanov Georgiev v Tehnicheski universitet - Sofia, filial Plovdiv. References for a preliminary ruling: Rayonen sad Plovdiv – Bulgaria. Judgment of the Court (Second Chamber) of 18 November 2010; Joined Cases 159/10 and 160/10. Gerhard Fuchs and Peter Köhler v Land Hessen. References for a preliminary ruling: Verwaltungsgericht Frankfurt am Main – Germany. Judgment of the Court (Second Chamber) of 21 July 2011.

¹⁸ CJEC. Joined Cases 159/10 and 160/10. Gerhard Fuchs and Peter Köhler v Land Hessen. References for a preliminary ruling: Verwaltungsgericht Frankfurt am Main – Germany. Judgment of the Court (Second Chamber) of 21 July 2011; Case 45/09 Gisela Rosenblatt v Oellerking Gebäudereinigungsges. mbH. Reference for a preliminary ruling: Arbeitsgericht Hamburg – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 12 October 2010.

Хотя дискриминация по признаку инвалидности не привела к такому количеству решений, как по возрасту, тем не менее следует упомянуть некоторые из них. В частности, отсутствие определения инвалидности в Директиве 2000/78/ЕС породило определённую прецедентную практику Суда ЕС. В деле *Chácón Navas* он указал, что данное понятие должно толковаться автономно и единообразно. Его следует определять как «ограничение, в результате нарушения физических, психических или психологических функций, которые создают препятствие для участия определённого лица в профессиональной жизни». При этом подчёркивалось, что инвалидность отличается от болезни и подразумевает, что такое ограничение должно носить долгосрочный характер¹⁹.

В решении по делу *Coleman* было введено понятие «дискриминация по ассоциации», тем самым значительно расширяя сферу действия положений европейского права. Данное дело касалось матери, которая одна воспитывала ребёнка-инвалида. Истец, г-жа С. Коулмэн, работала секретарём в юридической компании с 2001 г., а в 2002 г. родила ребёнка-инвалида. Ребёнок нуждался в особом уходе, который в основном обеспечивала она. По её мнению, работодатель к ней относился менее благоприятно, чем к другим работникам с детьми-инвалидами.

Так, после возвращения истицы из декретного отпуска работодатель отказался вернуть её на прежнюю должность. Кроме того, он отказался предоставить гибкий график рабочего времени и те же условия труда, которые были у других работников. В случае, когда она опоздала на работу из-за проблем, связанных с уходом за ребёнком, ей сообщили, что она будет уволена, если опоздает снова, а когда она подала заявление на дополнительный отпуск, она подвергалась оскорбительным комментариям. В этой ситуации она уволилась по собственному желанию в 2005 г., а через несколько месяцев подала иск в национальный суд по трудовым спорам, утверждая, что была вынуждена прекратить трудовые отношения в результате жестокого обращения.

Национальный суд Великобритании направил преюдициальный запрос в Суд ЕС с вопросом о том: запрещают ли положения европейского права дискриминацию трудоспособного лица, связанного с инвалидом, как в случае с истцом. Суд постановил, что в тех случаях, когда работодатель обращается с работником, который сам не является инвалидом, менее благоприятно, чем с другим работником в

аналогичной ситуации, и если установлено, что такое неблагоприятное обращение основано на инвалидности его ребёнка, за заботу о котором он несёт основную ответственность, то такое обращение является прямой дискриминацией²⁰. Таким образом, Суд признал, что увольнение матери ребёнка с ограниченными возможностями является дискриминацией по признаку инвалидности.

Особый интерес представляют также преюдициальные решения Суда ЕС, касающиеся дискриминации по признаку сексуальной ориентации. В ряде случаев Суд установил, что государства-члены остаются свободными в принятии решений о том, признавать ли однополые партнёрства. Однако если в национальном законодательстве такие отношения признаются сопоставимыми с супружескими отношениями между лицами разного пола, то применяется принцип равного обращения по признаку сексуальной ориентации, закреплённый в Директиве 2000/78/ЕС. В том случае, если к зарегистрированным однополым партнёрам применяется иное обращение, чем к партнёрам, состоящим в браке между лицами противоположного пола, то это будет представлять собой прямую дискриминацию по признаку сексуальной ориентации. Таким образом, если супруги противоположного пола и зарегистрированные однополые партнёры находятся в аналогичной ситуации, то к ним следует относиться одинаково²¹. Вопрос о том, являются ли их ситуации сопоставимыми, должен решаться национальными судами. Такой подход Суда ЕС можно рассматривать в качестве продвижения защиты от дискриминации по признаку сексуальной ориентации. Однако очевидно, что Суд ЕС настаивает на том, чтобы государства-члены ввели какую-либо форму правового признания однополых отношений [14, р. 180].

В том случае, если речь идёт о дискриминации по признаку расового или этнического происхождения, то следует обратить внимание на

²⁰ CJEC. Case 303/06. *S. Coleman v Attridge Law and Steve Law*. Reference for a preliminary ruling: Employment Tribunal, London South – United Kingdom. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 17 July 2008. Para 56.

²¹ CJEC. Case 267/06 *Tadao Maruko v Versorgungsanstalt der deutschen Bühnen*. Reference for a preliminary ruling: Bayerisches Verwaltungsgericht München – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 1 April 2008; Case 147/08 *Jürgen Römer v Freie und Hansestadt Hamburg*. Reference for a preliminary ruling: Arbeitsgericht Hamburg – Germany. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 10 May 2011; Joined Cases 124/11, 125/11 and 143/11 *Bundesrepublik Deutschland v Karen Dittrich and Robert Klinke and Jörg-Detlef Müller v Bundesrepublik Deutschland*. Reference for a preliminary ruling from the Bundesverwaltungsgericht. Judgment of the Court (Third Chamber), 6 December 2012; Case 267/12 *Frédéric Hay v Crédit agricole mutuel de Charente-Maritime et des Deux-Sèvres*. Request for a preliminary ruling from the Cour de cassation (France). Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 12 December 2013.

¹⁹ Case 13/05 *Sonia Chácón Navas v Eures Colectividades SA*. Reference for a preliminary ruling: Juzgado de lo Social nº 33 de Madrid – Spain. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 11 July 2006. Paras. 43, 45.

решение по делу *Feryn*²², являющееся одним из немногих, которое Суд ЕС вынес на основании толкования положений Директивы 2000/43/ЕС.

Г-н Ферин, руководитель бельгийской компании, специализирующейся на продаже и установке гаражных ворот и металлических дверей, сделал заявление по местному радио, что хотя компания и ищет новых сотрудников, они не могут нанимать иммигрантов, поскольку их клиенты отказываются предоставлять им доступ к жилью для проведения работ. В связи с этим обстоятельством бельгийская организация, занимающаяся проблемами равного обращения, обратилась в национальный суд по трудовым спорам с заявлением, что компания проводит дискриминационную политику найма. Поскольку не утверждалось и не было доказано, что какое-либо лицо действительно претендовало на данную работу и ему было отказано по причине этнического происхождения, национальный суд направил преюдициальный запрос в Суд ЕС.

Суд признал, что публичное заявление работодателя о том, что он не будет нанимать работников определённого происхождения, может повлиять на то, что определённые кандидаты не будут претендовать на данную работу и повлияет на их доступ к рынку труда. Следовательно, подобное заявление руководителя компании представляет собой прямую дискриминацию. Кроме того, Суд указал, что публичного

заявления такого рода достаточно для предположения о существовании дискриминационной политики в сфере занятости, и в данном случае бремя доказывания того, что политика найма не является дискриминационной, перемещается на работодателя.

Заключение

Межсудебный диалог наднациональных и национальных судей в рамках преюдициальной процедуры способствует появлению обширной судебной практики в области защиты от дискриминации, а также изменению европейского антидискриминационного права. Направление преюдициальных запросов национальными судами в Суд ЕС свидетельствует об их намерении сотрудничать в решении сложных проблем в данной области.

Преюдициальные решения Суда ЕС демонстрируют его склонность способствовать продвижению и усилению защиты от дискриминации в Европе, включают в себя не только защиту по определённому признаку, но и направлены на борьбу со всеми видами дискриминации в государствах-членах. Анализ определённых решений Суда ЕС по преюдициальным запросам национальных судов государств-членов показал, что хотя эта защита не одинакова для всех дискриминационных оснований, однако они являются важным вкладом в трансформацию европейского антидискриминационного права, содействуют внесению изменений в национальное законодательство государств-членов, а в целом более эффективной защите основных прав и свобод человека.

²² CJEC. Case 54/07. Centrum voor gelijkheid van kansen en voor racismebestrijding v Firma Feryn NV. Reference for a preliminary ruling: Arbeidshof te Brussel – Belgium. Judgment of the Court (Second Chamber) of 10 July 2008.

Список литературы

1. *Fabbrini F* Fundamental Rights in Europe: Challenges and Transformations in Comparative Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 360 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198702047.001.0001.
2. *Tizzano A*. The Role of the ECJ in the Protection of Fundamental Rights // Continuity and Change in EU Law: Essays in Honour of Sir Francis Jacobs / ed. by A. Arnulf, P. Eeckhout, T. Tridimas. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 125–138. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199219032.003.0007
3. *Сорокина Е. А.* Преюдициальные запросы в Суд Европейского союза: содержательные критерии приемлемости // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 131–156. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-sorokina
4. *Eriksson A*. European Court of Justice: Broadening the scope of European nondiscrimination law // International Journal of Constitutional Law. – 2009. – Vol. 7. – Iss. 4. – P. 731–753. DOI: 10.1093/icon/mop025
5. *Murray J. L.* Fundamental Rights in the European Community Legal Order // Fordham International Law Journal. – 2008. – Vol. 32. – Iss. 2. – P. 624–659.
6. *Ellis E., Watson P*. EU Anti-Discrimination Law. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. – 576 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199698462.001.0001
7. *Wintemute R*. Recognising New Kinds of Direct Sex Discrimination: Transsexualism, Sexual Orientation and Dress Codes // Modern Law Review. – 1997. – Vol. 60. – Iss. 3. – P. 334–359.
8. *Burgorgue-Larsen L*. Il principio di non discriminazione nel diritto dell'Unione l'articolo 19 del Trattato sul funzionamento dell'Unione europea, ovvero la rivoluzione silenziosa // Ragion pratica. – 2011. – No. 36. – P. 55–74. DOI: 10.1415/34413
9. *Iliopoulou A*. Le principe de non-discrimination devant les juges communautaire et national // regards sur le droit de l'union européenne après l'échec du traité constitutionnel / dir. J. Rossetto, A. Berramdane. – Tours: Presses universitaires François-Rabelais, 2007. – P. 243–261.

10. *Dougan M.* In Defence of Mangold? // A Constitutional Order of States?: Essays in EU Law in Honour of Alan Dashwood / ed. by A. Arnull, C. Barnard, M. Dougan, E. Spaventa. – Oxford: Hart Publishing, 2011. – P. 219–244. DOI: 10.5040/9781472565402.ch-012
11. *Jans J.* The Effect in National Legal Systems of the Prohibition of Discrimination on Grounds of Age as a General Principle of Community Law // Legal Issues of Economic Integration. – 2007. – Vol. 1. – P. 53–65.
12. *Masson A., Micheau C.* The Werner Mangold Case: An Example of Legal Militancy // European Public Law. – 2007. – Vol. 13. – Iss. 4. – P. 587–593.
13. *Tobler C.* Putting Mangold in Perspective: In Response to Editorial Comments, Horizontal Direct Effect – A Law of Diminishing Coherence? // Common Market Law Review. – 2007. – Vol. 44. – P. 1177–1183.
14. *Zaccaroni G.* Differentiating Equality? The Different Advancements in the Protected Grounds in the Case Law of the European Court of Justice // The Principle of Equality in EU Law / ed. by L.S. Rossi, F. Casolari. – Cham: Springer, 2017. – P. 167–195. DOI: 10.1007/978-3-319-66137-7_6.

References

1. *Fabbrini F.* Fundamental Rights in Europe: Challenges and Transformations in Comparative Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 360 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198702047.001.0001
2. *Tizzano A.* The Role of the ECJ in the Protection of Fundamental Rights // Continuity and Change in EU Law: Essays in Honour of Sir Francis Jacobs / ed. by A. Arnull, P. Eeckhout, T. Tridimas. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 125–138. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199219032.003.0007
3. *Sorokina E. A.* Prejuditsial'nye zaprosy v Sud Evropeiskogo soyuza: sodержatel'nye kriterii priemlemosti // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2019. – T. 14. – № 4. – S. 131–156. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-sorokina
4. *Eriksson A.* European Court of Justice: Broadening the Scope of European Nondiscrimination Law // International Journal of Constitutional Law. – 2009. – Vol. 7. – Iss. 4. – P. 731–753. DOI: 10.1093/icon/mop025
5. *Murray J. L.* Fundamental Rights in the European Community Legal Order // Fordham International Law Journal. – 2008. – Vol. 32. – Iss. 2. – P. 624–659.
6. *Ellis E., Watson P.* EU Anti-Discrimination Law. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. – 576 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199698462.001.0001
7. *Wintemute R.* Recognising New Kinds of Direct Sex Discrimination: Transsexualism, Sexual Orientation and Dress Codes // Modern Law Review. – 1997. – Vol. 60. – Iss. 3. – P. 334–359.
8. *Burgorgue-Larsen L.* Il principio di non discriminazione nel diritto dell'Unione l'articolo 19 del Trattato sul funzionamento dell'Unione europea, ovvero la rivoluzione silenziosa // Ragion pratica. – 2011. – No. 36. – P. 55–74. DOI: 10.1415/34413
9. *Iliopoulou A.* Le principe de non-discrimination devant les juges communautaire et national // regards sur le droit de l'union européenne après l'échec du traité constitutionnel / Dir. J. Rossetto, A. Berramdane. – Tours: Presses universitaires François-Rabelais, 2007. – P. 243–261.
10. *Dougan M.* In Defence of Mangold? // A Constitutional Order of States?: Essays in EU Law in Honour of Alan Dashwood / ed. by A. Arnull, C. Barnard, M. Dougan, E. Spaventa. – Oxford: Hart Publishing, 2011. – P. 219–244. DOI: 10.5040/9781472565402.ch-012
11. *Jans J.* The Effect in National Legal Systems of the Prohibition of Discrimination on Grounds of Age as a General Principle of Community Law // Legal Issues of Economic Integration. – 2007. – Vol. 1. – P. 53–65.
12. *Masson A., Micheau C.* The Werner Mangold Case: An Example of Legal Militancy // European Public Law. – 2007. – Vol. 13. – Iss. 4. – P. 587–593.
13. *Tobler C.* Putting Mangold in Perspective: In Response to Editorial Comments, Horizontal Direct Effect – A Law of Diminishing Coherence? // Common Market Law Review. – 2007. – Vol. 44. – P. 1177–1183.
14. *Zaccaroni G.* Differentiating Equality? The Different Advancements in the Protected Grounds in the Case Law of the European Court of Justice // The Principle of Equality in EU Law / ed. by L.S. Rossi, F. Casolari. – Cham: Springer, 2017. – P. 167–195. DOI: 10.1007/978-3-319-66137-7_6

© Сорокина Е. А., 2020

Статья поступила в редакцию 05.07.2020 г.

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

УДК 347.788

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-73-79

Е. Б. Абакумова

кандидат юридических наук, доцент

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации*

Российская Федерация, 630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

Институт философии и права СО РАН,

Российская Федерация, 630090, Новосибирск, улица Николаева, д. 8

ORCID: 0000-0003-2340-3032. E-mail: civilization1981@mail.ru

Перспективные направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере охраны авторских прав

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов международно-правового регулирования отношений в сфере охраны авторских прав. В первую очередь обращается внимание на усиление глобальной тенденции к синхронизации национальных режимов охраны интеллектуальной собственности, начало которой было положено еще в XIX веке принятием Бернской конвенции. В значительной степени это обусловлено влиянием сети Интернет на скорость и масштабы распространения результатов интеллектуальной деятельности, позволяющей мгновенно осуществлять передачу данных множеству удаленных получателей. Автором обосновано, что необходимость решения проблемы нелегального использования произведений в сети Интернет станет определяющим фактором для консолидации мирового сообщества с последующей унификацией правового регулирования трансграничных авторско-правовых отношений. Среди перспективных направлений международного сотрудничества в исследуемой сфере в работе названы: 1) создание общемирового реестра Интернет-сайтов, доступ к которым должен быть ограничен по причине нарушения интеллектуальных прав; 2) создание единой международной информационной базы авторских и смежных прав.

Ключевые слова: международные соглашения, охрана авторских прав, Бернская конвенция, Всемирная организация интеллектуальной собственности, трансграничные отношения, пиратство в сети Интернет, регистрация авторских прав.

Для цитирования: Абакумова Е. Б. Перспективные направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере охраны авторских прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 73–79. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-73-79.

Ekaterina B. Abakumova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

*Novosibirsk military Institute of the national guard of the Russian Federation
named after General of the army I. K. Yakovlev*

6/2, Klyuch-Kamyshenskoye plato str., Novosibirsk, 630114, Russian Federation

Institute of philosophy and law SB RAS

8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-2340-3032. E-mail: civilization1981@mail.ru

Promising avenues of the Russian Federation participation in the international cooperation in the sphere of copyright protection

Annotation: The article is devoted to the study of issues of international legal regulation of relations in the sphere of copyright protection. First of all, the author's attention is drawn to the increasing global trend towards synchronization of national regimes of protection of intellectual property rights, the starting point of which was made in the XIXth century with the adoption of the Berne Convention. The escalation of the problem in question is related to the Internet possibilities of instant data transfer to multiple remote users that leads to speed and a great scale of intellectual property results sharing. The author gives undeniable arguments that the search for solution of the problem of illegal use of works on the Internet will be a determining factor for the consolidation of the world community with the subsequent unification of legal regulation of cross-border copyright relations. The promising avenues of international cooperation in the examined field are the following: 1) creation of a global registry of Internet sites, access to which should be restricted because of intellectual property rights violations; 2) creation of a unified international database of copyright and related rights.

Keywords: international agreements, copyright protection, Berne Convention, world organization of intellectual property protection, cross-border relations, Internet piracy, copyright registration.

For citation: Abakumova E. B. Promising avenues of the Russian Federation participation in the international cooperation in the sphere of copyright protection // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 73–79. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-73-79.

Введение

Международные соглашения образуют в рамках национальных систем авторского права самостоятельный источник права, роль которого очень значительна в силу территориального характера исключительных прав. Происходящие сейчас процессы глобализации и цифровизации оказывают существенное влияние на интенсивность культурного обмена между странами, многократно увеличивая масштабы использования произведений за границами страны создания. В этой связи вопросы международной правовой охраны авторских прав становятся все более актуальными, что обуславливает научный интерес к данной теме. Целью настоящего исследования выступает анализ наиболее перспективных направлений международного сотрудничества

Российской Федерации в сфере охраны авторских прав с учётом общемировых тенденций к гармонизации национальных режимов охраны интеллектуальной собственности.

Описание исследования

В современном мире фундаментальные принципы авторского права любой цивилизованной страны базируются на положениях универсальных многосторонних международных соглашений. Такие соглашения закрепляют минимальные пределы охраны и защиты авторских прав, являясь первоосновой для внутригосударственного законодательства. При этом страны вправе предоставлять более широкую охрану и защиту авторских прав, чем предусмотрено международными договорами.

К настоящему времени 193 государства являются участниками Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)¹, что позволяет говорить о существовании глобальной системы международного авторского права. основополагающим международным договором на протяжении более сотни лет остаётся Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886 г.), положения которой за это время неоднократно изменялись и дополнялись в соответствии с требованиями времени.

Российская Федерация в полной мере интегрирована в международную систему охраны авторских прав, являясь участником всех основных многосторонних международных соглашений в рамках ВОИС и ВТО. Статья 1231 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что на территории Российской Федерации действуют исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, установленные международными договорами Российской Федерации. Личные неимущественные и иные интеллектуальные права, не являющиеся исключительными, действуют на территории Российской Федерации в соответствии с абз. 4 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ². Другими словами, охрана личных и иных прав иностранных авторов в нашей стране осуществляется независимо от наличия международного договора.

Несмотря на то, что нормы международных конвенций в сфере авторского права в настоящее время определяют нормативный базис авторского права почти во всех государствах, единая система международно-правовой охраны интересов авторов и правообладателей всё ещё не создана. Восприятие основных принципов Бернской конвенции государствами-участниками обуславливает схожесть многих правовых норм их внутреннего законодательства, однако единообразного толкования соответствующих норм пока не сложилось. Так, например, неоднозначно трактуется коллизионный принцип Бернской конвенции «*lex loci protectionis*», определяющий выбор применимого к правоотношению права. О. В. Луткова приводит три основных варианта толкования данного принципа в правоприменительной практике государств: 1) право страны, для которой (в отношении которой) истребуется охрана; 2) право страны, где истребуется защита; 3) право страны, где имело место нарушение [1, с. 81–85].

¹ Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wipo.int/members/en/> (дата обращения: 11.06.2020).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 5496 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.07.2019).

Рассматриваемая проблема приобретает особую актуальность в связи со стремительным развитием трансграничных авторско-правовых отношений посредством телекоммуникационной сети Интернет. По справедливому замечанию М. А. Назаровой, «интернет позволяет осуществлять транзакции между людьми, которые не знают, а во многих случаях не могут знать, физическое местонахождение другой стороны. И усилия по контролю за потоком электронной информации через физические границы, вероятно, окажутся тщетными» [2, с. 30]. Сеть Интернет, существующая вне физического пространства, создаёт практически неограниченные возможности для неправомерного использования объектов интеллектуальной деятельности, порождая серьёзные проблемы их защиты. Ведь современные цифровые технологии позволяют одновременно нарушить авторские права на произведение сразу в нескольких странах [3, с. 132]. В то же время их защита на территории разных охраняющих государств будет осуществляться каждый раз отдельно.

Таким образом, основная проблема заключается в противоречии «между внетерриториальным характером Интернета и положенными в основу коллизионных норм привязками, которые опираются на территорию определённого государства – местонахождение, место причинения вреда, место исполнения обязательств, страна происхождения произведения, страна, где истребуется охрана» [4, с. 152–153]. Уже длительное время в литературе ведутся дискуссии о целесообразности применения территориального принципа охраны авторских прав к отношениям, возникающим в сети Интернет. Утверждается, что виртуальное пространство сети Интернет, доступное пользователям из любого уголка планеты и не имеющее географических границ, затрудняет определение юрисдикции государств [5]. В этой связи появляются предложения отнести киберпространство к международной территории по аналогии с космическим пространством, пространством морей и океанов за пределами территориальных вод. Так, М. С. Дашян, отмечая, что Интернет сложно причислить к какой-либо территории, приходит к выводу, что «больше всего подходит понятие международной территории, т. е. пространства, на которое не распространяется суверенитет какого-либо государства», находящегося «в общем пользовании всего человечества, всех государств (*res communis*)» [6, с. 74].

Полагаем, что путь к решению юрисдикционного вопроса киберпространства будет проходить через поиск правовых средств борьбы с главной насущной проблемой мировой паутины – незаконным копированием и распространением произведений. Надо сказать, что эффективность борьбы с данным явлением в нашей

стране крайне низкая и сегодня не обеспечивает должной защиты авторских прав. Ярким примером тому является торрент-ресурс RuTracker.org. В 2016 году Роскомнадзор на основании решения Мосгорсуда обязал российских провайдеров навсегда заблокировать доступ к сайту. Однако блокировка как таковая не ведёт к ликвидации сайта, а доступ к нему из России может быть легко получен с помощью специальных программ, изменяющих местоположение (VPN). Конечным итогом предпринятых санкций в отношении RuTracker.org стало то, что администрация сайта вообще перестала сотрудничать с правообладателями (ранее они удаляли материал, если правообладателем были заявлены претензии), а число пользователей торрент-ресурса продолжает расти и на сегодняшний день насчитывает почти 15,8 миллиона³. Получается, что попытка защиты авторских прав со стороны государства обернулась ухудшением положения правообладателей.

Крупнейшие медиа-группы, работающие на российском рынке, нашли иной способ противостоять нелегальному использованию аудиовизуальных произведений, заключив в 2018 году так называемый, «антипиратский меморандум» с представителями российских поисковых систем (Яндекс, Mail.ru, Rambler, Rutube)⁴. Посредником данной сделки выступил Роскомнадзор, который наделён полномочиями по ведению реестра пиратских сайтов. В случае попадания сайта в реестр по заявлению правообладателя, ссылки на него исключаются из поисковой выдачи на российской территории. Особенность данного меморандума заключается в том, что он подразумевает досудебный порядок урегулирования правовых споров в отличие от известного «антипиратского закона», согласно которому правообладатель при обнаружении незаконно используемых произведений в сети Интернет может обратиться в Московский городской суд⁵.

Среди специалистов и юристов ведутся обширные дискуссии о возможных способах борьбы с «пиратством» и обеспечением правовой охраны прав авторов. В частности, обсуждается возможность введения в России системы штрафов для пользователей нелегального

контента, однако эта идея не находит поддержки в связи с техническими и юридическими препятствиями⁶.

Практика показывает, что национальных усилий для защиты авторских прав в сети Интернет недостаточно. Поэтому стоит согласиться с теми исследователями, которые для решения этой проблемы предлагают уделить больше внимания международному сотрудничеству, в частности высказываются в пользу составления «специального международного договора о создании общемирового реестра Интернет-сайтов, доступ к которым должен быть ограничен во всех странах-участниках по причине нарушения субъективных интеллектуальных прав» [7, с. 18]. Полагаем, что заключение подобного международного соглашения – это лишь вопрос времени, поскольку общие тенденции развития международного авторского права следуют за техническим прогрессом, что соответствующим образом отражается на совершенствовании правовой охраны прав авторов.

Принципиальным моментом правового регулирования авторских отношений в пространстве Интернет является обеспечение баланса защитных мер и беспрепятственного распространения результатов творческой деятельности на легальной основе. Интернет является не только площадкой для противоправного использования произведений, но и инструментом для реализации авторских прав, причём не всегда авторы заинтересованы в ограничении использования их произведений и извлечении материальных выгод из своих исключительных прав [8]. Поэтому должен быть создан механизм, позволяющий авторам и правообладателям чётко выражать свою позицию в отношении конкретных объектов авторских прав. Представляется, что таким механизмом может являться процедура регистрации.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Бернской конвенции для возникновения, осуществления и защиты авторских прав и смежных прав не требуется выполнения каких-либо формальностей, в том числе совершения регистрационных действий⁷. Однако отсутствие необходимости регистрации авторского права для целей предоставления правовой охраны не снижает значимости вопроса о создании систем фиксации и учёта таких прав. Как указывают Л. А. Новоселова и О. А. Рузакова, регистрация авторских прав позволяет решить несколько существенных прак-

³ RuTracker.org [Электронный ресурс] – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/RuTracker.org#cite_ref-18 (дата обращения: 11.06.2020).

⁴ Роскомнадзор: Действие Антипиратского меморандума продлено на год // Российская газета. – 2020. – 28 января [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/01/28/roskomnadzor-dejstvie-antipiratskogo-memoranduma-prodleno-na-god.html> (дата обращения: 14.06.2020).

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях : Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2013).

⁶ Минкомсвязь и Герман Клименко не поддержали идею введения штрафов за скачивание фильмов [Электронный ресурс] // URL: <https://roskomsvoboda.org/21768/> (дата обращения: 11.06.2020).

⁷ Всемирная организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации. – URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/berne/> (дата обращения 11.06.2020).

тических задач: 1) упрощает задачу доказывания или опровержения авторства; 2) позволяет определять правомерность использования произведения; 3) облегчает процессы включения авторских прав в оборот и определения режима их использования, в том числе с коммерческими целями; 4) снижает транзакционные издержки при отчуждении или при заключении лицензионных договоров; 5) позволяет проследить судьбу авторских прав на произведение [9].

Во многих странах сегодня предусмотрена факультативная регистрация прав на все или отдельные виды объектов авторских прав, которая не имеет правоустанавливающего значения, но служит указанным выше целям. Особенно такая система развита в США, где факт регистрации в Бюро авторского права США (USCO) при библиотеке Конгресса является обязательным требованием для обращения за защитой нарушенных прав в суд. Каталог авторского права (Copyright Catalog), содержащий записи начиная с 1978 года, представлен в открытом доступе на официальном сайте Бюро авторского права США⁸.

В нашей стране п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ предусмотрена добровольная государственная регистрация программ для ЭВМ и баз данных, которой занимается Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент)⁹. Кроме того, ст. 5 Федерального закона от 22 августа 1996 г. «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» предусмотрено ведение Государственного регистра фильмов и выдача прокатных удостоверений на них в целях регулирования проката фильмов и показа фильмов на территории России, защиты обладателей прав на фильм¹⁰. Данный вид регистрации соответствует Договору о международной регистрации аудиовизуальных произведений 1989 года (Российская Федерация не является участником), действие которого было приостановлено в 1993 году, и поэтому в настоящее время каждое государство самостоятельно решает вопросы учёта аудиовизуальных произведений. Также следует упомянуть Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», который

регламентирует регистрацию произведений в форме депонирования в национальном библиотечно-информационном фонде документов Российской Федерации «документов», предназначенных для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения¹¹.

Помимо государства, регистрацией прав на произведения занимаются частные организации, осуществляющие управление авторскими правами на коллективной основе. В России такие функции реализуют Российское авторское общество (РАО)¹², Всероссийская Организация Интеллектуальной Собственности (ВОИС)¹³, Российское авторско-правовое общество «Копирус»¹⁴, НП «Интелл-Защита»¹⁵ и др. Правовое значение такой формы учёта авторских прав законом не определено.

Принятая в России система регистрации авторских прав оценивается специалистами как разрозненная и неэффективная, поскольку может использоваться лишь в отношении отдельных объектов авторских прав, обладающих высокой экономической ценностью [10; 11]. Для большинства рядовых создателей продуктов интеллектуальной деятельности регистрация авторских прав в нашей стране является достаточно дорогостоящей и сложной процедурой.

Вопрос создания единой международной информационной базы авторских и смежных прав, которая будет удобной и для потребителей, и для создателей объектов творческой деятельности, сегодня широко обсуждается в рамках ВОИС [12, с. 112]. В передовых странах комплексные системы регистрации произведений, основанные на принципе добровольности, уже созданы и интенсивно развиваются, в том числе в сторону международной интеграции (что особенно заметно на примере Европейского союза [13]). Поэтому отсутствие в России единой государственной информационной платформы по авторским правам следует считать препятствием не только для полноценной охраны прав

⁸ United States Copyright Office [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации. – URL: <https://www.copyright.gov> (дата обращения: 22.06.2020).

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 5496 [Электронный ресурс]. // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁰ О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации : Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4136. – См. также: Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2018).

¹¹ Об обязательном экземпляре документов : Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. №77-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 1. – Ст. 1; См. также: Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.06.2020).

¹² Российское авторское общество [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации. – URL: <http://rao.ru> (дата обращения: 22.06.2020).

¹³ Всероссийская организация интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации. – URL: <http://rosvois.ru/> (дата обращения: 22.06.2020).

¹⁴ Российское авторско-правовое общество «Копирус» [Электронный ресурс] // Официальный сайт организации. – URL: <https://copyrus.org/> (дата обращения: 22.06.2020).

¹⁵ Некоммерческое партнёрство «Интелл-Защита» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.a-priority.ru/> (дата обращения: 22.06.2020).

авторов и правообладателей в настоящее время, но и для международного сотрудничества по данной теме в будущем.

Следует сказать, что в литературе высказывается мнение о необходимости перехода к регистрационному принципу защиты имущественных авторских прав на основе «международного реестра коммерческих прав на объекты авторских и смежных прав» [14]. Возможно, когда развитие информационных технологий достигнет такого уровня, что регистрация авторских прав в международном реестре станет простой и доступной, действительно можно будет говорить о целесообразности требования обязательной регистрации для судебной защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Но в настоящее время и даже в ближайшей перспективе такая фундаментальная модернизация принципов Бернской конвенции все же не представляется оправданной.

Заключение

Сегодня все чаще говорится о необходимости создания единой всемирной системы охраны интеллектуальных прав. Особенно остро данная тема звучит в контексте интенсификации транснациональных отношений по использованию объектов интеллектуальной деятельности, происходящей посредством всемирной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Несмотря на то, что международные конвенции, посвящённые урегулированию во-

просов охраны прав авторов, за свою историю претерпели немало изменений и в 1996 году дополнились так называемыми интернет-договорами Всемирной организации интеллектуальной собственности, в настоящее время они не в полной мере отвечают вызовам цифровой эпохи. Это обстоятельство делает необходимым дальнейшее нормативное развитие системы международной охраны авторских прав.

Среди перспективных направлений международного сотрудничества в исследуемой сфере можно назвать заключение специальных международных соглашений по поводу: 1) создания общемирового реестра Интернет-сайтов, доступ к которым должен быть ограничен во всех странах-участниках по причине нарушения интеллектуальных прав; 2) создания единой международной информационной базы авторских и смежных прав.

Указанные направления развития международного сотрудничества в сфере авторского права, безусловно, не являются единственными, однако с учётом современных тенденций представляются наиболее перспективными. Для реализации такого сотрудничества государства должны быть немного больше заинтересованы в охране авторских прав резидентов, чем это наблюдается в настоящее время. Можно предположить, что на данный процесс будет оказывать существенное влияние прежде всего активность позиции самих авторов и правообладателей – так же, как это было в XIX веке при разработке и подписании Бернской конвенции.

Список литературы

1. Луткова О. В. Принципы правового регулирования трансграничных авторских отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. – № 12 (28). – С. 63–92.
2. Назарова М. А. Роль международных договоров в сфере гражданско-правовой защиты авторских прав в сети Интернет // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 6 (52). – С. 28–33.
3. Шахназаров Б. А. Территориальный принцип охраны интеллектуальной собственности и действие государственного суверенитета в цифровом пространстве // Lex Russica. – 2018. – № 12 (145). – С. 132–144.
4. Терентьева Л. В. Коллизионное регулирование авторских отношений в условиях развития Интернета (на примере России, США и Японии) // Право. – 2013. – № 3. – С. 151–177.
5. Терентьева Л. В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex Russica. – 2019. – № 7 (152). – С. 119–129.
6. Дашиян М. С. Авторское право: абсурд и гениальность : монография. – Москва: Волтерс Клувер, 2011. – 632 с.
7. Шафоростова К. И. Защита интеллектуальной собственности в сети Интернет на национальном и международно-правовом уровнях // Концепт. – 2019. – № 6. – С. 18.
8. Как открыть доступ к культуре и знаниям : сборник / под ред. И. Засурского и В. Харитонова. – Москва, Екатеринбург: Ассоциация интернет-издателей, «Кабинетный учёный». – 240 с.
9. Новосёлова Л. А., Рузакова О. А. Значение и функции регистрации авторских прав в Российской Федерации и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 3 (37). – С. 334–339.

10. Кузнецова И. А. Историко-правовой аспект и перспективы развития авторских и смежных прав в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 97–99.

11. Москаленко И. А. Регистрация произведений как инструмент защиты авторских прав в трансграничных отношениях (сеть Интернет) // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3 (100). – С. 142–150.

12. Блинец И. А. Концепция создания и функционирования единого реестра объектов авторского права и смежных прав / Практика правовой охраны объектов интеллектуальной собственности в условиях действия административных регламентов : материалы науч.-практ. конф. – Москва: Роспатент, 2009. – С. 112–118.

13. Пирицхалава Х. Д. Интеллектуальная собственность в международном частном праве в условиях развития инноваций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – № 10 (62). – С. 130–134.

14. Дейнеко А. Г. Авторское право в кибернетическом пространстве. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 152 с.

References

1. Lutkova O. V. Printsipy pravovogo regulirovaniya transgranichnykh avtorskikh otnoshenii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2016. – № 12 (28). – С. 63–92.

2. Nazarova M. A. Rol' mezhdunarodnykh dogovorov v sfere grazhdansko-pravovoi zashchity avtorskikh prav v seti Internet // Voprosy nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 6 (52). – С. 28–33.

3. Shakhmazarov B. A. Territorial'nyi printsip okhrany intellektual'noi sobstvennosti i deistvie gosudarstvennogo suvereniteta v tsifrovom prostranstve // Lex Russica. – 2018. – № 12 (145). – С. 132–144.

4. Terent'eva L. V. Kollizionnoe regulirovanie avtorskikh otnoshenii v usloviyakh razvitiya Interneta (na primere Rossii, SShA i Yaponii) // Pravo. – 2013. – № 3. – С. 151–177.

5. Terent'eva L. V. Printsipy ustanovleniya territorial'noi yurisdiksii gosudarstva v kiberprostranstve // Lex Russica. – 2019. – № 7 (152). – С. 119–129.

6. Dashyan M. S. Avtorskoe pravo: absurd i genial'nost' : monografiya. – Moskva: Volters Kluver, 2011. – 632 s.

7. Shaforostova K. I. Zashchita intellektual'noi sobstvennosti v seti Internet na natsional'nom i mezhdunarodno-pravovom urovnyakh // Kontsept. – 2019. – № 6. – С. 18.

8. Kak otkryt' dostup k kul'ture i znaniyam / Sbornik. Pod red. I. Zasurskogo i V. Kharitonova. – Moskva, Ekaterinburg: Assotsiatsiya internet-izdatelei, «Kabinetnyi uchenyi». – 240 s.

9. Novoselova L. A., Ruzakova O. A. Znachenie i funktsii registratsii avtorskikh prav v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2017. – № 3 (37). – С. 334–339.

10. Kuznetsova I. A. Istoriko-pravovoi aspekt i perspektivy razvitiya avtorskikh i smezhnykh prav v Rossiiskoi Federatsii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2020. – № 1. – С. 97–99.

11. Moskalenko I. A. Registratsiya proizvedenii kak instrument zashchity avtorskikh prav v transgranichnykh otnosheniyakh (set' Internet) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2019. – № 3 (100). – С. 142–150.

12. Bliznets I. A. Kontseptsiya sozdaniya i funktsionirovaniya edinogo reestra ob'ektov avtorskogo prava i smezhnykh prav // Praktika pravovoi okhrany ob'ektov intellektual'noi sobstvennosti v usloviyakh deistviya administrativnykh reglamentov: materialy nauch.-prakt. konf. – Moskva: Rospatent, 2009. – С. 112–118.

13. Pirtskhalava Kh. D. Intellektual'naya sobstvennost' v mezhdunarodnom chastnom prave v usloviyakh razvitiya innovatsii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2019. – № 10 (62). – С. 130–134.

14. Deineko A. G. Avtorskoe pravo v kiberneticheskom prostranstve. – M.: Yurlitinform, 2017. – 152 s.

© Абакумова Е. Б., 2020

Статья поступила в редакцию 29.06.2020 г.

УДК 347.63

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-80-91

Н. С. Нижник

доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0002-3369-9490. E-mail: n.nishnik@bk.ru

Н. А. Бурданова

Московский районный суд города Санкт-Петербурга
Российская Федерация, 196006, Санкт-Петербург, пр. Московский, д. 129
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5
ORCID: 0000-0003-4420-8156. E-mail: burdanova.na@icloud.com

Защита интересов ребёнка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей

Аннотация: Статья посвящена вопросам, касающимся осуществления родителями прав и обязанностей по защите интересов ребёнка. Авторы исходят из того, что в условиях XXI в., когда очевидными являются трансформации представлений о семье и семейной жизни, значительное расширение круга субъектов родительских правоотношений, изменение социальных и культурных моделей семейной жизни, осуществление родительских прав и обязанностей при обеспечении интересов детей требует большей гибкости и учёта социальных реалий. Основной заботой родителей должна оставаться защита законных интересов их детей. Обеспечение прав и интересов ребёнка в современной России значительно усложняют низкая стабильность браков, частое раздельное проживание родителей, рост внутрисемейных конфликтов. Практика осуществления родительских прав и обязанностей в Российской Федерации требует научного осмысления, а их организационно-правовые основы – совершенствования.

Статья посвящена анализу актуальных проблем семейно-правовых отношений: возможности обоим родителям в равной мере реализовать статус законного представителя ребёнка независимо от состояния их в браке, совместного проживания с ребёнком, существующего порядка общения с ребёнком при раздельном проживании; реализации прав родителей по защите законных интересов ребёнка при его выезде за границу Российской Федерации; участия родителей в качестве законных представителей ребёнка в гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношениях; реализации прав родителей по защите законных интересов ребёнка с обращением в суд; возможности несовершеннолетним родителям требовать установления отцовства в судебном порядке; последствиям злоупотребления родителями родительскими правами. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, касающееся осуществления родительских прав и обязанностей по защите интересов ребёнка.

Ключевые слова: семья, родители, ребёнок, родительские права и обязанности, защита интересов ребёнка, законный представитель, выезд ребёнка за границу, защита интересов ребёнка в суде, несовершеннолетние родители, установление отцовства, лишение родительских прав.

Для цитирования: Нижник Н. С., Бурданова Н. А. Защита интересов ребёнка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 80–91. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-80-91.

Nadezhda S. Nizhnik

Dr. Sci (Jurid.), Professor

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3369-9490. E-mail: n.nishnik@bk.ru

Nataliya A. Burdanova

Moskovskiy District Court of the Saint-Petersburg
129, Moskovskiy ave., Saint-Petersburg, 196006, Russian Federation
North-West Branch «Russian State University of Justice»
5, Aleksandrovskiy Park, Saint-Petersburg, 197046, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4420-8156. E-mail: burdanova.na@icloud.com

Protecting the interests of the child: legal aspects of the exercise of parental rights and responsibilities

Annotation: The article is devoted to issues related to the exercise of rights and obligations by parents to protect the interests of the child. The authors proceed from the fact that under the conditions of the 21st century, when the transformations of ideas about family and family life are obvious, a significant expansion of the range of subjects of parental relationships, changes in social and cultural models of family life, the exercise of parental rights and responsibilities while ensuring the interests of children requires more flexibility and taking into account social realities. The main concern of parents should remain the protection of the legitimate interests of their children. Ensuring the rights and interests of the child in modern Russia is significantly complicated by the low stability of marriages, the frequent separation of parents, and the growth of intra-family conflicts. The practice of exercising parental rights and responsibilities in the Russian Federation requires scientific understanding. Their organizational and legal foundations require improvement.

The article is devoted to the analysis of topical problems of family legal relations, such as the possibility for both parents to equally realize the status of the legal representative of the child, regardless of their state of marriage, cohabitation with the child, the existing order of communication with the child in case of separation; realization of the parents' rights to protect the legitimate interests of the child when he leaves the Russian Federation; participation of parents as legal representatives of the child in civil law and civil procedural relations; realization of the rights of parents to protect the legitimate interests of the child by bringing the matter before the court; the possibility of underage parents to demand the establishment of paternity in court; the consequences of parental abuse by parents. It is concluded that it is necessary to amend the current legislation concerning the exercise of parental rights and obligations to protect the interests of the child.

Keywords: family, parents, child, parental rights and responsibilities, protection of the interests of the child, legal representative, departure of the child abroad, protection of the interests of the child in court, underage parents, establishment of paternity, deprivation of parental rights.

For citation: Nizhnik N. S., Burdanova N. A. Protecting the interests of the child: legal aspects of the exercise of parental rights and responsibilities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 80–91. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-80-91.

Современная Россия до настоящего времени остаётся страной с отрицательным естественным приростом постоянного населения¹. Компенсация естественной убыли населения производится в большей степени за счёт миграционного прироста.

Характеристикой постоянного населения современной России стали низкая стабильность браков², частое раздельное проживание супру-

гов ввиду трудовой миграции, рост внутрисемейных конфликтов и споров, передаваемых на рассмотрение суда. Дела, возникающие из брачно-семейных отношений, продолжают сохранять значительный удельный вес в массе всех оконченных судами гражданских дел: в 2019 г. они составили 202,7 тыс., или 7,3 % в структуре общего числа оконченных производством гражданских дел (в 2018 г. – 184,1 тыс. дел, или 6,4 %) ³.

¹ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 02.09.2020).

² В 2019 г. в Российской Федерации было расторгнуто 620 730 браков (в 2018 г. – 583 942 браков). – Браки и разво-

ды [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 02.09.2020).

³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации.

По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, только в 2019 г. федеральными судами было рассмотрено 84 735 споров⁴, связанных с осуществлением личных неимущественных родительских прав и обязанностей, то есть почти 85 тыс. детей в этом году стали участниками семейных конфликтов⁵. При этом стремительными темпами растёт количество случаев умышленного уклонения родителей от осуществления возложенных на них обязанностей⁶, в том числе и требующих применения мер семейно-правовой ответственности [12, с. 26–29; 7, с. 8–10].

В таких условиях обеспечение интересов ребёнка часто становится проблемным.

Родители – законные представители ребёнка

Право ребёнка на защиту своих прав и законных интересов гарантировано ст. 5 Конвенции о правах ребёнка⁷, а также ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации⁸.

ской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksi_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf. – С. 59. (дата обращения: 01.09.2020).

⁴ По сумме строк 14, 15, 17, 24 раздела 1 Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. – Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951> (дата обращения: 01.09.2020).

⁵ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksi_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf. – С. 59 (дата обращения: 01.09.2020).

⁶ По данным судебной статистики только по вопросу установления отцовства в 2019 г. судами Российской Федерации было окончено 15 832 дела. Наличие тенденции умышленного уклонения родителей от осуществления возложенных на них обязанностей подтверждает и ситуация в Санкт-Петербурге. Например, в Приморском районном суде Санкт-Петербурга увеличение числа гражданских дел, связанных с воспитанием детей, отражают такие факты: в 2004 г. в производстве находилось 104 дела, связанных с воспитанием детей (в том числе о лишении родительских прав – 99), в 2010 г. – 297 дел (в том числе о лишении родительских прав – 189 дел), в 2019 г. – 396 дел (в том числе о лишении родительских прав – 145 дел). – См.: Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

⁷ Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. Принята резолюцией № 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июля 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. – 1990. – № 45. – Ст. 955.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2020 года) //

Самостоятельно осуществлять свои права и обязанности в полном объёме гражданин Российской Федерации может с 18 лет (ст. 60 Конституции Российской Федерации⁹). До наступления 18 лет ребёнок не может в полной мере осуществлять данное право самостоятельно. Поэтому указанному праву ребёнка корреспондирует соответствующая обязанность родителей, закреплённая ст. 56, 64 СК РФ. Именно на родителей возлагается защита прав и законных интересов ребёнка, родители наделяются статусом его законных представителей (ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации»¹⁰). Это означает, что они выступают в защиту прав и интересов ребёнка в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий.

По действующему законодательству данное право в равной мере принадлежит обоим родителям, независимо от состояния их в браке, совместного проживания с ребёнком, существующего порядка общения с ребёнком при раздельном проживании. Однако практика реализации права родителя выступать законным представителем ребёнка в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами в современной России свидетельствует о наличии дискуссионных вопросов при интерпретации правовых норм, это право закрепляющих. Неоднозначные подходы к трактовке правовых положений имеют место в случаях, когда родители проживают раздельно. А. М. Баранов, ссылаясь на упрощение процедуры оформления документов, считает, что при раздельном проживании родителей целесообразно предоставлять такое право только одному из родителей [1, с. 19]. Но, на наш взгляд, в таком случае нарушается равенство прав родителей: отдельно проживающий родитель лишается возможности выехать с ребёнком за пределы страны, защитить права ребёнка в суде. Возникает вопрос о пропорциональности преимуществ, которые приобретает один из родителей, проживающий совместно с ребёнком, негативным последствиям для развития ребёнка. Поэтому предложение о лишении прав по законному представительству родителя, проживающего отдельно от ребёнка, считаем спорным.

Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1997. – № 46. – Ст. 5243.

⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

¹⁰ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 года) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.

Выступая законными представителями, родители защищают права и интересы ребёнка без доверенности; им необходимо представить свидетельство о рождении, в котором они записаны в качестве родителей. В силу равенства родительских прав и обязанностей законным представителем может выступать один из родителей – мать или отец – а также оба одновременно.

Право на защиту прав ребёнка охватывает своим предметом права, предоставленные несовершеннолетнему не только семейным правом, но и другими отраслями права. Формы защиты прав и законных интересов ребёнка избираются родителями самостоятельно в общем порядке, исходя из существа защищаемого права и законного интереса.

О реализации прав родителей по защите законных интересов ребёнка при его выезде за границу Российской Федерации

Действие прав и обязанностей родителей по защите прав и законных интересов ребёнка не ограничено в пространстве: они действуют как на территории России, так и за её пределами, что подтверждается содержанием ст. 22 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹¹.

Несовершеннолетний может выезжать за границу как в сопровождении одного из родителей, так и без их сопровождения [11, с. 19–22]. В случае выезда несовершеннолетнего за границу в сопровождении одного из родителей, вопреки распространённому мнению и сложившейся во многих регионах Российской Федерации практике, нотариально удостоверенного согласия второго родителя не требуется (ст. 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»). Это свидетельствует о презумпции согласия второго родителя на выезд ребёнка за границу Российской Федерации. Порядок подачи заявления о несогласии на выезд ребёнка регламентирован Приказом МВД России от 11 февраля 2019 г. «Об утверждении Порядка подачи, рассмотрения и ведения учёта заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации»¹². Заявление подается одним из родителей несовершен-

нолетнего гражданина Российской Федерации в подразделение по вопросам миграции территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях по месту жительства (пребывания) одного из родителей или несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации, в отношении которого подается заявление, либо в дипломатическое представительство (консульское учреждение) Российской Федерации, если заявитель постоянно проживает за пределами Российской Федерации. В случае подачи такого заявления при намерении другого родителя с несовершеннолетним пересечь границу органы Пограничной службы Федеральной службы безопасности Российской Федерации не разрешают выезд и информируют последнего, в том числе в письменном ответе на запрос, о причинах запрета. При невозможности решения вопроса во внесудебном порядке родитель, желающий выехать с ребёнком за границу Российской Федерации, обращается в суд. Заявление рассматривается в порядке гражданского искового производства. В соответствии со ст. 23, 24, 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹³ и разъяснениями, данными в «Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации I квартал 2003 г.»¹⁴, иск подсуден районному суду по месту жительства ответчика. Однако при рассмотрении исков возникает ряд вопросов, не урегулированных законом.

Необходимо разграничивать временный выезд родителя с ребёнком за пределы России и выезд на постоянное место жительства в другое государство.

При выезде ребёнка на постоянное место жительства за границу Российской Федерации фактически рассматривается вопрос об определении места жительства ребёнка. Для решения вопроса об удовлетворении иска необходимо исследовать условия жизни ребёнка за границей Российской Федерации (жилищно-бытовые условия, возможность получения образования) [6, с. 45]. В случае временного выезда данные обстоятельства не входят в предмет доказывания, так как ребёнок сохраняет обычное место

¹¹ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 года) // СЗ РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.

¹² Об утверждении Порядка подачи, рассмотрения и ведения учёта заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина

Российской Федерации: приказ МВД России от 11 февраля 2019 г. № 62 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.05.2019).

¹³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 года) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

¹⁴ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12.

проживания. При рассмотрении иска о разрешении временного выезда ребёнка за границу Российской Федерации проверке подлежат выражения ответной стороны относительно причин несогласия на выезд. Например, если будет установлено, что поездка может угрожать здоровью ребёнка, в том числе психическому, иск подлежит отклонению. Таким образом, основной задачей судебного разбирательства является установление соответствия выезда правам и законным интересам ребёнка. Определённую сложность представляет формулировка резолютивной части решения, которая, согласно требованиям ст. 196 ГПК РФ, зависит от предъявленного иска. При недостижении согласия между родителями относительно выезда ребёнка за границу Российской Федерации в какое-либо определённое государство либо в какой-либо определённый период, истец вправе просить суд разрешить выезд в конкретное государство или в определённый период. В остальных случаях суду, по аналогии с другими спорами о детях в случае удовлетворения иска, следует принимать решение о разрешении временного выезда несовершеннолетнего с одним из родителей (с указанием конкретного лица). Родитель, не давший согласия на выезд, хотя это прямо и не предусмотрено законом, не лишен права при изменении существенных обстоятельств либо в конкретной ситуации обратиться в суд с иском о запрете второму родителю выезда с несовершеннолетним за границу Российской Федерации [подробнее см.: 3, с. 432–433]. Таким образом, при рассмотрении судом дел о выезде несовершеннолетнего за границу Российской Федерации необходимо руководствоваться интересами ребёнка, которые заключаются в возможности нормального физического и умственного развития в новом месте проживания, общении с другим родителем (в случае выезда на постоянное место жительства за пределы России) и отсутствии опасности для его жизни и здоровья, сохранении привычного образа жизни (при временном выезде).

Так, Л. (отец) обратился в Приморский районный суд Санкт-Петербурга с иском к А. (матери) об обязанности не чинить препятствия при временном выезде за границу Российской Федерации несовершеннолетних детей с отцом и разрешить временный выезд¹⁵, указывая, что ответчик подал заявление о запрете выезда не-

совершеннолетних детей за границу России без объяснения причин, что препятствует их отдыху и противоречит их интересам. Определением суда производство по делу в части обязанности разрешить выезд детей за рубеж прекращено. В судебном заседании представитель истца по доверенности и ордеру – адвокат П. уточнил исковые требования, просил обязать ответчика не чинить препятствий при временном выезде с отцом несовершеннолетних детей за границу Российской Федерации. Пояснил, что выезд на отдых за рубеж является для детей привычным образом жизни и запрет, наложенный ответчиком, негативно сказывается на развитии и здоровье детей. Представители ответчика по доверенности – Л., по доверенности и ордеру – адвокат Ф. иск не признали, указав, что ответчик опасается вывоза истцом детей на постоянное место жительства за границу Российской Федерации; дети выезжают за границу в сопровождении посторонних лиц; выезд производится на личном авиатранспорте и не фиксируется в государственных органах; истец препятствует ответчику в общении с детьми. По заключению органов опеки и попечительства иск основан на законе, отвечает интересам детей и подлежит удовлетворению. Представитель органа опеки и попечительства по доверенности – С. в судебном заседании пояснила, что при беседе с несовершеннолетним Ф. было установлено, что он расстроен невозможностью путешествий за границу России, не понимает, почему мама запрещает выезд, ждет зимних каникул для посещения Швейцарии или другой страны для занятий зимними видами спорта. Решением суда от 5 ноября 2009 г. иск Л. удовлетворен. А. обязана не чинить препятствия при временном выезде за границу Российской Федерации несовершеннолетних детей с отцом.

В обоснование принятого решения суд указал следующее. В соответствии со ст. 64 СК РФ защита прав и интересов детей возлагается на их родителей. Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. Согласно ст. 65 СК РФ, родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Как указано в ст. 20 Федераль-

¹⁵ Гражданское дело № 2 7451/2009, рассмотрено Приморским районным судом Санкт-Петербурга 5 ноября 2009 г. // Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

ного закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», несовершеннолетний гражданин Российской Федерации, как правило, выезжает из Российской Федерации совместно хотя бы с одним из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей. На основании ст. 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в случае, если один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей заявит о своём несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации, вопрос о возможности его выезда из Российской Федерации разрешается в судебном порядке.

В ходе судебного разбирательства судом установлено, что Л. и А. являются родителями несовершеннолетних Ф., 1997 г. рождения, и М., 2004 г. рождения. С 2005 г. стороны проживают раздельно. Решением районного суда место жительства обоих несовершеннолетних детей определено с отцом. Из заграничных паспортов детей, справки туристического агентства и объяснений представителей сторон следует, что дети постоянно выезжают за границу России в различные страны на отдых. Как пояснил представитель истца (что не оспаривалось ответной стороной), в период проживания с матерью дети неоднократно выезжали за границу Российской Федерации в её сопровождении, и отец не препятствовал их выезду. Данные обстоятельства также подтверждаются нотариально удостоверенными согласиями. Несовершеннолетний Ф. в беседе со специалистом органа опеки и попечительства пояснил, что любит путешествовать, в том числе за пределами России, хочет поехать на зимних каникулах за границу Российской Федерации для занятий зимними видами спорта. А. подала в Пограничное управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области заявление о несогласии на выезд из Российской Федерации детей, на основании чего их выезд в настоящее время запрещён. В обоснование возражений ответная сторона ссылаясь на возможность выезда детей на постоянное место жительства за границу Российской Федерации и с посторонними лицами. Суд отметил, что истцом не ставится вопрос о выезде детей на постоянное место жительства за границу Российской Федерации либо без сопровождения законного представителя, поскольку заявлено требование об обязанности не чинить препятствия к временному выезду детей в сопровождении отца. Кроме того, согласно сведениям, представленным с места работы истца, он имеет постоянное место

работы на территории Российской Федерации. Из заключения органа опеки и попечительства по месту жительства истца следует, что истец с детьми постоянно проживает в России, детям созданы благоприятные жилищно-бытовые условия для полноценного развития, несовершеннолетний Ф. посещает школу. Суд указал, что оснований полагать, что истец с детьми изменит постоянное место жительства, у суда не имеется. Доводы ответчика суд расценил как несостоятельные. Совокупностью материалов дела подтверждалось то обстоятельство, что выезд на отдых за рубеж является для детей привычным образом жизни, а запрет, наложенный ответчиком, может негативно отразиться на их развитии и здоровье. Суд обратил внимание, что не является уважительной причиной запрета на временный выезд детей за рубеж с отцом и то обстоятельство, что последний, согласно позиции ответной стороны, препятствует общению детей с матерью. Данный вопрос является предметом рассмотрения по другому гражданскому делу, решение которого не находится в зависимости от рассматриваемого спора. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу, что несогласие на выезд детей за границу России, заявленное ответчиком, не соответствует их интересам, а потому иск подлежит удовлетворению.

В другом случае запрет на выезд ребёнка был наложен отцом¹⁶. Суд пришел к выводу, что оснований для запрета не имелось, поскольку временный выезд несовершеннолетнего сына с матерью за пределы Российской Федерации не причинял вреда физическому и психическому здоровью, нравственному развитию ребёнка, в связи с чем удовлетворил иски требования. Истец М. (мать) обратилась в суд с иском к ответчику Е. (отец) о разрешении выезда за пределы Российской Федерации несовершеннолетнему сыну в сопровождении матери (истца) без согласия отца (ответчика), указывая, что стороны имеют несовершеннолетнего сына, 2006 г. рождения. Место жительства ребёнка определено с матерью. По решению суда также определён порядок осуществления родительских прав, в том числе выезд ребёнка за пределы страны с одним из родителей с уведомлением другого о выезде. Истец трижды намеревался выехать к месту лечения и отдыха с сыном, однако ответчик препятствует выезду, подал в пограничную службу заявление о запрете выезда несо-

¹⁶ Гражданское дело № 2 249/2010, рассмотренное Приморским районным судом Санкт-Петербурга 12 января 2010 г. // Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

вершеннолетнего. Представитель ответчика по доверенности – Н. в судебном заседании иск не признал, указав, что истцом систематически не соблюдались установленные решением суда требования об уведомлении ответчика о выезде с ребёнком за границу Российской Федерации. Против выезда ребёнка ответчик не возражал, однако ему были необходимы достоверные сведения о месте нахождения сына. Представитель органа опеки и попечительства по доверенности – К. в судебном заседании считала иск подлежащим удовлетворению как отвечающий интересам ребёнка. Оснований полагать, что выезд несовершеннолетнего с матерью может причинить вред его физическому и духовному развитию, не усмотрела.

12 января 2010 г. Приморский районный суд Санкт-Петербурга удовлетворил иск. Выезд ребёнка за пределы Российской Федерации был разрешён в сопровождении матери М. без согласия отца – Е. В ходе судебного разбирательства было установлено, что М. и Е. являются родителями несовершеннолетнего сына, 15 июня 2006 г. рождения. С 2006 г. стороны проживают раздельно. Решением суда место жительства ребёнка определено с матерью и определён порядок осуществления родительских прав. Согласно п. 2.5 Порядка, мать обязуется заблаговременно (не менее чем за 2 недели) до своего планируемого отпуска предоставить отцу точные сведения о месте планируемого пребывания ребёнка, с указанием полного адреса, маршрута, контактных телефонов и условий проживания. Из заграничного паспорта истца, куда включен сын, следует, что ребёнок выезжал с матерью за пределы Российской Федерации. Как пояснил представитель истца, мать несовершеннолетнего планировала совместный выезд с сыном к месту отдыха сначала в Испанию, затем в Объединенные Арабские Эмираты и Израиль. Ответчик был заблаговременно уведомлён о выезде ребёнка, однако в связи с отсутствием согласия отца на предстоящий выезд поездки в Испанию и Объединенные Арабские Эмираты были отменены. Е. подал в Пограничное управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области заявление о несогласии на выезд из Российской Федерации ребёнка, на основании чего выезд истца с несовершеннолетним в Израиль был запрещён. В обоснование своих возражений ответная сторона ссылалась на то, что не была надлежаще уведомлена о выезде ребёнка. Однако из представленных суду телеграмм следовало, что истцом были направлены уведомления ответчику о предстоящих поездках сына с

матерью. На просьбу о даче согласия на выезд ребёнка с матерью в ноябре–декабре 2009 г., ответчик ответил отказом в связи с тем, что у последнего отсутствовали полные сведения о месте нахождения ребёнка. Одновременно М. было предложено поехать к месту одной, оставив ребёнка с отцом. Суд отметил, что отдых ребёнка, в том числе за пределами Российской Федерации, не может быть поставлен в зависимость от неразрешённых разногласий между родителями относительно уведомления друг друга о месте нахождения ребёнка, маршрута следования, несоблюдение ими отдельных положений установленного порядка осуществления родительских прав и прочих подобных обстоятельств. Доказательства того, что временный выезд несовершеннолетнего сына с матерью М. за пределы Российской Федерации может причинить вред его физическому и психическому здоровью, нравственному развитию, отсутствовали. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу, что несогласие на выезд ребёнка за границу России, заявленное ответчиком, не соответствует интересам несовершеннолетнего, а потому иск подлежит удовлетворению.

Следует отметить, что в последние годы судебная практика пошла по пути разрешения выезда только на конкретную поездку в конкретное время¹⁷. Такой подход был признан не во всех случаях соответствующим Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации признал неконституционной часть первую ст. 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹⁸ в той мере, в какой по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, она, допускающая решение судом вопроса о возможности

¹⁷ См. определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2016 года № 5-КГ16-89 (Верховный Суд Российской Федерации. Определение от 9 августа 2016 г. № 5-КГ16-89 [Электронный ресурс] // Сайт «Кодексы и законы РФ – навигационная система». – URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/81d6daef922dea5998e404724ac8adbe/> (дата обращения: 21.08.2020)), от 29 августа 2017 года № 18-КГ17-112 (Верховный Суд Российской Федерации. Определение от 29 августа 2017 г. № 18-КГ17-112 [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29082017-n-18-kg17-112/> (дата обращения: 16.08.2020).

¹⁸ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2020 года № 29-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона [Электронный ресурс] // Сайт «Официальный интернет-портал правовой информации» – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.06.2020).

выезда несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации в сопровождении одного из родителей лишь в отношении конкретной поездки (в определённое государство и в определённый период) и тем более действуя в системе правового регулирования, исключающего решение этого вопроса во внесудебной процедуре в случае достижения родителями взаимного согласия, в полной мере применяется и к тому из родителей, с которым на законных основаниях постоянно проживает ребёнок и который ранее в установленной процедуре заявил о своем несогласии на такой выезд.

Об участии родителей в качестве законных представителей ребёнка в гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношениях

Содержание правомочий родителей как законных представителей детей зависит от вида правоотношений, в которых они участвуют. При участии родителей в качестве законных представителей в *гражданско-правовых отношениях* их полномочия регулируются нормами гражданского законодательства о представительстве. Следует учитывать, что в зависимости от возраста несовершеннолетнего ему предоставляется право самостоятельно (или с согласия родителей) осуществлять некоторые права, в том числе по распоряжению имуществом. Гражданское законодательство содержит различные требования в зависимости от достижения ребёнком определённого возраста. Сделки от имени малолетних заключаются родителями как законными представителями (согласно ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁹, далее – ГК РФ); после 14 лет – самостоятельно с получением письменного согласия родителей (согласно ст. 26 ГК РФ). Сделка, совершённая без согласия либо последующего одобрения родителей, является оспоримой и может быть признана недействительной по иску родителей (ст. 175 ГК РФ).

На практике встречаются случаи использования права на законное представительство детей при даче согласия на совершение сделки вопреки интересам ребёнка для решения вопросов собственной выгоды. По гражданскому делу № 2-3972/07²⁰ о понуждении дать согласие

на совершение сделки купли-продажи квартиры истец – мать малолетнего ребёнка – обратилась в суд с указанным иском. В обоснование иска указала, что квартира находится в долевой собственности у нее и её малолетнего сына; ответчик – отец – отказывается дать согласие на продажу квартиры и покупку другой, которая расположена ближе к месту учёбы ребёнка. В ходе рассмотрения дела судом было установлено, что квартира приобретена в период брака, в производстве у мирового судьи находится дело о разделе имущества, в котором заявлена данная квартира. Предлагаемая квартира меньше по площади, а доказательств улучшения для ребёнка по местоположению и обустроенности квартиры суду не представлено. Разрешая дело по существу, суд сослался на ст. 61, 64, 65 СК РФ, согласно которым родители имеют равные права и обязанности в отношении своих детей; защита прав и интересов детей возлагается на их родителей; родительские права не могут осуществляться в противоречии к интересам детей; обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. Суд указал, что в совокупности с установленным судом уменьшением имущества ребёнка в результате предлагаемых истцом сделок, непредставлением истцом доказательств улучшения жилищных условий несовершеннолетнего ребёнка, а также в подтверждение невозможности обучения в определённых образовательных учреждениях ребёнка из-за удалённости места проживания, понуждение ответчика дать согласие на заключение договора купли-продажи квартиры может привести к исключению доли в праве собственности на спорную квартиру из состава имущества, подлежащего разделу, и дальнейшему оспариванию сделки. При разрешении дел, связанных с осуществлением защиты прав и законных интересов ребёнка родителями, следует рассматривать их в совокупности с другими родительскими правами и обязанностями с учётом основных принципов осуществления личных неимущественных родительских прав и обязанностей. Если будет установлено ухудшение положения ребёнка в результате совершения сделки, суд руководствуется правами и законными интересами ребёнка.

Полная процессуальная дееспособность наступает с 18 лет (ст. 37 ГПК РФ), поэтому в интересах детей в *гражданском процессе* выступают родители (ст. 52 ГПК РФ). Они могут участвовать на истцовой или ответной стороне, а также в качестве третьих лиц. Они совершают от имени детей все процессуальные действия, право совер-

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 года) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

²⁰ Гражданское дело № 2-3972/2007, рассмотренное Приморским районным судом Санкт-Петербурга 14 мая 2007 г. // Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.

шения которых принадлежит детям, с ограничениями, предусмотренными законом. Родители могут избрать представителя для защиты прав и интересов детей, в том числе с целью получения квалифицированной юридической помощи. При участии в деле в качестве законного представителя одного из родителей привлечение другого не является обязательным, но может быть целесообразным по конкретным делам. Привлечение второго родителя к участию в деле в качестве законного представителя нам представляется необходимым, например, для разрешения сомнений суда относительно соответствия действий законного представителя интересам ребёнка, и необходимым при наличии сведений о возбуждении против родителя дела о лишении родительских прав [подробнее см.: 4, с. 16–17].

Не является однозначным и вопрос о процессуальном оформлении привлечения второго законного представителя ребёнка. В силу требований действующего гражданского процессуального законодательства одно и то же лицо может выступать только в одном процессуальном статусе. В случае привлечения ребёнка в лице законного представителя в качестве ответчика и третьего лица суд своим определением вправе без согласия второго родителя привлечь его к участию в деле в том же процессуальном статусе. Если иск подан одним из родителей в защиту интересов несовершеннолетнего, за исключением случаев, когда второй родитель выступает в качестве ответчика, вопрос о привлечении последнего в качестве законного представителя последнего должен решаться индивидуально. Учитывая, что второй родитель не предъявлял иск в защиту интересов ребёнка, то есть его волеизъявление на вступление в дело в качестве истца отсутствовало, видится целесообразным в случае необходимости привлекать его в качестве третьего лица на стороне истца, а впоследствии ставить на обсуждение вопрос о вступлении в дело в качестве соистца. Таким образом, в рассматриваемой ситуации иск подан в защиту интересов ребёнка, чьим законным представителем является один из родителей. К участию в деле привлекается второй законный представитель того же лица, но он уже выступает в качестве третьего лица, то есть фактически ребёнок в лице своих законных представителей одновременно является истцом и третьим лицом по делу [подробнее см.: 2, с. 77–81]. Данная правовая коллизия в рамках действующего законодательства неразрешима, в связи с чем считаем целесообразным внести изменения в ГПК РФ путем дополнения ч. 3 ст. 40 абзацем третьим

следующего содержания: «В случае участия в деле законного представителя несовершеннолетнего лица суд вправе по ходатайству лиц, участвующих в деле, либо по своей инициативе привлечь второго законного представителя несовершеннолетнего лица в том же процессуальном качестве, в котором выступает уже привлеченный законный представитель».

Если ребёнок достиг возраста 14 лет, то к участию в деле, наряду с законными представителями, привлекается сам несовершеннолетний (ст. 37 ГПК РФ). Допускается право несовершеннолетнего в возрасте от 14 лет лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных и иных правоотношений, если это предусмотрено федеральным законом. Вопрос о привлечении в таких случаях к участию в деле законных представителей разрешается судом (ч. 4 ст. 37 ГПК РФ). Так, в соответствии со ст. 56 СК РФ при нарушении прав и законных интересов ребёнка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребёнка либо при злоупотреблении родительскими правами (например, в случае необходимости выезда несовершеннолетнего за границу Российской Федерации [подробнее см.: 3, с. 432–433]), ребёнок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста 14 лет – в суд.

О реализации прав родителей по защите законных интересов ребёнка с обращением в суд

Право обратиться в установленном законодательством Российской Федерации порядке в суд с иском о возмещении ребёнку вреда, причинённого его здоровью, имуществу, а также морального вреда дополнительно закреплено в ст. 23 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации». Данным законом также установлено процессуальное правило, согласно которому государственная пошлина при рассмотрении в судах дел о защите прав и законных интересов ребёнка не взимается. Это положение дублируется в подп. 15 п. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации²¹.

Родители выступают в защиту прав и интересов ребёнка при допросе несовершеннолетнего (ст. 179 ГПК РФ). При необходимости

²¹ Налоговый кодекс Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 20 июля 2020 года) // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

допрос свидетеля в возрасте до 14 лет, а по усмотрению суда и допрос свидетеля в возрасте от 14 до 16 лет, производятся с участием не только педагогического работника, но и родителей. Они могут с разрешения председательствующего задавать свидетелю вопросы, а также высказывать своё мнение относительно личности свидетеля и содержания данных им показаний. Суд и лица, участвующие в деле, вправе задать родителям вопросы для разрешения сомнений при определении способности несовершеннолетнего правильно воспринимать факты по делу²². Согласно ст. 57 СК РФ, учёт мнения ребёнка, достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных законом, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребёнка, достигшего возраста 10 лет. К ним относятся:

- изменение имени и (или) фамилии ребёнка (п. 4 ст. 59 СК РФ);
- восстановление в родительских правах (п. 4 ст. 72 СК РФ);
- усыновление (ст. 132 СК РФ);
- изменение фамилии, имени и отчества при усыновлении (п. 4 ст. 134 СК РФ);
- запись усыновителей в качестве родителей (п. 2 ст. 136 СК РФ);
- изменение фамилии, имени и отчества при отмене усыновления (п. 3 ст. 143 СК РФ).

Указанное правило не означает привлечения ребёнка к участию в деле. Мнение ребёнка выявляется органом опеки и попечительства в ходе беседы либо судом при опросе несовершеннолетнего.

При рассмотрении дел об административных правонарушениях родители являются законными представителями своих детей как при привлечении последних к ответственности, так и в случае, если они являются потерпевшими (ст. 25.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²³). В уголовном процессе родители допускаются к участию в деле как законные представители с момента первого допроса ребёнка в качестве подозреваемого или обвиняемого по постановлению следователя, дозна-

вателя (ст. 426 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации²⁴). Полномочия родителей по защите прав и законных интересов их детей в уголовном процессе достаточно обширны. В других отраслях права также специально оговорены полномочия и способы участия родителей как законных представителей (например, в исполнительном производстве в соответствии со ст. 55 Федерального закона «Об исполнительном производстве»²⁵).

О праве несовершеннолетних родителей требовать установления отцовства в судебном порядке

Семейный кодекс РФ также предоставляет право несовершеннолетним родителям старше 14 лет требовать установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке (ст. 62). При участии в деле одновременно и несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, и их законных представителей возможны противоречия между их действиями. Если противоречия содержатся в данных по делу объяснениях, то они принимаются судом в качестве доказательств и оцениваются при принятии решения, наряду с другими доказательствами. При разногласиях относительно иных процессуальных действий (изменения предмета или основания иска, отказа от иска) предпочтение отдается позиции законных представителей, поскольку несовершеннолетний, даже достигший 14 лет, не обладает полной процессуальной дееспособностью. Исключением являются случаи обращения в суд ребёнка в возрасте от 14 лет с самостоятельным заявлением и последующим привлечением к участию в деле законных представителей в связи с тем, что в данной ситуации закон специально наделяет несовершеннолетних полной процессуальной дееспособностью. Законные представители осуществляют вспомогательные функции, а определяющим является мнение ребёнка. Данная позиция нашла применение в юридической практике²⁶.

О последствиях злоупотребления родительскими правами

В случаях злоупотребления родителями родительскими правами ребёнок вправе самостоятельно обратиться в орган опеки и

²² Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Г. А. Жилин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ТК Велби, 2005. – С. 378–381.

²³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 августа 2020 года) // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 1.

²⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 4921.

²⁵ Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2020 г.) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

²⁶ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. И. Нечкаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2008. – С. 129–130.

попечительства за защитой своих прав и законных интересов, а по достижении 14 лет – в суд (ст. 56 СК РФ). По подобному обращению органом опеки и попечительства проводится проверка и по её результатам принимаются меры к устранению выявленных нарушений. Из общего правила о законном представительстве родителей предусмотрены исключения. Так, *не могут быть законными представителями родители, ограниченные в родительских правах или лишённые их* (ст. 71, 74 СК РФ).

В некоторых случаях между интересами родителей и детей могут быть противоречия. Согласно прямому указанию закона (ст. 64 СК РФ), в данной ситуации родители не имеют права представлять интересы своих детей. В случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей. Статус назначенного представителя законом не определяется и остаётся неясным [5, с. 214–217]. Наиболее часто встречающимися случаями расхождения интересов родителей и детей являются дела об ограничении и лишении родительских прав, об отобрании ребёнка, при разделе наследства (когда в споре в качестве наследников участвуют ребёнок и его родители), при заключении сделки между несовершеннолетним и родителями.

* * *

В условиях трансформации представлений о семье и семейной жизни в XXI в. [8, с. 175–177], значительного расширения круга субъектов родительских правоотношений [9, с. 127–135], изменения социальных и культурных моделей семейной жизни [10, с. 412–415] роста числа случаев умышленного уклонения родителей от осуществления возложенных на них обязанностей, в том числе и требующих применения мер семейно-правовой ответственности²⁷, осуществление родительских прав и обязанностей требует большей гибкости при обеспечении интересов детей, которое должно являться предметом основной заботы их родителей.

²⁷ В частности, только в Московском районном суде Санкт-Петербурга значительную долю гражданских дел (в 2016 г. рассмотрено 7170 дел; в 2017 – 5907; в 2018 – 5801; 2019 – 5927) составляют дела, вытекающие из семейных правоотношений (в 2016 г. рассмотрено 277 дел; в 2017 – 251; в 2018 – 305; 2019 – 310). В их числе дела, связанные с воспитанием детей (в 2016 г. рассмотрено 48 дел; в 2017 – 53; в 2018 – 71; 2019 – 51); дела об установлении отцовства (в 2016 г. рассмотрено 10 дел; в 2017 – 7; в 2018 – 10; 2019 – 18); дела об оспаривании родительства (в 2016 г. рассмотрено 4 дела; в 2017 – 6; в 2018 – 9; 2019 – 15); дела о лишении родительских прав (в 2016 г. рассмотрено 71 дело; в 2017 – 56; в 2018 – 63; 2019 – 55); дел об ограничении родительских прав (в 2016 г. рассмотрено 1 дело; в 2017 – 5; в 2018 – 6; 2019 – 8). – См.: Статистические данные о количестве оконченных гражданских дел в Московском районном суде Санкт-Петербурга. Статистические отчёты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2016–2019 годов по форме № 2 // Общий отдел Московского районного суда Санкт-Петербурга. Наряд № 01-23.

Список литературы

1. Баранов А. М. Проблемы законного представительства ребёнка при раздельном проживании родителей // Семейное и жилищное право. – 2008. – № 5. – С. 18–21.
2. Бурданова Н. А. Защита прав и законных интересов ребёнка: проблемы осуществления в Российской Федерации : сборник статей аспирантов, соискателей и студентов Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 77–81.
3. Бурданова Н. А. Особенности рассмотрения судом дел о выезде несовершеннолетнего за границу Российской Федерации / Актуальні проблеми юридичної науки : збірник тез міжнародної наукової конференції «Восьмі осінні юридичні читання» (м. Хмельницький, 13–14 листопада 2009 року): У 4-х частинах. Частина перша: «Цивільне право. Сімейне право. Міжнародне приватне право. Комерційне право. Цивільний, господарський та адміністративний процес». – Хмельницький: Видавництво Хмельницького університету управління та права, 2009. – С. 432–433.
4. Бурданова Н. А. Права и обязанности родителей по защите прав и интересов ребёнка в Российской Федерации / Правоосвітницька діяльність юридичних клінік на базі вищих навчальних закладів : матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції / за заг. ред. О. Л. Соколенко. – Дніпропетровськ, 2011. – С. 16–17.
5. Бурданова Н. А. Правовой статус родителей в Российской Федерации: проблемы защиты прав и законных интересов ребёнка / Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2009 : материалы XI международной научно-практической конференции 2–3 апреля 2009 г. – Челябинск: Цицеро, 2009. – С. 214–217.
6. Гурджан О. М., Григорян Э. А. О некоторых вопросах, связанных с определением места жительства ребёнка // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 5. – С. 45–48.
7. Дергунова В. А. Соотношение прав родителей и детей и их защита при исполнении решений судов о воспитании детей // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 3. – С. 8–10.
8. Нижник Н. С. Полисемантизм наполнения понятия «семья» в современных условиях / Власть, этнос, семья: гендерные роли в XXI веке : материалы Международного общественного и научного

форума (28–29 ноября 2010 г., Москва). – Москва: ИЭА РАН, 2010. – С. 175–177.

9. *Нижник Н. С., Бурданова Н. А.* Биомедицинские технологии в контексте определения круга субъектов родительских правоотношений / Медицина и право: материалы конференции «Медицина и право в XXI веке» 1 июля 2010 г. / под общ. ред. И. М. Акулина. – Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ, 2011. – С. 127–135.

10. *Нижник Н. С., Бурданова Н. А.* Личные неимущественные родительские права и обязанности: проблемы институционализации в российской правовой системе / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: «Издательский Дом – Юг», 2014. – С. 412–415.

11. *Сырбо В. А.* Выезд ребёнка за пределы Российской Федерации без сопровождения: вопросы оформления и обеспечения прав несовершеннолетнего // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 1. – С. 19–22.

12. *Шиманчик К. В.* К вопросу о лишении родительских прав как крайней меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 2. – С. 26–29.

References

1. *Baranov A. M.* Problemy zakonnoho predstavitel'stva rebonka pri razdel'nom prozhivanii roditeley // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. – 2008. – № 5. – С. 18–21.

2. *Burdanova N. A.* Zashchita prav i zakonnykh interesov rebonka: problemy osushchestvleniya v Rossiyskoy Federatsii : sbornik statey aspirantov, soiskateley i studentov Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta, 2008. – С. 77–81.

3. *Burdanova N. A.* Osobennosti rassmotreniya sudom del o vyyezde nesovershennoletnego za granitsu Rossiyskoy Federatsii / Aktual'niye problemi yuridichnoi nauki : zbirnik tez mizhnarodnoi naukovoi konferentsii «Vos'mi osinnii yuridichni chitannya» (m. Khmel'nits'kiy, 13–14 listopada 2009 roku): U 4-kh chastinakh. Chastina pervaya: «Tsivil'ne pravo. Simeyne pravo. Mizhnarodne privatne pravo. Komertsiyne pravo. Tsivil'niy, gospodars'kiy ta administrativniy protses». – Khmel'nits'kiy: Vidavnistvo Khmel'nits'kogo univ'sitetu upravlinnya ta prava, 2009. – С. 432–433.

4. *Burdanova N. A.* Prava i obyazannosti roditeley po zashchite prav i interesov rebonka v Rossiyskoy Federatsii / Pravoosvitnits'ka diyal'nist' yuridichnikh klinik na bazi vishchikh navchal'nikh zakladiv : materialy II Vseukrains'koii naukovo-praktichnoi konferentsii / za zag. red. O. L. Sokolenko. – Dnipropetrovs'k, 2011. – С. 16–17.

5. *Burdanova N. A.* Pravovoy status roditeley v Rossiyskoy Federatsii: problemy zashchity prav i zakonnykh interesov rebonka / Aktual'nyye problemy prava Rossii i stran SNG – 2009 : materialy XI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 2–3 aprelya 2009 g. – Chelyabinsk: Tsitsero, 2009. – С. 214–217.

6. *Gyurdzhan O. M., Grigoryan E. A.* O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s opredeleniyem mesta zhitel'stva rebonka // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2008. – № 5. – С. 45–48.

7. *Dergunova V. A.* Sootnosheniye prav roditeley i detey i ikh zashchita pri ispolnenii resheniy sudov o vospitanii detey // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. – 2020. – № 3. – С. 8–10.

8. *Nizhnik N. S.* Polisemantizm napolneniya ponyatiya «sem'ya» v sovremennykh usloviyakh / Vlast', etnos, sem'ya: gendernyye roli v XXI veke : materialy Mezhdunarodnogo obshchestvennogo i nauchnogo foruma (28–29 noyabrya 2010 g., Moskva). – Moskva: IEA RAN, 2010. – С. 175–177.

9. *Nizhnik N. S., Burdanova N. A.* Biomeditsinskiye tekhnologii v kontekste opredeleniya kruga sub'yektov roditel'skikh pravootnosheniy / Meditsina i pravo: materialy konferentsii «Meditsina i pravo v XXI veke» 1 iyulya 2010 g. / pod obshch. red. I. M. Akulina. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy dom SPbGU, 2011. – С. 127–135.

10. *Nizhnik N. S., Burdanova N. A.* Lichnyye neimushchestvennyye roditel'skiye prava i obyazannosti: problemy institutsionalizatsii v rossiyskoy pravovoy sisteme / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. V. A. Sosova. – Krasnodar: «Izdatel'skiy Dom – Yug», 2014. – С. 412–415.

11. *Syrbo V. A.* Vyyezd rebonka za predely Rossiyskoy Federatsii bez soprovozhdeniya: voprosy oformleniya i obespecheniya prav nesovershennoletnego // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. – 2019. – № 1. – С. 19–22.

12. *Shimanichik K. V.* K voprosu o lishenii roditel'skikh prav kak krayney mery semeyno-pravovoy otvetstvennosti // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. – 2020. – № 2. – С. 26–29.

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УДК 343.01

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-92-97

А. Р. Герасимова

адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0002-5329-6031. E-mail: alina95avrora@yandex.ru

Понятие организованной террористической деятельности

Аннотация: Террористическая деятельность во всех её проявлениях является основным источником угрозы общественной безопасности Российской Федерации и мирового сообщества в целом, её организованный характер ставит перед обществом всё более сложные задачи. Сегодня терроризм приобретает комплексный, высокоорганизованный характер. Организованная террористическая деятельность обладает высоким уровнем опасности, провоцирует явление социального страха, при котором человек ощущает собственное бессилие перед абсолютом всеобъемлющего насилия. В статье анализируются понятия «террористическая деятельность», «организационная деятельность», «организованная преступная деятельность». На основании изучения данных понятий автором предложено собственное определение понятия «организованная террористическая деятельность». Исследуется доктринальное понимание дефиниции «организационная преступная деятельность». Обозначены содержательные аспекты понятия «террористическая деятельность» с учётом норм уголовного права, а также обозначены особенности данного определения с точки зрения социальных наук. Проводится анализ закреплённой дефиниции «террористическая деятельность» в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и уголовно-правового понятия «террористическая деятельность». В статье исследуются подходы к пониманию организованной преступной деятельности, а именно, уголовно-правовой и криминологической. Показано соотношение понятий «организационная преступная деятельность» и «организованная преступная деятельность».

Ключевые слова: террористическая деятельность, терроризм, организационная деятельность, организованная преступная деятельность, организованная террористическая деятельность, организация незаконного вооружённого формирования, террористическое сообщество, террористическая организация.

Для цитирования: Герасимова А. Р. Понятие организованной террористической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 92–97. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-92-97.

Alina R. Gerasimova

Graduate

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5329-6031. E-mail: alina95avrora@yandex.ru

The concept of organized terrorist activity

Annotation: Terrorist activity in all its manifestations is the main source of threat to the public security of the Russian Federation and the entire world community. Its organized nature poses increasingly complex challenges to society. Today, terrorism is becoming complex and highly organized in character. Organized terrorist activity has a high level of danger, provokes the phenomenon of social fear, in which a person feels his helpless in the face of the absolute of all-encompassing violence. The concepts «terrorist activity», «organized activity», and «organized criminal activity» are analysed in the paper. On the basis of these notions examination, the author offers his own definition of «organized terrorist activity». The article contains the analysis of the doctrinal understanding of «organized criminal activity» definition. The article describes the content aspects of the term «terrorist activity» where the features of this definition from the point of view of social sciences and of criminal law norms are taken into account. The author analyses the fixed definition of «terrorist activity» given in the Federal law «On countering terrorism» and the criminal law concept of «terrorist activity». Different approaches to understanding organized criminal activity from the points of view of criminal law and criminology are investigated. The correlation between the concepts «organizational criminal activity» and «organized criminal activity» is shown.

Keywords: terrorist activity, terrorism, organized activity, organized criminal activity, organized terrorist activity, organization of an illegal armed group, terrorist community, terrorist organization.

For citation: Gerasimova A. R. The concept of organized terrorist activity // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 92–97. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-92-97.

Введение

Современная организованная преступность с учётом информатизации, глобализации мирового сообщества становится более структурированной, приобретает характер международной. Согласно таким концептуальным и конститутивным документам, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, деятельность террористических организаций признается одной из основных угроз государственной и общественной безопасности. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, подписанная в Екатеринбурге 16 июня 2009 года и ратифицированная Российской Федерацией 2 октября 2010 года, устанавливает, что сторонам необходимо признать в качестве одного из уголовно наказуемых умышленных деяний создание с целью совершения преступлений террористической направленности преступной группы, незаконного вооружённого формирования, банды, преступного сообщества.

Описание

В наши дни проблема противодействия террористической деятельности привлекает особое внимание специалистов различных областей в связи с её повышенной общественной опас-

ностью. Отличительными чертами современного терроризма являются организованность его форм, транснациональность, изменчивость методов, системность. Мировая глобализация способствовала соединению террористической деятельности с информационно-пропагандистскими акциями [2, с. 66]. Согласно представленной ниже динамике выявленных преступлений террористического характера можно сделать вывод о сохранении их количества на достаточно высоком уровне.

Для уяснения сущности организованной террористической деятельности следует обратиться к понятиям «террористическая деятельность» и «организационная деятельность» как более широким по отношению к понятию «организованная преступная деятельность».

В Федеральном законе «О противодействии терроризму»¹ в ст. 3 закреплена дефиниция «террористическая деятельность», которая понимается как «деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

¹ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 г., с изм. от 29 марта 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

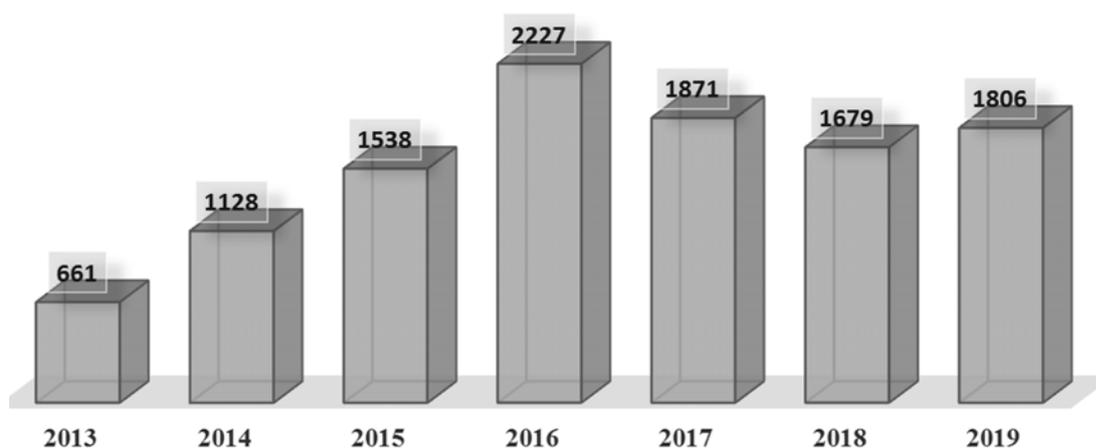

Рис. 1. Сведения о преступлениях террористического характера, выявленных субъектами учёта с 2013 по 2019 гг.²⁻⁸

- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организацию незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, при-

зывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».

За исключением пункта «е», вышеперечисленные элементы деятельности сосредоточены именно на террористическом акте, однако он сам не включен в данную дефиницию.

В уголовном законе ответственность за осуществление вышеуказанной деятельности предусмотрена статьями 205¹, 205², 205³, ч. 1 ст. 205⁴, ч. 2 ст. 205⁴, 205⁵, 208 УК РФ. В данном случае присутствует неявная отсылка к Федеральному закону «О противодействии терроризму». Одной из форм террористической деятельности в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» является организация незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы, а равно участие в таких структурах для реализации террористического акта. Согласно диспозиции ст. 205⁴ УК РФ, террористическое сообщество относится к такой форме соучастия, как организованная группа, хотя в названии используется термин «сообщество». Данной позиции придерживается А. И. Рарог, который указывает, что законодателем некорректно был использован указанный термин [8, с. 172]. Анализ вышеуказанных норм свидетельствует о частичной несогласованности, так в Федеральном законе относительно организованной группы указана лишь одна цель – реализация террористического акта. Например, в диспозиции ч. 1 ст. 205⁴ нет прямого указания на цель, указанную в Федеральном законе, в качестве цели выступают осуществление террористической деятельности, совершение преступлений, предусмотренных ст. 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ или иных преступлений, цель которых пропаганда, оправдание или поддержка терроризма.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/1609734/>.html (дата обращения: 08.01.2020).

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/2994866/>.html (дата обращения: 08.01.2020).

⁴ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/7087734/>.html (дата обращения: 08.01.2020).

⁵ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/9338947/>.html (дата обращения: 08.01.2020).

⁶ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/>.html (дата обращения: 08.01.2020).

⁷ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/>.html (дата обращения: 08.01.2020).

⁸ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>.html (дата обращения: 08.01.2020).

Сущность уголовно-правового понятия террористической деятельности вытекает из анализа диспозиции статьи 205¹ УК РФ. Так, согласно ч. 1 статьи содействием террористической деятельности является склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьёй 205², частями первой и второй статьи 206, статьёй 208, частями первой – третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений. В 2017 году⁹ была введена ч. 11, согласно которой уголовная ответственность наступает за аналогичные действия и финансирование терроризма, если они корреспондируют с хотя бы одним из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 УК РФ. В примечании к данной статье при раскрытии понятия «финансирование терроризма» указаны вышеперечисленные статьи с учетом ст. 205¹.

В примечании 2 к ст. 205² УК РФ только для этой статьи дано определение террористической деятельности как «совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 настоящего Кодекса», что охватывает более широкий перечень преступлений, подпадающих под данное понятие по сравнению со ст. 205¹ УК РФ. В частности, в ст. 205¹ отсутствует указание на ст. 361 УК РФ.

При конструировании диспозиции ст. 205⁴ УК РФ законодатель отдельно предусматривает в качестве цели террористического сообщества осуществление террористической деятельности, подготовку и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Если исходить из уголовно-правового понимания террористической деятельности, то указанный список включается в данное понятие. По мнению Н. А. Егоровой, дефиниция «террористическая деятельность» должна носить однозначный характер, что необходимо отразить в конкретной норме УК РФ [1, с. 132]. Все вышесказанное свидетельствует о несогласованности норм, что может способствовать неправильному толкованию норм уголовного закона.

Данная проблема неоднократно освещалась в научной литературе. Например, М. В. Сипки в своём исследовании предлагает определить террористическое сообщество без ссылки на конкретные преступления, ради совершения

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму : Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1. – Ч. I. – Ст. 29.

которых оно создаётся, однако указать, что дефиниция «террористическая деятельность» содержится в примечании 2 к ст. 205² УК РФ¹⁰.

Некоторые авторы предлагают понимать под террористической деятельностью действия, содержание которых раскрыто в Федеральном законе «О противодействии терроризму»¹¹, другие придерживаются позиции, что сущность данной деятельности составляет уголовно-правовой перечень преступлений, которые указаны в ст. 205¹ УК РФ [3, с. 96] в совокупности с преступлениями из списка, указанного в примечании к ст. 205¹ УК РФ [9, с. 141–144]. С последним мнением можно поспорить, так как в ч. 1 примечания к ст. 205¹ УК РФ законодательно раскрыто только содержание финансирования терроризма, преступления, указанные в примечании, охватываются определением «терроризм», а не «террористическая деятельность». По мнению А. Н. Тарбагаева и Г. Л. Москалёва, нужно включить в содержание террористической деятельности преступления, предусмотренные ст. 206, 208, 277–279, 360 УК РФ [10, с. 31].

В литературе высказана точка зрения, согласно которой с позиции социально-философского анализа террористическая деятельность рассматривается как социально-деструктивный вид военной деятельности, которая направлена на подрыв или ослабление государства, достижение террористами политических целей насильственным путём, посредством принуждения органов государственной власти и использования депрессивных психологических факторов. Также данная деятельность выступает в качестве предметно-практической стороны терроризма, представляя собой новую форму военных действий – террористической борьбы¹². Таким образом, террористическая деятельность – не только уголовно-правовой институт, она изучается в рамках и других социальных наук.

Далее обратимся к дефиниции «организационная преступная деятельность». В. В. Малиновский придерживается мнения, что «организационная преступная деятельность представляет собой самостоятельную комплексную группу преступлений, в которых законодатель криминализирует общественно опасную

¹⁰ Сипки М. В. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации и участие в них : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сипки Марат Вазирович. – Москва, 2018. – С. 12.

¹¹ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 18 марта 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

¹² Барышников С. Г. Теоретико-методологические основания исследования террористической деятельности (социально-философский анализ) : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 09.00.11 / Барышников Сергей Геннадьевич. – Челябинск, 2012. – С. 10.

деятельность по созданию, руководству и в ряде случаев участию в группе лиц, ставящей своей целью преступную либо, крайне редко, деструктивную для общества деятельность (ст. 208, 209, 210, 239, 282¹ УК РФ) либо общественно опасные действия по организации деятельности иных субъектов, носящей аналогичный характер (ст. 212, 232, 241, 279, 282², 322¹ УК РФ)¹³. Автор отмечает, что существует тенденция к увеличению уголовно-правовых запретов в сфере организованной преступности.

Э. А. Золаев в своём исследовании делает акцент на «воспроизводстве условий сосуществования», что должно учитываться наравне с созданием и руководством. В связи с этим он определяет «организационную деятельность как предусмотренное нормами Особенной части УК общественно опасное деяние по созданию и руководству группой лиц (ст. 205⁴, 208, 209, 210, 239, 282¹ УК РФ) либо по воспроизводству условий существования организаций (ст. 205⁵, 282², 284¹ УК РФ), а также по организации действий иных лиц (ст. 110², 171², 172², 212, 232, 241, 279, 322¹ УК РФ), преследующих преступные или деструктивные для общества цели, а в ряде случаев – участие в этой организационной деятельности. Кроме того, автор предлагает выделить организационную деятельность в качестве самостоятельной группы преступлений в Особенной части УК РФ»¹⁴.

Однако необходимо изначально отметить, что деятельность, предусмотренная ч. 3 ст. 33 УК РФ, относится не к организационной, а к организаторской, что свидетельствует о разграничении институтов соучастия и организационной деятельности, которая является самостоятельным преступлением¹⁵. Хотя в науке существует иная точка зрения, согласно которой организационная преступная деятельность ограничивается ролью организатора преступления (Ф. Г. Бурчак, П. Ф. Тельнова и др.) [9, с. 141; 5, с. 41].

Среди учёных в настоящее время нет единого мнения относительно данного явления. Зачастую происходит подмена вышеуказанных институтов, что создает трудности в применении конкретных норм.

С. А. Балеев утверждает, что организационная деятельность – это «система действий, направленных на организацию и руководство совершением конкретных преступлений, а также на создание и общее руководство организован-

ными преступными объединениями, независимо от того, участвует ли такое лицо в подготовке или совершении конкретных преступлений»¹⁶.

Вышеуказанные дефиниции фактически отождествляют соучастие и организационную деятельность.

Как социально-правовое явление, по мнению Э. Р. Халишковой, организационная преступная деятельность представляет собой единство взаимосвязанных и согласованных деяний, которые предусмотрены Особенной частью УК РФ, совершаемых организованными преступными объединениями и их участниками¹⁷.

При изучении дефиниции организованной преступной деятельности выделяют два подхода: уголовно-правовой (узкий) и криминологический (широкий). В первом случае понимание складывается исходя из совокупности действий, предусмотренных УК РФ в качестве преступлений. Однако термин «организованный» по отношению к преступной деятельности зачастую употребляется авторами и основывается на определении организованной преступной деятельности не только как совокупности уголовно-наказуемых деяний, но и как обеспечительной деятельности существования и функционирования преступного объединения, включающего идеологический, информационный и иной аспекты¹⁸, что и отражает сущность второго подхода. Э. Ф. Побегайло определяет организованную преступность как форму социальной патологии, которая обладает повышенной общественной опасностью и выражается в постоянном многочисленном непрерывном создании преступных организаций и сообществ [7, с. 36].

А. С. Маякова сущность данного явления выразила в понятии «специальные преступные объединения», то есть формирования, созданные по решению субъектов, объединившихся в организованные группы, преступные сообщества или преступные организации и отличающихся общностью преступных целей, а также специальными признаками, которые предусмотрены Особенной частью УК РФ, того, что указанные деяния являются оконченными преступлениями [4, с. 132].

Обратимся к понятию «организованная террористическая деятельность». Поддерживая идею выделения понятия «организацион-

¹³ Малиновский В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России: виды и характеристика : дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Малиновский Владимир Владимирович. – Москва, 2009. – С. 9.

¹⁴ Золаев Э. А. Организационная деятельность как самостоятельное преступление: понятие, виды, характеристика : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Золаев Эльси Арсланович. – Москва, 2018. – С. 30.

¹⁵ Там же. – С. 24.

¹⁶ Балеев С. А. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Балеев Сергей Александрович. – Казань, 2000. – С. 106.

¹⁷ Халишкова Э. Р. Организованная преступность: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Южного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Халишкова Элла Радиковна. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 30.

¹⁸ Агапов П. В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Агапов Павел Валерьевич. – Москва, 2013. – С. 43–45.

ная преступная деятельность», мы исходим из того, что организационная деятельность может пониматься в двух аспектах – широком и узком. Первой подход основывается на определении данной деятельности в соотношении с организацией конкретного преступления, второй же – на её понимании именно как организованной деятельности.

В Уголовном кодексе РФ сущность данного понятия раскрывается в статьях 205⁴, 205⁵, 208. Организованная террористическая деятельность – более узкое явление, с учётом направленности, а также объёмом действий по сравнению с организационной преступной деятельностью.

Таким образом, в действующем уголовном законодательстве ответственность за организованную террористическую деятельность регламентируется как нормами в рамках института соучастия, так и нормами Особенной части УК РФ. Таким образом, организованная террористическая деятельность может быть определена как предусмотренная нормами Особенной части УК конкретная группа преступлений, которые включают в себя общественные опасные деяния по созданию и руководству группой лиц (ст. 205⁴, 208 УК РФ) либо по воспроизводству условий существования организаций (ст. 205⁵ УК РФ) с целью осуществления террористической деятельности, а равно участие в этой организованной деятельности.

Список литературы

1. Егорова Н. А. Противодействие терроризму: новеллы уголовного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 127–134.
2. Колотуша В. В. Террористическая деятельность в глобализирующемся мире // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 63–66.
3. Корнилов А. В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 4 (10). – С. 92–99.
4. Маякова А. С. К проблеме противодействия специальным преступным объединениям // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 5. – С. 131–136.
5. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 208 с.
6. Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 141–144.
7. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 1066 с.
8. Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. – 2017. – № 4 (125). – С.155–178.
9. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев: Вища школа, 1986. – 208 с.
10. Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2016. – Вып. 2. – С. 28–39.

References

1. Egorova N. A. Protivodejstvie terrorizmu: novelly ugovornogo zakonodatel'stva // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2014. – № 3. – S.127–134.
2. Kolotusha V. V. Terroristicheskaya deyatel'nost' v globaliziruyushchemsya mire // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 9. – S. 63–66.
3. Kornilov A. V. Razgranichenie publichnykh prizyvov k ekstremistskoj i terroristicheskoj deyatel'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2013. – № 4 (10). – S. 92–99.
4. Mayakova A. S. K probleme protivodejstviya special'nyim prestupnym ob'edineniyam // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal. – 2018. – № 5. – S. 131–136.
5. Tel'nov P. F. Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii. – Moskva: Yurid. lit., 1974. – 208 s.
6. Pinkevich T. V., CHernyh E. E. Publichnye prizyvyy k osushchestvleniyu terroristicheskoj deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: problemy kvalifikacii // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2014. – № 3 (27). – S. 141–144.
7. Pobegajlo E. F. Izbrannye trudy. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2008. – 1066 s.
8. Rarog A. I. Ugolovnyj kodeks Rossii protiv terrorizma // Lex Russica. – 2017. – № 4 (125). – S. 155–178.
9. Burchak F. G. Souchastie: social'nye, kriminologicheskie i pravovye problemy. – Kiev: Vishcha shk., 1986. – 208 s.
10. Tarbagaev A. N., Moskaev G. L. Publichnye prizyvyy k osushchestvleniyu terroristicheskoj deyatel'nosti (st. 205.2 UK RF): problemy ugovorno-pravovoj reglamentacii i kvalifikacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo. – 2016. – Vyp. 2. – S. 28–39.

Е. А. Маркова

адъюнкт

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0002-7049-8380. E-mail: markovaespb@yandex.ru*

Регламентация ответственности за преступления, совершённые с использованием электронных средств платежа, в законодательстве стран романо-германской правовой семьи

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов регламентации уголовной ответственности за преступления, совершённые с использованием электронных средств платежа, относящихся к киберпреступлениям, в законодательстве отдельных зарубежных стран романо-германской правовой семьи. В статье отмечается, что романо-германская правовая семья значительно отличается от иных семей не только тем, что обладает в силу исторических традиций многими признаками права древнеримской юриспруденции, но и правовыми особенностями уголовного законодательства в отношении киберпреступности. Отмечается актуальность проблематики киберпреступности, ее дифференциация, основанная на Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185), и об особенностях уголовной регламентации преступлений, совершенных с использованием электронных средств платежа в Швеции, Германии, Франции, Испании, Нидерландах, в Китайской Народной Республике, в странах Балтии. Обозначено, что вопросы противодействия подобным преступлениям имеют особое значение во всех странах романо-германской правовой семьи. Несмотря на различия в позициях законодателей в отношении криминализации деяний, совершенных с использованием электронных средств платежа, во всех странах посягательства на собственность рассматриваются как посягательства на основы государства, а защита от подобных посягательств является одной из важнейших государственных функций. Отмечено, что уголовные кодексы большинства государств включают правовые нормы в отношении: компьютерного мошенничества, компьютерного хищения; получения информации, составляющей коммерческую и банковскую тайну, путём неправомерного доступа к компьютерной информации (коммерческий, банковский шпионаж); вымогательства с использованием средств компьютерной техники. Указано, что первый шаг в направлении уголовно-правовой охраны компьютерной информации, развития уголовного законодательства по противодействию экономической киберпреступности был сделан в Швеции в Законе о компьютерных преступлениях (1973 г.).

Ключевые слова: романо-германская правовая семья, преступление, киберпреступление, мошенничество, обман, кража, компьютерная информация, уголовное законодательство, противодействие.

Для цитирования: Маркова Е. А. Регламентация ответственности за преступления, совершённые с использованием электронных средств платежа, в законодательстве стран романо-германской правовой семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 98–105. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-98-105.

Elena A. Markova

Graduated

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7049-8380. E-mail: markovaespb@yandex.ru*

Regulation of liability for offences committed with the use of electronic funds of payment in the legislation of the countries of Romano-Germanic of legal system

Annotation: The article is devoted to the study of the regulation of criminal liability for crimes committed using electronic means of payment related to cybercrime in the legislation of certain foreign countries of the Romano-Germanic legal family. The article notes that the Romano-German legal system is significantly distinguished from other families not only by the fact that it possesses, due to historical traditions, many characteristics of the law of ancient Roman jurisprudence, but also by the legal peculiarities of criminal legislation on cybercrime. The relevance of cybercrime, its differentiation based on the Convention on Crime in the Field of Computer Information (ETS No. 185) and the peculiarities of the criminal regulation of crimes committed using electronic means of payment in Sweden, France, Germany, Spain, Netherlands, China and the Baltic States are noted. It is pointed out that the issues of combating such crimes are of particular importance in all countries of the Romano-Germanic legal family. Despite differences in the position of legislators with regard to the criminalization of acts committed by electronic means of payment, in all countries attacks on property are considered as attacks on the foundations of the State, and protection against such attacks is one of the most important State functions. It is noted that the criminal codes of most States include rules on computer fraud, computer theft; Obtaining information constituting commercial and banking secrecy through improper access to computer information (commercial, banking espionage); Extortion using computer equipment. It is stated that the first step towards criminal law protection of computer information, development of criminal legislation to counter economic cybercrime was taken in Sweden in the Law on Computer Crimes (1973).

Keywords: Romano-Germanic legal system, crime, cybercrime, fraud, deception, theft, computer information, criminal legislation, counteraction.

For citation: Markova E. A. Regulation of liability for offences committed by using electronic means of payment in the legislation of the Romano-Germanic legal system countries // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 98–105. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-98-105.

Общепризнанной является позиция, признающая значимость и классификацию правовых семей (систем), место правовой семьи на юридической карте мира, сформированная Р. Давидом, выделившим две «великие» правовые семьи: романо-германскую (система континентального права), к которой принадлежат многие европейские страны, в частности, Россия, Германия, Франция, Нидерланды, Испания, Швейцария и др., и семью англо-американского (англо-саксонского права) (система общего права), к которой принадлежат США, Великобритания и др. [1, с. 163].

Исторические источники указывают, что к романо-германской правовой семье относятся государственные системы, имеющие своим истоком государства континентальной Европы. Данная правовая семья имеет специфику, связанную с наличием кодифицированных актов ведущих отраслей материального и процессуального права (уголовное, гражданское); с дифференциацией материального права на частное и публичное с констатацией принципа первостепенности материального права по отношению к процессуальному праву. В качестве

основного источника действующего права государств романо-германской правовой семьи признан закон, который не отождествляется с правом, а законопорядок, складывающийся на основе строгого и неуклонного соблюдения требований, содержащихся в законе, никогда не рассматривался как синоним законопорядка¹.

Основные принципы построения романо-германской правовой семьи положены в основу уголовного законодательства, которое включает в себя и киберпреступность. В докладе Совета Европы об актуальной проблематике в сфере киберпреступности в целом и о её дифференциации, сформированной в соответствии с Конвенцией о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185)², данный вид преступлений отмечен в качестве «CIA-offences», т.е. деяния, совершенного против конфиденциаль-

¹ Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В. А. Туманова. – Москва: Юристъ, 2003. – С. 144.

² Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.) (с изм. от 28 января 2003 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 10.02.2020).

ности (Confidentiality), целостности (Integrity) и доступности (Availability) компьютерных данных, инновационных систем. В числе видов преступлений, включённых в категорию киберпреступлений, указаны: хакерство, перехват сообщений, обман пользователей интернета (в т. ч., посредством спуфинга, фишинга), компьютерный шпионаж (в т. ч. использование троянских коней и иных подобных технологий), компьютерный саботаж и вымогательство (в т. ч. использование вирусов и червей, ДОС-атаки, спаминг и мейлбомбинг).

Вопросы противодействия подобным преступлениям имеют особое значение во всех странах романо-германской правовой семьи. Несмотря на различия в позиции законодателей в отношении криминализации деяний, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий, во всех цивилизованных странах посягательства на собственность рассматриваются в качестве подрыва основ государства, а защита от подобных посягательств – одна из важнейших государственных функций³. В этой связи уголовные кодексы большинства государств романо-германской правовой семьи включают нормы в отношении: компьютерного мошенничества, компьютерного хищения; получения информации, составляющей коммерческую и банковскую тайну, путём неправомерного доступа к компьютерной информации (коммерческий, банковский шпионаж); вымогательства с использованием средств компьютерной техники⁴.

На современном этапе подобные преступные посягательства направлены против отношений собственности, причиняя существенный вред социально-экономической сфере различных стран и отдельным гражданам⁵.

Эволюция законодательства зарубежных стран демонстрирует, что первый шаг в направлении уголовно-правовой охраны компьютерной информации, развития уголовного законодательства по противодействию экономической киберпреступности сделан законодателем Швеции с принятием Закона о компьютерных преступлениях (1973 г.)⁶. Данным нормативным правовым актом предусмотрена уголовная от-

ветственность: за противоправное проникновение в систему компьютерной сети; за ввод в компьютерную информацию дезинформации; за совершение хищения таких объектов, как денежные средства (электронные), а также ценные бумага, другие виды имущества и прочие, включая услуги и ценную для определённых кругов информацию. Законом о данных (1974 г.)⁷ в уголовное законодательство введена категория «злоупотребление при помощи компьютера».

В начале 90-х гг. XX в. в связи с активизацией киберпреступлений Уголовный кодекс Швеции⁸ одним из первых был дополнен положениями, предусматривающими уголовную ответственность за преступления, совершенные с применением компьютерной информации и информационных технологий: за мошенничество, совершенное предоставлением либо неполной, либо неправдоподобной информации, или внесением корректив в компьютерную программу либо в отчётность. Необходимо указать также деяние, совершаемое путём незаконного влияния на непосредственный результат автоматической обработки компьютерной информации, иной тождественной обработки, повлёкшей выгоду для субъекта преступления и убытки для жертвы. Данную совокупность дополняют: правонарушение, связанное с почтовой или коммуникационной тайной; применение технических механизмов с намерением оказать противоправное влияние на тайну телекоммуникационного свойства; противоправный доступ к процессам по обработке компьютерных данных; противоправная корректировка, устранение, добавление определённой записи в реестр данных; некоторые иные.

Уголовный кодекс Швеции в ст. 4 гл. 8 «О краже, разбое и других преступлениях, связанных с похищением имущества» регламентирует условия, в соответствии с которыми кража признаётся крупной, т.е. более тяжким преступлением. Данный факт имеет особое значение в связи с развитием информационных технологий: с 2012 г. в Швеции активно применяется мобильное приложение Swish для Android, иные операционные системы, которые устанавливаются на мобильный телефон и применяются в качестве терминала, коррелирующего счёт в банке с мобильным телефоном, что позволяет осуществить мгновенный платёж, указав любой зарегистрированный в системе ID либо номер

³Бойко С. Я. Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бойко Сергей Яковлевич. – Москва, 2019. – С. 80.

⁴Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Простосердов Михаил Александрович. – Москва, 2016. – 28 с.

⁵Саидов А.Х. Указ. соч. – С. 154.

⁶Закон о компьютерных преступлениях (Швеция) от 2 апреля 1973 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Law Library of Congress» («Юридическая библиотека Конгресса США»). – URL: <http://www.loc.gov/law/help/guide/nations/sweden.php> (дата обращения: 10.02.2020).

⁷Закон о данных (Швеция) от 4 апреля 1973 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Law Library of Congress» («Юридическая библиотека Конгресса США»). – URL: <http://www.loc.gov/law/help/guide/nations/sweden.php> (дата обращения: 10.02.2020).

⁸Уголовный кодекс Швеции 1962 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Law Library of Congress» («Юридическая библиотека Конгресса США»). – URL: <http://www.loc.gov/law/help/guide/nations/sweden.php> (дата обращения: 10.02.2020).

телефона⁹. Соответственно, кража мобильного телефона может способствовать краже с банковского счета, равно как в отношении электронных денежных средств и квалифицироваться в качестве кражи на основании ст. 4 гл. 8 «О краже, разбое и других преступлениях, связанных с похищением имущества» УК Швеции.

В Уголовном кодексе Нидерландов¹⁰ законодатель группирует преступления по обману, как способу совершения преступления, выделяя для данных деяний отдельный раздел XXV Уголовного кодекса «Обман», включающий 18 статей. В соответствии с нормами данного акта, к уголовной ответственности привлекаются субъекты, которые с целью извлечь противоправным способом доходы лично для себя либо для других лиц путём присвоения неправдоподобного имени, или путём неправдивой информации, склоняют жертву к отказу от объекта права собственности, представить сведения о денежных средствах, принять долговые обязательства либо отказаться от предъявленных претензий. Данная норма Уголовного кодекса применяется при обмане, совершённом с применением платёжной карты. В отдельные нормы Кодекса, предусматривающие ответственность за такие деяния традиционного характера, как вымогательство, а также кража, совершённая обманным способом, в связи с совершенствованием высоких технологий внесены дополнения об ответственности за деяния, совершенные проникновением к компьютерной информации, которая находится на электронных системах, включая электронные средства платежа, в т. ч. это касается и платёжных карт.

Уголовный кодекс Испании¹¹, структурно состоящий из трех отдельных Книг, в Книге II содержит раздел XIII «Преступления против собственности и социально-экономической деятельности». Уголовный кодекс выделяет простое, квалифицированное мошенничество, мошенничество в сфере электроснабжения, в сфере кредитования, завладение чужим имуществом обманом с помощью компьютерных программ, кредитных карт, чеков. В соответствии со ст. 253 УК Испании, уголовной ответственности подлежит лицо, которое с целью наживы присваивает потерянную вещь либо вещь, собственник которой на момент совершения пре-

ступления неизвестен, – соответственно, кража платежной карты подлежит квалификации по данной норме уголовного закона.

В Германии система уголовного права признана достаточно сложной и разнообразной ввиду многочисленности и многоуровневости источников данной отрасли правовой системы. Уголовный кодекс Германии, несмотря на отсутствие дефиниции «уголовное наказание», определяемой в доктрине как справедливая компенсация за вину (*Schuldausgleich*), как особое государственное средство предупреждения преступлений и возмещения ущерба жертве [3, с. 117], уделяет особое внимание преступлениям, совершаемым в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, в т. ч. экономическим киберпреступлениям¹². Данный кодифицированный акт в разделе 22 Особенной части УК Германии «Мошенничество и злоупотребление доверием» содержит отдельные нормы, предусматривающие ответственность за различные виды мошенничества и злоупотребления доверием (§ 263а «Компьютерное мошенничество», § 264 «Получение субсидий мошенническим путём», § 264а «Мошенничество при капиталовложении», § 265 «Злоупотребление при страховании», § 265а «Получение услуг путём обмана», § 266 «Злоупотребление доверием», § 266а «Утаивание и растрата заработной платы», § 266b «Злоупотребление с чеками и кредитными картами»), фундаментальные основы которых содержатся в диспозиции § 263 УК Германии «Мошенничество».

В соответствии с § 263 УК Германии, «кто, намереваясь получить для себя или третьего лица противоправную имущественную выгоду, причиняет вред имуществу другого лица тем, что вводит в заблуждение или поддерживает это заблуждение, утверждая заведомо ложные факты или искажая, или скрывая подлинные факты, наказывается...». В качестве момента окончания преступления признается момент причинения вреда имуществу потерпевшего, а не момент обогащения виновного или иного третьего лица. Ущерб возникает исключительно тогда, когда изымается либо часть имущества потерпевшего, либо ущерб отягощается обязательствами и тем самым уменьшается стоимость подобного имущества в целом [3, с. 450]. В качестве способа совершения деяния данная норма Уголовного кодекса Германии предусматривает обман.

Исходя из законодательной конструкции мошенничества, многие виды подобных преступлений (§ 263а «Компьютерное мошенничество»,

⁹ Безналичное общество в Швеции: даже Бог принимает карточку [Электронный ресурс] // Сайт «Mobium». – RL: <https://mobiumapps.com/beznalichnoe-obshhestvo-v-shvecii-dazhe-bog-prinimaet-kartochku/> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁰ Уголовный кодекс Нидерландов от 3 марта 1881 года [Электронный ресурс] // Сайт «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова». – URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (дата обращения: 10.02.2020).

¹¹ Уголовный кодекс Испании 1995 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Crimpravo.ru – научная сеть». – URL: <http://crimpravo.ru> (дата обращения: 10.02.2020).

¹² Уголовное Уложение (Уголовный кодекс Германии) (Strafgesetzbuch, StGB) от 15 мая 1871 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова». – URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (дата обращения: 10.02.2020).

§ 266b «Злоупотребление с чеками и кредитными картами») и новые составы преступлений, охватывающие наиболее опасные деяния, активизирующиеся в сфере информационно-коммуникационных технологий (§ 202-а «Действия, направленные на получение сведений», § 303-а «Изменение данных», § 303-б «Компьютерный саботаж» и § 269 «Подделка данных, имеющих доказательственное значение») включены законодателем в Уголовный кодекс следующими законами: от 15 мая 1985 г. – Вторым законом «О борьбе с экономической преступностью»¹³ и от 22 декабря 2003 г. – Тридцать пятым законом о внесении изменений в уголовное законодательство¹⁴ (в связи с имплементацией Германией решения Совета Европейского Союза «О борьбе с обманными действиями и подделкой в отношении безналичных средств платежа», принятого 28 мая 2001 г.¹⁵).

Параграф 263а УК Германии, устанавливающий уголовную ответственность за компьютерное мошенничество, предусматривает: «Кто действует с целью получения для себя или третьего лица противоправной имущественной выгоды и этим наносит вред имуществу другого лица тем, что он воздействует на результат обработки данных ЭВМ, составляя неправильные программы, используя неправильные или неполные данные, неправомочно применяя данные или влияя на такой процесс каким-либо иным неправомочным воздействием, наказывается лишением свободы до пяти лет или штрафом».

Данное преступление является наиболее опасным из компьютерных преступлений. В качестве виновного выступает лицо, которым с целью извлечения имущественной выгоды, как в отношении себя, так и иного лица, причинен вред имуществу, осуществлено воздействие на результаты обработки данных путём неправильного создания компьютерных программ, иного противозаконного воздействия на результат обработки: введение в компьютер недостоверных, неполных данных, неправомерное использова-

ние данных либо умышленное, превышающее полномочия воздействие на ход процесса обработки [4]. В качестве способа совершения деяния выступает не обман, а оказание негативного информационного воздействия: в первом случае воздействие оказывается на человека (потерпевшего, иное связанное с ним лицо), во втором – на процесс обработки данных, производимый при помощи компьютерных технологий.

В соответствии с § 266b УК Германии «Злоупотребление чековыми и кредитными картами» предусмотрена уголовная ответственность за злоупотребление доверием кредитной организации, выпустившей чековую или кредитную карту, которое оказано лицу, получившему подобную карту на законных основаниях. Исходя из законодательной конструкции данной нормы, «Кто злоупотребляет возможностями, предоставленными ему чековой или кредитной картой, и этим принуждает владельца карты произвести оплату, нанося ему ущерб, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом». При совершении мошенничества лицо злоупотребляет доверием банка, выпускающего платежные карты, используя в обороте более значительные суммы, чем ему доверено [3, с. 451]. Подобное преступление имеет направленность на причинение ущерба охраняемому благу – имуществу, способствуя наступлению негативных правовых последствий.

Уголовный кодекс Германии проводит, однако, различие между преступлениями, совершенными в сфере компьютерного мошенничества, в сфере незаконных действий с чеками и с кредитными картами, и деяниями имущественного характера, которые совершены обманным путём, а также злоупотребления доверием, определив данные преступления в самостоятельный параграф национального кодифицированного источника права.

Данным преступлениям особое внимание уделено в нормативных правовых актах других государств романо-германской правовой семьи.

Уголовный кодекс Франции 1992 г.¹⁶ изменил систему правовых норм о юридической ответственности за преступления и проступки против собственности, отграничив формы посягательства, сформировав признаки таких преступлений, ужесточив санкции за проступки и преступления [5, с. 170]. Французское законодательство, регламентируя простую кражу и кражу отягощенную (гл. I Книги III УК Франции), предусматривая квалифицирующие признаки деяния, не включает в её дифференциацию кражу с банковского счёта, равно как в отношении

¹³ Второй закон «О борьбе с экономической преступностью» от 15 мая 1986 года (ФРГ) [Электронный ресурс] // Сайт «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова». – URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁴ Тридцать пятый закон о внесении изменений в уголовное законодательство от 22 декабря 2003 года (ФРГ) [Электронный ресурс] // Сайт «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова». – URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁵ Рамочное решение Совета Европейского союза «О борьбе с обманными действиями и подделкой в отношении безналичных средств платежа» от 28 мая 2001 года № 2001/413/JHA Рамочное решение Совета Европейского союза «О борьбе с обманными действиями и подделкой в отношении безналичных средств платежа» от 28 мая 2001 г. № 2001/413/JHA [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁶ Уголовный кодекс Франции (Code Pénal) от 22 июля 1992 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова». – URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (дата обращения: 10.02.2020).

электронных денежных средств. В Уголовном кодексе Франции предусмотрены отдельные нормы об уголовной ответственности за преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Уголовный кодекс Франции, не включающий специальных правовых норм о хищении с банковского счета, равно как и в отношении электронных денежных средств, обеспечивает, соответственно, уголовно-правовую охрану как личных данных и телекоммуникационных систем, так и устанавливает уголовную ответственность за совершение мошеннических посягательств, которые могут применяться в отношении электронных денежных средств. Вопросы уголовной ответственности в отношении хищения электронных денежных средств решены во Франции на уровне специального нормативного правового акта – Закона № 91-1383 «О безопасности чеков и платежных карточек»¹⁷, предусматривающего уголовную ответственность за следующий вид обмана: за подделку, переделывание и сознательное использование платежной карты, за сознательное волеизъявление принять неправомерную оплату подобной картой [5, с. 170]. Одновременно данным источником права на держателя платежной карты (до момента уведомления о потере или краже) возлагается уголовная ответственность за убытки, причиненные её несанкционированным использованием (в объёме до 150 евро). Подобная норма не применяется, однако, при наличии неосторожности, грубой ошибки держателя платежной карты, а также при отсутствии уведомления о блокировании карты [6, с. 47].

Уголовным кодексом Китайской Народной Республики¹⁸ преступлениям, совершённым в форме мошенничества (мошенничество и мошеннические деяния), посвящено 15 статей (ст. 167, 187, 192–198, 266, 269, 287, 319, 382, 406). Принимая во внимание структуру Уголовного кодекса Китая, включающего Общую и Особенную части, каждая из которых дифференцирована на титулы (разделы) и соответствующие статьи, мошенничество и мошеннические деяния не связаны родовым признаком и располагаются в различных титулах (разделах) УК: преступления против социалистической рыночной экономики (ст. 140–231), преступления против собственности (ст. 263–276), против порядка управления (ст. 277–367), против

коррупции (ст. 382–396), должностные преступления (ст. 397–419).

В соответствии со ст. 265 УК КНР, «незаконное завладение каналами связи других людей, дублирование чужого номера электронной почты или пользование заведомо похищенными, дублированными электронными оборудованием и устройствами с целью извлечения прибыли, – наказываются в соответствии со статьей 264 настоящего Кодекса», т.е. данное преступление по степени общественной опасности приравнено к хищению государственного или частного имущества, совершенному в крупном размере или многократно. Соответственно, ответственность установлена за осуществление мошеннической деятельности с кредитными картами, совершённое в особо крупном размере, при иных особо отягчающих обстоятельствах.

Государства Балтии, которые принадлежат к романо-германской правовой семье, вошли в состав Европейского союза (ЕС) в 2004 г. в ходе масштабного пятого расширения интеграционной группы на страны Восточной Европы [7, с. 8]. Процесс политической интеграции балтийских государств был реализован через комплекс экономических и правовых мероприятий, в т. ч. в рамках противодействия киберпреступности. Данными государствами в 2001 г. была ратифицирована Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Convention on Cybercrime CETS)¹⁹, установлена уголовная ответственность за киберпреступления и иные уголовно-наказуемые деяния, связанные с оборотом электронных средств платежа (мошенничество).

Информация в странах Балтии, как и во всем цивилизованном мире, является ключевой составляющей развития общества, однако преступники умело пользуются недостатками в обеспечении безопасности в сфере применения современных средств связи, сети интернет, совершения киберпреступления, которые наносят вред обществу и гражданам [8, с. 220].

В Эстонской Республике положениями Пениitenciарного кодекса²⁰ в подразделе 1 «Мошенничество» раздела 2 «Преступные деяния против имущества в целом» (ст. 210–213 УК Эстонии) регламентирована уголовная ответственность за мошенничество. В ст. 209 УК Эстонии раскрывается дефиниция общего мошенничества

¹⁷ Закон от 30 декабря 1991 года № 91-1383 «О безопасности чеков и платежных карточек» (Франция) (в ред. от 01.01.2000 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова». – URL: <http://constitutions.ru/archives/5854> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁸ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 года [Электронный ресурс] // Сайт «LawInfoChina.com». – URL: <http://www.lawinfochina.com/> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 10.02.2020).

²⁰ Пениitenciарный кодекс Эстонской Республики от 06 июня 2001 года (ред. от 01.01.2020) [Электронный ресурс] // Сайт «Jurist Aitab» («Юрист помогает»). – URL: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/> (дата обращения: 10.02.2020).

как «причинение другому лицу имущественного вреда путём создания заведомо ложного представления о фактических обстоятельствах с целью получения имущественной выгоды». Законодатель Эстонской Республики разграничивает путём введения дифференциации специальные виды мошенничества: мошенничество при получении льгот (ст. 210), инвестиционное мошенничество (ст. 211), страховое мошенничество (ст. 212) и компьютерное мошенничество (ст. 213). Данная категория определяется как «причинение имущественного вреда другому лицу путём незаконного ввода, изменения, удаления, порчи, блокирования компьютерных программ, данных, путём незаконного вмешательства в процесс обработки данных иным способом с целью получения имущественной выгоды» (ст. 213). При этом Пенитенциарный кодекс не предусматривает уголовно-правовых норм о хищении чужого имущества, приобретении права на подобное имущество, устанавливая уголовную ответственность за причинение имущественного вреда или получение имущественной выгоды.

Латвийский законодатель (ст. 177.1 УК²¹) аналогично эстонской позиции (ст. 213 УК Эстонии) устанавливает уголовную ответственность за компьютерное мошенничество, как за преступление, совершённое путём сознательного введения недостоверных сведений в систему автоматизированной обработки данных (незаконное вмешательство в процесс обработки).

В Уголовном кодексе Литовской Республики²² в главе XVIII «Преступные деяния в отношении собственности» содержится норма права (ст. 177.1 УК), ч. 1 которой предусматривает уголовную ответственность за умышленное посягательство на собственность или на имущественные права либо обязательства путём введения ложных данных в автоматизированную систему обработки данных. Уголовная ответственность за противозаконное использование электронных средств платежа установлена в гл. XXXII УК Литвы «Преступления и уголовные проступки против финансовой системы». В ст. 215 УК предусмотрена уголовная ответственность за заведомо противозаконное использование средства платежа, за незаконную передачу данных его идентификации, за использование подлинных и подложных данных идентификации при инициации, при совершении финансовой операции электронным средством платежа.

²¹ Уголовный закон [Уголовный кодекс] Латвийской Республики от 17 июня 1998 года [Электронный ресурс] // Сайт «Законы Латвии по-русски». – URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 10.02.2020).

²² Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 г. [Электронный ресурс] // Сайт «OK Pravo». – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyj-koдекс-литвы.html> (дата обращения: 10.02.2020).

Уголовным кодексом Литовской Республики состав мошенничества предусмотрен в ст. 182 гл. XXVII «Преступления и уголовные проступки против собственности, имущественных прав и имущественных интересов». Под мошенничеством литовский законодатель, как и в Уголовном кодексе Латвии, предусмотрел приобретение чужого имущества, прав на подобное имущество путём злоупотребления доверием, обмана (ст. 177 УК Латвии, 182 УК Литвы), уклонения от имущественного обязательства, его отмены (ст. 182 УК Литвы).

Развитие общества в настоящий период связано, таким образом, с цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности во всех цивилизованных странах [9, с. 27]. Киберпреступности уделяется особое внимание во всем мировом сообществе. На официальном сайте Международного валютного фонда (International Monetary Fund, IMF), специализированной организации ООН, размещена статистическая информация, отражены пути решения наиболее актуальных проблем, связанных с хищениями с использованием IT-технологий²³, с легализацией доходов, полученных преступным путём, как неправомерных действий, направленных на сокрытие источника происхождения денежных средств и придание законного вида доходам, появившимся в результате преступных действий. В результате лица, совершившие преступление, инвестируют денежные средства в различные преступные сферы общества, наносят вред государству, всему мировому сообществу, в т.ч. глобальным финансовым системам, чем осуществляется подрыв экономики, валют, формируется угроза международной безопасности.

Этими актуальными вопросами, включая формирование алгоритма действий уполномоченных органов в сфере профилактики данных видов уголовно-наказуемых деяний, активно занимается международная организация «Positive Technologies», европейский лидер в этой области, осуществляющая разноуровневый анализ необходимой защищённости соответствующих систем, их соответствия признанным стандартам защиты.

Специалисты этой организации утверждают, что на общую статистику таких преступлений оказывает влияние комплекс факторов, которые должны позволить сформировать новый алгоритм действий по профилактике преступлений. Во-первых, в информационном пространстве возросло количество специалистов, входящих в преступные кибергруппировки, с высоким уровнем квалификации,

²³ Международный валютный фонд [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВФ. – URL: <https://www.imf.org/external/Russian/> (дата обращения: 10.02.2020).

имеющих значительную технологическую оснащенность и, во-вторых, государственная политика в сфере информационной безопасности требует принятия прогрессивных правовых и иных контрмер, направленных на усиление мер противодействия в отношении обнаружения,

предупреждения, профилактики и локализации преступлений²⁴.

²⁴ Яковлева М. А. Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Яковлева Маргарита Александровна. – Москва, 2019. – 270 с.

Список литературы

1. David R. Les grands systems de droit contemporains (Droit comparé). – Paris: Dalloz, 1964. – P. 133.
2. Смирнов А. М. Некоторые проблемы квалификации мошенничества как специфического способа хищения // Новый юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 53–55.
3. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. – Москва: Проспект, 2004. – 560 с.
4. Ястребов Д. А., Ивановский П. С., Брянцева Н. В. Институт уголовной ответственности за компьютерные преступления в Германии [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «NaukaRus». – 2007. – URL: <http://naukarus.com/institut-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-kompyuternye-prestupleniya-v-germanii> (дата обращения: 10.02.2020).
5. Чернякова А. В. Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 4 (46). – С. 168–179.
6. Корчагин А. Г., Трушова И. В. Проблемы правового регулирования расчётов банковскими картами // Юридические исследования. – 2012. – № 3. – С. 43–77.
7. Шамахов В. А., Еремина Н. В., Межевич Н. М. Основные характеристики политического развития стран Прибалтики и их экономические последствия // Управленческое консультирование. – 2019. – № 3. – С. 8–23.
8. Кудрявцев Р. В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 218–221.
9. Иванова Л. В. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. – 2019. – № 1. – С. 25–33.
10. Пчёлкина Е. В. Эволюция развития мошенничества, совершаемого с использованием банковской гарантии // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 4. – С. 45–49.
11. Лапшин В. Ф. Уголовно-правовые средства противодействия незаконной банковской деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 2. – С. 6–10.

References

1. David R. Les grands systems de droit contemporains (Droit comparé). – Paris: Dalloz, 1964. – P. 133.
2. Smirnov A. M. Nekotoryye problemy kvalifikatsii moshennichestva kak spetsifichnogo sposoba khishcheniya // Novyy yuridicheskiy vestnik. – 2019. – № 1. – S. 53–55.
3. Zhalinskiy A. E. Sovremennoye nemetskoye ugolovnoye pravo. – Moskva: Prospekt, 2004. – 560 s.
4. Yastrebov D. A., Ivanovskiy P. S., Bryantseva N. V. Institut ugolovnoy otvetstvennosti za kompyuternyye prestupleniya v Germanii [Elektronnyy resurs] // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «NaukaRus». – 2007. – URL: <http://naukarus.com/institut-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-kompyuternye-prestupleniya-v-germanii> (data obrashcheniya: 10.02.2020).
5. Chernyakova A. V. Mezhdunarodnyy i zarubezhnyy opyt ugolovno-pravovogo protivodeystviya khishcheniyam, sovershayemym s ispol'zovaniyem kompyuternoy informatsii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2018. – № 4 (46). – S. 168–179.
6. Korchagin A. G., Trushova I. V. Problemy pravovogo regulirovaniya raschotov bankovskimi kartami // Yuridicheskiye issledovaniya. – 2012. – № 3. – S. 43–77.
7. Shamakhov V. A., Yeremina N. V., Mezhevich N. M. Osnovnyye kharakteristiki politicheskogo razvitiya stran Pribaltiki i ikh ekonomicheskiye posledstviya // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2019. – № 3. – S. 8–23.
8. Kudryavtsev R. V. Organizatsiya deyatel'nosti po raskrytiyu distantsionnykh moshennichestv // Molodoy uchenyy. – 2019. – № 24 (262). – S. 218–221.
9. Ivanova L. V. Vidy kiberprestupleniy po rossiyskomu ugolovnomu zakonodatel'stvu // Yuridicheskiye issledovaniya. – 2019. – № 1. – S. 25–33.
10. Pcholkina Ye. V. Evolyutsiya razvitiya moshennichestva, sovershayemogo s ispol'zovaniyem bankovskoy garantii // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2019. – № 4. – S. 45–49.
11. Lapshin V. F. Ugolovno-pravovyye sredstva protivodeystviya nezakonnoy bankovskoy deyatel'nosti // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2020. – № 2. – S. 6–10.

Д. Мурат

адъюнкт

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125171, Москва, Зои и Александра Космодемьянских ул., 8

ORCID: 0000-0002-8901-2758. E-mail: mdosimbek@mail.ru

Современное состояние формирования кадровой политики уголовно-исполнительной системы (на примере Монголии)

Аннотация: Статья посвящена современному состоянию кадровой политики уголовно-исполнительной системы Монголии. Уголовно-исполнительная система Монголии очень отличается как от других правоохранительных органов Монголии, так и от аналогичных структур зарубежных стран. Такое отличие связано прежде всего с тем, что она включает в себя уголовную и гражданскую исполнительные системы. Эффективность осуществления предназначения уголовно-исполнительной системы Монголии как органа исполнения наказания зависит в первую очередь от стратегии её кадровой политики.

Автором выявлены наиболее актуальные и требующие конкретной нормативно-правовой, организационной регламентации проблемы в уголовно-исполнительной системе.

Целью работы является проведение анализа нормативно-правовых основ, регулирующих кадровую политику органа исполнения судебных решений, на основе которого предлагаются рекомендации, способствующие улучшению современной кадровой политики уголовно-исполнительной системы Монголии.

Работа выполнена с применением специальных методов познания, в том числе системного, структурно-функционального, логического, сравнительно-правового и других. Автором был проведён социологический опрос среди сотрудников органа по исполнению судебных решений Монголии.

С учётом результатов исследования современного состояния кадровой политики автор делает вывод о необходимости создания единой, то есть системной нормативно-правовой и организационной регламентации кадровой политики органа исполнения судебных решений Монголии.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, кадровая политика УИС Монголии, орган исполнения судебных решений Монголии, исполнение судебных решений, концепция.

Для цитирования: Мурат Д. Современное состояние формирования кадровой политики уголовно-исполнительной системы (на примере Монголии) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 106–110. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-106-110.

D. Murat

Graduate

Management Academy of the MIA of Russia

8, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8901-2758. E-mail: mdosimbek@mail.ru

Actual state of development of human resources Policy of the penal system (on the example of Mongolia)

Annotation: The penal system of Mongolia differs greatly from other law enforcement agencies of Mongolia and foreign countries. First of all, this kind of distinction is related to its structure which involves criminal and civil penal systems. The effectiveness of the realization of the mission of Mongolia correctional system as a body of the probation service depends substantially on the strategy of its human resources policy.

On the basis of the study of actual state of human resources policy the author consequently concludes that it would be appropriate to create a unified systemic regulatory and institutional framework for human resources policy of Mongolia enforcement bodies responsible for executing judicial decisions. The guidance on solving current issues of the today's human resources policy of the penal system is offered.

Keywords: penal system, personnel management, human resources policy of Mongolia penal system, Mongolia probation service, executing judicial decisions, concept.

For citation: Murat D. Actual state of development of human resources Policy of the penal system (on the example of Mongolia) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 106–110. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-106-110.

Уголовно-исполнительная система занимает особое место в правоохранительной системе Монголии. Субъект, исполняющий наказания, вступивших в законную силу актов Монголии, называется «орган исполнения судебных решений» (далее – ОИСП). Наряду с правоохранительными функциями, он реализует задачи исполнения как судебного приговора по уголовным делам, так и судебного решения по гражданским делам.

В соответствии с уголовно-исполнительным кодексом Монголии **орган исполнения судебных решений Монголии** является специальной государственной службой, выполняющей судебные решения, вступившие в законную силу по уголовным и гражданским делам в пределах своих полномочий, предусмотренных законом¹.

В настоящее время современный ОИСП Монголии представляет собой совокупность организаций и учреждений, исполняющих приговоры суда по уголовным делам, решения суда по гражданским делам; обеспечивающих содержание под стражей

подозреваемых и обвиняемых; осуществляющих принудительные меры исполнения судебных решений и постановлений, а также реализующих другие меры уголовно-правового характера.

Осуществление деятельности УИС Монголии зависит в первую очередь от стратегии формирования её кадровой политики в уголовной и гражданской исполнительных системах (далее – УиГИС), определяющей уровень профессионализма персонала и качество выполнения им функциональных обязанностей.

В связи с этим представляется необходимым своевременное принятие основных положений кадровой политики, отражающих её кадровую стратегию, текущее состояние и современные тенденции развития уголовной и гражданской исполнительных систем Монголии как единого образования.

Следует отметить, что реформа системы ОИСП Монголии в настоящее время продвигается к международным стандартам исполнения решения суда по уголовным и гражданским делам. Такая тенденция требует разработки соответствующей кадровой политики в рамках специальной концепции и последовательной реализации стратегии и основных положений кадровой политики в деятельности УиГИС Монголии.

¹ Шүүхийн шийдвэр гүйцэтгэх тухай хууль. 2017.06.09. [Об исполнении судебных решений]. Закон Монголии от 9 июня 2017 г. // Төрийн мэдээлэл. – 2017. – № 24. /981/. – Ст. 257.

Для разработки концепции, определяющей стратегию или этапы проведения кадровой политики ОИСП Монголии, должны применяться как действующие нормативно-правовые акты регулирования такой политики, так и организационные меры, конкретизирующие их цели, задачи, обязанности сотрудников соответствующих подразделений [1, с. 102].

В настоящее время работа с персоналом в ОИСП Монголии не в полной мере отвечает современным требованиям по реформированию кадровой работы УиГИС Монголии.

Основная цель деятельности данного органа по направлению работы с кадрами состоит в том, чтобы реализовать кадровую политику органа исполнения судебных решений, разработать способы и методы набора кадров, выявления, изучения, отбора, подготовки кадров и определения потребностей в кадровых ресурсах, координации их всестороннего функционирования, формирования и развития².

В связи с принятием закона Монголии «О государственной службе» в новой редакции, который начал действовать с 1 января 2019 года, в службе исполнения судебных решений Монголии также возникает необходимость обратить внимание на компетентное управление человеческими ресурсами и разработку чёткой поэтапной кадровой политики или политики человеческого ресурса, с учетом сходств, различий, видов и иных аспектов.

Сегодня кадровая работа ОИСП Монголии организуется в соответствии с «Положением по человеческому ресурсу органа исполнения судебных решений», утверждённому начальником главного управления ИСП Монголии от 19 сентября 2017 года № А/192 [2, с. 64].

Также правовой основой кадровой политики ОИСП Монголии является «Стратегическая программа развития органа исполнения судебных решений». Она была утверждена приказом Министра юстиции внутренних дел Монголии А/121 от 20 апреля 2016 года [3, х. 97].

Целью программы является полная реализация судебных решений по уголовному и гражданскому делу путём улучшения правовой среды и внедрения методов, технологий и стандартов, соответствующих международным требованиям³.

Для достижения данной цели в ходе реализации стратегической программы, поставлен ряд задач, одна из которых связана с кадровой деятельностью. Точнее, в пункте 4.4 закреплено, что «для комплектования квалифицированным персоналом применяются методы и формы, направленные на обеспечение социальной защиты, улучшение условий труда сотрудников, защиты их здоровья, обеспечение их жильём, постепенного повышения их заработной платы и премий».

Теория и зарубежный опыт показывают, что правильным путём формирования кадровой политики является использование в деятельности кадровых технологий конкретных стратегических программ, концепций кадровой политики [4, с. 66].

В ходе исследования автором уставлено, что в УиГИС Монголии не существует официального документа, регулирующего кадровую политику органа исполнения судебных решений.

В связи этим предлагается разработка официального документа в виде концепции кадровой политики, обеспечивающей её осуществление в соответствии с кадровой политикой МЮВД Монголии и государственной кадровой политикой [5, с. 233].

Официальная статистика ОИСП Монголии свидетельствует об определённых положительных результатах реализации стратегической программы по некоторым направлениям кадровой деятельности. Например, на конец первого полугодия 2020 года численность сотрудников ОИСП Монголии составляла около 3100 человек, что на 1,3% больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 года [6, х. 14].

² Шүүхийн шийдвэр гүйцэтгэх байгууллагын хүний нөөцийн журам. / ШШГЕГ-ын даргын 2017.09.19-ний өдрийн А/192 дугаар тушаал. [Положение человеческого ресурса органа исполнения судебных решений] приказ начальника ГУИСП Монголии от 19 сентября 2017 г. №А/192. [Электронный ресурс]. – URL: <http://bulgan.cd.gov.mn/wpcontent/uploads/2016/06/a192> (дата обращения: 10.04.2020).

³ Шүүхийн шийдвэр гүйцэтгэх байгууллагын хөгжлийн стратеги хөтөлбөр. / ХЗДХСайдын 2016.04.20-ны өдрийн А/121 дүгээр тушаал. [Стратегическая программа развития органа исполнения судебных решений] / Приказ МЮВД Монголии от 20 апреля 2016 г. №А/121. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cd.gov.mn/ШШГБ-ын%20хөгжлийн%20стратеги-2016-2020.pdf>. (дата обращения: 31.05.2020).

Также для установления соответствия данных тенденций современного состояния правовых и организационных основ кадровой политики ОИСП Монголии, автором проведен социологический опрос среди сотрудников кадровых подразделений и руководителей учреждений ОИСП Монголии. По итогам опроса подтверждается вывод о том, что существующие правовые и организационные основы не в полной мере обеспечивают разрешение проблем кадровой политики ОИСП Монголии.

Например, на вопрос «Считаете ли Вы правовые основы кадровой политики ОИСП Монголии достаточными для успешной работы?»: 43,3 % респондентов ответили «да»; 3,1% – «нет», 53,6 % – «ничего об этом не знаю». Таким образом, из общего количества опрошенных (95 респондентов) 56,7 % ответили, что в существующих нормативных правовых основах кадровой политики ОИСП Монголии имеются пробелы и недостатки в области регулирования кадровой работы.

Также на вопрос «Считаете ли Вы организационные основы кадровой политики ОИСП Монголии достаточными для успешной работы?»: 37,3 % респондентов ответили «да», 54,3 % – «ничего об этом не знаю» и 8,4 % – «нет». То есть подавляющему большинству опрошенных (54,3 %) эта проблема не известна и меньшинство (8,4 %) считают организационные основы кадровой политики ОИСП Монголии недостаточными для успешной работы. В совокупности эти два отрицательных показателя составляют 62,7 %, то есть в большей степени негативно характеризующими достаточность для успешной работы организационных основ кадровой политики ОИСП Монголии. Вместе с тем, следует учитывать и то, что около 40 % (то есть 37,3 %) считают организационные основы кадровой политики ОИСП Монголии достаточными для успешной работы.

Проведенный социологический опрос по установлению степени достаточности правовых и организационных основ кадровой политики ОИСП Монголии позволяет нам сделать следующие выводы.

Из общих респондентов по приближительным меркам 60 % считают, что правовые и организационные основы кадровой политики ОИСП Монголии являются «недоста-

точными». Статистика указывает на необходимость совершенствования правовых и организационных основ кадровой политики ОИСП Монголии.

Кроме того, проанализировав документы, регламентирующие кадровую деятельность в УиГИС Монголии, автор выявил следующие проблемы:

1) форма и вид официального документа, регулирующего правоотношения кадровой деятельности, находятся не на должном уровне общей политики развития ОИСП Монголии;

2) официальный документ, закрепляющий стратегию кадровой политики в ОИСП Монголии, отсутствует;

3) выполняются не все должностные функции по управлению кадрами (персоналом) и не в полном объёме.

Перечисленные проблемы эффективной реализации кадровой политики ОИСП Монголии остаются актуальными и требуют конкретной нормативно-правовой и организационной регламентации.

Требуется создание правового поля и современной нормативно-правовой базы кадровой работы, что позволит устранить имеющиеся в нормативных правовых документах коллизии, противоречия в регулировании кадровых процессов и отношений для системы исполнения судебных решений по уголовным и гражданским делам в Монголии [7, с. 41].

Таким образом, рассмотренные аспекты авторского исследования позволяют нам изложить общие выводы, санкционирующие повышение эффективности деятельности в процессе формирования кадровой политики ОИСП Монголии, к которым относится:

– разработка современных методик качественного отбора кандидатов на службу исполнения судебных решений;

– внедрение новых, доказавших на практике свою эффективность, форм и методов формирования кадровой политики для ОИСП;

– оказание менеджером человеческого ресурса реальной практической помощи сотрудникам, испытывающим серьёзные трудности на практике при решении кадровых проблем.

Современное состояние кадровой политики УиГИС Монголии (УИС Монголии) требует системного решения управления кадрами, реализуемого путём концептуального подхода.

Список литературы

1. Журавлев Р. А., Лозовицкая Г. П., Мурат Д. Понятие и значение формирования политики человеческого ресурса в государственных органах Монголии // Труды академии управления МВД России. – 2019. – № 4 (52). – С. 101–107.

2. Мурат Д. Современное состояние и основные задачи политики человеческого ресурса в органе исполнения судебных решений Монголии // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Республике Казахстан : сборник междунар. науч. конф. – Республика Казахстан, 2020.

3. Алтан-Очир М. Төрийн тусгайлсан чиг үүрэг бүхий байгууллагуудын менежментэд тулгамдаж буй асуудал, шийдвэрлэх арга зам. //«ШШГБ-ын хүний нөөцийн хөгжил, нийгмийн хамгааллыг бүрдүүлэх асуудал» сэдэвт эрдэм шинжилгээний онол практикын хуралын эмхэтгэл. – УБ, 2015.

4. Долинин А. Ю. Современное состояние и направления совершенствования деловой оценки персонала уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4. – С. 65–70.

5. Мурат Д. Проблемы правового регулирования основных направлений кадровой политики Министерства юстиции, внутренних дел Монголии // Образование и право. – 2019. – №7.

6. Наранхүү Э. ШШГБ-ын алба хаагчдын хөдөлгөөнд хийсэн дүн шинжилгээ /2017-2018 оны байдлаар/. «ШШГБ-ын хүний нөөцийн бодлого, чиг хандлага» эрдэм шинжилгээний хуралын эмхэтгэл. – УБ, 2019.

7. Цэцэгмаа Ц. Хүний нөөцийн менежмент – Агуулга, түүх, загвар, хөгжлийн чиглэл (хандлагууд), Сурах бичиг, 3 дахь хэвлэл. – УБ, 2014.

8. Батсүх Ш. Төрийн албаны шинэтгэлийн асуудлууд // Төрийн алба, Хүний нөөц. – УБ, 2017.

References

1. Zhuravlev R. A., Lozovitskaya G. P., Murat D. Ponyatiye i znacheniyе formirovaniya politiki chelovecheskogo resursa v gosudarstvennykh organakh Mongolii // Trudy akademii upravleniya MVD Rossii. – 2019. – № 4 (52). – S. 101–107.

2. Murat D. Sovremennoye sostoyaniye i osnovnyye zadachi politiki chelovecheskogo resursa v organe ispolneniya sudebnykh resheniy Mongolii // Aktual'nyye problemy pravotvorchestva i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti v Respublike Kazakhstan: sbornik mezhdunar. nauch. konf. – Respublika Kazakhstan, 2020.

3. Altan-Ochir M. Töriin tусgailsan chig үүрег бүkhii baiguullaguudyn myenyejmyented tulgamdaj bui asuudal, shiidverlekh arga zam. //«ShShGB-yn khünii nöötsiin khögjil, niigmiin khamgaallyg бүрдүүlekh asuudal» sedevt erdem шинjilgeenii onol praktikyn khuralyn emkhetgel. – UB, 2015.

4. Dolinin A. Yu. Sovryemyennoye sostoyaniye i napravlyeniya sovyershyenstvovaniya dyelovoi otsyenki pyersonala ugolovno-ispolnityelinoi sistyemy // Chyelovyek: pryestuplyeniye i nakazaniye. – 2014. – № 4. – S. 65–70.

5. Murat D. Probyemy pravogo ryegulirovaniya osnovnykh napravlyenii kadrovoi politiki Ministyerstva yustitsii, vnutryennikh dyel Mongolii // Obrazovaniye i Pravo. – 2019. – №7.

6. Narankhüü E. ShShGB-yn alba khaagchdyn khödölgөөнд khiisen дүн шинjilgee. /2017-2018 ony baidlaar/. «ShShGB-yn khünii nöötsiin bodlogo, chig khandlaga» erdem шинjilgeenii khuralyn emkhetgel. – UB, 2019.

7. Tsetsegmaa Ts. Khünii nöötsiin myenyejmyent – Aguulga, түүkh, zagvar, khögjiliin chiglel (khandluguud), Surakh bichig, 3 dakhi khevel. – UB, 2014.

8. Batsükh Sh. Töriin albany шинetgeliin asuudluud // Töriin alba, Khünii nööts. – UB, 2017.

© Мурат Д., 2020

Статья поступила в редакцию 30.06.2020 г.

А. В. Никуленко

доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0003-1332-4621. E-mail: nikulenkoa@mail.ru

М. А. Смирнов

прокуратура г. Великого Новгорода

Российская Федерация, 173004, Великий Новгород, ул. Большая Московская, д. 60

ORCID: 0000-0003-3805-2933. E-mail: gazan87@rambler.ru

Необходимая оборона и превышение её пределов: ВОЗМОЖНОСТИ законодательного совершенствования

Аннотация: Статья посвящена необходимой обороне как обстоятельству, исключающему преступность деяния, в уголовном законодательстве Российской Федерации. Провозглашается значимость и важность наличия указанной нормы как в уголовном законе, так и в Основном законе государства – Конституции Российской Федерации. Наличие нормы о необходимой обороне в государстве подчёркивает развитость его правовой системы, позволяя гражданам самим отстаивать свои интересы и защищать интересы других лиц способами, не запрещёнными законом, не допуская тем самым превышения пределов необходимой обороны. Затронут ряд вопросов, касающихся применения норм, предусмотренных статьёй 37 Уголовного кодекса России, а также норм Особенной части Уголовного кодекса России, предусматривающих ответственность за преступления, совершённые при превышении пределов необходимой обороны. Исследование соответствующих норм позволяет выявить достоинства и недостатки правового регулирования обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе и недостатки судебно-следственной практики. Подвергается критике существующий подход и предлагаются пути разрешения указанных проблем, в том числе путём корректировки постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Ввиду неоднозначной и зачастую непоследовательной практики применения норм уголовного законодательства о необходимой обороне предлагается при дальнейшей реконструкции соответствующих норм статьи 37 УК РФ использовать перечневый подход изложения законодательной формулировки данных норм, позволяющих обороняющемуся причинять любой вред посягающему лицу. При этом создаётся максимально понятная для граждан формулировка нормы, позволяющая правомерно причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; Уголовный кодекс Российской Федерации; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Для цитирования: Никуленко А. В., Смирнов М. А. Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 111–117. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-111-117.

Andrei V. Nikulenko

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1332-4621. E-mail: nikulenkoa@mail.ru

Maksim A. Smirnov

Prosecutor's Office of Veliky Novgorod

60, Bolshaya Moskovskaya str., Veliky Novgorod, 173004, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3805-2933. E-mail: gazan87@rambler.ru

The necessary defense and excess of its limits: legislative improvement opportunities

Annotation: The article is devoted to the necessary defense as a circumstance that precludes the criminality of an act in the criminal legislation of the Russian Federation. The significance and importance of the existence of this norm is proclaimed both in the criminal law and in the Basic law of the state – the Constitution of the Russian Federation. The existence of a rule on necessary defense in the state emphasizes the development of its legal system, allowing citizens to defend their own interests and protect the interests of others, in ways not prohibited by law, thereby preventing exceeding the limits of necessary defense. A number of issues related to the application of the norms provided for in article 37 of the Criminal code of Russia, as well as the norms of the Special part of the Criminal code of Russia, which provide for liability for crimes committed when exceeding the limits of necessary defense, were raised. The study of the relevant norms makes it possible to identify the advantages and disadvantages of legal regulation of circumstances that exclude the criminality of an act, including the shortcomings of judicial and investigative practice. The author criticizes the existing approach and suggests ways to resolve these problems, including by correcting the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012, № 19 «About application by courts of legislation on necessary defense and causing harm when detaining a person who has committed a crime». Because of the ambiguous and often inconsistent application of norms of the criminal legislation on necessary defense, the authors give the recommendations (in further reconstruction of the relevant provisions of article 37 of the Criminal Code) to use an enumeration approach of presenting the legal formulation of these rules that allow the defender to cause any harm to an attacker. At the same time, it creates the most understandable, for citizens, formulation of the norm that allows lawfully causing harm to public relations protected by criminal law.

Keywords: circumstances excluding criminality of act, necessary defense, excess of limits of necessary defense, the criminal code of the Russian Federation, Plenum of the Supreme Court of 27.09.2012 № 19 «About application by courts of legislation on necessary defense and infliction of harm during the arrest of the perpetrator of the crime»

For citation: Nikulenko A. V., Smirnov M. A. The necessary defense and excess of its limits: legislative improvement opportunities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 111–117. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-111-117.

В статье 2 Конституции Российской Федерации, закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, охраняемой государством¹. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – прямая обязанность государства. Данное положение является основным признаком развитого, демократического государства.

Функцию по охране прав и свобод человека и гражданина государство возложило в первую очередь на правоохранительные органы, наделив их правом при соблюдении определённых условий ограничивать права и свободы других

и даже причинять вред, если это требуется при достижении общественно полезной цели.

К сожалению, не всегда и не везде правоохранительные органы могут защитить человека от преступных посягательств. В связи с этим самому объекту защиты – человеку и гражданину – предоставлено право обороняться от посягательств на его права, а также на иные охраняемые законом интересы, в том числе интересы других лиц и государства. Так, законодательно закреплено, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом (ст. 45 Конституции РФ). Это конституционное положение прежде всего наделяет человека и гражданина правом самому лично защищать свои законные права и интересы, участвовать в правовых отношениях по их защите наряду с государством и государственными органами. При этом для защиты могут использоваться все предоставленные ему конституционные права, являющиеся высшей

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398. – Ст. 2.

ценностью для государства. Перечень законодательно допустимых способов защиты весьма разнообразен, однако особого внимания заслуживает возможность реализации части второй статьи 45 Конституции РФ в сфере уголовно-правовых отношений, возникающих непосредственно в случае причинения или возникновения угрозы причинения вреда охраняемым государством интересам.

Положения, вытекающие из смысла данной нормы, транслируются в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, преимущественно в принципах уголовной ответственности, а также в главе 8 Уголовного кодекса РФ, закрепляющей обстоятельства, исключающие преступность деяния, в том числе право на необходимую оборону человека и гражданина, чьи права и охраняемые законом интересы подвергаются посягательству.

Необходимая оборона как явление существовала на всех этапах развития государственности и законодательства не только в России, но и в других странах. Более того, необходимая оборона заложена инстинктивно в каждом человеке, который стремится защитить себя от преступных посягательств. Именно это позволяет говорить о необходимой обороне как о безусловном праве каждого человека.

Соразмерно развитию и совершенствованию законодательства в России претерпевал изменения и институт необходимой обороны. Однако какой бы ни была законодательная формулировка и степень проработанности правовых норм данной категории, необходимая оборона всегда являлась позволяющей и даже управомочивающей нормой на причинение вреда лицу, посягающему на права и законные интересы личности, общества и государства.

Признавая общественно полезным или допустимым причинение вреда посягающему, государство не только реализует важнейшее конституционное право человека на защиту, но и стремится повысить правовую активность граждан, вовлечь каждого в обеспечение общественного порядка и в борьбу с преступностью. Учитывая тонкую грань между правомерностью и преступным характером причинённого вреда, законодатель обязан детально и безошибочно предусмотреть механизм работы и применения на практике данного института уголовного права. И действительно, насколько чудовищна ошибка, в результате которой человек, действующий в защиту личных прав и интересов либо в защиту прав и интересов другого лица, общества или государства, сам становится преступником по причине неправильного толкования норм права либо по причине имеющегося законодательного пробела. Именно из-за важности института необходимой обороны для граждан как прямой реализации конституционного пра-

ва на защиту охраняемых законом интересов, а для государства как эффективнейшего способа повышения активности граждан в борьбе с преступностью, законодатель и учёные-правоведы не перестают совершенствовать законодательство и уголовно-правовую науку в этом направлении, стремятся устранить существующие пробелы в законодательстве и оценочные категории, не позволяющие однозначно толковать нормы уголовного закона, а также не допустить судебных ошибок, влекущих за собой необоснованное привлечение к уголовной ответственности лиц, действующих при необходимой обороне.

Наличие института необходимой обороны в государстве подчёркивает развитость его правовой системы, позволяя гражданам самим отстаивать свои интересы и защищать интересы других лиц, способами, не запрещёнными законом, не допуская тем самым превышения пределов необходимой обороны.

Сегодня, несмотря на значительные изменения, этот институт нуждается в корректной регламентации и максимальной ясности для правоприменителя в целях недопущения несправедливого обвинения лиц, которые защищали свои права и интересы от преступного посягательства. Отметим, что в 2003 году ст. 37 УК РФ была введена норма, разрешающая причинение любого вреда посягающему в случае, когда посягательство является неожиданным, в связи с чем обороняющийся не имел реальной возможности объективно оценить сложившуюся ситуацию, степень и характер опасности нападения. Однако данное нововведение, вновь подтолкнуло нас к необходимости обращения к субъективным оценочным понятиям, порождающим очередные проблемы в толковании и в применении закона.

Обратимся непосредственно к анализу понятия «превышение пределов необходимой обороны». Пленум Верховного Суда РФ в своём постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указал: «Под превышением пределов необходимой обороны понимают такие действия лица, когда оно прибегнуло к защите от посягательства, не сопряжённого с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, и избрало такие средства и способы, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинило посягающему тяжкий вред здоровью или смерть»².

Подчеркнём, что даже соответствующие разъяснения высшей судебной инстанции не

² П. 11 Постановления от 27 сентября 2012 г. № 19.

способствовали чёткому уяснению данного законодательного установления. На наш взгляд, представляется необходимым внести коррективы непосредственно в содержание статьи 37 Уголовного кодекса РФ, закрепив в нём понятие превышения пределов необходимой обороны. Это будет способствовать разрешению ряда существующих практических проблем реализации указанной нормы и выработке единого подхода к определению понятия превышения пределов необходимой обороны, а также установлению единой судебно-следственной практики по данным категориям уголовных дел и, наконец, полноценной защите и восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан, общества и государства.

К сожалению, по настоящее время законодательно не закреплены признаки явного несоответствия защиты характеру и степени опасности посягательства. В науке уголовного права предпринимались неоднократные попытки конкретизировать данные признаки. Так, учёные-правоведы к превышению пределов необходимой обороны относят и несвоевременную оборону, осуществлённую либо преждевременно, либо поздно [1, с. 124]. Однако более частыми являются «случаи превышения пределов необходимой обороны при явном несоответствии интенсивности защиты интенсивности посягательства»³.

При определённых обстоятельствах следует учитывать физическую подготовленность субъекта посягательства» [2, с. 244]. Так, например, по определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР был отменен приговор, которым Ф. была осуждена за убийство своего мужа при превышении пределов необходимой обороны. Из обстоятельств уголовного дела известно, что муж беспричинно избивал ее в квартире, используя приёмы карате, которым занимался несколько лет. Муж высказывал угрозы убийством в адрес Ф., грозил искалечить, наносил удары по голове, лицу и телу. Защищая свою жизнь и здоровье, Ф. ранила мужа кухонным ножом, что повлекло его смерть. Судебная коллегия признала действия Ф. правомерными, не выходящими за пределы необходимой обороны⁴.

Нам, как и ряду авторов, видится правильным «признание превышения пределов необходимой обороны в случае явного несоответствия характера посягательства средствам и способам защиты, когда нападающему, обороняющемуся, а также другим лицам было очевидно, что обороняющийся имел возможность отразить нападение, причинив меньший вред нападающему, либо вовсе без такового, осознавал такую

возможность, однако намеренно выбрал более опасные средства и методы защиты, соответственно, без необходимости причинил вред посягающему лицу» [3, с. 151].

В случае превышения пределов необходимой обороны, действия обороняющегося признаются общественно опасными и должны квалифицироваться по соответствующим статьям УК РФ – ст. 108 (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление) и ст. 114 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление) УК РФ. При этом умышленное причинение лёгкого вреда здоровью или побоев (ст. 115 и 116 УК РФ) не образует возможности превышения пределов необходимой обороны, так как данные обстоятельства фактически не могут иметь признака несоответствия характера нападения и защиты⁵. Причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства, не влечёт уголовной ответственности.

Объективная сторона ч. 1 ст. 108 УК РФ выражается в убийстве нападавшего при превышении пределов необходимой обороны со стороны оборонявшегося. Таким образом, для установления истины по делу необходимо установить, что обороняющийся прибегнул к защите охраняемых законом прав от посягательства средствами и методами, явно несоизмеримыми и не необходимыми при имеющейся степени опасности и характере посягательства; данные методы также не были вызваны реальной обстановкой при нападении, в связи с чем обороняющийся без необходимости причинил потерпевшему (в данном случае нападавшему) смерть. Важным при установлении объективной стороны преступления является субъективное осознание обороняющимся явного несоответствия применяемых им методов и средств защиты против посягательства, так как в противном случае, наступление уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны исключается⁶. С субъективной стороны убийство (ч. 1 ст. 108 УК РФ) совершается умышленно, однако чаще умысел бывает косвенным, неконкретизированным, что выражается в том, что

³ Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред.: Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 481.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1992. – № 2. – С. 7-8.

⁵ Рабаданов А. С. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния (некоторые вопросы судебной практики и его нормативно-правовое обеспечение) : учебное пособие / под общ. ред. В. П. Ревина. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2002. – С. 9.

⁶ Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. – Москва: ЮНИТИ, 2000 – С. 117.

обороняющийся, осуществляя защиту охраняемых законом интересов от преступного посягательства, осознает, что превышает пределы защиты, предвидит реальную возможность наступления последствий в виде смерти, однако наступления данного результата он не желает, так как его цель является общественно полезной – защита охраняемых законом интересов от преступного посягательства, однако лицо сознательно из всех возможных вариантов защиты выбирает те, которые приводят к наступлению последствий в виде смерти нападающего. Исходя из косвенного умысла данного преступления, у данного состава не может быть стадии покушения, тем более стадии приготовления, так как нападение для обороняющегося должно быть всегда неожиданным, в связи с чем и он защищается в условиях необходимой обороны.

Субъектом ст. 108 УК РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста, осуществляющее предоставленное ему законом право на необходимую оборону. Из положений части 3 статьи 37 УК РФ вытекает, что в случае, когда лицо, совершившее убийство при превышении пределов необходимой обороны, является, например, сотрудником правоохранительных органов, его действия должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 108 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 286 УК РФ не требуют [4, с. 67].

Не углубляясь в рассмотрение составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны, следует отметить, что оба состава – ст. 108 и ст. 114 УК РФ – отнесены законодателем к категории преступлений небольшой тяжести, а санкции статей предусматривают в качестве строжайшего альтернативного вида наказания – лишение свободы на срок до двух лет и до одного года соответственно. Подобным образом законодатель ещё раз подчеркнул важность института необходимой обороны, придав преступлениям с тяжкими последствиями в виде причинения вреда жизни и здоровья граждан привилегированный характер, обусловленный общественно полезной целью действий лица, совершившего указанные преступления – защита законных интересов от преступного посягательства. В этом плане представляют интерес предложения ряда авторов, говорящих о необходимости исключения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, из категории убийств и переименовании в «причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны» [5, с. 105]. Хотя данная точка зрения не лишена логики, однако предлагаемая формулировка вновь придаёт неопределённый характер субъективной стороне указанного преступления, позволяя предпо-

ложить возможность причинения смерти по неосторожности, что вовсе исключает необходимую оборону из деяний лица.

На наш взгляд, понятие «превышение пределов необходимой обороны» должно быть сформулировано в ст. 37 УК РФ следующим образом: «Превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия оборонящегося от общественно опасного посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, связанные с применением таких приёмов, способов, средств и (или) орудий защиты, использование которых явно, очевидно для обороняющегося, не вызывалось характером и степенью опасности посягательства, когда посягавшему без необходимости умышленно был причинён тяжкий вред здоровью или смерть. При этом все сомнения должны толковаться в пользу обороняющегося лица».

В уголовном законодательстве о необходимой обороне ряда иностранных государств приводится детальный перечень вариантов поведения, при которых обороняющееся лицо, защищаясь от общественно опасного посягательства, может правомерно причинить фактически любой, в том числе смертельный, вред посягающему лицу.

Например, подробное описание таковых действий содержится в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк 1967 г. В соответствующем разделе кодекс регулирует случаи, в которых возможно применение смертельной физической силы. В параграфе 35.15 перечислены случаи, при которых обороняющийся не должен отступать, т.е. ему дано право на причинение любого вреда посягающему лицу: «1) если обороняющийся находится в своём жилище и не является первоначальным агрессором; 2) является служащим полиции, должностным лицом, наблюдающим за соблюдением общественного порядка, или лицом, оказывающим помощь уже перечисленным лицам по их указанию; 3) в случаях, когда посягающий совершает или пытается совершить похищение человека, изнасилование или ограбление при обстоятельствах, при которых разрешается применение смертельной физической силы»⁷.

Таким образом, мы видим, что в УК штата Нью-Йорк подробно указаны случаи, в которых обороняющийся, находясь в состоянии необходимой обороны, вправе причинить любой вред [6, с. 4426-4430].

Ещё более актуальной представляется статья 9.51 техасского УК «Арест и обыск». Часть (А) указанной статьи гласит: «Сотрудник правоохранительного органа или лицо, действующее в присутствии и в соответствии с указаниями такого сотрудника правоохранительного орга-

⁷ Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) : сборник законодательных материалов / под ред. И. Д. Козочкина. – Москва: Зерцало, 2001. – С. 68.

на, оправданно применяет насилие в отношении другого в случаях и в таких пределах, в которых, как такой деятель разумно полагает, такое насилие является тотчас необходимым для производства или содействия аресту или обыску, или для предотвращения побега после ареста...». В части (Б) прямо говорится о возможности применения силы при задержании обычным гражданином: «Лицо, иное, чем сотрудник правоохранительного органа (или лицо, действующее в соответствии с указаниями сотрудника правоохранительного органа), оправданно применяет насилие против другого в случаях и в таких пределах, в которых, как такое лицо разумно полагает, такое насилие является тотчас необходимым для производства или содействия законному аресту..., если до применения насилия такое лицо объявляет о своём намерении и основаниях произвести арест или разумно полагает, что его цель и основания ареста заведомо известны лицу, подвергаемому аресту, или когда объявление цели и оснований ареста не представляется разумно возможным»⁸ [8, с. 110–111].

Подробное изложение случаев причинения любого вреда обороняющимся лицом характерно для УК Индии, Сингапура, Китая [7, с. 125–132; 10, с. 370–381; 11, с. 428–432] и ряда других государств.

Мы уже писали об этом, предлагая перечневый подход к системе благ, охраняемых с помощью необходимой обороны, при посягательстве на которые возможно причинение любого вреда посягающему⁹. Указанная позиция озвучивалась видным учёным-криминалистом профессором Э. Ф. Побегайло [9, с. 249].

Следует обратить внимание на более лояльный зарубежный опыт при решении вопроса об ответственности за превышение пределов необходимой обороны в иностранном законодательстве. Так, в УК ФРГ законодательно закреплено, что если лицо превышает пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга, то оно не подлежит наказанию; УК Швейцарии определяет, что если обороняющийся превышает пределы необходимой обороны вследствие извинительного волнения или замешательства, вызванного посягательством, то его не наказывают; аналогичные нормы содержат УК Польши, Латвии. Другими словами, законодатель в зарубежных странах исключает

виновность лица, совершившего преступление вследствие возникшего душевного волнения, вызванного посягательством [10, с. 7–31].

На наш взгляд, для совершенствования института необходимой обороны следует закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» типичные случаи, при которых обороняющееся лицо, не задумываясь, может причинить «первоначальному посягателю на охраняемые законом интересы» любой вред при защите от общественно опасного посягательства для того, чтобы исключить необоснованность осуждения лиц за превышение пределов необходимой обороны, поскольку, как уже отмечалось, если бы посягающее лицо первым не преступило закон, тогда обороняющийся и не стал бы совершать ответные действия для своей защиты, защиты близких лиц, а также интересов общества и государства.

Таким образом, на наш взгляд, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ следует отразить следующее: «Признается правомерным причинение любого вреда посягающему при защите от посягательства, угрожающего жизни или здоровью обороняющегося или других лиц, например, от покушения на убийство или причинение вреда здоровью, грабежа, разбоя, изнасилования, насильственных действий сексуального характера и т.д.». В указанный перечень могут быть помещены иные составы преступлений, в том числе создающие опасность причинения существенного вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Немаловажным будет и дополнение о распространении всех положений норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, на сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и дружинников, несмотря на их возможную специальную подготовку, наличие специальных средств или огнестрельного оружия, причём безо всяких изъятий и ограничений, предусмотренных иными законами или нормативными правовыми актами.

В заключение отметим, что на протяжении последних лет наука уголовного права позитивно развивается в данном направлении. Нормы о необходимой обороне претерпевают существенные изменения, что свидетельствует о стремлении законодателя решать существующие проблемы и о большой значимости данного института уголовного права. Движение законодателя в данном направлении должно постоянно прогрессировать и не останавливаться на достигнутом, ведь необходимая оборона является гарантией человека и гражданина на соблюдение его конституционных прав и свобод.

⁸ Уголовный кодекс штата Техас. Принят Законодательным собранием штата Техас: 63-я законодательная сессия. Вступил в силу с 1 января 1974 г., с изменениями и дополнениями на 1 июля 2003 г. / перевод с английского: Д. Г. Осипов; науч. ред. и предисл.: И. Д. Козочкин. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 110–111.

⁹ Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Никуленко Андрей Вячеславович. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 28 и др.

Список литературы

1. Анашкин Г. З., Бородин С. В., Гальперин И. М., Загородников Н. И. и др. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред.: Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. – Москва: Наука, 1987. – 276 с.
2. Милуков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние : монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. – 560 с.
3. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2012. – 348 с.
4. Зубкова В. И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России : монография. – Москва: Норма, 2012 – 256 с.
5. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости : монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 267 с.
6. Журкина О. В. Институт необходимой обороны в законодательстве зарубежных стран [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 4426–4430. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85886.htm> (дата обращения: 19.06.2020).
7. Додонов В. Н., Капинус О. С. Необходимая оборона (сравнительный анализ современных уголовных законодательств) // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 125–132.
8. Миронов С. А. Необходимая оборона в уголовном праве КНР: история и современность (сравнительно-правовой подход) / Уголовное право и современность : сборник статей. – Вып. 3 / под. ред. А.Э. Жалинского. – Москва: Государственный университет - Высшая школа экономики, 2011. – С. 428–432.
9. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. – Москва: Юридический центр Пресс, 2008. – 1064 с.
10. Волженкин Б. В. Модельный уголовный кодекс и его влияние на формирование уголовного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств / Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии : сборник научных статей. – Москва: ЛексЭст, 2002. – С. 7–31.

References

1. Anashkin G. Z., Borodin S. V., Gal'perin I. M., Zagorodnikov N. I. i dr. Ugolovnyy zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya / отв. red.: Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. – Moskva: Nauka, 1987. – 276 s.
2. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Prichineniye vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo obshchestvenno opasnoye deyaniye : monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr, 2015. – 560 s.
3. Konyakhin V. P. Teoreticheskiye osnovy postroyeniya Obshchey chasti rossiyskogo ugolovnogogo prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2012. – 348 s.
4. Zubkova V. I. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti po zakonodatel'stvu Rossii : monografiya. – Moskva: Norma, 2012 – 256 s.
5. Parkhomenko S. V. Deyaniya, prestupnost' kotorykh isklyuchayetsya v silu sotsial'noy poleznosti i neobkhodimosti : monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. – 267 s.
6. Zhurkina O. V. Institut neobkhodimoy oborony v zakonodatel'stve zarubezhnykh stran [Elektronnyy resurs] // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». – 2015. – T. 13. – S. 4426–4430. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85886.htm> (data obrashcheniya: 19.06.2020).
7. Dodonov V. N., Kapinus O. S. Neobkhodimaya oborona (sravnitel'nyy analiz sovremennykh ugolovnykh zakonodatel'stv) // Pravo i politika. – 2005. – № 3. – S. 125–132.
8. Mironov S. A. Neobkhodimaya oborona v ugolovnom prave KNR: istoriya i sovremennost' (sravnitel'no-pravovoy podkhod) / Ugolovnoye pravo i sovremennost' : sbornik statey. – Vyp. 3 / pod. red. A.E. Zhalinskogo. – Moskva: Gosudarstvennyy universitet - Vysshaya shkola ekonomiki, 2011. – S. 428–432.
9. Pobegaylo E. F. Izbrannyye trudy. – Moskva: Yuridicheskiy tsentr Press, 2008. – 1064 s.
10. Volzhenkin B. V. Model'nyy ugolovnyy kodeks i yego vliyaniye na formirovaniye ugolovnogogo zakonodatel'stva gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv / Novoye ugolovnoye zakonodatel'stvo stran SNG i Baltii : sbornik nauchnykh statey. – Moskva: LeksEst, 2002. – S. 7–31.

УДК 343.91

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-118-122

Е. М. Павлик

кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0003-2000-2380. E-mail: Lisa1990-07@mail.ru

Е. С. Кетенчиева

адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0001-9801-8388. E-mail: ketenchiyeva00@bk.ru

Криминологическая характеристика лиц, осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ

Аннотация: В настоящей статье приводится классификация и характеристика лиц, осуждённых за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В статье рассматриваются статистические данные о состоянии преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ за последние пять лет. На основании собранного эмпирического материала авторами был проведён анализ качественных показателей осуждённых наркопреступников. Исследование статистических данных следственно-судебной практики по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ позволило получить криминологический портрет личности осуждённого к лишению свободы: гражданин РФ, субъект мужского пола в возрасте от 18 до 39 лет, имеющий среднее общее либо среднее профессиональное образование. При этом личность осуждённого характеризуется искажением внутренних критериев, которые обесценивают нормы и правила, выражающие и закрепляющие общественные интересы. Авторами также проведён сравнительный анализ осуждённых как в Российской Федерации, так и в таких субъектах, как Санкт-Петербург и Ленинградская область, так как Санкт-Петербург уже не первый год находится в числе лидеров среди регионов с наибольшим удельным весом зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: судимость, судебная статистика, личность преступника, наркопреступления, осуждённые, наркотические средства, психотропные вещества.

Для цитирования: Павлик Е. М., Кетенчиева Е. С. Криминологическая характеристика лиц, осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 118–122. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-118-122.

Elizaveta M. Pavlik

Cand. Sci. (Jurid.)

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2000-2380. E-mail: Lisa1990-07@mail.ru

Elena S. Ketenchiyeva

Graduate

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9801-8388. E-mail: ketenchiyeva00@bk.ru

A criminal profiling of persons convicted for narcotic drugs and psychotropic substances illicit trafficking

Annotation: This article provides a classification and characteristics of persons convicted for crimes in the field of narcotic drugs and psychotropic substances illicit trafficking. The article deals with the statistics in this sphere over the past five years. Based on the collected empirical evidence the authors analyzed the qualitative indicators of convicted drug offenders. The examination of statistical data from investigative and judicial practice on crimes in the field of narcotic drugs and psychotropic substances illicit trafficking made it possible to sketch a criminal profile of a person sentenced to imprisonment: a citizen of the Russian Federation, a male between 18 to 39 years, having a secondary general or vocational education. Moreover, the personality of a convicted person is characterized by his internal criteria deformation devaluing the norms and rules that express and consolidate public interests. The authors also conducted a comparative analysis of offenders convicted both in the Russian Federation and in such federal subjects as Saint-Petersburg and Leningrad region. The choice of St. Petersburg as one of the objects of this research is justified by the fact that it has been among the leaders of the regions with the largest number of recorded drug-related crimes for several years..

Keywords: conviction, judicial statistics, criminal personality, drug-related crimes, convicts, narcotic drugs, psychotropic substances.

For citation: Pavlik E. M., Ketenchiyeva E. S. A criminal profiling of persons convicted for narcotic drugs and psychotropic substances illicit trafficking // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87) – P. 118–122. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-118-122.

Негативные тенденции, связанные с процессом наркотизации, отражаются на всех сферах жизни российского общества. Стабилизация общественных процессов требует прогрессивных изменений в системе мер борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, понимания обусловленности преступности наркотической направленности и изучения личности преступника [1]. Данные официальной статистики свидетельствуют о высоком уровне преступности в указанной сфере. Так, в 2013 г. было зарегистрировано 231,5 тыс. преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в 2014 г. – 254,7, в 2015 г. – 236,9, в 2016 г. – 201,2, в 2017 г. – 208,7, в 2018 г. – 200,3, в 2019 г. – 190,1¹. Наркопреступность составляет около 10% от общего количества зарегистрированных преступлений. Около 90% преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ выявляется сотрудниками органов внутренних дел.

Знания об особенностях личности преступника важны как для предупреждения наркопреступлений, так и для их пресечения, раскрытия и поиска лиц, их совершивших. В связи с этим вопрос о личности преступника невозможно отделить от вопроса о самой преступности, о её причинах, путях и средствах предупреждения преступлений.

¹ Статистика и аналитика [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 02.03.2020)

Анализ существующей статистики позволил выявить, что в 2017 г. 97,8 % лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, осуждаются судами, а в 2018 г. – 96,7 %².

Однако в некоторых субъектах Российской Федерации процент осуждённых лиц в общей массе лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, ниже. Так, например, в Ленинградской области он составляет около 80 %.

Отметим, что есть регионы, в которых количество осуждённых за наркопреступления превышает количество выявленных лиц по рассматриваемым преступлениям. Например, в Санкт-Петербурге в 2018 году были выявлены 5087 лиц³, совершивших наркопреступление, а осуждены 5623 (110,5 %) ⁴, а в 2019 году количество осуждённых составило 107,7 %⁵ от количества совершивших наркопреступления.

² Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 02.03.2020).

³ Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 02.03.2020).

⁴ Официальный сайт Управления Судебного департамента в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – URL: <http://usd.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

⁵ Официальный сайт Управления Судебного департамента в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – URL: <http://usd.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

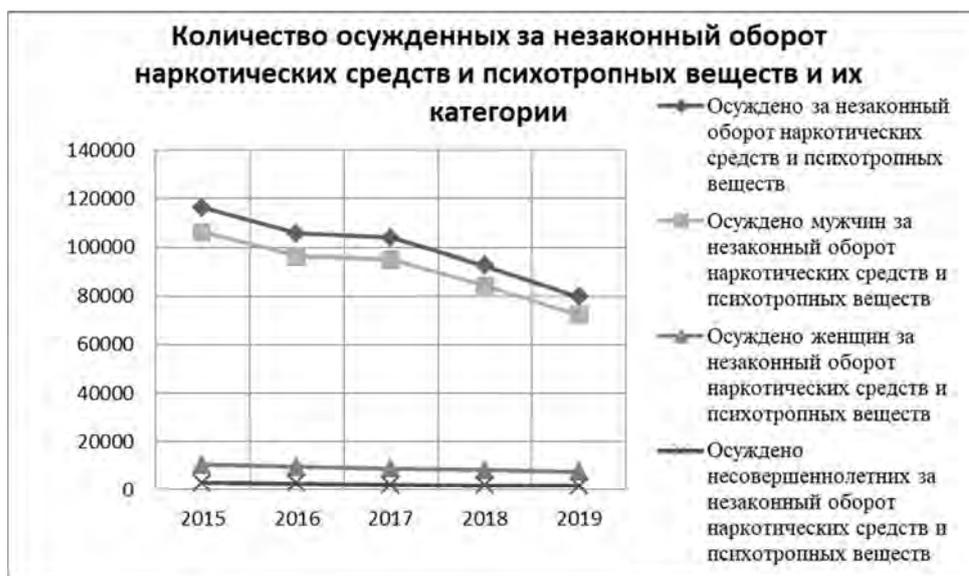

Рис. 1

Анализируя количество осуждённых по видам преступности, можно сделать вывод, что удельный вес осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ от числа осуждённых по всем составам УК РФ составляет около 15 %⁶. Отметим, что незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ находится на втором месте по количеству осуждённых.

Статистика показывает, что преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ последние три года имеет тенденцию к снижению, а количество осуждённых за рассматриваемый вид преступности снижается уже на протяжении четырёх лет (рис. 1)⁷.

Анализ статистики за последние десять лет позволяет утверждать, что с вероятностью в 70 % количество выявленных лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, будет снижаться в пределах от 1 до 13 тыс. в год, как это было в 2015–2019 гг. Прирост количества лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в ближайшие пять лет будет колебаться от – 10,9 % до 5,6 % в год, как это было в 2010–2019 гг.

Анализируя тенденции количества осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, авторы пришли к следующему выводу: при ежегодном ста-

бильном снижении от 2 до 9 тысяч можно предположить, что в ближайшие пять лет количество осуждённых продолжит снижаться в данном диапазоне. Если не появятся дополнительных факторов, влияющих на прогноз, то динамика будет соответствовать представленной.

Рассматривая демографические показатели лиц, осуждённых за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, можно выделить следующие особенности.

1. Около 91 % осуждённых являются мужчинами (рис. 1).

2. Совершившие группой лиц по предварительному сговору: 86 % – мужчины, 14 % – женщины; в составе организованной группы: 86 % – мужчины, 14 % – женщины; в составе преступных сообществ: 83 % – мужчины, 17 % – женщины.

3. По возрасту: несовершеннолетние – 2 %; 18–29 – лет 42 %; 30–34 года – 20 %; 35–39 лет – 16 %; 40 лет и старше – 20 %⁸.

Рассматривая социальные признаки осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, проанализировав судебную практику Российской Федерации, можно сделать такие выводы.

1. По гражданству: 96,8 % осуждённых являются гражданами Российской Федерации, 3,2 % – мигрантами.

2. По уровню образования: 9,8 % имеют высшее профессиональное образование, 36,8 % – среднее профессиональное, 37,5 % – среднее общее, 15,9 % – основное общее, начальное или нет образования.

⁶ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.09.2019).

⁷ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.09.2019).

⁸ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.09.2019).

3. По месту жительства: 90,2 % имеют постоянное жительство в местности, где были осуждены, 0,1 % – беженцы и вынужденные переселенцы, 9 % – другие жители иной местности, 0,7 % – без определенного места жительства⁹.

Отметим, что Санкт-Петербург уже не первый год находится в числе лидеров среди регионов с наибольшим удельным весом зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим считаем целесообразным сравнить судебную статистику по незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации и в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Сравнение судебной статистики Российской Федерации и таких субъектов, как Санкт-Петербург и Ленинградская область, позволило сделать следующие выводы.

1. В Ленинградской области около 88 % осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ являются мужчинами.

2. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области мигранты, осуждённые за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, составляют около 5 % от общего количества осуждённых за наркопреступления.

3. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области около 51 % осуждённых являются лицами в возрасте от 18 до 29 лет и лишь 11 % – в возрасте от 40 лет и старше¹⁰.

В зависимости от социально-психологической характеристики свойства личности осуждённого за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ можно разделить на три группы.

В первую группу включены свойства, обусловленные семейным воспитанием. Около двух третей осуждённых воспитывались в полных семьях, треть – в неполной семье. Незначительная часть осуждённых воспитывалась родственниками и в интернатах. Половина осуждённых имела пробелы воспитания в подростковом и детском возрасте. В 20 % случаях осуждённые воспитывались в наркотизированных семьях.

Ко второй группе отнесены свойства, формируемые средой общения. 70 % осуждённых до совершения преступления наркотической направленности выбирали общение по принципу «себе подобные», проводили свободное время в преступной среде. При этом 49,3 % та-

ких осуждённых после освобождения из мест лишения свободы возобновляли связи с лицами, участвующими в нелегальном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Досуг осуждённых до привлечения к уголовной ответственности характеризовался как неблагополучный, значительная часть из них посещала питейные заведения и притоны для потребления наркотиков. Большая часть осуждённых (48,7 %) вела свободолобивый образ жизни в отсутствие постоянной работы и иного рода занятий [1].

Третья группа свойств характеризуется направленностью личности. В системе ценностей фигурируют семья, свобода, здоровье, труд, жильё, материальный статус, общение с друзьями. В содержание системы ценностей входит и мотивация совершения преступления, в числе которых названы наркотическая зависимость, стремление легко разбогатеть, желание расслабиться, компанейский мотив, любопытство, приобретение авторитета среди товарищей, неприятности в личной жизни и быту [8].

Среди осуждённых за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ процент лиц, которые в судебном порядке были обязаны пройти курс лечения от наркомании, составляет около 4 % как в Российской Федерации, так и в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

С. Д. Гринько, проанализировав имеющую статистику, сделал вывод, что в настоящее время особое беспокойство вызывает рост числа наркоманов среди несовершеннолетних, а также среди женщин. Число случаев смерти от употребления наркотиков среди детей увеличивается [2, с. 85], что является уже не просто проблемой борьбы с преступностью, а вопросом демографии.

А. Н. Курындина в диссертационном исследовании делает вывод, что особенностью личности наркопреступников является то, что в значительном числе случаев втянутыми в преступный оборот наркотических средств являются лица, допускающие немедицинское потребление наркотиков. Это повышает общественную опасность лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, формирует особую криминогенную мотивацию на совершение наркопреступлений¹¹.

Таким образом, анализ статистических данных следственно-судебной практики по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ позволил получить криминологический портрет личности осуждённого к лишению свободы: гражданин РФ, субъект мужского пола

⁹ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cder.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.04.2020).

¹⁰ Официальный сайт Управления Судебного департамента в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – URL: <http://usd.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

¹¹ Курындина А. Н. Личность лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Курындина Анна Николаевна. – Тюмень, 2008. – С. 4.

в возрасте от 18 до 39 лет, имеющий среднее общее либо среднее профессиональное образование. Положительной тенденцией является то, что в Российской Федерации большая часть лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, привлекаются к уголовной ответственности.

Список литературы

1. *Витовская Е. С.* Криминологическая классификация лиц, осуждённых к лишению свободы за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 4. – С. 42–50.
2. *Гринько С. Д.* Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков и её предупреждение // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 85–87.
3. *Жбанков В. А., Табаков А. В.* Транснациональная организованная наркопреступность и наркоконтрабанда как её составляющая: современное состояние и основные тренды : монография. – Москва: РИО Российской таможенной академии, 2017. – 180 с.
4. *Зазулин Г. В., Ли М. М.* Наркотики, наркоситуация и конфликтогенный потенциал наркорельности в России // Конфликтология. – 2015. – Т. 1. – С. 40–54.
5. *Клименко Т. М., Чирков С. В.* Российская уголовно-правовая политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 54–57.
6. *Малинин В. Б., Клименко Т. М.* Преступления в сфере обращения наркотических, психотропных, ядовитых и иных сильнодействующих средств. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2018. – 304 с.
7. *Прохоров Л. А., Прохорова М. Л., Полтавец В. В.* Об эффективности мер, применяемых к лицам, признанным больными наркоманией // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3 (56). – С. 168–174.
8. *Родионов А. И.* Социально-психологическая характеристика личности рецидивистов-наркопреступников мужского пола // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 1. – С. 39–40.
9. *Теунаев А. С.-У., Сигурова О. Ю.* Криминологические аспекты и профилактика наркопреступности // Colloquium-journal. – 2019. – № 17. – С. 23–25.
10. *Цепелев В. Ф.* Современное состояние российского уголовного законодательства и его влияние на разработку и реализацию уголовной политики // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 43–46.

References

1. *Vitovskaya Ye. S.* Kriminologicheskaya klassifikatsiya lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody za prestupleniya v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2018. – № 4. – S. 42–50.
2. *Grin'ko S. D.* Sostoyaniye prestupnosti v sfere nezakonnogo oborota narkotikov i yeye preduprezhdeniye // Zakon i pravo. – 2020. – № 1. – S. 85–87.
3. *Zhbankov V. A., Tabakov A. V.* Transnatsional'naya organizovannaya narkoprestupnost' i narkokontrabanda kak yeye sostavlyayushchaya: sovremennoye sostoyaniye i osnovnyye trendy: monografiya. – Moskva: RIO Rossiyskoy tamozhennoy akademii, 2017. – 180 s.
4. *Zazulin G. V., Li M. M.* Narkotiki, narkosituatsiya i konfliktogennyy potentsial narkoreal'nosti v Rossii // Konfliktologiya. – 2015. – T. 1. – S. 40–54.
5. *Klimenko T. M., Chirkov S. V.* Rossiyskaya ugovolno-pravovaya politika v sfere protivodeystviya nezakonnomu obrotu narkotikov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4 (30). – S. 54–57.
6. *Malinin V. B., Klimenko T. M.* Prestupleniya v sfere obrashcheniya narkoticheskikh, psikhotropnykh, yadovitykh i inykh sil'nodeystvuyushchikh sredstv. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2018. – 304 s.
7. *Prokhorov L. A., Prokhorova M. L., Poltavets V. V.* Ob effektivnosti mer, primenyayemykh k litsam, priznannym bol'nymi narkomaniyey // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2018. – № 3 (56). – S. 168–174.
8. *Rodionov A. I.* Sotsial'no-psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti retsidistov-narkoprestupnikov muzhskogo pola // Aktual'nyye voprosy bor'by s prestupleniyami. – 2017. – № 1. – S. 39–40.
9. *Teunayev A. S.-U., Sigurova O.Yu.* Kriminologicheskiye aspekty i profilaktika narkoprestupnosti // Colloquium-journal. – 2019. – № 17. – S. 23–25.
10. *Tsepelev V. F.* Sovremennoye sostoyaniye rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva i yego vliyaniye na razrabotku i realizatsiyu ugovolnoy politiki // Rossiyskiy sledovatel'. – 2019. – № 7. – S. 43–46.

Уголовный процесс

УДК 343.123.62

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-123-132

П. М. Титов

адъюнкт

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66
ORCID: 0000-0002-8362-4972. E-mail: titov1995@ya.ru

Проблемы правового положения прокурора по уголовным делам частного обвинения

Аннотация: *Введение.* Актуальность темы исследования. Уголовное судопроизводство в целом построено на публично-правовой основе, что предполагает участие в уголовных делах прокурора, выполняющего две основные функции: осуществление уголовного преследования и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Однако по делам частного обвинения, с учётом специфики инициирования уголовного преследования, отсутствия стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, собирания основной массы доказательств частным обвинителем, прокурор не может выполнять те же функции, что и по делам, отнесённым к публичному обвинению.

Постановка проблемы. В науке не уделялось достаточного внимания полномочиям прокурора по уголовным делам частного обвинения. Даже в научных работах, прямо посвящённых указанному вопросу, в основном воспроизводятся лаконичные нормы уголовно-процессуального закона без их детального раскрытия и конкретизации.

Цели и методы. Целью исследования выступает разработка оптимальной теоретической модели участия прокурора в уголовных делах частного обвинения и формулирование перечня его полномочий. Работа основана на диалектико-материалистическом методе, предполагающем всестороннее изучение явлений с учётом их взаимных связей. Также применялись такие методы, как формально-юридический, анализ и синтез, дедукция и индукция.

Результаты и ключевые выводы. Автором высказаны соображения по поводу возможных теоретических моделей участия прокурора по рассматриваемой категории дел, отмечены их дефекты, и с учётом этого предложена собственная концептуальная модель. Обращается внимание на то, что прокурор не может переходить на сторону обвинения и не должен наделяться правами, присущими исключительно частному обвинителю: формулировать обвинение, устанавливать круг привлекаемых к уголовной ответственности лиц, заявлять ходатайство о примирении с обвиняемым. Прокурор по делам частного обвинения должен сохранять процессуальный нейтралитет. Вместе с тем его участие призвано компенсировать свойства потерпевшего, затрудняющие самостоятельное отстаивание последним в полном объёме своего права на доступ к правосудию и на защиту от преступле-

ний. В работе сформулировано, какими процессуальными правами должен наделяться прокурор по делу частного обвинения, и аргументировано предложение о необходимости дачи прокурором заключения по делу, которое подлежит оглашению суду и сторонам в конце судебного следствия. Констатируется, что прокурор по делам частного обвинения выполняет функции, не являющиеся ни уголовным преследованием, ни надзором за органами расследования. Он осуществляет надзор за законностью действий участников уголовного судопроизводства со стороны защиты и обвинения с целью обеспечения обоснованности принимаемого решения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, частное обвинение, прокурор, прокурорский надзор за законностью.

Для цитирования: Титов П. М. Проблемы правового положения прокурора по уголовным делам частного обвинения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 123–132. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-123-132.

Pavel M. Titov

Graduate

Ural legal institute of the MIA of the Russia

66, Korepina ave., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8362-4972. E-mail: titov1995@ya.ru

Problems of the legal status of the prosecutor on criminal private accusation cases

Annotation: Introduction. Relevance of the research topic. Criminal proceedings are generally based on public law, which involves the participation of a prosecutor in criminal cases, who performs two main functions: criminal prosecution and supervision of the procedural activities of the preliminary investigation bodies. In cases of private prosecution, however, taking into account the specifics of initiating criminal prosecution, the lack of stages of initiation of criminal proceedings and preliminary investigation and the collection of the bulk of evidence by a private prosecutor, the Prosecutor cannot perform the same functions as in cases referred to public prosecution.

Problem statement. Science did not use to pay much attention to the powers of the Prosecutor for criminal cases of private prosecution. Even in scientific works directly dealing with the issue, only concise norms of the criminal procedure law, without their detailed disclosure and specification, were mainly reproduced.

Goals and methods. The aim of the research is to develop an optimal theoretical model of the prosecutor's participation in criminal cases of private prosecution and to formulate a list of their powers. The work is based on the dialectical and materialistic method, which involves a comprehensive study of phenomena, their interactions being taken into account. Such methods as formal and legal, analysis and synthesis, deduction and induction have also been used.

Results and key conclusions. The author makes suggestions about possible theoretical models of the Prosecutor's participation in the category of cases under consideration, points at their defects and, as a result, suggests his own conceptual model. Attention is drawn to the fact that the attorney cannot go over to the side of the prosecution and should not be granted rights attributed exclusively to the private Prosecutor: to formulate a charge, to define people to be brought to justice, to petition for reconciliation with the accused. The Prosecutor in the cases of private prosecution procedure should preserve neutrality. At the same time, their participation is intended to make up for the characteristic features of the victim, which make it difficult for the latter to defend their right for justice and to be protected from crime. The paper formulates procedural rights the Prosecutor in a private prosecution case should be provided with and gives reasons for the Prosecutor's necessity to give an opinion on the case, disclosed to the court and the parties at the end of the judicial investigation. It is stated, that the Prosecutor for private prosecution performs functions that are neither criminal prosecution nor supervision of the investigation bodies. They exercise supervision over the legality of the actions of the participants in criminal proceedings on behalf of the defense and prosecution in order to ensure the validity of the decision.

.Keywords: criminal proceedings, trial, private prosecution, prosecutor, prosecutorial supervision of legality.

For citation: Titov P. M. Problems of the legal status of the prosecutor on criminal private accusation cases // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 123–132. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-123-132.

Введение

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) предусматривает, что по делам частного обвинения вся обвинительная деятельность осуществляется потерпевшим, который наделяется статусом частного обвинителя. Вместе с тем, когда потерпевший не в состоянии самостоятельно защищать свои права, к участию в деле привлекается прокурор. Однако правовая модель участия прокурора в делах частного обвинения не создана, а уголовно-процессуальный закон не фиксирует права и обязанности прокурора по рассматриваемой категории дел. В данной статье предпринимается попытка устранить соответствующий пробел и выработать теоретическую модель участия прокурора в делах частного обвинения с учётом их специфики и более высокого уровня диспозитивности.

В науке на современном этапе активно исследуются проблемы, посвященные деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, в том числе на монографическом уровне. Этот аспект подробно разрабатывали Е. А. Анаева [1], С. Э. Воронин и Н. А. Кириенко [5], В. Ф. Крюков [8, 9], А. В. Спиринов [13], А. А. Тушев [15] и другие учёные. Вместе с тем в прямой постановке специфика прокурорской деятельности по делам частного обвинения либо не затрагивалась вообще, либо авторы ограничивались краткими фразами, повторяющими содержание уголовно-процессуального закона. Даже в обстоятельной монографии, подготовленной авторским коллективом Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, где подробно рассматриваются многочисленные аспекты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, специфика его участия в делах частного обвинения практически не затрагивается [14]. Такое отсутствие внимания к анализируемой проблеме в немалой степени объясняется тем, что прокурор является участником публичного уголовного процесса, когда он представляет сторону обвинения и осуществляет уголовное преследование. Модель частного обвинения, в рамках которой выдвижение и поддержание обвинения законодательно делегировано потерпевшему, не предусматривает столь же очевидного места для прокурора, какое он занимает в публичной уголовно-процессуальной модели.

Указанные обстоятельства затрудняют правоприменительную практику, препятствуют ее единообразию, что в результате может повлечь нарушение конституционных прав граждан как пострадавших от преступления, так и подвергаемых уголовному преследованию.

С учётом изложенного, целью настоящего исследования является выработка оптимальной

теоретической модели участия прокурора в уголовных делах частного обвинения.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

- определить основания участия прокурора в уголовных делах частного обвинения;
- предложить теоретическую модель участия прокурора по уголовным делам частного обвинения с учётом назначения уголовного судопроизводства и особенностей дел рассматриваемой категории;
- сформулировать процессуальные права прокурора по уголовным делам частного обвинения.

Описание исследования

Уголовный закон разделяет преступления на категории в зависимости от их характера и степени общественной опасности (ч. 1 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации², далее – УК РФ). При этом любое преступление, даже небольшой тяжести, характеризуется общественной опасностью (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Оно посягает не только на конкретного потерпевшего, но и на охраняемые государством общественно значимые и социально полезные правоотношения. Иными словами, совершая даже единичное преступление, виновный демонстрирует отрицательное отношение к принятым в обществе ценностям, готовность нарушать их неоднократно, что является потенциальной угрозой для каждого члена общества.

Исходя из этого, уголовное судопроизводство в Российской Федерации носит публичный характер. Оно осуществляется не потерпевшими от преступлений, а официальными компетентными государственными органами и их должностными лицами, которые в процессе соответствующей деятельности правомочны в том числе применять меры уголовно-процессуального принуждения. Уголовное преследование, являющееся важнейшим компонентом уголовного судопроизводства, по общему правилу носит публичный характер. По подавляющему большинству составов преступлений уголовные дела возбуждаются по факту совершения преступления, независимо от мнения потерпевшего и других лиц, и не подлежат прекращению, даже если потерпевший и обвиняемый достигли примирения.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) в порядке исключения из общего правила предусматривает по нескольким составам преступлений частный порядок уголовного преследования. В настоящее время к таким составам относятся умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ), нанесение побоев или совершение иных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

насилованных действий, причинивших физическую боль, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1 ст. 116.1 УК РФ), клевета (ст. 128.1 УК РФ). Следует учитывать, что в соответствии с ч. 1 ст. 20 УПК РФ виды уголовного преследования – публичное, частно-публичное и частное – определяются характером и тяжестью совершенного преступления. При этом далеко не для всех преступлений небольшой тяжести установлен частный порядок уголовного преследования. Это подчеркивает то обстоятельство, что частное уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве рассматривается как исключительный феномен.

Основные процессуальные особенности дел частного обвинения заключаются в следующем:

а) уголовное дело возбуждается только по заявлению потерпевшего или его законного представителя;

б) после возбуждения дела лицо, подавшее заявление, приобретает процессуальный статус частного обвинителя (такой субъект отсутствует при производстве по делам частно-публичного и публичного обвинения);

в) собирание доказательств и формулирование обвинения осуществляется частным обвинителем;

г) прокурор в делах частного обвинения, как правило, не участвует;

д) рассмотрение дела производится мировым судьей, при этом стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования не отсутствуют;

е) в случае примирения частного обвинителя и обвиняемого уголовное дело в обязательном порядке подлежит прекращению.

По сути, государство сводит к минимуму участие своих компетентных органов в делах частного обвинения, за исключением собственно разрешения дела, которое осуществляется судом. Частный обвинитель должен сам собрать необходимые доказательства, сформулировать обвинение и поддержать его перед мировым судьей, либо отказаться от обвинения. Очевидно, что только тяжести преступления недостаточно для отнесения дела к частному обвинению. Законодатель исходит также из того, что подобные преступления посягают прежде всего на интересы конкретного потерпевшего, и в минимальной степени – на общественные интересы.

Предусмотренный законом порядок разбирательства дел частного обвинения эффективен только в том случае, когда потерпевший в состоянии самостоятельно в полном объеме отстаивать свои права и интересы. В противном случае соответствующая деятельность превратится в фикцию, поскольку уголовное преследование будет делегироваться лицу, заведомо не имеющему на это возможностей.

Эта проблема учитывается законодателем. УПК РФ предусматривает два способа нейтра-

лизации неготовности потерпевшего отстаивать свои права и интересы в случае совершения в отношении него преступления, отнесенного к частному обвинению.

Первый способ заключается в том, что уголовное дело возбуждается в обычном порядке и расследуется по правилам публичного обвинения.

Основания для этого предусмотрены в различных нормах уголовно-процессуального закона:

а) зависимость или беспомощность потерпевшего, невозможность по иным причинам защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20 УПК РФ);

б) отсутствие сведений о лице, совершившем преступление (ч. 1.2 ст. 319 УПК РФ);

в) наличие у совершившего преступление лица иммунитета от уголовного преследования (ст. 447 УПК РФ).

В указанных ситуациях потерпевший не в состоянии эффективно осуществлять уголовное преследование – по причинам собственного состояния (беспомощность или зависимость от виновного), явного неравенства правового положения потерпевшего и виновного (что может иметь место, если виновный является субъектом, указанным в ст. 447 УПК РФ), а также в силу необходимости производства значительного числа действий по установлению личности виновного (это под силу только компетентным государственным органам, перекладывая ответственность на потерпевшего будет свидетельствовать о невыполнении государством одной из основных функций – правоохранительной). Во всех отмеченных случаях уголовное преследование приобретает публичный характер. По делу производится предварительное расследование, составляется обвинительное заключение или обвинительный акт, который утверждается прокурором, после чего дело передается в суд.

Второй способ предусмотрен в ч. 8 ст. 318 УПК РФ, в которой говорится, что если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора. Этот порядок вызывает значительное число вопросов.

Во-первых, неясно, когда дело должно направляться мировым судьей для возбуждения в публичном порядке, а когда – обеспечивать участие прокурора в судебном заседании. На теоретическом уровне эта дифференциация не обсуждалась. Думается, главным фактором должно стать состояние потерпевшего. Если оно в целом позволяет потерпевшему самостоятельно и эффективно отстаивать свои права и интересы, достаточно привлечения в судебное разбирательство прокурора. Если же потерпев-

ший в принципе не может защитить свои права и интересы, участие прокурора не в состоянии обеспечить принятие по делу законного и обоснованного решения, поэтому необходимо возбуждение уголовного дела в публичном порядке.

Таким образом, участие прокурора в делах частного обвинения должно обеспечиваться в случаях, когда потерпевший не лишён возможности самостоятельно отстаивать свои интересы, однако испытывает в этом определённые затруднения, обусловленные свойствами его личности, особенностями социального статуса обвиняемого и иными факторами. Очевидно, что понятие «затруднения в самостоятельном отстаивании прав» является оценочным, наличие подобной ситуации должно каждый раз определяться судом, исходя из совокупности объективных и субъективных обстоятельств по конкретному уголовному делу. Представляется целесообразным дать подобные разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, и закрепить в нём примерный перечень случаев, свидетельствующих о затруднительности отстаивания потерпевшим своих прав (например, потерпевший подчинён обвиняемому по службе, если при этом подчинение не носит прямого характера; престарелый возраст потерпевшего, наличие у него физических недостатков, не лишающих его возможности самостоятельного участия в деле, однако осложняющих самостоятельную реализацию своих прав и т. п.).

Во-вторых, не разработан правовой статус прокурора в делах частного обвинения.

В ч. 1 ст. 37 УПК РФ названы две функции прокурора в уголовном судопроизводстве: а) осуществление от имени государства уголовного преследования; б) надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. В ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»³ положения УПК РФ не только не детализируются, но, напротив, в данных нормах закреплено положение о том, что полномочия прокурора в уголовном процессе определяются процессуальным законодательством.

В теории уголовного процесса и прокурорского надзора специфика участия прокурора в делах частного обвинения детально не исследовалась. В научных трудах имеются лишь указания на то, что «прокурор осуществляет уголовное преследование от имени государства по делам частного-публичного и публичного обвинения» [2, с. 8].

В. Ф. Крюков определяет понятие «государственное обвинение как регламентированную УПК РФ уголовно-процессуальную деятельность по проведению уголовного преследования

лиц, совершивших преступление, осуществляемую прокурором – государственным обвинителем, посредством выдвижения, обоснования и последующего поддержания на всех стадиях производства уголовного дела в суде первой инстанции, а при отсутствии к тому оснований – высказывания заявления суду об отказе от обвинения, руководствуясь при этом своим публичным процессуальным интересом, и осуществляя эту деятельность под свою процессуальную ответственность» [9, с. 375].

Участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве по уголовным делам частного обвинения возможно только тогда, когда эти дела возбуждались и расследовались в публичном порядке (ч. 2 ст. 246 УПК РФ). В данных ситуациях прокурор в статусе государственного обвинителя фактически участвует в деле не частного обвинения, а публичного, трансформировавшегося из частного. В делах же собственно частного обвинения государственный обвинитель отсутствует. Во-первых, когда уголовное дело, согласно ч. 5 ст. 319 УПК РФ, возбуждено следователем или с согласия прокурора дознавателем, прекращение уголовного дела в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого возможно только по правилам ст. 25 УПК РФ, что свидетельствует о приобретении уголовным преследованием публичного характера. Во-вторых, при возбуждении уголовного дела следователем или дознавателем с согласия прокурора потерпевший не становится частным обвинителем. В-третьих, согласно ч. 5 ст. 321 УПК РФ, судебное следствие по уголовным делам частного обвинения начинается с изложения заявления частным обвинителем или его законным представителем. Законодатель называет именно частного обвинителя лицом, формулирующим обвинение. В-четвертых, в соответствии с ч. 3 ст. 249 УПК РФ, по делам частного обвинения неявка без уважительной причины именно потерпевшего влечёт прекращение уголовного дела.

По делам частного обвинения прокурор, даже участвуя в судебном заседании, не становится государственным обвинителем, так как функция государственного обвинения по указанной категории дел отсутствует как таковая, и тем более по этим делам невозможно осуществление прокурорского надзора за органами расследования, поскольку они не принимают участия в уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем по делам частного обвинения прокурор, участвуя в судебном заседании не в статусе государственного обвинителя, осуществляет деятельность, не присущую ему по всем другим уголовным делам.

Вопрос о правовом положении прокурора, его месте в судопроизводстве по делам частного обвинения может быть решён с учетом базовых норм, регламентирующих статус прокуратуры. Согласно ч. 1 и 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», проку-

³ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

ратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и федеральных законов в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что прокурор даже по делам частного обвинения выполняет публичные функции, обеспечивает законность уголовного преследования и принимаемых решений. И. В. Борисенко отмечает, что «прокурор подчиняется публичному интересу защиты общества и личности от преступных посягательств» [3, с. 173]. Очевидно, это актуально и по делам частного обвинения.

Деятельность прокурора в рамках уголовных дел частного обвинения можно сравнить с его участием в рассмотрении судами гражданских дел, так как отношения в обоих случаях складываются достаточно схожие. В гражданском судопроизводстве, где преобладают диспозитивные начала, участие прокурора является само по себе исключением и предусмотрено только в случаях, указанных в законе.

В ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ГПК РФ) названы две формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве:

а) обращение с иском заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Заявление подается прокурором либо когда гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд, либо по некоторым наиболее важным категориям гражданских дел, перечисленных в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, независимо от состояния гражданина;

б) заключение по ряду категорий дел, названных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

В научной литературе подчеркивается, что «заключение, даваемое прокурором, должно быть основано только на законе, в соответствии с внутренним убеждением, которое сложилось в рамках рассмотрения в судебном заседании всех обстоятельств» [16, с. 10]. В своем заключении прокурор должен сослаться на нормы закона и аргументировать их применение [10, с. 17].

Несмотря на определённую близость правоотношений, невозможно полностью уравнивать деятельность прокурора в гражданском и уголовном процессах (даже по делам частного обвинения). Эти правоотношения далеко не одинаковы, и рассмотрение дела о преступлении – общественно опасном деянии – нельзя ото-

ждествлять с разрешением гражданского спора. Вместе с тем по ряду признаков уголовные дела частного обвинения гораздо ближе к гражданским (исковым) делам, чем уголовные дела публичного обвинения. Таким признаком прежде всего является более высокий уровень диспозитивности, допускаемый законодателем в делах частного обвинения, когда потерпевший наделяется исключительными правами по инициированию уголовного преследования и отказом от его продолжения, что должно повлечь обязательное прекращение производства по делу. Определённая близость уголовных дел частного обвинения к гражданским делам проявляется также в том, что сбор основного массива доказательств осуществляется сторонами, и прежде всего той стороной, которая инициировала производство (то есть частным обвинителем). Отмеченные факторы объективно приводят к уменьшению роли прокурора в делах частного обвинения, и поэтому по данной категории уголовных дел вполне приемлемо заимствовать из гражданского судопроизводства некоторые концептуальные положения, относящиеся к участию прокурора.

На первый взгляд, существуют лишь две теоретические модели статуса прокурора в делах частного обвинения.

Первая модель заключается в выдвигании прокурором обвинения «от лица» потерпевшего, вместо него. Эта модель поддерживается некоторыми учёными, полагающими, что «прокурор по делам частного обвинения выступает субсидиарным обвинителем» [6, с. 25]. Соответственно, в рамках этой модели прокурор должен составить документ, определяющий предмет и пределы судебного разбирательства, заниматься собиранием доказательств, высказывать собственную позицию по поводу возможности или невозможности прекращения уголовного преследования.

Вторая модель предполагает некое «наблюдение» прокурора за деятельностью сторон и высказывание им мнения по поводу законности и обоснованности совершаемых ими действий и предлагаемых решений. Это весьма сходно с алгоритмом участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

Очевидно, что обе эти модели в «чистом виде» не совсем приемлемы для уголовного судопроизводства по делам частного обвинения.

Основной недостаток первой модели состоит в том, что прокурор в ее рамках, в отличие от дел публичного и частно-публичного обвинения, будет вынужден выдвигать и поддерживать обвинение, не опираясь на результаты предварительного расследования. Неясно, каким образом будет происходить собирание доказательств. Кроме того, прокурору пришлось бы осуществлять деятельность, в принципе не входящую в его полномочия в соответствии с общими нормами УПК РФ, регламентирующими основные права и обязанности прокурора в уголовном судопроизводстве (например, составле-

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

ние документа, аналогичного по своему значению постановлению о привлечении в качестве обвиняемого). Думается, что вместо реализации данной модели гораздо более целесообразно предусмотреть возможность возбуждения уголовного дела в общем порядке.

Вторая модель в контексте возможности её использования по делам частного обвинения также имеет определенные дефекты. Использование мнения прокурора в судебном процессе эффективно лишь тогда, когда сама деятельность, являющаяся предметом оценки прокурора, осуществляется субъектами, не ограниченными в своих правах и возможностях. Прокурор же в подобных ситуациях привлекается к участию в деле как своеобразный «специалист», не относящийся ни к одной из сторон и формулирующий собственное заключение с нейтральной по отношению к сторонам позиции. Представители сторон осуществляют полноценный спор по существу дела. По делам частного обвинения в анализируемых ситуациях потерпевший изначально не имеет возможности в полной мере самостоятельно защищать свои права и интересы. Соответственно, он не сможет реально выполнять функцию уголовного преследования, а в силу этого и «заключения» прокурора станут беспредметными, поскольку бессмысленно оценивать действия и решения субъекта, не обладающего должным уровнем самостоятельности. Кроме того, «заключения» прокурора мыслимы лишь по состоявшимся фактам и принятым решениям. По делам частного обвинения необходимо установить обстоятельства совершения преступления, для чего требуются активные действия, а не только мыслительная деятельность оценочного характера.

Необходимо предложить универсальную модель участия прокурора по уголовным делам частного обвинения, в полной мере учитывающую как особенности рассматриваемой категории дел, так и основные функции прокурора в обществе. Можно констатировать, что прокурор по делам частного обвинения должен выполнять функцию надзора за действиями сторон, а также обеспечивать законность принимаемых решений.

Ключевым является вопрос о соотношении прокурора со сторонами, прежде всего – с участниками, представляющими частное обвинение. С одной стороны, прокурор не должен переходить на сторону потерпевшего и не может выполнять функции его консультанта. С другой стороны, следует исходить из того, что само появление в деле частного обвинения прокурора вызвано необходимостью компенсировать ограниченные возможности потерпевшего по установлению обстоятельств совершения преступления. Исходя из этого, представляется, что прокурор, не «сливаясь» со стороной обвинения и сохраняя нейтралитет и объективность, призван решить две основные задачи: а) обеспечить полноту исследования обстоятельств, под-

лежащих доказыванию, с тем, чтобы принимаемое решение было законным и обоснованным; б) сформулировать и высказать суду собственную позицию как по материально-правовым аспектам содеянного, так и по процедурным вопросам, имеющим значение для вынесения законного решения. Такая модель, с одной стороны, обеспечивает реализацию положений, составляющих назначение уголовного судопроизводства, с другой стороны, отражает специфику частного обвинения.

В рамках предложенной концепции, деятельность прокурора имеет определенные ограничения.

Во-первых, прокурор не должен выполнять функцию обвинения, поскольку в деле участвует законный представитель потерпевшего, являющийся частным обвинителем, который и осуществляет уголовное преследование. Дело не теряет частного характера, поэтому наделение прокурора функцией обвинения противоречит правовой природе таких дел. Соответственно, прокурор не должен формулировать обвинение и определять круг привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

Во-вторых, прокурор не должен лично собирать доказательства. Обязанности прокурора должны сводиться к оценке выявляемых в суде обстоятельств совершения преступления и заявлению на основе этого ходатайства мировому судье о собирании доказательств, необходимых для правильного разрешения дела и принятия законного решения. При этом доказательства могут носить как обвинительный, так и оправдательный характер, прокурор изначально не поддерживает сторону обвинения или защиты, главное – это обеспечение правильности установления обстоятельств содеянного. Исходя из этого, прокурор вправе на базе исследованных в суде доказательств высказывать свое мнение о квалификации действий обвиняемого, то есть о применении норм уголовного закона.

В-третьих, прокурор не должен наделяться полномочиями, присущими невластным субъектам, имеющим в деле личный или представляемый интерес. Речь идет в первую очередь о примирении сторон. Очевидно, что такое право принадлежит именно сторонам. Прокурор должен лишь убедиться в добровольности и невынужденности заявления о примирении. По делам частного обвинения, рассматриваемым с участием прокурора, этот момент представляет особую актуальность, поскольку сам потерпевший в силу беспомощности или зависимости от обвиняемого не может самостоятельно реализовать свои права, и решение о примирении принимает законный представитель потерпевшего – лицо, не принимавшее личного участия в конфликте и не пострадавшее от преступных действий. Кроме того, прокурор должен проверить наличие беспомощного или зависимого от обвиняемого состояния у законного представителя потерпевшего, и при подтверждении

заявить ходатайство о возбуждении уголовного дела в общем порядке.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «в гражданском судопроизводстве в силу принципов диспозитивности, состязательности и равноправия сторон прокурор не должен действовать вопреки воле лица, в частноправовых интересах которого он обращается в суд»⁵. В уголовном судопроизводстве по делам частного обвинения ситуация несколько иная. Прокурор, хотя и участвуя в деле в связи с определённым состоянием потерпевшего, может прийти к выводам, расходящимся с позицией потерпевшего.

Таким образом, прокурор по делам частного обвинения должен выполнять функцию надзора за действиями сторон, а также обеспечивать законность принимаемых решений. Следует отметить, что предложенная модель не укладывается в закреплённые в ч. 1 ст. 37 УПК РФ направления деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве. Однако Конституционный Суд Российской Федерации в иных решениях отмечал, что прокурор в уголовном процессе может выполнять функции, не сводящиеся только к осуществлению уголовного преследования и надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования⁶. Главное, чтобы эти функции не противоречили месту прокуратуры в системе органов Российской Федерации и её предназначению – осуществлению надзора за исполнением законов всеми субъектами. Наука также исходит из того, что отдельные действия прокурора в уголовном процессе могут выходить за рамки уголовного преследования или надзора за деятельностью органов предварительного расследования. Так, Е. Ергашев обоснованно указывает на то, что прокурор в уголовном судопроизводстве «обязан принимать меры по защите прав и свобод человека и гражданина, как то предписывает Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», хотя этого направления деятельности прокурора непосредственно в УПК РФ не имеется» [7, с. 88]. О необходимости выделения «правозащитной» роли прокуратуры в уголовном судопроизводстве говорят также

Э. Н. Примова и Н. Н. Примов [12, с. 75–76]. Вопрос о направлениях деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве представляет тему отдельного исследования и в настоящей статье затрагивается лишь для демонстрации того, что роль прокурора в уголовном процессе не сводится исключительно к осуществлению уголовного преследования либо надзора за органами предварительного расследования.

Для осуществления функции надзора за действиями сторон прокурор должен иметь определённые процессуальные полномочия. В гражданском судопроизводстве прокурор, вступающий в дело, наделяется правами гражданского истца (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), к которым добавляется полномочие по даче заключения. Механический перенос этих правил в полном объёме в уголовный процесс невозможен. Представляется, что прокурор, участвующий в судебном заседании по делам частного обвинения, должен наделяться правами, которые можно разделить на две группы.

Первая группа прав предоставляется прокурору для получения сведений о сути рассматриваемого дела. К ним относятся права на ознакомление в полном объёме с заявлением и всеми материалами, переданными сторонами, а также постановку вопросов перед представителями сторон. Вторая группа прав характеризует надзорные функции прокурора и включает в себя права на заявление ходатайств о производстве следственных действий (например, назначение судебной экспертизы, вызов свидетелей и т. п.), формулирование мнения по поводу заявленных сторонами ходатайств и отводов.

Кроме того, представляется очевидным, что прокурор по результатам судебного заседания должен составлять и излагать суду и сторонам заключение по квалификации содеянного, наличие или отсутствию состава преступления. Данное заключение отличается как от обвинительной речи прокурора в уголовных делах публичного и частно-публичного обвинения, так и от заключения прокурора в гражданских делах.

В отличие от обвинительной речи, прокурор не настаивает на осуждении подсудимого, не требует назначить ему наказание и не предлагает размеры наказания. В отличие от заключения по гражданскому делу, прокурор излагает лишь собственную позицию, сложившуюся по результатам восприятия материалов в судебном заседании. Разумеется, заключение прокурора по делу частного обвинения должно быть всесторонним, охватывающим все аспекты совершенного деяния, однако оно не включает в себя столь важный аспект, как возможность или необходимость прекращения уголовного дела в связи с примирением. При этом прокурор вправе и обязан обратить внимание суда на наличие обстоятельств, исключающих частность дела и влекущих необходимость его дальнейшего рассмотрения в публичном порядке, то есть на-

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2002 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.krsf.ru/decision/KSRFDecision30287.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 48. – Ст. 7299.

правление дела мировым судьей в орган предварительного расследования.

Думается, что заключение прокурора должно быть изложено в письменной форме и в виде отдельного документа, поскольку именно так прокурор наиболее исчерпывающим и точным образом сможет сформулировать свою позицию по делу [5, с. 56; 11, с. 380]. Заключение прокурора подлежит оглашению в конце судебного следствия, перед прениями сторон. По смыслу закона, в прениях прокурор участвовать не должен, поскольку это противоречит его процессуальному нейтралитету. Заключение прокурора не может иметь для суда обязательной силы, однако суд должен мотивировать свое решение, отличающееся от заключения прокурора.

Наконец, прокурор обязан принять меры по обжалованию незаконного судебного решения (как обвинительного приговора, так и определения о прекращении уголовного дела). Вместе с тем, исходя из правовой природы дел частного обвинения, прокурор вправе ставить вопрос об отмене решения о прекращении дела в связи с примирением сторон только в тех случаях, когда имелись основания для осуществления уголовного преследования в публичном порядке, либо когда волеизъявление потерпевшего не было самостоятельным (например, в силу зависимого состояния), а также при наличии процессуальных ошибок (в частности, когда при несовпадении фигур потерпевшего и частного обвинителя судом в основу решения положено мнение частного обвинителя, а не потерпевшего).

Очевидно, что в УПК РФ следует уточнить полномочия прокурора при участии в делах частного обвинения: разграничить случаи привлечения прокурора и возбуждения уголовного дела в обычном порядке, а также закрепить норму об обязательности изложения прокурором своего заключения в ходе судебного разбирательства. Конкретные права прокурора при его участии в судебном заседании не отличаются кардинально от тех, которыми он наделен по

делам публичного и частно-публичного обвинения, поэтому самостоятельной фиксации в уголовно-процессуальном законе они не требуют, чтобы не утяжелять процессуальные конструкции. Наличие у прокурора таких прав подразумевается с учётом особенностей дел частного обвинения.

Заключение

Прокурор должен привлекаться к участию в делах частного обвинения в случаях, когда потерпевший, не лишаясь возможности самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы, испытывает в этом определенные затруднения. Это разъяснение целесообразно сформулировать в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, предложив также примерный перечень подобных ситуаций.

Участвуя в делах частного обвинения, прокурор должен осуществлять надзор за законностью действий сторон, отражая свои выводы в особом процессуальном документе – заключении, которое не обязательно для суда, но суд обязан мотивировать принятие решения, отличающегося от заключения прокурора.

Предлагаемый комплекс полномочий позволит прокурору эффективно осуществлять надзор за законностью действий участников уголовного судопроизводства, не нарушая при этом его частного характера, что в конечном итоге обеспечит баланс конституционно охраняемых интересов личности на защиту от преступлений и на свободу распоряжения судьбой дела, отнесенного к частному обвинению.

Представляется, что дальнейшая углублённая разработка представленной модели участия прокурора по уголовным делам частного обвинения имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволит уточнить важные аспекты рассматриваемого порядка уголовно-процессуальной деятельности, обеспечить защиту конституционных прав и свобод граждан.

Список литературы

1. Анаева Е. А. Прокурор как субъект юридического процесса : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 176 с.
2. Антонов И. А., Горленко В. А. Функции прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства: понятие, содержание, «тенденции к сокращению» // Российский следователь. – 2008. – № 20. – С. 5–9.
3. Борисенко И. В. Актуальные проблемы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика. Право. Управление». – 2016. – № 1. – С. 87–92.
4. Бывальцева С. Г. Заключение прокурора в гражданском процессе // Законность. – 2010. – № 5. – С. 56–60.
5. Воронин С. Э., Кириенко Н. А. Прокурор как участник уголовного судопроизводства : монография. – Биробиджан: БФ АмГУ, 2012. – 196 с.
6. Демидов И., Тушев А. Отказ прокурора от обвинения // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 25–27.
7. Ергашев Е. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 88–92.

8. *Крюков В. Ф.* Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора : монография. – Москва: Норма, 2010. – 480 с.
9. *Крюков В. Ф.* Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора : монография. – Курск, 2010. – 412 с.
10. *Моисеев С. В.* Несколько слов об участии прокурора в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 8. – С. 15–21.
11. *Плюснин Н. И.* Заключение прокурора как одна из форм участия прокурора в гражданском процессе / Эволюция российского права: материалы XVII Международной научной конференции молодых учёных и студентов (г. Екатеринбург, 26 апреля 2019 г.). – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. – С. 379–381.
12. *Примова Э. Н., Примов Н. Н.* Прокурор: правозащитник или государственный обвинитель (о закреплении особого процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве) // Евразийский союз учёных. – 2016. – № 30–5. – С. 71–76.
13. *Спирин А. В.* Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 240 с.
14. Теоретико-правовые и организационные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве : монография / под общ. ред. А. Г. Халиулина. – Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 505 с.
15. *Тушев А. А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. – 325 с.
16. *Шалумов М.* Система функций российской прокуратуры. – Кострома, 2003. – 139 с.

References

1. *Anayeva Ye. A.* Prokuror kak sub»yekt yuridicheskogo protsessa : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2014. – 176 s.
2. *Antonov I. A., Gorlenko V. A.* Funktsii prokuratury v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: ponyatiye, soderzhaniye, «tendentsii k sokrashcheniyu» // Rossiyskiy sledovatel'. – 2008. – № 20. – S. 5–9.
3. *Borisenko I. V.* Aktual'nyye problemy uchastiya prokurora v rassmotrenii ugovnykh del sudami // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya «Ekonomika. Pravo. Upravleniye». – 2016. – № 1. – S. 87–92.
4. *Byval'tseva S. G.* Zaklyucheniye prokurora v grazhdanskom protsesse // Zakonnost'. – 2010. – № 5. – S. 56–60.
5. *Voronin S. E., Kiriyyenko N. A.* Prokuror kak uchastnik ugovnogo sudoproizvodstva : monografiya. – Birobidzhan: BF AmGU, 2012. – 196 с.
6. *Demidov I., Tushev A.* Otkaz prokurora ot obvineniya // Rossiyskaya yustitsiya. – 2002. – № 8. – S. 25–27.
7. *Yergashev Ye.* Problemy pravovogo statusa prokurora v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu // Ugolovnoye pravo. – 2008. – № 4. – S. 88–92.
8. *Kryukov V. F.* Ugolovnoye presledovaniye v dosudebnom proizvodstve: ugovno-protsessual'nyye i nadzornyye aspekty deyatel'nosti prokurora : monografiya. – Moskva: Norma, 2010. – 480 с.
9. *Kryukov V. F.* Ugolovnoye presledovaniye v sudebnom proizvodstve: ugovno-protsessual'nyye i nadzornyye aspekty deyatel'nosti prokurora : monografiya. – Kursk, 2010. – 412 с.
10. *Moiseyev S. V.* Neskol'ko slov ob uchastii prokurora v grazhdanskom protsesse // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. – 2003. – № 8. – S. 15–21.
11. *Plyusnin N. I.* Zaklyucheniye prokurora kak odna iz form uchastiya prokurora v grazhdanskom protsesse / Evolyutsiya rossiyskogo prava: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov (g. Yekaterinburg, 26 aprelya 2019 g.). – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2019. – S. 379–381.
12. *Primova E. N., Primov N. N.* Prokuror: pravozashchitnik ili gosudarstvennyy obvinitel' (o zakreplenii osobogo protsessual'nogo statusa prokurora v ugovnom sudoproizvodstve // Yevraziyskiy soyuz uchenykh. – 2016. – № 30–5. – S. 71–76.
13. *Spirin A. V.* Polnomochiya prokurora po nadzoru za protsessual'noy deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 240 s.
14. Теоретико-правовые и организационные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве : монография / под общ. ред. А. Г. Халиулина. – Москва: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федератсии, 2016. – 505 с.
15. *Tushev A. A.* Prokuror v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii. – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2005. – 325 с.
16. *Shalumov M.* Sistema funktsiy rossiyskoy prokuratury. – Kostroma, 2003. – 139 с.

© Титов П.М., 2020

Статья поступила в редакцию 30.03.2020 г.

О. А. Тучина

адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0002-9462-277X. E-mail: tuchehka@mail.ru

Домашний арест в системе мер процессуального пресечения в отношении несовершеннолетних (в генезисе)

Аннотация: С целью реализации в российской практике норм международного права при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) важным является вопрос об избрании наиболее гуманной меры пресечения. Данная позиция отражена в ст. 423 УПК РФ, которая предусматривает фундаментальные основы уголовно-процессуальных положений о мерах пресечения в отношении несовершеннолетних: при решении вопроса о мере пресечения, связанной с изоляцией от общества, должна рассматриваться возможность применения альтернативной, более гуманной меры. В статье проанализировано, как соотносятся между собой домашний арест и заключение под стражу. Обосновано, что в системе мер пресечения домашний арест должен быть признан мерой, не связанной с изоляцией от общества, и более распространённой альтернативой заключению под стражу. Периодически законодатель принимает попытки совершенствования процессуального положения несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Проблемы, однако, связаны с бессистемностью расположения в Уголовно-процессуальном кодексе РФ норм в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, с отсутствием особенностей применения домашнего ареста к несовершеннолетним, что позволяет констатировать: несмотря на масштабную судебную-правовую реформу, правовое регулирование мер пресечения, избираемых в отношении несовершеннолетних, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Предмет исследования – научный анализ источников уголовно-процессуального законодательства о правовом регулировании домашнего ареста в системе мер пресечения в отношении несовершеннолетних. Цель исследования заключается в научном анализе особенностей домашнего ареста, применяемого к несовершеннолетним, в формировании авторской позиции по данному вопросу. Методы исследования – системный анализ, структурный, логический, сравнительный. Достигнутые результаты заключаются в анализе системы мер пресечения в отношении несовершеннолетних с выявлением специфики домашнего ареста, в признании данной меры, не связанной с изоляцией от общества, в формировании авторской редакции нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующей данную меру пресечения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, уголовно-процессуальное законодательство, правовое регулирование, меры пресечения, домашний арест, изоляция от общества.

Для цитирования: Тучина О. А. Домашний арест в системе мер процессуального пресечения в отношении несовершеннолетних (в генезисе) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 133–139. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-133-139.

Olga A. Tuchina

Graduate

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9462-277X. E-mail: tuchehka@mail.ru

House arrest in the system of procedural preventive measures against minors (in genesis)

Annotation: To implement the norms of international law into the practice of Russian legal system while choosing a preventive measure against an accused minor or a suspect, to decide on the most humane preventive measure is the issue of great importance. This position is reflected in Art. 423 of the Criminal

Procedure Code providing the fundamental foundations of criminal procedure provisions concerning preventive measures against minors. When making a decision on restraint measures related to isolation from society, the possibility of applying an alternative, more humane preventive measure should be taken into account. The article describes the ratio of house arrest to detention. It has been justified that in the system of preventive measures house arrest should be recognized as a measure not related to isolation from society, and as a more common alternative to detention. The legislator periodically attempts to improve the procedural situation of minors involved in criminal procedure. Problems are connected with unstructured placement of norms regarding juvenile suspects and accused in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Secondly, it is linked with the absence of features of house arrest of minors. All this makes the author state that despite the large-scale judicial and legal reform, the legal regulation of preventive measures against minors needs to be further improved. The subject of the study is a scientific analysis of the sources of criminal procedure legislation on the legal regulation of house arrest in the system of preventive measures against minors. The purpose of the study is to provide scientific analysis of the features of house arrest applied to minors and to form an author's position on this issue. Research methods cover systemic analysis, structural, logical, and comparative scientific methods. The results achieved are the analysis of the system of preventive measures against minors with the identification of the specifics of house arrest, the recognition of this measure as a preventive means not related to isolation from society, and the formation of the author's version of the norm of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing this preventive step.

Keywords: juvenile, minor, suspect, accused, criminal procedure legislation, legal regulation, preventive measures, house arrest, isolation from society.

For citation: Tuchina O. A. House arrest in the system of procedural preventive measures against minors (in genesis) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 133–139. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-133-139.

В среде несовершеннолетних существует проблема преступности, отмечен высокий уровень криминогенности, утрачиваются духовно-нравственные и традиционные семейные ценности, что является причиной тревоги государства и общества о будущем благосостоянии подрастающего российского поколения [1, с. 55]. Национальная статистика свидетельствует о постепенном снижении уровня преступности несовершеннолетних¹, однако проблемы в данной сфере остаются: в 2019 г. рассмотрены уголовные дела в отношении 31 000 несовершеннолетних, были осуждены к лишению свободы 17 000 лиц².

Положения российского права о правосудии в отношении несовершеннолетних кор-

респондируют международным принципам и нормам международного права, в силу которых законом и другими государственными средствами данной категории лиц должна быть обеспечена защита и предоставлены благоприятные условия, позволяющие развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и социально здоровым в обстановке свободы и достоинства личности (принцип 2 Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г.³). Ни один несовершеннолетний не должен быть изолирован от общества незаконным или произвольным образом, а меры пресечения, связанные с изоляцией, должны применяться исключительно согласно национальным нормативам и в качестве крайней меры в течение наиболее ограниченного времени (п. 1 ст. 27 и п. «b» ст. 37 Конвенции о правах ребенка 1989 г.⁴).

Данные международные постулаты положены в основу российского законодательства о системе мер пресечения в отношении несо-

¹ Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2019 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий //Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 20.06.2020); Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий //Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 20.06.2020); Состояние преступности в России за январь-май 2020 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий //Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 20.06.2020).

² Итоги деятельности судебной системы Российской Федерации за 2019 год (Тюремный портал России) [Элек-

тронный ресурс]. – URL: <http://prisonlife.ru/analitika/6120-itogi-deyatelnosti-sudebnoy-sistemy-rossiyskoy-federacii-za-2019-god>. (дата обращения: 20.06.2020).

³ Декларация прав ребёнка (Принята 20.11.1959 Резолюцией ООН 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) / Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. – Москва: Юридическая литература, 1990. – С. 385-388.

⁴ Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. – Москва: Международные отношения, 1993. – 496 с.

вершеннолетних как особых процессуальных формах деятельности, мерах принудительного воздействия, применяемых по основаниям и в порядке, которые установлены Уголовно-процессуальным кодексом РФ⁵. Меры пресечения к несовершеннолетним должны применяться с учётом гуманизации уголовно-процессуального законодательства и в целях воспрепятствования возможности уклонения от дознания, следствия, суда, продолжения преступной деятельности, препятствования производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения вынесенного приговора [2, с. 185]. Система мер пресечения при этом должна корректироваться за счёт увеличения применения мер, которые не имеют непосредственной связи с изоляцией от общества⁶.

К мерам процессуального пресечения, предусмотренным законом и применяемым в отношении несовершеннолетних, относятся: подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ); личное поручительство (ст. 103 УПК РФ); присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (ст. 105 УПК РФ); запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ); залог (ст. 106 УПК РФ); домашний арест (ст. 107 УПК РФ); заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). При этом представляется, что систему мер пресечения, которые применимы к несовершеннолетнему подозреваемому и обвиняемому и связаны с изоляцией от общества, составляет только заключение под стражу, избираемое с целью наиболее полного достижения целей правосудия (предварительного расследования), однако оно должно применяться с учётом гуманистических начал уголовного судопроизводства в исключительных случаях, обеспечивая возможность разумной вариативности [3, с. 167].

В современном уголовно-процессуальном законодательстве мерой процессуального пресечения, создающей дополнительные гарантии соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних граждан в уголовном судопроизводстве, выступает домашний арест [4, с. 173].

Прообразом современного домашнего ареста, при котором со стороны должностных лиц органов государственной власти применялся надзор за правонарушителем, которому было вменено не покидать пределы жилища, представляется возможным признать применение в национальной практике XVII в. «приставления

к обвиняемым знатного происхождения, которые оставались проживать в месте жительства, пристава для надзора» [5, с. 11]. Впервые домашний арест в качестве меры пресечения был применен в России в 1795 г. к графу Бестужеву-Рюмину [6, с. 454].

Домашний арест был предусмотрен во многих кодифицированных источниках национального права. Свод законов Российской Империи⁷, включающий государственные законы первого разряда четырёх категорий, в 15-м томе Законов уголовных содержал две книги «О преступлениях и наказаниях вообще» и «О судопроизводстве по преступлениям», определяющие систему мер пресечения, в т. ч. домашний арест. Данная тенденция была продолжена в уголовно-процессуальном законодательстве во всех кодифицированных источниках права до УПК РСФСР 1960 г.⁸: в ст. 416 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.⁹, ст. 160 УПК РСФСР 1922 г.¹⁰, ст. 157 УПК РСФСР 1923 г.¹¹ Отсутствие домашнего ареста в системе мер пресечения в УПК РСФСР 1960 г. объясняется обстоятельствами фактической не востребоваемости данного института по причине пробелов правовой регламентации [7, с. 45]. Данный кодифицированный акт предусматривал арест (не домашний арест), как «заключение под стражу в качестве меры пресечения» (п. 16 ст. 34 УПК РСФСР 1960 г.), что в современном толковании трактуется как мера пресечения, аналогичная ст. 108 УПК РФ «Заключению под стражу».

Избрание домашнего ареста в качестве меры пресечения после вступления в силу действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ не способствовало активизации практического применения данной меры пресечения. Домашний арест стал применяться начиная с 2004 г., а с 2007 г. и до вступления в силу Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодатель-

⁷ Свод законов Российской Империи 1832 г. // Полное собрание законов Российской Империи. – Собр. 2. – Т. VIII. – № 5947.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (в ред. от 26 ноября 2002 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

⁹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Декларации, конвенции и другие нормативные документы. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/decl> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁰ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 230.

¹¹ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РС.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4932.

⁶ Царёва Ю. В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, право-применительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12000.09 / Царёва Юлия Викторовна. – Нижний Новгород, 2018. – С. 9.

ные акты Российской Федерации»¹², которым изменена ст. 107 УПК РФ, отмечена тенденция снижения практики его применения. Одновременно статистические показатели применения такой меры пресечения, как заключение под стражу, оставались в России по-прежнему высокими и значительно превышали статистику применения домашнего ареста¹³.

Активизации назначения домашнего ареста, совершенствованию ст. 107 УПК РФ как меры процессуального пресечения, в т. ч. в отношении несовершеннолетних, способствовали правовые позиции Конституционного суда РФ¹⁴, Верховного суда РФ^{15, 16}. Как отметил В. С. Шадрин относительно изменений ст. 107 УПК РФ, домашний арест в новой редакции более приемлем для практической реализации производства по уголовным делам [7, с. 47].

Выделяя домашний арест в качестве меры пресечения, не имеющей непосредственного отношения к изоляции от общества, необходимо провести соотношение данной меры пресечения с заключением под стражу, которое в каждый период общественного развития трансформировалось в уголовном процессе в соответствии с историческим этапом генезиса общества, отражая национальные политические и социально-экономические приоритеты [8, с. 137].

Анализ федерального законодательства, регулирующего вопросы содержания под домашним арестом и заключения под стражу (Федеральный закон № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹⁷, ст. 95 и ст. 107 УПК

РФ), позволяет заключить, что домашний арест не соответствует тем ограничениям конституционных прав и свобод, которые связаны с изоляцией от общества и имеют прямое отношение исключительно к заключению под стражей. Так, на основании ст. 7 Федерального закона № 103-ФЗ, в качестве мест содержания при заключении под стражу признаны: следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности, а также учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы и гауптвахты.

Изоляция от общества как правовая категория, соответственно, выражается в принудительном аспекте временных ограничений конституционных прав и свобод, социальных связей с средой, которые касаются ограничений в отношении свободы избрания места жительства, передвижения, рода занятий, профессии, индивидуального образа жизни.

При толковании термина «изоляция от общества» ему придается лишь одно из общепринятых в русском языке значений: «лишение соприкосновения с окружающей средой, отделение от других»¹⁸. В юридическом аспекте лицо будет признано изолированным от общества при наличии полного перечня ограничений правосубъектности¹⁹. Аналогичного мнения придерживается Н. А. Беляева: изоляция от общества – элемент назначенной судом государственной кары, заключающейся в создании определённого режима содержания в учреждении исполнительной системы. В связи с этим лицо лишается прежнего образа жизни, общения с семьей, возможности учиться, ограничивается в праве на свободное передвижение, на выбор места жительства. Режим, соответствующий изоляции от общества, должен обеспечивать, помимо изоляции, охрану уполномоченными лицами с целью недопущения совершения новых деяний [9, с. 61].

В современной уголовно-правовой доктрине данная позиция поддерживается. Е. В. Лагунов указывает на такие особенности изоляции от общества, свойственные заключению под стражу и не соответствующие домашнему аресту, как ограничение права на индивидуальную самореализацию, обусловленное спецификой уголовно-исполнительной системы; территориально-пространственное сосредоточение местожительства; ограничение значительного числа прав, свобод и законных интересов [10, с. 134].

от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ (в ред. от 27 января 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

¹⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1990. – С. 245.

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

¹³ Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ахминова Юлия Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 58.

¹⁴ По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 года № 27-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 1.

¹⁵ О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № г. 22 (в ред. от 14 июня 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 1 (Утратило силу).

¹⁶ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 г. Москва // Российская газета. – 2013. – 27 декабря.

¹⁷ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон

Соответственно, на основании положений российского законодательства и позиций уголовно-процессуального научного сообщества домашний арест следует признать мерой пресечения, не связанной с изоляцией от общества. Имея определённое сходство с изоляцией от общества, однако отличаясь от последней особой правовой природой, домашний арест не оказывает такого серьёзного негативного воздействия на личность несовершеннолетнего, как это свойственно заключению под стражу: особое правовое положение, заключающееся в ограничении конституционных прав, свобод и законных интересов (в т. ч. право на свободу и личную неприкосновенность – ст. 22 Конституции РФ; право на неприкосновенность частной жизни – ст. 23 Конституции РФ и пр.). При применении домашнего ареста отсутствует, подобно заключению под стражей, формирование у несовершеннолетнего специфических групповых ценностей и правил поведения; возникновение устойчивой деформации человеческой личности, ухудшение самочувствия и пр.

Домашний арест применяется на срок до двух месяцев (с возможностью продления) по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого (при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения), при нахождении несовершеннолетнего в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя, на других законных основаниях, с возложением определённых запретов и осуществлением контроля.

В зависимости от тяжести преступления, личности преступника и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем предусмотренным законом (п. п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) запретам, либо отдельным из них: общаться с определёнными лицами; отправлять, получать почтово-телеграфные отправления; применять средства связи, использовать информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

На данном этапе осуществление контроля над несовершеннолетним, которому избран домашний арест, происходит уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России во взаимодействии с другими государственными органами на основании совместного Приказа Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 г. «Об утверждении порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложен-

ных судом запретов и (или) ограничений»²⁰. На основании данного нормативного правового акта при осуществлении контроля уголовно-исполнительная инспекция взаимодействует со следственными органами Следственного комитета РФ, органами дознания, органами предварительного следствия федеральных органов исполнительной власти, судами, медицинскими организациями государственной и муниципальной систем здравоохранения и иными органами, организациями.

В соответствии с Приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 г. беседа сотрудника уголовно-исполнительной инспекции с несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого избран домашний арест, проводится в присутствии законных представителей, а при их отсутствии – в присутствии педагога либо психолога. По окончании беседы с несовершеннолетним в присутствии законного представителя (либо педагога, психолога), сотрудником инспекции отбирается подписка о применении домашнего ареста, выдается памятка о правилах поведения, об избранных запретах, об обязанности исполнения и об ответственности за неисполнение.

Элементами системы контроля за несовершеннолетним, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, с запретом или ограничением на выход за пределы помещения, в котором он проживает, являются, по общему правилу, стационарное (мобильное) контрольное устройство и электронный браслет, который обязан носить несовершеннолетний на постоянной основе. Данное устройства с технической точки зрения – передатчик, посылающий определённые сигналы на специальное устройство, соединенное по каналам связи с устройством контроля. Отчёты с координатами местонахождения несовершеннолетнего и отчёты о допущенных нарушениях формируются автоматически с архивацией отчётных сведений в файл. Сведения о нарушениях, полученных при помощи технических средств контроля, предназначены для использования сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции при подготовке материалов в орган дознания, предварительного следствия, в суд, в производстве

¹⁹ Маковик Р. С. Государственно-правовой статус осуждённого к лишению свободы : курс лекций. – Рязань, НИИРИО РВШ МВД СССР, 1979. – С. 15.

²⁰ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений : приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 года (Зарегистрировано в Минюсте России 22 марта 2016 г. № 41497) // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc](http://www.consultant.ru/document/cons_doc/document/cons_doc) (дата обращения: 20.06.2020).

которого находится уголовное дело, для рассмотрения вопроса об изменении несовершеннолетнему меры пресечения²¹.

Представляется, что дальнейшая гуманизация уголовно-процессуального законодательства, более активное применение домашнего ареста как меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, будут способствовать необходимому психофизическому развитию несовершеннолетнего, сохранению связи с семьей, т. е. семейных и духовно-нравственных ценностей, оказывать положительное влияние на исправление, на тенденцию дальнейшего снижения уровня преступности.

Данный вопрос актуален: избрание такой меры процессуального пресечения, как заключение под стражу, в 9 из 10 случаев и ее продление в 9,8 из 10 случаев чаще является основой для вынесения обвинительного приговора с последующим назначением уголовного наказания в виде лишения свободы²².

Статистика свидетельствует: в первом полугодии 2017 г. домашний арест в России применён в отношении 255 несовершеннолетних (заключение под стражу – 946); в первом полугодии 2018 г. – к 76 несовершеннолетним (заключение под стражу – 356) [11, с. 155].

С целью более эффективного применения домашнего ареста в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых, а также в целях сокращения применения меры пресечения, связанной с изоляцией от общества (заключение под стражу), предлагается включение в новую гл. 50.1 УПК РФ «Меры пресечения, избираемые несовершеннолетним» раздела XVI «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел» статьи 437 УПК РФ «Домашний арест в отношении подозреваемого или обвиняемого несовершеннолетнего» в редакции: «1. Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого несовершеннолетнего при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении в жилом помещении, в котором проживает несовершеннолетний в качестве собственника, нанимателя либо на иных

законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учётом состояния здоровья несовершеннолетнего местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

2. Несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому, которому избран в качестве меры пресечения домашний арест, предоставлено право на ежедневные прогулки сроком не менее часа; право на письменный мотивированный отказ от применения аудиовизуальных, электронных, иных технических средств контроля (в случаях, связанных с состоянием здоровья, с религиозными убеждениями); право на получение почтово-телеграфной корреспонденции с необходимостью осмотра и выемки в присутствии и под контролем сотрудника уголовно-исполнительной инспекции.

3. В обязанности несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого входит: продолжение учёбы (в образовательной организации либо дистанционно в зависимости от запрета); отсутствие в месте содержания под домашним арестом спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации; неупотребление алкогольных напитков, наркотических средств и психотропных средств их прекурсоров.

4. В случае нарушения несовершеннолетним условий исполнения домашнего ареста суд по ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства – по представлению контролирующего органа может изменить данную меру на задержание под стражу.

5. При избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого применяются нормы ст. 107 УПК РФ».

С целью реализации в российской практике норм международного права при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), в Российской Федерации достаточно важным является вопрос об избрании наиболее гуманной меры пресечения. Данная позиция отражена в ст. 423 УПК РФ, в которой предусмотрены фундаментальные основы уголовно-процессуальных положений о мерах пресечения в отношении несовершеннолетних: при решении вопроса о мере пресечения, связанной с изоляцией от общества, должна рассматриваться возможность применения альтернативной, более гуманной меры пресечения. В качестве альтернативы заключению под стражу признан домашний арест, который не выступает в качестве меры пресечения, связанной с изоляцией от общества, так как выявлено значительное число отличий от заключения под стражу, и который должен обладать особенностями с учётом психофизического развития несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

²¹ О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением наложенных судом запретов и (или) ограничений: постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. (в ред. от 15 ноября 2018 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc (дата обращения: 20.06.2020).

²² Автором проведён анализ 320 уголовных дел (Санкт-Петербург и Ленинградская обл.) за период 2015–2020 гг.

Список литературы

1. Туркаева Л. В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении несовершеннолетних как неотъемлемый атрибут правового воспитания трудных подростков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 2 (25). – С 54–57.
2. Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 184–190.
3. Головинская И. В. Проблемы диверсификации системы мер пресечения / Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции (Самара, 16–17 июня 2016 г.). – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – 784 с.
4. Рogaва И. Г., Махмудова Ф. С. Актуальные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 1–2. – С. 172–175.
5. Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : научно-методическое пособие. – Москва: Юрлитинформ, 2006. – 192 с.
6. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. – Санкт-Петербург: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1901. –1327 с.
7. Шадрин В. С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения // Криминалистика. – 2012. – № 1. – С. 45–51.
8. Гуцин С. В. История развития меры пресечения в виде заключения под стражу и порядка её исполнения // Современное право. – 2017. – № 8. – С. 137–143.
9. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 186 с.
10. Лагунов Е. В. Влияние «изоляции от общества» на личность осужденного // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 6–1. – С. 134–146.
11. Спасивов Н. В. Актуальные вопросы реализации в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике России требований международного стандарта о праве на свободу и личную неприкосновенность в отношении несовершеннолетних // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С.155–157.

References

1. Turkayeva L. V. Problemy primeneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta v otnoshenii nesovershennoletnikh kak neot'yemlemyy atribut pravovogo vospitaniya trudnykh podrostkov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2020. – №2 (25). – S 54–57.
2. Barabash A. S. Tseli i osnovaniya izbraniya mery presecheniya v ugolovnom protsesse // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2015. – № 12. – S. 184–190.
3. Golovinskaya I. V. Problemy diversifikatsii sistemy mer presecheniya // «Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeystviye nauki i praktiki»: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy mezhvedomstvennoy konferentsii (Samara, 16-17 iyunya 2016 g.). – Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2016. – 784 s.
4. Rogava I. G., Makhmudova F. S. Aktual'nyye problemy primeneniya mer presecheniya v ugolovnom protsesse // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – 2019. – № 1-2. – S.172–175.
5. Ovchinnikov Yu. G. Domashniy arest kak mera presecheniya v ugolovnom protsesse: nauchno-metodicheskoye posobiye. – Moskva: Yurlitinform, 2006. – 192 s.
6. Makalinskiy P. V. Prakticheskoye rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley, sostoyashchikh pri okruzhnykh sudakh. – Sankt-Peterburg: Izd. yurid. kn. magazina N.K. Martynova, 1901. –1327 s.
7. Shadrin V. S. Domashniy arest: obnovlyayemaya mera presecheniya // Krimnalist». – 2012. – № 1. – S. 45–51.
8. Gushchin S. V. Istoriya razvitiya mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu i poryadka yeye ispolneniya // Sovremennoye pravo. – 2017. – № 8. – S. 137–143.
9. Belyayev N. A. Tseli nakazaniya i sredstva ikh dostizheniya. – Lenigrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1963. – 186 s.
10. Lagunov Ye. V. Vliyaniye «izolyatsii ot obshchestva» na lichnost' osuzhdennoy // Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki. – 2009. – № 6-1. – S. 134–146.
11. Spesivov N. V. Aktual'nyye voprosy realizatsii v ugolovno-protsessual'nom zakonodatel'stve i pravoprimenitel'noy praktike Rossii trebovaniy mezhdunarodnogo standarta o prave na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost' v otnoshenii nesovershennoletnikh // Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess. – 2019. – № 1. – S.155–157.

© Тучина О. А., 2020

Статья поступила в редакцию 30.06.2020 г.

УДК 343.162.1

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-140-147

С. Д. Шестакова

доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0002-2015-861X. E-mail: shestakova_sofia@mail.ru

У. Э. Иманалиева

адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0002-3888-2809. E-mail: uulzhani@bk.ru

Следственный судья – новый участник уголовного процесса Кыргызской Республики

Аннотация: Статья посвящена исследованию института следственного судьи, введённого в уголовный процесс Кыргызской Республики в 2019 году. Данное нововведение рассматривается в контексте развития состязательных начал досудебного производства. Авторами анализируются концептуальные основы института следственного судьи, его процессуальное значение, а также правовая модель по кыргызскому законодательству в сравнительной перспективе с законодательством Германии и ряда государств – бывших советских республик. Достоинства кыргызской модели института следственного судьи авторы усматривают в двух главных её достижениях: организационно-функциональной обособленности данного участника уголовного процесса и предоставлении ему полномочий по депонированию показаний. Первое призвано гарантировать объективность, беспристрастность и нейтральность судьи, рассматривающего дело по существу, с которого теперь сняты полномочия по судебному контролю в ходе досудебного производства, второе направлено на реализацию равенства процессуальных возможностей сторон обвинения и защиты по участию в доказывании как неотъемлемого элемента принципа состязательности. Авторами обосновываются преимущества организации судебного контроля по кыргызскому уголовно-процессуальному законодательству, где его реализация, в том числе разрешение вопросов о применении мер пресечения, возлагается на следственного судью, по сравнению с теми моделями, в которых судебный контроль осуществляется судьями, рассматривающими уголовные дела по существу. В статье анализируется значение процессуальной деятельности следственного судьи для формирования доказательств и судьбы уголовного дела в целом. Авторами проводятся параллели с активизировавшейся в последние годы научно-практической дискуссией о введении следственного судьи в российский уголовный процесс и обосновывается целесообразность обращения к соответствующему положительному опыту Кыргызской Республики.

Ключевые слова: следственный судья, судебный контроль, досудебное производство, состязательность, права участников уголовного процесса.

Для цитирования: Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э. Следственный судья – новый участник уголовного процесса Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 140–147. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-140-147.

Sofya D. Shestakova

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2015-861X. E-mail: shestakova_sofia@mail.ru

Uuljan E. Imanalieva

Graduate

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3888-2809. E-mail: uulzhani@bk.ru

Investigating judge as a new figure in the Kyrgyz Republic criminal procedure

Annotation: The article is devoted to the research of the institution of investigative judge introduced into the criminal procedure of the Kyrgyz Republic in 2019. The authors analyze the conceptual foundations of this institution, its procedural significance, as well as the legal model under Kyrgyz legislation in its comparative perspective with the legislation of Germany and some former Soviet republics. Two main achievements: the organizational and functional isolation of an investigating judge during the criminal procedure and granting them the power of deposition are seen by the authors as advantages of the Kyrgyz model of the institution of an investigative judge. The former is aimed at guaranteeing the objectivity, impartiality and neutrality of the judge considering the case on the merits, who is discharged judicial control in pre-trial procedure nowadays. The latter is aimed at implementing for the prosecution and defense the right to be equal parties of procedural opportunities to participate in evidence as an integral element of the adversarial principle.

Keywords: investigating judge, judicial control, pre-trial procedure, adversarial principle, implementing for the prosecution and defense the right to be equal parties.

For citation: Shestakova S. D., Imanalieva U. E. Investigating judge as a new figure in the Kyrgyz Republic criminal procedure // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87) – P. 140–147. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-140-147.

Введение

В рамках реализации Указа Президента Кыргызской Республики¹ по совершенствованию правосудия и реформированию судебной системы с принятием новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20, вступившей в силу с 1 января 2019 года, введен новый участник уголовного судопроизводства – следственный судья. На него возложены полномочия по осуществлению судебного контроля за законностью и обоснованностью ограничивающих права и свобод граждан действий и решений органов и должностных лиц, ведущих досудебное производство по уголовным делам и делам о проступках.

Конституция КР закрепляет особый статус суда в системе правоохранительных органов, признавая за ним исключительную значимость в области охраны прав и свобод человека и гражданина. Следственный судья является представителем судебного ведомства. В обновленном законодательстве институт судебного контроля в лице следственного судьи регламен-

тирован главой 36 УПК КР, что стало весомой гарантией охраны прав личности, вовлечённой в уголовное судопроизводство.

1. Основные правовые положения о следственном судье в уголовном процессе Кыргызской Республики

Действующий УПК Кыргызской Республики определяет следственного судью как судью, применяющего меры, ограничивающие права и свободы подозреваемого, осуществляющего судебный контроль за законностью процессуальных действий и решений уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора (п. 41 ст. 5 УПК КР).

Уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики выделяет свойственные суду в состязательном уголовном процессе полномочия по судебному контролю на досудебном производстве и теперь возлагает их на следственного судью. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УПК КР следственный судья правомочен осуществлять судебный контроль за соблюдением прав и свобод человека в ходе досудебного производства.

С одной стороны, следственный судья не должен предрешать вопросы, которые могут быть предметом судебного рассмотрения при

¹ О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республике : Указ Президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева от 8.07.2012 года №147. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/1469_reformirovanie_sudebnoy_sistemy (дата обращения: от 10.04.2020).

разрешении дела по существу, его процессуальное назначение состоит не в этом. Целью законодателя было разделить полномочия судьи, разрешающего дело по существу, и судьи, осуществляющего судебный контроль. С другой стороны, следственный судья не должен давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, и надзирающего прокурора (ст. 31 УПК КР), то есть принимать на себя функцию обвинения. Его задача состоит в том, чтобы контролировать законность и обоснованность ограничения прав участников следственных и иных процессуальных действий, а также содействовать сторонам в получении доказательств.

Реализуя функцию судебного контроля, следственный судья обеспечивает законность и обоснованность процессуальных решений, принимаемых на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Результаты его деятельности оказывают существенное влияние на формирование доказательств и судьбу уголовного дела в целом.

2. Следственный судья в российском уголовном процессе: доктрина и практика

Судебный контроль, его понятие, сущность и значение широко исследовались в российской процессуальной науке. Одним из наиболее ёмких является определение судебного контроля как самостоятельного средства, точнее, системы предусмотренных процессуальным законом средств, направленных на реализацию конституционных функций судебной власти, призванных в конечном итоге к недопущению незаконного и необоснованного ограничения прав личности в уголовном процессе, к её восстановлению в этих правах либо возможной их компенсации средствами права [6, с. 14]. Ряд авторов считают, что понятие судебного контроля применимо лишь для проверочной деятельности суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [10, с. 38].

Российскими учёными активно развивается мысль о том, что осуществление судебной власти в досудебном производстве в первую очередь должно обеспечивать реализацию прав участников процесса, ограждать их от незаконных действий должностных лиц и органов, выполняющих функцию уголовного преследования. В специальной научной литературе подобного рода деятельность суда получила название «контроль за деятельностью органов расследования»².

При этом обращается внимание на то, что непосредственная процедура судебного контроля, хотя и существенно упрощена по сравнению с обычным судебным разбирательством, всё же создаёт возможность инициаторам контроля обосновать перед судьей свою позицию, а противоположной стороне – свои доводы [4, с. 21].

Идея верховенства суда в системе правоохранительных органов, как отмечает Т. Г. Морщакова, должна найти достаточно завершённое выражение. Осуществление судебного контроля за законностью, по мнению указанного исследователя, следует выделить в качестве особого принципа судопроизводства, конкретизируемого в других судоустройственных и судопроизводственных правилах ещё и потому, что методологически сущность термина начала 90-х годов XX века «судебный контроль за расследованием» тогда получит принципиальное обоснование [9, с. 30]. Ф. Н. Багаутдинов., А. П. Гуськова, А. Халиулин, В. Назаренко и другие вполне справедливо отмечают существенные недостатки, которые присущи уголовно-процессуальному законодательству РФ в части обеспечения полноценного судебного контроля за следствием.

Как верно указывает А. П. Гуськова, государство должно создавать такой механизм защиты прав и свобод человека, чтобы укрепить правовую защищённость граждан. В этой связи автор отмечает, что развитие и становление судебного контроля как формы судебной защиты прав и свобод граждан выступает надёжным механизмом обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве [3, с. 10].

Однако в России вопрос о внедрении института следственного судьи ещё далёк от разрешения, хотя представители власти неоднократно выражали интерес к этой проблеме. 11 февраля 2020 года в Москве состоялось совещание судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в котором председатель Верховного Суда Вячеслав Лебедев представил доклад, в котором предложил ввести институт следственных судей. Согласно докладу, к их компетенции будет относиться: предусмотренное ст. 125 УПК РФ рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения органов дознания и предварительного следствия; рассмотрение ходатайства об избрании или продлении мер пресечения; депонирование доказательств, например, показаний несовершеннолетних потерпевших. Как заявил председатель Верховного Суда, введение следственных судей, конечно, потребует средств. В ближайшее время Верховный Суд совместно с Судебным департаментом будут просчитывать необходимый объём финансирования. Вячеслав Лебедев также объяснил, почему долго от-

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – Москва: Юрист, 2003. – С. 121.

кладывали реформу судов. Причина состояла в нехватке средств. Однако весьма вероятно, что реформа будет проведена³.

Советник Федеральной Палаты адвокатов Игорь Пастухов объяснил суть концепции создания института следственных судей. Пастухов пояснил, что эта категория судей будет специализироваться на контроле за работой следователей. По действующему законодательству получается, что сначала судья рассматривает ходатайство о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу, а затем и дело по существу в отношении того же лица. В соответствии с планируемой реформой полномочия по рассмотрению данного ходатайства будут переданы следственному судье. «Мы рассчитываем, что будет введена не просто отдельная фигура судьи, а отдельная ветвь системы. В итоге мы хотим, чтобы судьи проявляли большую активность при осуществлении контроля за следствием», – подчеркнул Пастухов.

3. Введение следственного судьи в уголовный процесс государств – бывших советских республик

На данный момент следственный судья включён в число участников досудебного производства уже в семи постсоветских государствах: Литва, Эстония, Латвия, Молдавия, Украина, Казахстан и Кыргызстан. Упоминание о следственном судье содержится и в проекте УПК Армении.

Одним из основных аргументов сторонников подобных преобразований является позитивный опыт функционирования германской модели. Немецкий судья над дознанием⁴ осуществляет контроль за обоснованностью мер пресечения, применяемых в ходе производства дознания, и участвует в формировании некоторых видов доказательств, что обуславливает их допустимость в качестве судебных доказательств, то есть возможность их использования для обоснования приговора. При этом германский судья над дознанием организационно не обособлен: таковым является судья низшего звена судебной системы – участкового суда, почему его и называют ещё участковым судьёй-дознавателем. Это отличает его от следственного

судьи по кыргызскому уголовно-процессуальному законодательству, основным и единственным назначением которого является осуществление судебного контроля в ходе досудебного производства. Участковый судья – дознаватель не только осуществляет судебный контроль в ходе досудебного производства, но и рассматривает и разрешает по существу уголовные дела, отнесённые к подсудности участкового суда. В Германии расследование производит полиция под руководством прокурора, однако в результате их деятельности по общему правилу судебные доказательства не образуются. Одним из способов легализации данных полицейского расследования служит допрос полицейских в суде в качестве свидетелей. Другой способ – легализация доказательств судьёй над дознанием (участковым судьёй), в том числе депонирование показаний.

Если прокурор считает необходимым производство судебных следственных действий, он ходатайствует об этом перед участковым судьёй, в районе которого должны быть произведены эти действия. Обычно прокуратура просит судей допросить обвиняемых, признавших свою вину на допросе в полиции или прокуратуре, важных свидетелей. Протоколы произведённых в ходе предварительного расследования судебных допросов могут быть оглашены в суде, после чего стать доказательствами, допустимыми для обоснования приговора. Термин «Ermittlungsrichter» применим к любому участковому (или ординарному) судье, вовлечённому в досудебное производство. Уголовно-процессуальные кодексы Литвы, Эстонии и Молдавии используют термин «судья над предварительным расследованием» («ikiteisminiotyrimoteisējas», «eeluurimiskohtunik» и «judecatordeinstrucție» соответственно). По всей видимости, эстонское слово «eeluurimiskohtunik» было образовано по аналогии с немецким «Ermittlungsrichter»⁵.

Несмотря на то что Грузия не была упомянута в числе стран, создавших рассматриваемый институт, стоит всё же сказать несколько слов и о её последней кодификации. Дело в том, что в научной литературе термин «судья-магистрат», используемый в грузинском УПК, нередко приводится как пример альтернативного обозначения «следственного судьи» [2, с. 15]. Однако это не совсем точно. Грузинский институт судьи-магистрата был создан не по германскому, а по англо-американскому образцу. Даже сам этот термин возник как перевод английского слова «magistrate». Между тем, магистрат в США – это не просто субъект предварительно-

³ Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации. Москва, 11 февраля 2020 года // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 10.04.2020).

⁴ Участковый судья – дознаватель (Ermittlungsrichter). Название объясняется отсутствием в германском уголовном процессе такой формы предварительного расследования, как предварительное следствие. В русскоязычной литературе часто именуется следственным судьёй.

⁵ Коновалов С. Г. Элементы Германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Коновалов Сергей Геннадьевич. – Москва, 2018. – 22 с.

го расследования, контролирующей деятельность полиции по уголовному преследованию [1, с. 121], а особое звено судебной системы. При этом сфера его деятельности выходит за рамки не только досудебного производства, но и уголовного процесса в целом. Поэтому и в Грузии понятие «судья-магистрат» несёт в себе более судоустройственный, нежели судопроизводственный смысл.

В Германии термин «судья над дознанием», в качестве которого может выступать любой судья участкового суда, является в определённом смысле условным, что вовсе не препятствует его активному использованию как учёными, так и практиками.

В этой связи примечательно, что в постсоветских государствах стала популярной идея обособления «следственных судей», то есть дополнения судебной системы новым, организационно и функционально обособленным участником уголовного судопроизводства – представителем судебной власти, не рассматривающим и не разрешающим уголовных дел по существу, а занимающимся исключительно осуществлением судебного контроля в ходе досудебного производства.

Так, со вступлением в законную силу УПК Республики Казахстан 2014 г. следственный судья появился в уголовном процессе и этого государства. В соответствии с ч. 3 ст. 54 УПК Республики Казахстан, следственный судья – это судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве.

По мнению М. Ч. Когамова, необходимость выделения общих условий осуществления полномочий следственным судьёй в самостоятельную статью УПК Республики Казахстан predetermined тем, что она «...содержит важные правила, регулирующие общие подходы к реализации полномочий следственным судьёй. Введение правил вызвано тем, что процессуальная деятельность следственного судьи не охватывается общими условиями главного судебного разбирательства, которые обращены к суду, разрешающему уголовное дело по существу» [7, с. 121].

Следственного судью назначает председатель суда из числа судей. При необходимости замены следственного судьи он может быть переименован.

Тем самым была достигнута организационная автономность следственного судьи от судей, отправляющих правосудие, и реализован принцип независимости судьи [6, с. 4]. Это, с одной стороны, исключает возможность непроцессуального воздействия на него, в том числе посредством отмены при-

нятых им решений или формулирования вышестоящей инстанцией обязательных для исполнения указаний, поскольку предусмотрен судебный порядок обжалования и опротестования его решений, а с другой, обеспечивает действительно своевременный и объективный контроль за законностью и обоснованностью принимаемых им в ходе оперативного судебного контроля актов досудебного расследования.

4. Специфика процессуальной роли и процессуальные полномочия следственного судьи в уголовном процессе Кыргызской Республики

Уголовно-процессуальное законодательство КР определяет особое место суда в уголовном судопроизводстве на всех его стадиях. Если раньше фактически основной фигурой уголовного судопроизводства (а на досудебной стадии, пожалуй, и главной фигурой) являлся прокурор с его ничем не ограниченным прокурорским надзором, то сегодня центральное место на стадии досудебного производства и судебного разбирательства, вне всякого сомнения, занимает именно суд в лице следственного судьи.

Введение судебного контроля, расширение сферы его действия на следствие, как подчёркивается в российской процессуальной науке, являются позитивными моментами с точки зрения обеспечения личных (частных) интересов тех или иных участников расследования [11, с. 16]. «Судебный контроль наиболее эффективно гарантирует состоятельность производства на досудебных стадиях, и в современном мире фактически заменяет собой неэффективную и свойственную для репрессивных форм процесса функцию прокурорского надзора, поскольку участие суда как беспристрастного арбитра, не несущего ответственности за борьбу с преступностью, позволяет лучше регулировать взаимоотношения между сторонами в уголовном процессе» [5, с. 16].

УПК КР определяет особое место суда в уголовном судопроизводстве. Суд вправе принимать решение об ограничении свободы обвиняемого в досудебном производстве: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста; о продлении срока содержания обвиняемого под стражей; о помещении подозреваемого (обвиняемого), не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Ограничение иных конституционных прав гражданина допускается только по решению суда: о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нём лиц; о производстве обыска и выемки в жилище; о производстве личного обыска; о производстве выемки пред-

метов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях; о наложении ареста на корреспонденцию и выемке её в учреждениях связи; о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; о временном отстранении обвиняемого от должности и др.

Расширяются полномочия суда по контролю за соблюдением прав граждан в досудебных стадиях процесса, возрастает объём возможностей граждан на обращение к суду в случае конфликтных ситуаций в отношениях с органами уголовного преследования. В частности, суд правомочен в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействие) прокурора, следователя, уполномоченного лица органа дознания по делам о проступках в порядке, установленном УПК КР. Решения в порядке судебного контроля предоставляет право суду реагировать на нарушения законности, обнаруженные в ходе судебного разбирательства.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики 1999 года возлагал выполнение судебного контроля в ходе досудебного производства на суд, рассматривающий и разрешающий уголовные дела по существу. В этой связи возник вопрос о том, что судебный контроль и осуществление правосудия по уголовным делам – две отличные друг от друга функции, а потому должны осуществляться разными судьями.

В соответствии с новым УПК КР полномочия по судебному контролю на досудебном производстве осуществляются следственным судьёй.

Полномочия следственного судьи охватывают сферу реализации наиболее значимых и существенных прав и свобод граждан в досудебном производстве, а именно, распространяются на все действия (бездействие) и решения органов уголовного преследования, которые могут нарушить или необоснованно ограничить конституционные права (право на личную неприкосновенность, тайну частной жизни, право собственности и др.) или затруднить доступ граждан к правосудию и судебной защите своих прав.

Специфика процессуальной роли следственного судьи в досудебном производстве КР выражается в предусмотренных УПК КР нижеследующих формах судебного контроля:

а) традиционная (классическая) – это рассмотрение и разрешение ходатайств следователя, уполномоченного должностного лица по делам о проступках о проведении следственных действий или применении мер обеспечения уголовного судопроизводства, способных ограничить конституционные права и свобо-

ды граждан; последующая проверка судом действий (решений) дознавателя, следователя, прокурора, проведённых (принятых) в случаях, не терпящих отлагательств, без решения суда, на предмет их законности и обоснованности; рассмотрение судом жалоб на неправомерные действия органов уголовного преследования;

б) особая форма судебного контроля – контроль качества доказательств.

Процессуальная роль следственного судьи как участника досудебного производства имеет особое значение с точки зрения конституционных принципов судебной власти. Как отмечалось выше, право каждого на судебную защиту гарантируется Конституцией КР. Именно конституционный уровень регулирования рассматриваемой сферы позволил реально воплотить идею о верховенстве суда как гаранта режима законности и охраны прав граждан. Последовательное воплощение в УПК КР провозглашенного Конституцией КР права граждан на судебную защиту от незаконных действий любых государственных органов и должностных лиц позволило создать правовые гарантии от необоснованного ограничения конституционных прав граждан в ходе досудебного производства по уголовным делам – как раз за счёт судебного контроля, осуществляемого следственным судьёй.

В соответствии со ст. 36 УПК КР следственный судья в ходе досудебного производства правомочен принимать решения:

«1) о законности и обоснованности задержания лица, подозреваемого в совершении преступления и (или) проступка;

2) о применении меры пресечения;

3) о продлении сроков мер пресечения;

4) о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответствующих экспертиз;

5) о наложении ареста или снятии ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, на ценные бумаги и их сертификаты;

6) о временном отстранении обвиняемого от должности;

7) о производстве экзгумации при отсутствии согласия близких родственников, супруга (супруги) покойного;

8) о производстве осмотра жилища, а также иных объектов, находящихся в собственности или ином праве проживающих в нем лиц, при отсутствии их согласия;

9) о производстве выемки и (или) обыска;

10) о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных статьей 100 УПК КР;

11) о проведении специальных следственных действий, предусмотренных УПК КР».

В рамках осуществления судебного контроля следственный судья рассматривает жалобы участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, прокурора.

В случаях, предусмотренных УПК КР, следственный судья:

«1) депонирует в ходе досудебного производства показания лиц, явка которых в судебное разбирательство по уважительным причинам невозможна, либо в целях исключения психотравмирующего воздействия на них при допросе в судебном заседании при рассмотрении дела по существу;

2) решает вопрос об обращении в доход государства залога в случаях, если обвиняемый допустил одно из нарушений, предусмотренных частью 5 статьи 114 УПК КР;

3) принимает решение о применении мер по обеспечению безопасности в отношении свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства;

4) утверждает процессуальные соглашения о сотрудничестве».

Следственный судья вправе знакомиться со всеми материалами досудебного производства, истребовать при необходимости дополнительные материалы (ч. 3 ст. 255 УПК КР). Следственный судья единолично рассматривает вопросы, отнесенные к его полномочиям, в судебном заседании (ст. 255 УПК КР.) По результатам рассмотрения вопросов, входящих в его компетенцию, следственный судья выносит постановление в соответствии со статьей 294 УПК КР. Постановление следственного судьи вступает в законную силу немедленно и подлежит обязательному исполнению.

В случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, постановление следственного судьи может быть обжаловано в апелляционном порядке, что не приостанавливает его исполнения (ст. 255 УПК КР).

Полномочия следственного судьи в уголовном процессе многогранные, в определенной степени можно вести речь об их многоуровневом характере. Познанию их сущности, содержания, форм осуществления, социального назначения посвящены исследования, выполненные в том числе и с учётом современного уголовно-процессуального законодательства.

Можно констатировать, что любая разновидность деятельности следственного судьи не есть разрешение имеющегося по делу обвинения по существу. Следовательно, такой контроль не может рассматриваться и как какая-либо разновидность осуществления по уголовному делу правосудия. Такой контроль есть другая, вспо-

могательная по отношению к правосудию, форма осуществления судебной власти.

Институт следственного судьи является тем инструментом, с помощью которого уголовное судопроизводство в Кыргызской Республике со временем приблизится к мировым стандартам защиты прав человека.

Заключение

Итак, на основании вышеизложенного мы приходим к следующим выводам.

Введение следственного судьи в кыргызский уголовный процесс обеспечило два существенных момента. Во-первых, реализовало потребность в законодательном совершенствовании правил рассмотрения судом жалоб на действия (бездействие) следователя, дознавателя, прокурора. Во-вторых, исключило участие судьи, разрешающего дело по существу, в решении вопроса об избрании меры пресечения и формировании доказательственной базы на досудебном производстве как фактор, влияющий на его объективность, беспристрастность и нейтральность.

При этом осуществляемый следственным судьёй судебный контроль не является конкурентом прокурорского надзора, не исключает последнего. По смыслу закона судебный контроль и прокурорский надзор в целях реализации принципа законности должны действовать согласованно, взаимно дополняя друг друга. Судебный контроль может быть более эффективным, когда его усилия сосредоточатся на решениях, соответствующих роли суда в состязательном уголовном процессе. Направленность судебного контроля – не просто обеспечение законности действий органов дознания и следственных органов, а посредством этого – гарантирование равноправия сторон обвинения и защиты в ходе досудебного производства.

Институт следственного судьи в кыргызском уголовном процессе совсем молодой и, разумеется, проблемы его применения на практике неизбежны. При этом двойной положительный результат данного нововведения очевиден: во-первых, за счёт передачи следственному судье полномочий по принятию решений о применении мер пресечения и производству иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы, судебный контроль и разрешение дела по существу распределились между различными судьями, что является дополнительной гарантией их объективности и беспристрастности, во-вторых, за счёт наделения следственного судьи полномочиями по депонированию показаний обеспечивается процессуальное равенство сторон обвинения и защиты по участию в доказывании.

Список литературы

1. Адилов С. А. Следственный судья в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1. – С. 119–125.
2. Григорьев В. Н., Зинченко И. А., Попов А. П. Компаративистские заметки об институте следственного судьи в досудебном уголовном производстве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 1. – С. 13–19
3. Гуськова А. П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ : монография. – Оренбург: ОГУ, 2002. – 107 с.
4. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 3. – С. 1–5.
5. Канафин Д. К. Соблюдение принципа состязательности, равенства сторон и права на защиту в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Сайт «Юрист – Параграф» – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37826422#pos=3;-110 (дата обращения: 15.04.2019).
6. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. – 331 с.
7. Когамов М. Ч. Вопросы процессуального обеспечения осуществления правосудия. / Судебно-правовая реформа: проблемы и перспективы развития законодательного обеспечения : материалы научно-практической конференции. – Астана: Жеті Жаргы, 2000. – С. 36–37.
8. Кузнецов А. П., Ковтун Н. Н. Судебный контроль законности и обоснованности задержания подозреваемого // Российский судья. – 2004. – № 5. – С. 8–10.
9. Морщакова Т. Г. Судебная реформа : сборник обзоров. – Москва: ИНИОН, 1990. – С. 30
10. Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса. – Пятигорск, 2000. – 239 с.
11. Халиулин А., Назаренко В. От прокурорского надзора к судебному контролю // Законность. – 2004. – № 1. – С. 24–28.

References

1. Adilov S. A. Sledstvennyy sud'ya v ugovolnom sudoproizvodstve Respubliki Kazakhstan // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 1. – S. 119–125.
2. Grigor'yev V. N., Zinchenko I. A., Popov A. P. Komparativistskiye zametki ob institute sledstvennogo sud'i v dosudebnom ugovolnom proizvodstve // Mezhdunarodnoye ugovolnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. – 2016. – № 1. – S.13–19
3. Gus'kova A. P. Protsessual'no-pravovyye i organizatsionnyye voprosy podgotovki k sudebnomu zasedaniyu po UPK RF: monografiya. – Orenburg: OGU, 2002. – 107 s.
4. Zor'kin V. D. Konstitutsiya zhivet v zakonakh. Rezervy povysheniya kachestva rossiyskogo zakonodatel'stva // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. – 2015. – № 3. – S.1–5
5. Kanafin D. K. Soblyudeniye printsipa sostyazatel'nosti, ravenstva storon i prava na zashchitu v ugovolnom protsesse [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37826422#pos=3;-110 (data obrashcheniya: 15.04.2019).
6. Kovtun N. N. Sudebnyy kontrol' v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii. – N. Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, – 2002. – 331 s.
7. Kogamov M. Ch. Voprosy protsessual'nogo obespecheniya osushchestvleniya pravosudiya. Sudebnopravovaya reforma: «problemy i perspektivy razvitiya zakonodatel'nogo obespecheniya»: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sudebno-pravovaya reforma: problemy i perspektivy razvitiya zakonodatel'nogo obespecheniya». – Astana: Zhetí Zhargy, 2000. – S. 36–37.
8. Kuznetsov A. P., Kovtun N. N. Sudebnyy kontrol' zakonnosti i obosnovannosti zaderzhaniya podozrevayemogo // Rossiyskiy sud'ya. – 2004. – № 5. – S. 8–10
9. Morshchakova T. G. Sudebnaya reforma: sbornik obzorov. – Moskva: INION, 1990. – S. 30
10. Tomin V. T., Polyakov M. P., Popov A. P. Ocherki teorii effektivnogo ugovolnogo protsessa. – Pyatigorsk, 2000. – 239 s.
13. Khaliulin A., Nazarenko V. Ot prokurorskogo nadzora k sudebnomu kontrolyu // Zakonnost'. – 2004. – № 1. – S. 24–28.

© Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э., 2020
Статья поступила в редакцию 30.03.2020 г.

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

УДК 343.359

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-148-156

П. И. Иванов

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д.8

ORCID: 0000-0002-2367-3369. E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности

Аннотация: В настоящей статье на основе изучения и анализа оперативно-розыскного законодательства, научных публикаций, правоприменительной практики и криминогенной ситуации в сфере легализации рассматривается оперативно-розыскное противодействие легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений. Основное внимание в работе сфокусировано на этапах (стадиях) отмывания, существующих на этот счёт точках зрения, а также на способах незаконного вывода денежных средств за рубеж. Автор статьи преследовал цель разработки научно обоснованных предложений и рекомендаций по повышению эффективности деятельности по противодействию этому виду преступлений территориальными органами внутренних дел и их подразделениями экономической безопасности. Предлагается в рамках предмета изучения отработать оперативно-розыскные версии, а также разработать с учётом используемых преступниками способов (схем) отмывания криминальных доходов и незаконного вывода средств за рубеж с целью последующей их легализации оперативно-розыскные мероприятия по документированию преступных действий. Кроме того, автор рекомендует осуществлять постоянный мониторинг методов отмывания на основе оперативно-следственной практики. Результаты и ключевые выводы, сформулированные в настоящей статье, могут быть использованы в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по противодействию легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскное противодействие, легализация, криминальный доход, налоговое преступление, способ отмывания.

Для цитирования: Иванов П. И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 148–156. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-148-156.

Pyotr I. Ivanov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Academy of Management of the MIA of Russia

8, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2367-3369. E-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

Stages and methods of legalization of criminal proceeds obtained as a result of economic and tax crimes

Annotation: In this article, based on the study and analysis of operational-search legislation, scientific publications, law enforcement practice and the criminal situation in the field of legalization, the operational-search counteraction to the legalization of income received from the Commission of tax crimes is considered. The paper focuses on the stages (stages) of laundering, the existing points of view on this account, as well as on the methods of illegal withdrawal of funds abroad. The author of the article aimed to develop scientifically based proposals and recommendations for improving the effectiveness of this type of activity by the territorial bodies of internal Affairs and their divisions of economic security and anti-corruption. It is proposed to put forward and work out operational search versions within the subject of study, as well as to develop, taking into account the methods (schemes) used by criminals to launder criminal proceeds and illegally withdraw funds abroad for the purpose of their subsequent legalization, operational search measures to document their criminal actions. In addition, the author recommends constant monitoring of money laundering methods based on operational and investigative practices. The results and key conclusions formulated in this article can be used in the theory and practice of operational investigative activities of internal Affairs bodies to counteract the legalization of income received from tax crimes

Keywords: operational-search counteraction, legalization, criminal income, tax crime, method of laundering.

For citation: Ivanov P. I. Stages and methods of legalization of criminal proceeds obtained as a result of economic and tax crimes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 148–156. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-148-156.

Территориальные органы внутренних дел¹, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции², реализуя государственную политику в области борьбы с отмыванием незаконных доходов, строят деятельность с учётом приоритетов, сформулированных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (принята Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208³) и Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма, утверждённой Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г.⁴

Подразделения ЭБиПК как головная служба в системе территориальных ОВД по организации оперативно-розыскного противодействия легализации доходов⁵, полученных, в частности, от совершения налоговых преступ-

лений, при определении зон приоритетного мониторинга на предмет отмывания («реперных точек») исходят из того, что проблема легализации вышла за рамки отдельно взятого национального государства, сегодня она стала носить международный характер. Данное обстоятельство – фактор, усиливающий повышенную общественную опасность указанного вида преступлений – в свою очередь требует выстраивания слаженной, согласованной и консолидированной оперативной работы правоохранительных органов зарубежных государств и представителей финансовых структур.

Учитывая это, оперативно-розыскное противодействие легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, в настоящее время выступает одним из приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений полиции. Посредством его осуществления решаются такие

¹ Далее – ОВД.

² Далее – ЭБиПК.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.

⁴ Документ опубликован не был.

⁵ Приведём данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» за три последних года: в 2017 г. было выявлено 422 преступления, предусмотренных ст. 174¹ УК РФ, в 2018 г. – 500, в 2019 г. –

489. Как видно, в прошлом году зарегистрировано меньше, нежели в 2018 г., но при этом больше было выявлено таких фактов, совершённых в крупном и особо крупном размерах, а также совершённых организованной группой и преступным сообществом // Обзор МВД России об организации работы по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых преступлений подразделениями ЭБиПК за 2019 г. № 1/5338 от 19 мая 2020 г. Документ опубликован не был.

задачи, как пресечение преступлений коррупционной направленности со стороны должностных лиц регионального и муниципального уровней, выполняющих контрольно-распорядительные функции при организации торгов и проведения закупок для государственных и муниципальных нужд; противодействие организованным формам экономической преступности, в том числе сформированной на этнической основе, а также недопущение фактов финансовой подпитки экстремистской и террористической деятельности; пресечение во взаимодействии с органами финансового контроля деятельности организованных групп, осуществляющих незаконную банковскую деятельность, в том числе по обналичиванию денежных средств. Следует заметить, что к критерию значимости мероприятий по выявлению (раскрытию) преступлений экономической и коррупционной направленности наряду с другими относится мерило оценки деяния, имеющего транснациональный либо межрегиональный характер, в том числе выявленного в результате взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств.

Вышесказанное имеет самое прямое отношение к затронутой в настоящей статье проблеме, связанной с противодействием отмыванию доходов, получаемых из разных источников, включая упомянутые нами противоправные действия.

В таком широком плане данная проблема активно изучалась специалистами различных областей знаний, такими как К. К. Горяинов, А. Н. Конев, И. А. Климов, А. Г. Маркушин, Г. К. Синилов, А. Ю. Шумилов и др. В последнее время внимание исследователей стали привлекать способы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1].

Ставя перед собой задачу провести анализ противодействия легализации, в том числе оперативно-розыскного, автор постарался максимально руководствоваться концептуальными положениями, разработанными в трудах указанных учёных, понимая, что целевой анализ противодействия – не самоцель, а средство для оптимизации современных реалий.

Многолетняя практика показывает, что невозможно обеспечить реализацию принципа неотвратимости уголовного наказания без надлежащей организации оперативно-розыскного противодействия легализации (отмыванию) доходов, приобретённых преступным путём, основной целью которого является не дать возможность выдать доходы от противоправной деятельности за легальную прибыль и получить возможность использовать их, не вызывая подозрения у правоохранительных органов, при-

давая этим доходам новый гражданско-правовой статус законно приобретённого имущества, используя эти доходы в частности и в предпринимательской деятельности.

Проблема оперативно-розыскного противодействия легализации доходов, в частности, полученных от совершения налоговых преступлений, заключается в разрешении существующих противоречий между потребностью в повышении эффективности выявления и пресечения преступлений, связанных с легализацией, и неполнотой современных научно обоснованных представлений об оперативно-розыском противодействии указанной категории преступлений.

Актуальность названной проблемы, на наш взгляд, обусловлена тремя обстоятельствами, а именно: существующей большой вероятностью привлечения криминальными структурами средств из преступных источников в законный финансовый оборот, что создаёт угрозу стабильности банковской системы в целом; легализацией доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, для финансовой базы транснациональной организованной налоговой преступности; накоплением капитала преступными формированиями, внедрением его в гражданский оборот, а также использованием за пределами страны для получения значительных преимуществ в конкурентной борьбе, создания неблагоприятного инвестиционного климата.

Названные обстоятельства играют немаловажную роль в выборе форм и методов оперативно-розыскного противодействия легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений.

В юридической литературе справедливо подчеркивается, что повсеместно наблюдается некоторый рост удельного веса преступлений, в том числе экономической и налоговой направленности, носящих транснациональный характер, совершаемых на объектах экономики двух и более государств. Криминальные структуры при этом, как правило, преследуют две цели: уйти от уголовного преследования и вывести «грязные» деньги за рубеж с целью их отмывания. Небезынтересен факт, что, по данным ООН, среди 17 условно сгруппированных транснациональных преступлений отмывание занимает первую строку перечня.

Результаты проведённого нами выборочного изучения позволяют констатировать, что практически каждое преступление в сфере экономики сопряжено с отмыванием «грязных» денег. Более того, почти 70 % отмываемых средств повторно вкладывается в сферу предпринимательства для извлечения дохода. Мы считаем, что это создаёт напрямую угрозу экономической безопасности государства.

К сожалению, сегодня ни Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ⁶, ни Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма, не определяют понятие «противодействие легализации», хотя оно находится в числе основных, используемых в этих документах. Мы предлагаем авторское определение (применительно к теме статьи), которое нами сформулировано, исходя из результатов изучения законодательных актов и иных источников. Итак, оперативно-розыскное противодействие легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, – это деятельность оперативных подразделений полиции, осуществляемая в соответствии с федеральными законами «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ⁷ и «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ⁸, и направленная на выявление и последующее устранение причин, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование указанного вида преступлений, минимизацию и (или) ликвидацию его последствий. Отсутствие дефиниции, на наш взгляд, – проблема теоретического плана, которая нуждается в тщательной проработке с учётом имеющихся наработок. Думается, не нужно доказывать необходимости общеприемлемого определения понятия «противодействие легализации».

Сейчас мы всё чаще сталкиваемся с различными терминологическими сбоями: активно применяются такие слова и словосочетания, как «противодействие», «борьба», «выявление и документирование», «предупреждение и раскрытие», хотя законодатель использует термин «противодействие».

Говоря об оперативно-розыском противодействии, следует учитывать, по крайней мере, два обстоятельства: 1) данный вид противодействия может быть представлен как неотъемлемая часть оперативно-розыскной деятельности⁹ (прикладная её сторона); 2) употребляемый нами термин как бы «обновляет» понятийно-категориальный аппарат теории ОРД (теоретико-методологическая её сторона).

Считаем, что более углубленное изучение проблемы оперативно-розыскного противодействия легализации доходов, полученных от со-

вершения налоговых преступлений, возможно лишь при её исследовании как системы, состоящей из совокупности взаимообусловленных, взаимодополняющих и взаимодействующих элементов, составляющих единое целое.

С учётом вышесказанного оперативно-розыскное противодействие [2] может быть представлено в виде трёх компонентов:

- противодействие преступлениям налоговой направленности, среди которых доминирующим является уклонение от уплаты налогов, выступающее в схеме легализации как предикатное преступление – источник получения (извлечения) криминальных доходов;

- противодействие легализации (отмыванию) денежных средств, полученных от совершения налоговых преступлений, механизм которого сопряжён с механизмом легализации;

- противодействие незаконному выводу денежных средств за рубеж (отток капитала за рубеж, противоправное «бегство» капитала за рубеж).

Как видим, складывается целая цепь взаимосвязанных между собой действий, результативность которых зависит от успешного достижения целей каждого из них в отдельности.

Сердцевиной противодействия легализации доходов, как нам представляется, является его механизм. В настоящее время в теории ОРД нет единства во мнении в понимании его сущности и содержания. Только предварительно уяснив сами этапы (стадии) легализации и их предназначение, можно выстроить совокупность адекватных совершаемым противоправным действиям действий, направленных на выявление, закрепление и фиксацию фактических данных для последующего доказательства по делу [3].

В рамках настоящей статьи проанализируем лишь этапы легализации, а также способы незаконного вывода денежных средств за рубеж с целью их легализации посредством применения различных приемов (методов). В наших предыдущих работах обстоятельно рассмотрены схемы (способы) совершения предикатных (основных) преступлений налоговой направленности, являющихся источником получения криминальных доходов, подлежащих отмыванию [4]. Думается, что нами подвергнуты должному анализу и способы легализации [5].

Итак, приступаем к рассмотрению её стадий. Представляет особый интерес точка зрения Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), которая в системе легализации выделяет три основных этапа: «размещение», «наслаивание» и «интеграцию». Приведем краткую их характеристику, чтобы понять, что же вкладывают авторы в содержание каждого из них.

Первый этап предполагает размещение «грязных» денег в кредитные организации. При

⁶Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.

⁷Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

⁸Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

⁹Далее – ОРД.

этом одной из особенностей является то, что, несмотря на предпринимаемые меры по сокрытию криминального следа (многоходовые финансовые операции между банками), сохраняется опасность установления владельца денег и источника их происхождения. Чтобы избежать этого, «грязные» деньги проходят последующие стадии процесса их отмывания.

В различных научных публикациях, посвящённых исследованию отмывания доходов, полученных преступным путём, выделяют следующие виды размещений: за пределами страны; в традиционных финансовых учреждениях; в нетрадиционных финансовых учреждениях, наконец, через учреждения нефинансового сектора. Мы не будем останавливаться на их рассмотрении, так как они обстоятельно освещены в юридической литературе.

Второй этап – «наслаивание» – также подразумевает завуалирование существующей связи между владельцем и «грязными» деньгами, например, путём их транзита через счета аффилированных финансовых учреждений, обезличивания денег посредством их смешивания, купли-продажи ценных бумаг. В итоге крайне затруднительно выявить источник происхождения криминальных доходов.

Третий, заключительный этап, получивший название – «интеграция», благодаря ряду противоправных действий обеспечивает реализацию цели отмывания «грязных» денег – приобретение легального источника происхождения. Им становится реальный сектор экономики. Криминальные структуры, не опасаясь уголовного преследования, продолжают вновь пользоваться доходами, полученными преступным путём. Следует иметь в виду, что интеграция «грязных» денег в финансовую систему происходит в различных формах, в том числе посредством осуществления внешнеэкономической деятельности, когда совершаются экспортно-импортные операции по реальным и фиктивным договорам. При этом сумма сделки умышленно завышается. «Чистым» доходом значителен разрыв между фактической и фиктивной ценой товара, которая оплачена наличными деньгами, выведенными до этого из легального денежного оборота.

В юридической и специальной литературе существуют и иные точки зрения, их сторонники высказывают своё несогласие с трёхзвенным делением этапов легализации, считая, что в них якобы нарушена сама логика происхождения.

Вот какую модель отдельные исследователи (О. А. Абрамов, Б. В. Волженкин, Д. Ю. Гребнев, О. В. Зимин, А. Н. Ларьков и др.) считают наиболее приемлемой. Эта модель включает «аккумуляцию» (накопление), «освобождение», «маскировку», «размещение», «интеграцию» и «сокрытие».

Как нам представляется, сторонники такой точки зрения не учли одного немаловажного обстоятельства: термин «сокрытие» состоит из множества форм. Основными, на наш взгляд, являются: «маскировка», «инсценировка», «фальсификация», «уничтожение» и «утаивание». В данном случае «маскировка» как относительно самостоятельный этап просто-напросто выпадает.

Указанные авторы, предлагая свою классификацию этапов процесса легализации, наполнили их соответствующим содержанием, отражающим ролевую характеристику каждого из них. В таком виде они выглядят следующим образом:

– аккумуляция (накопление) как относительно самостоятельный этап процесса отмывания предполагает размещение «грязных» денег небольшими суммами на один банковский счёт или же их депонирование. Обычно стараются иметь несколько счетов в разных кредитных организациях, и уже на этом этапе как-то «дистанцироваться» от источника происхождения криминальных денег. Пытаются замаскировать прямую связь, вывести их из зоны досягаемости полиции. Как показывает анализ судебно-следственной практики, на данном этапе, несмотря на потраченные огромные усилия лидеров и активных членов организованной преступной группы, им не удавалось успешно разрешить все возникающие вопросы;

– освобождение подразумевает частичный ввод криминальных доходов в легальный сектор;

– маскировка посредством совершения множества финансовых операций (сделок) преследует, по крайней мере, две взаимосвязанные между собой цели: придание правомерного вида источнику получения криминальных доходов; создание таких условий, при которых трудно установить истинного (реального) их владельца;

– размещение «грязных» денег в кредитные и иные финансовые структуры путём совершения экономических и иных хозяйственных операций;

– интеграция создает предпосылку для «свободного» использования владельцем отмытых денежных средств или имущества, приобретённого преступным путём.

Как известно, предикатное преступление как источник приобретения криминальных доходов предшествует их легализации (отмыванию). Здесь налицо просматривается причинно-следственная связь. Одновременно присутствует корреляционная зависимость между способом преступного получения доходов и способом их легализации. Данные преступления (предикатное и сама легализация) мы полагаем целесообразным рассматривать в комплексе, как тесно взаимосвя-

занные между собой деяния, представляющие сложную систему, начиная с противоправного завладения денежными средствами и иным имуществом и заканчивая их легализацией. Отсюда, по крайней мере, вытекает ещё одно умозаключение: выбор способа легализации происходит уже на этапе совершения предикатных преступлений.

Помимо проанализированного выше, есть и такой вариант. А. Н. Мещеряков, А. Н. Филиппов, Г. К. Синилов и др., проведя своё собственное исследование, предлагают трехэтапную модель отмыwania денежных средств, состоящую из «размещения», «рассредоточения» и «интеграции». При этом авторы делают следующие оговорки: предложенная модель весьма условна; все три этапа прослеживаются далеко не во всех случаях «полноценного» отмыwania, и по способам действий этапы «пересекаются» друг с другом. Давая общую характеристику взглядов указанных авторов на проблему процесса легализации, мы больше внимания уделим такому этапу, как «рассредоточение»¹⁰, поскольку это относительно новое понятие, вводимое ими в научный оборот. На этом этапе, по мнению названных авторов, происходит отделение преступных доходов от источника происхождения. Это достигается путём проведения многочисленных финансовых операций между кредитными организациями. При этом преследуется цель сокрытия следов совершаемого преступления, а самое главное – теряется связь между деньгами и их владельцами.

Анализ практики показывает, что для проведения многоходовых финансовых операций используются возможности организованных преступных групп, занимающихся незаконной банковской деятельностью и осуществляющих транзит криминальных средств через счета созданных ими фиктивных организаций, смешивание с другими денежными массами и таким образом обезличивание. В конечном итоге установить источник происхождения денег становится практически невозможно, тем более когда транзит криминальных денежных средств осуществляется за пределы Российской Федерации. Основными игроками при данном способе вывода денежных средств за рубеж выступают офшорные финансовые центры¹¹, связанные с уменьшением или полным исключением налогообложения доходов иностранных лиц, создающих холдинги в этих центрах. Иными словами, три группы обстоятельств притягивают

иностранцев в офшорные зоны, а именно: 1) облегченный режим налогообложения; 2) строгое соблюдение сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайны; 3) игнорирование норм международного права в части сотрудничества правоохранительных органов в сфере борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путём.

Криминальные структуры используют это в своих корыстных интересах.

Существует и такая разновидность, которая близко пересекается с предыдущей классификацией процесса легализации. Исследователи (Ю. В. Быстрова, Л. В. Борисова, В. Д. Ларичев, Н. В. Образцова, О. В. Маркова и др.) предлагают включать в указанный процесс такие этапы, как «аккумуляция» (накопление), «освобождение», «маскировка», «размещение», «интеграция» и «сокрытие», приводя вполне аргументированные доводы в подтверждение своей классификации. Думается, что в данном варианте приведена развернутая модель, продиктованная стремлением авторов не упустить главного в цепочке отмыwania, в соответствии с которой выстраивается предмет документирования процесса легализации как система.

Имеется и ещё одна точка зрения, сторонники которой (О. С. Борисов, А. Е. Булдин, Р. Ш. Шегабуудинов и др.) в качестве этапов выделяют «накопление», «размещение» и «интеграцию». Предложенный подход отчасти схож с двумя первыми. Здесь рациональное зерно, на наш взгляд, заключается в следующем: «размещать» по существу нечего, если не имеем из числа противоправно нажитого имущества, а оно, как известно, формируется на этапе «накопления». Что бросается в глаза в этой классификации: «сокрытие» или «маскировка», на наш взгляд, в процессе легализации, безусловно, подразумевается, если даже данное действие не вписано в качестве одного из этапов. Криминальные структуры свои основные усилия направляют именно на то, чтобы преступно нажитое, по крайней мере, на ближайшее время, вывести за пределы досягаемости правоохранительных органов, а этого достичь без вуалирования крайне затруднительно. Например, это возможно путём перевода таких денег (дистанцирования), что даёт возможность замаскировать прямую связь денег с преступлением.

На основе обобщения проведенного нами анализа процесса легализации доходов, полученных преступным путём, можно сделать следующие промежуточные выводы.

Среди специалистов по теории ОРД доминирует классификация стадий отмыwania, предложенная Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыwанием денег (ФАТФ). Систему легализации специалисты рассматривают как состоящую из трёх основных этапов:

¹⁰ В юридической и специальной литературе можно встретить второй этап процесса легализации «наслаивание».

¹¹ Офшорные зоны, как правило, создаются в небольших государствах с ограниченными ресурсами для собственного развития. В настоящее время они наиболее развиты на Багамских островах, Кипре, Вануату, Мальте, в Либереи, Панаме, Ирландии, Лихтенштейне.

«размещение», «наслаивание» и «интеграция». Мы также являемся приверженцами данной точки зрения.

Между стадиями существует корреляционная зависимость, обусловленная прежде всего существующей внутренней логикой построения процесса отмыывания. Такая же зависимость существует между способами совершения предикатных (основных) преступлений и легализации доходов, полученных от их совершения.

Одним из наиболее распространенных видов деятельности, связанной с отмыыванием, является незаконный вывод денежных средств за рубеж (отток капитала за рубеж), который также совершается с использованием различных способов.

Ю. Г. Торбин, О. В. Янчуркин, В. Г. Мамонов утверждают, что «одной из самых крупных схем по сумме вывода является так называемая молдавская схема транзита, по которой иностранные компании заключали договоры займов с российскими компаниями на сотни млн долл. США (от 100 млн до 875 млн) или выступали по ним поручителями, после чего обязательства по фиктивным долгам не исполнялись, и кредиторы обращались за взысканием средств в суды Молдавии, так как поручителями, помимо российских компаний, выступали граждане этой страны, при этом последние относились к социально уязвимым слоям общества, их подписи, как правило, подделывались, а сами они не имели ни малейшего представления о своём участии в подобных сделках» [6, с. 95].

Данное мнение разделяют и А. А. Бахарева и Л. П. Мокрова. Они также констатируют, что многие махинации по выводу денежных средств за рубеж осуществляются с использованием транзитных операций. В подтверждение своих суждений эти авторы приводят экспертную оценку, согласно которой не менее 50 % в общем объёме незаконных операций составляют транзитные операции. Данная схема особенно характерна при уклонении от уплаты налогов. Со своей стороны полагаем, что указанное обстоятельство должно приниматься во внимание при определении приоритетных направлений деятельности, в частности, подразделений ЭБиПК территориальных ОВД.

Помимо названной схемы вывода средств, по данным отдельных исследователей, крупный бизнес в свою очередь зачастую использует схему с созданием «центров прибыли», суть которой сводится к следующему: создается цепочка российских и офшорных компаний, связанных со «своим» банком. Они могут выводить в офшоры значительные денежные средства с использованием системы фиктивных контрактов и вексельных схем на протяжении длительного времени. При этом в отдельности каждый эле-

мент легален, а суть заключается во взаимодействии.

Среди способов незаконного вывода денежных средств за рубеж не менее значимым для изучения механизма его использования является «депозитная схема», суть которой заключается в размещении денежных средств в иностранных банках международного уровня в виде депозита. По мнению Ю. Г. Торбина, О. В. Янчуркина и В. Г. Мамонова, подобного рода действия кредитной организации, казалось бы, должны всемерно одобряться Банком России. Однако за этим кроются некоторые скрытые условия возврата денежных средств, а именно: необходимо предварительное согласие третьей стороны или же возврат офшорной компанией выданного ей кредита иностранным банком, взявшим депозит под залог. К тому же бенефициаром офшорной компании, как правило, выступает российский банк, который должен погасить кредит. В случае его невозвращения вопрос о депозите не может быть решён положительно. Вот таким образом «работает» указанная «депозитная схема».

В структуре способов незаконного вывода средств за рубеж, по утверждениям Л. Н. Варфоломеевой, Е. С. Рудых и И. В. Игнатьевой [7, с. 119–120] в числе наиболее распространённых значится метод отмыывания денежных средств путём открытия отдельными лицами счетов в финансовых учреждениях, внесение на них крупных сумм в наличной валюте, а затем перевод их из страны на счета подставных компаний, которые, в свою очередь, переводят их в другое место. Как показывает оперативно-следственная практика, по таким схемам (способам) выстраивается целая цепь кредитных организаций и фирм, чтобы скрыть следы преступления.

Организованные криминальные структуры, преследуя указанную цель, при совершении преступлений используют и другие приёмы, в том числе фальшивые счета, ведение двойной бухгалтерии и обман при заключении и исполнении контрактов. Вывод денежных средств в офшоры с целью легализации сегодня, как подчеркивают исследователи, наносит колоссальный ущерб экономике страны. Между тем, исходя из международного опыта, они советуют не идти по пути ужесточения правового регулирования деятельности офшорных компаний. В противном случае это может отрицательно сказаться на инвестиционном климате.

Отечественные правоохранительные органы располагают достоверной информацией о том, что с помощью офшорных компаний отмыывается большая часть российских «преступных денег» [8, с. 34–35].

Наряду с рассмотренными выше схемами некоторое распространение, по утверждениям А. А. Бахаревой и Л. П. Мокровой, получил

и такой способ: «На счета фирм-однодневок поступают денежные средства за товар или услугу, которые включают НДС. Затем деньги переводятся на счета инвестиционных компаний согласно договорам брокерского обслуживания для покупки ценных бумаг (при переводе подобным образом деньги не облагаются НДС).

Для придания сделкам видимости законных инвестиционные компании перечисляют деньги на биржу, далее на ней приобретаются акции крупных российских компаний. Впоследствии ценные бумаги поступают в адрес подконтрольных офшорных фирм по договорам купли-продажи.

Офшорные фирмы снова продают их на бирже, а вырученные средства переводят на счета банков (в частности, прибалтийских)» [9]. Распутывать такого рода схемы крайне затруднительно. Для этого помимо органов, осуществляющих ОРД, используются возможности Росфинмониторинга, НЦБ Интерпола и зарубежных правоохранительных органов.

При рассмотрении способов вообще отдельные авторы не дифференцируют их по основаниям, устоявшимся в теории. Так, профессор В. И. Третьяков, предлагая набор наиболее типичных способов отмывания денег (он насчитал таковых 13) через призму криминологической и экономической науки, почему-то относит к ним и те, которые ближе к приёмам незаконного вывода денежных средств за рубеж с целью последующей их легализации. В частности, речь идёт о таких способах, как вывоз наличных из страны с помощью курьеров или заключение фиктивных арендных договоров и фиктивных контрактов на поставку несуществующих товаров [10, с. 122–123]. Думается, что простое смешивание способов несколько нарушает устоявшуюся среди специалистов, например, по теории ОРД, последовательность выделения трех групп приёмов: 1) при совершении предикатного преступления; 2) при непосредственном отмывании криминальных доходов; 3) при незаконном выводе денежных средств за рубеж. По нашему мнению, в представленном виде выстраивается логически взаимосвязанная цепочка процесса легализации «грязных» денег.

Многообразие способов незаконного вывода средств за рубеж, безусловно, накладывает свой отпечаток на организацию оперативно-розыскного противодействия легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений. На этом фоне не может оставаться неизменным и документирование¹² как составная часть противодействия, поскольку в

настоящее время капиталы одной страны достаточно легко перетекают в банковские структуры других стран. В этих условиях без принятия согласованных мер между странами невозможно активно вести борьбу с отмыванием криминальных доходов. Кроме того, сами криминальные структуры, специализирующиеся на отмывании, во многом отличаются по своей изобретательности от схем вывода средств за рубеж с целью последующей их легализации, приспособляемостью к законодательным нормам, касающимся охраны банковской, коммерческой и налоговой тайн, а также к офшорному законодательству.

Подводя итог сказанному, отметим следующее.

Во-первых, проблема оперативно-розыскного противодействия легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, заключается в разрешении существующих противоречий между потребностью в повышении эффективности выявления и пресечения преступлений, связанных с легализацией, и неполнотой современных научно обоснованных представлений об оперативно-розыскном противодействии указанной категории преступлений.

Во-вторых, оперативно-розыскное противодействие легализации доходов, полученных от совершения налоговых преступлений, – это деятельность оперативных подразделений полиции, осуществляемая в соответствии с федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» и направленная на выявление и последующее устранение причин, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование указанного вида преступлений, минимизацию и (или) ликвидацию его последствий.

Рассматриваемый вид противодействия, будучи одним из приоритетных направлений деятельности территориальных ОВД, остро нуждается в совершенствовании с учётом развития оперативно-розыскного законодательства, сложившейся на текущий момент криминогенной ситуации, а также правоприменительной практики.

В-третьих, оперативно-розыскное противодействие базируется на трёхзвенной структуре: предикатном преступлении налоговой направленности, механизме самой легализации, незаконном выводе средств за рубеж.

В-четвертых, документирование отмывания «грязных» денег должно строиться исходя из сущности легализации, заключающейся в придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению криминальными доходами, а также трёхзвенной его модели: «размещение», «расслоение», «интеграция».

¹² Под документированием мы понимаем процесс сбора данных, их проверки и принятие по её результатам соответствующих решений.

Список литературы

1. Хисамова З. И. Способы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 84–87.
2. Иванов П. И., Беляева Т. Н. Оперативно-розыскное противодействие финансированию экстремистской деятельности // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 186–191.
3. Иванов П. И., Булдин А. Е. Некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретённых преступным путём // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (19). – С. 84–91.
4. Иванов П. И., Шитов А. С. К вопросу о выявлении налоговых преступлений в сфере потребительского рынка // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 147–150.
5. Иванов П. И., Борисов О. С. Информационный поиск в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел // Закон и право. – 2017. – № 8. – С. 96–98.
6. Торбин Ю. Г., Янчуркин О. В., Маматов В. Г. Противодействие легализации и незаконному выводу за рубеж банковских активов // Журнал российского права. – 2016. – № 12 (240). – С. 91–98.
7. Варфоломеева Л. Н., Рудых Е. С., Игнатьева И. В. Противодействие отмыванию денежных средств // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 4 (38). – С. 117–121.
8. Пинская М. Ш., Милоголов Н. С., Бауэр В. П., Ворожихин В. В., Логинова Т. А., Церенова К. Н. Международное налогообложение: размывание налоговой базы с использованием офшоров : монография. – Москва: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2015. – 192 с.
9. Бахарева А. А. Проблема вывода денежных средств за рубеж как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Символ науки. – 2016. – № 6-1 (18). – С. 140–142.
10. Третьяков В. И. К вопросу об основных методах легализации (отмывания) криминальных доходов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 122–125.

References

1. Hisamova Z. I. Sposoby legalizacii (otmyvanija) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tehnologij // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 2 (36). – S. 84–87.
2. Ivanov P. I., Beljaeva T. N. Operativno-razysknoe protivodejstvie finansirovaniju jekstremistskoj dejatel'nosti // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. – 2017. – № 4 (44). – S. 186–191.
3. Ivanov P. I., Buldin A. E. Nekotorye osobennosti operativno-rozysknogo soprovozhdenija predvaritel'nogo rassledovanija i sudebnogo razbiratel'stva po delam o legalizacii dohodov, priobretennyh prestupnym putem // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 1 (19). – S. 84–91.
4. Ivanov P. I., Shitov A. S. K voprosu o vyjavlenii nalogovyh prestuplenij v sfere potrebitel'skogo rynka // Zakon i pravo. – 2020. – № 1. – S. 147–150.
5. Ivanov P. I., Borisov O. S. Informacionnyj poisk v dejatel'nosti podrazdelenij jekonomicheskoj bezopasnosti i protivodejstvija korrupcii organov vnutrennih del // Zakon i pravo. – 2017. – № 8. – S. 96–98.
6. Torbin Ju.G., Janchurkin O. V., Mamatov V. G. Protivodejstvie legalizacii i nezakonnomu vyvodu za rubezh bankovskih aktivov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2016. – № 12 (240). – S. 91–98.
7. Varfolomeeva L. N., Rudyh E. S., Ignat'eva I. V. Protivodejstvie otmyvaniju denezhnyh sredstv // Innovacionnaja jekonomika: perspektivy razvitija i sovershenstvovanija. – 2019. – № 4 (38). – S. 117–121.
8. Pinskaja M. Sh., Milogolov N. S., Baujer V. P., Vorozhihin V. V., Loginova T. A., Cerenova K. N. Mezhdunarodnoe nalogooblozhenie: razmyvanie nalogovoj bazy s ispol'zovaniem offshorov : monografija. – Moskva: ООО «Nauchno-izdatel'skij centr Infra-M», 2015. – 192 s.
9. Bahareva A. A. Problema vyvoda denezhnyh sredstv za rubezh kak ugroza jekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Simvol nauki. – 2016. – № 6-1 (18). – S. 140–142.
10. Treťjakov V. I. K voprosu ob osnovnyh metodah legalizacii (otmyvanija) kriminal'nyh dohodov // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2013. – № 23. – S. 122–125.

© Иванов П. И., 2020

Статья поступила в редакцию 27.06.2020 г.

М. В. Кондратьев

адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0002-9873-9051. E-mail: kondratev_83@mail.ru

Генезис и методология оперативно-розыскной науки

Аннотация: Актуальность познания процесса становления и развития оперативно-розыскной науки, а также её методологических основ, обусловлена необходимостью правильного выбора дальнейших направлений актуальных научных исследований и кумулятивизма научных знаний. В частности, методология любой из наук своим остриём должна быть направлена в первую очередь на выявление особенностей реализации фундаментальных закономерностей в той или иной сфере деятельности, в том числе правоохранительной, к которой относится и оперативно-розыскная деятельность.

Целью исследования является изучение исторических этапов становления и развития оперативно-розыскной отрасли научных знаний, а также методологии российской оперативно-розыскной науки. Объектом исследования выбраны исторические и методологические (философские) аспекты оперативно-розыскной деятельности как новой отрасли научных знаний. При исследовании применялись диалектический, системный, структурно-функциональный, исторический методы познания.

Результатом исследования явился ключевой вывод о том, что оперативно-розыскная наука имеет свою методологию, под которой понимается учение о специальных методах познания объективной действительности в области оперативно-розыскной деятельности, имеющее своей целью фиксацию такой действительности без учёта её субъективного восприятия конкретным исследователем, представляющее собой систему основополагающих принципов, способов и методов формирования теории и практики оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная наука, оперативно-розыскная деятельность, философия, методология.

Для цитирования: Кондратьев М. В. Генезис и методология оперативно-розыскной науки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 157–163. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-157-163.

Maxim V. Kondratyev

Graduate

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9873-9051. E-mail: kondratev_83@mail.ru

The genesis and methodology of operational-investigative science

Annotation: The relevance of knowledge of the process of formation and development of operational investigative science, and its methodological foundations, is due to the need for the correct choice of further directions of actual scientific research and the cumulative nature of scientific knowledge. In particular, the methodology of any of the Sciences should be aimed primarily at identifying the features of the implementation of fundamental laws in a particular field of activity, including law enforcement, and includes operational-search activity.

The purpose of the research is to study the historical stages of formation and development of the operational-search branch of scientific knowledge, as well as the methodology of the Russian operational-search science. The object of the research is the historical and methodological (philosophical) aspects of operational-search activity as a new branch of scientific knowledge. The study used dialectical, systemic, structural-functional, and historical methods of cognition.

The research result is formulated in the conclusion that operational investigative science has its own methodology, which is understood as the study of special methods of cognition of objective reality in the field of operational-search activity. It is aimed at fixing such reality without taking into account its subjective perception by a specific researcher. This reality is considered as a system of fundamental principles, ways and methods of forming the theory and practice of operational-search activity.

Keywords: operational-investigative science, operational-search activity, philosophy, methodology.

For citation: Kondratyev M. V. The genesis and methodology of operational-investigative science // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 157–163. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-157-163.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является наукой правового, антикриминального цикла. Она постоянно подвергается различным изменениям, связанным с динамикой российского законодательства. На оперативно-розыскную науку осуществляется перманентное воздействие других юридических наук, таких как криминалистика, криминология, уголовный процесс, юридическая психология и некоторых других, которые так же, как и ОРД, модернизируются вместе с государством и обществом.

Возникновению оперативно-розыскной науки предшествует многовековая практика сыскной (поисковой) государственной деятельности, проявляющаяся во все времена у всех народов с глубокой древности, а также последующее осмысление, обобщение и систематизация материала, накопленного в ходе осуществления профессионального сыска.

В Древней Руси добывание оперативно значимой информации осуществлялось при помощи купцов, тайных лазутчиков, «путных людей». Применялись такие формы розыска, как «заклич» – объявление о совершенном преступлении в публичном месте с требованием возврата похищенного имущества; «свод» – обязанность лица, у которого был обнаружен похищенный предмет, указать на лиц, у которых он его приобрёл; «гонение следа» – преследование и установление местонахождения преступника; негласное выведывание, использование тайных подсыльщиков. Наиболее широко использовались «повальный обыск» – опрос всего населения местности, на которой производились поисковые действия, а также «поличное» – обнаружение и изъятие у заподозренного лица похищенных вещей¹.

Вместе с тем уже в Русской Правде упоминались некие лица, ведающие розыскными делами: «вирники», «доводчики», «тиуны», в обязанности которых входили розыск, отправление правосудия, взимание штрафов, сбор судебных

пошлин. Производство сыска начиналось с «извета» (заявления), но сыск мог проводиться и по анонимным сообщениям – «подмётным письмам»² [6, с. 123].

После Русской Правды правовое регулирование ОРД как вида государственной деятельности продолжало своё развитие. Нормы и правила осуществления сыскной деятельности поэтапно находили отражение в Псковской судебной грамоте 1467 года, Судебнике 1497 года, Судебнике 1550 года, Соборном уложении 1649 года.

Одним из первых органов, осуществляющих ОРД, стал Разбойный приказ, который с 1539 по 1701 гг. переименовывался в Разбойный сыскной приказ, Приказ сыскных дел, Сыскной приказ. Рождение тайной полиции России ознаменовано созданием приказа Тайных дел в 1655 году, одной из основных функций которого являлся тайный контроль за деятельностью политических приказов и работой царских послов. В 1718 году была создана Тайная канцелярия розыскных дел.

Кардинальный перелом в становлении и развитии сыскной деятельности в России произошёл в 1826 году, когда при Министерстве внутренних дел страны было создано III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Решение о создании данного органа политического сыска было принято после знаменитого восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге в декабре 1825 года.

Продолжила развиваться и нормативная правовая основа органов сыскной деятельности: «Временные правила об устройстве полиции в городе и уездах губерний» 1862 года; «Инструкция полицейским урядникам» 1878 года, «Положение о негласном полицейском надзоре» 1882 года; «Об устройстве полиции в империи» 1883 года; «Основные положения преобразования судебной части в России» 1862 года; «Судебные уставы» 1864 года; «Правила о порядке действия чинов корпуса жандармов по исследованию

¹ Дубоносов Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций. – Москва: Юрайт, 2011. – С. 15.

² Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность : учебное пособие. – Москва: Юрайт, 2012. – С. 22.

преступлений» 1871 года; Закон «Об организации сыскной части» 1908 года; «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» 1907 года, «Инструкция по организации наружного (филёрного) наблюдения» 1907 года.

В первой четверти XX столетия в связи с известными историческими событиями в Российском государстве органы, осуществляющие ОРД, были подвергнуты значительному реформированию.

В послереволюционное время декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 года принимается Положение о рабоче-крестьянской милиции, а 25 мая 1922 года – первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с изменениями 1923 года), в котором впервые была отражена организационно-процессуальная независимость следователя.

Развитие ОРД в 1930–1960-е годы было также связано с реорганизацией оперативно-розыскных органов. До 27 декабря 1932 года органы ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление) и рабоче-крестьянской милиции функционировали самостоятельно. Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), в состав которого в качестве Главного управления государственной безопасности вошло ОГПУ. С 1934 по 1964 годы данное ведомство прошло ряд реорганизаций (НКВД – МГБ – МВД – МОБ). Ко второй половине 1960-х окончательно сформировалась правоохранительная структура, двумя основными звеньями которой были МВД СССР, которое занималось борьбой с уголовной преступностью, и КГБ СССР, нацеленный на борьбу с политической преступностью и охрану конституционного строя [3, с. 15].

Принятие Верховным Советом СССР Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года считается первым шагом законодательно-правового регулирования ОРД.

На органы дознания было возложено принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших. Данная норма была конкретизирована в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик и РСФСР. Это позволило сотрудникам оперативно-розыскных органов использовать негласные силы, средства и методы работы при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, а также при выявлении и установлении личностей преступников.

8 июня 1973 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с пре-

ступностью», в котором подтверждалось право специальных подразделений милиции осуществлять оперативно-розыскные меры [4, с. 85].

Начало формирования российского оперативно-розыскного законодательства было положено 13 марта 1992 года, с момента принятия Верховным Советом Российской Федерации Закона РФ № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации».

Принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации обусловило, в свою очередь, принятие 12 августа 1995 года Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ, нормы которого регулируют оперативно-розыскные правоотношения и правовой порядок осуществления ОРД и по настоящее время.

Полагаем, что необходимость законодательной регламентации правовых положений ОРД была вызвана значительными переменами в жизнедеятельности общества в результате реформирования конституционных основ государства, обусловленных распадом СССР. Идея создания правового государства, в котором права и свободы человека и гражданина занимают верховенствующее положение, вызвала существенную потребность в необходимости правового регулирования принципов и механизма осуществления ОРД как особого вида государственной деятельности.

Оперативно-розыскной закон детально урегулировал не только права и обязанности органов, осуществляющих ОРД, но и правовой статус иных участников оперативно-розыскных правоотношений, в первую очередь лиц, оказывающих негласное конфиденциальное содействие (сотрудничество). Именно поэтому, как считают В. А. Азаров и Е. В. Кузнецов, отношения в оперативно-розыскной сфере после этого значительно усложнились [1, с. 28], что и явилось, на наш взгляд, признаком проявления объективных законов, обуславливающих образование новой оперативно-розыскной науки.

Начало разработки научных основ ОРД прослеживается с 1950-х годов. В то время оперативно-розыскная функция борьбы с преступностью развивалась на эмпирическом уровне и систематизировалась исключительно в закрытых ведомственных нормативных правовых актах.

Как самостоятельная учебная дисциплина ОРД начала развиваться с 1956 года, когда в Высшей школе МВД СССР были основаны курсы ОРД. В то время к ОРД имел доступ ограниченный круг лиц, она носила закрытый характер и была табуирована для общедоступного изучения.

Только в конце 1960-х годов после защиты докторской диссертации А. Г. Лекарем научные

дискуссии по проблемам теории ОРД стали приобретать публичный характер, появились вполне обоснованные доводы о необходимости её отделения от криминалистики и формирования как самостоятельной отрасли знания. Эту идею активно поддержал Р. С. Белкин и успешно развивали в своих исследованиях А. И. Алексеев, Д. В. Гребельский, Г. К. Синилов и др., в частности, доказывавшие государственно-правовой характер ОРД и необходимость её законодательной регламентации.

Этому способствовали несколько позже талантливо вписавшиеся в оперативно-розыскную проблематику В. М. Аتماжитов, В. Г. Бобров, А. С. Вандышев, А. Ф. Возный, И. А. Климов, В. А. Лукашев, Б. П. Смагоринский и др. Их исследования были посвящены определению предмета теории ОРД, системы изучаемых ею закономерностей, формированию её методологии [2, с. 32].

В 1973 г. в Академии МВД СССР были учреждены кафедры оперативно-розыскных дисциплин, на которых совершенствовалась методика преподавания ОРД и развивались научные исследования в области ОРД.

В 1976 г. в МВД СССР начал издаваться бюллетень «Оперативно-розыскная работа», в котором систематизировались и анализировались накапливаемые знания и практический опыт применения и использования негласных сил, средств и методов в борьбе с преступностью.

В 1995 г. в Юридическом институте МВД России для курсантов и слушателей, обучающихся по специализации «Оперативно-розыскная деятельность», была введена учебная дисциплина «Оперативное документирование в сфере борьбы с преступностью», успешно внедрившаяся в учебные планы новых образовательных стандартов.

Эти организационные меры заложили фундамент для формирования учебной дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность» в ведомственных и гражданских вузах страны, а также новой оперативно-розыскной отрасли научных знаний, составляющих основу для интенсивного развития теории ОРД и успешного применения её положений в практической деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов.

По мнению А. Ю. Шумилова, для оперативно-розыскной науки (исходя из того, что она есть сплав теории и практики) были значимы источники соответствующего свойства: 1) *материально-процедурные* – научные воззрения специалистов отечественного уголовного права на преступление как на общественно-опасное противоправное виновное и наказуемое деяние; 2) *процессуально-процедурные* – взгля-

ды учёных на развитие уголовного процесса, привлечение внимания к отсталости розыскного (инквизиционного) процесса в стране и необходимости разделения уголовного процесса и сыскной работы; 3) *организационно-тактические*, зачатки которых проросли в полицейском праве, в трудах военно-политической разведки и собственно в эмпирике – сыскной работе [9, с. 369].

Законодательно-правовое развитие российской оперативно-розыскной науки началось с принятия Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» в 1992 году и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в 1995 году. После этого стали широко развиваться научные исследования и разработки в сфере ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД; организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий; организации агентурной работы и конфиденциального содействия (сотрудничества) граждан в целях борьбы с преступностью; использования сил, средств и методов ОРД при выявлении и раскрытии преступлений, и др.

Оперативно-розыскная наука постепенно начала выходить из завесы келейности и секретности. Появились первые открытые научные и учебно-методические издания по ОРД, в том числе на ведомственном уровне. В гласном порядке проходили защиты кандидатских и докторских диссертаций по научной специальности 12.00.09 (в настоящее время – 12.00.12). В 2006 году вышел первый открытый учебник по ОРД «Теория оперативно-розыскной деятельности» под редакцией выдающихся учёных К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, на страницах которого нашли отражение теоретические положения и правовые основы ОРД; понятия, содержание, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий; теории оперативно-розыскного документирования, оперативной разработки, розыскной работы, оперативно-розыскной профилактики, оперативно-розыскной информации, оперативно-розыскной тактики, методики и оперативно-розыскного прогнозирования; порядок контроля и надзора за данным видом государственной деятельности; порядок использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, а также другие положения.

Таким образом происходило формирование научных школ профессионального сыска. К началу XXI столетия с момента фактического зарождения оперативно-розыскной науки таковых, по исследовательским подсчётам учёных, насчитывалось уже около пятидесяти [10, с. 154]. В настоящее время их число продолжает постоянно увеличиваться.

Научное познание в ОРД осуществляется на теоретическом и эмпирическом уровнях. При этом оперативно-розыскная наука использует все методы научного познания, имеет присущие ей принципы, критерии, функции и основания.

Оперативно-розыскная наука, как и любая другая, имеет свою методологию. Для неё характерны определённые отличительные особенности:

1) ОРД является относительно молодой областью научных знаний, и её развитие в настоящее время, на наш взгляд, не только находится в наиболее активной фазе, но и выходит на инновационный уровень, подстраивающийся под реалии современного общества;

2) исключительной особенностью оперативно-розыскной науки является то, что многие её фундаментальные положения, научные исследования носят закрытый, ведомственный характер и, к глубокому сожалению, не могут быть полностью открыты для всего российского и мирового научного сообщества.

Это прежде всего обусловлено спецификой рассматриваемой сферы научных знаний, поскольку одной из её основных целей является разработка теоретических положений и практических рекомендаций по применению и использованию негласных сил, средств и методов в борьбе с преступностью, что не может являться доступным для широкой массы населения.

По мнению Б. А. Спасенникова, оперативно-розыскная наука приобретает способность производить соответствующие научные образования как внутри себя, так и вовне – на стыке с некоторыми другими юридическими и иными науками. Поэтому в ней в полной мере проявляется один из обязательных признаков истинной науки, каким выступает воспроизводство новых научных образований [8, с. 13].

С. И. Захарцев справедливо отмечает, что в рамках науки теория ОРД изучает закономерности практической оперативно-розыскной работы. На основании исследования таких закономерностей вырабатываются новые научные знания, что приводит к уточнению теории, формулированию рекомендаций практике, вынесению законопроектов для улучшения правового регулирования ОРД [5, с. 8].

Сегодня можно констатировать, что в процессе своего исторического развития ОРД как самостоятельная отрасль научных знаний (самостоятельная наука) приобрела своё определение (понятие) и обоснованный предмет, свой категориальный аппарат, специфические методы исследования, свою предметную область и практическую значимость. Выражаясь философским языком, оперативно-розыскная наука в настоящее время имеет присущую исключи-

тельно ей предметологию, терминологию, методологию, номологию и праксиологию.

Предметной областью методологии оперативно-розыскной науки охватывается формирование понятийно-категориального аппарата ОРД, разрешение проблем соотношения и взаимосвязи понятий общих философских категорий с отраслевыми, межотраслевыми и частнонаучными понятиями и категориями. Диалектика и логика методологии оперативно-розыскной науки представлена гносеологией как методом познания оперативно-розыскных правоотношений. Как полагает В. П. Крошко, ею (гносеологией) охватываются отношения всех взаимосвязей и взаимодействий, взаимобусловленности и взаимозависимости соотношений сыскных законов в закономерностях [7, с. 19].

Как уже было упомянуто, научное познание в ОРД осуществляется как на теоретическом (изучение учебно-методических, научно-исследовательских материалов), так и на эмпирическом (изучение статистических данных, материалов дел оперативного учёта и уголовных дел) уровне. При этом оперативно-розыскная наука использует все методы научного познания (философские, общенаучные, частнонаучные, дисциплинарные, междисциплинарные).

Оперативно-розыскная наука имеет свои основополагающие начала, к которым относятся конституционные принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также отраслевые принципы конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Кроме того, в оперативно-розыскной науке выделяют также специальные принципы гуманизма, оперативности, наступательности, подконтрольности и поднадзорности, взаимодействия и непрерывности и др.

Одним из главных критериев оперативно-розыскной науки является объективность научных знаний, который предусматривает исключение научных мнений и взглядов, в которых присутствует явный субъективизм, выражающийся в индивидуальных особенностях мышления автора.

В настоящее время каждый учёный в области ОРД начинает своё исследование, уже обладая определённым массивом знаний и научно-практических разработок своих предшественников. В этом в полной мере проявляется критерий *интерсубъективности* в ОРД.

Критерий *верифицируемости* в ОРД заключается в том, что вся оперативно-розыскная теория основывается на практической деятельности оперативных подразделений, а выводы теоретических изысканий проверяются эмпирическим путём, через практическую целесообразность.

Также для оперативно-розыскной науки в полной мере характерны критерии *предметности* (соответствия имеющихся и полученных знаний предмету науки), *достоверности* (получения истинных знаний), *простоты* (доступности и удобства изложения материала), *полноты* (стремления к полному и всестороннему описанию объективной действительности).

Оперативно-розыскная наука обладает присущими ей, как и любой отрасли научных знаний, определёнными функциями. Так, *познавательная* функция оперативно-розыскной науки выражается в систематизации эмпирических и теоретических знаний в сфере ОРД. *Объяснительная* функция заключается в познании фактов и получении выводов из результатов научной и практической деятельности. *Эвристическая* функция проявляется в получении новых знаний о предмете и методологии оперативно-розыскной науки, установлении истины, конкретизации понятий и категорий, формулировании частных теорий. *Прогностическая* функция находит своё выражение в прогнозах изменения теории и практики оперативно-розыскной работы и разработке актуальных направлений научных исследований в области ОРД. *Практическая* же функция состоит в реализации теоретических основ ОРД на практике её осуществления оперативно-розыскными органами.

Кроме того, как и в любой науке, в ОРД можно выделить следующие основания:

1) *онтологические* – ни один учёный в области ОРД не может обойтись без таких философских категорий, как материя, движение, пространство, время и др.; процесс выявления и раскрытия преступлений (борьбы с преступностью) всегда протекает в объективной действительности настоящего времени, несмотря на то, что предметом изучения и исследования зачастую могут являться события прошлого;

2) *гносеологические* – познание окружающей действительности и объективное восприятие внешнего мира являются необходимым инструментарием для представителей оперативно-розыскной науки, поскольку они изучают мир с тех позиций, которые им диктуют изучаемые стороны действительности;

3) *логические* – использование правил и форм правильного мышления является необходимой составляющей любой науки антикриминального цикла, к числу которых относится и оперативно-розыскная наука;

4) *методологические* – без чёткого и правильного понимания методов и способов познания окружающей действительности, разностороннего использования методов научного познания оперативно-розыскная наука не может рассчитывать на положительные результаты своих исследований;

5) *аксиологические* – оперативно-розыскная наука, как и любая другая, служит исключительно человеку и удовлетворяет его интересы и потребности; она способствует созданию ценностей, удовлетворяющих жизненные потребности человека, исключая воздействие на них отрицательных факторов, выражающихся в любого рода проявлениях преступного характера.

Итак, оперативно-розыскная наука занимается производством и систематизацией объективных знаний в области осуществления ОРД и проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Разрабатывает методические рекомендации и тактические особенности использования оперативно-розыскных сил, средств и методов борьбы с преступностью, как гласного, так и негласного характера, раскрывающие закономерные связи рассматриваемых явлений в их постоянном функционировании. Выделяет проблемы той или иной научно-практической области, приводит пути и возможности их решения.

Оперативно-розыскная наука является относительно молодой областью научных знаний, имеет своё определение, предмет, категориальный аппарат, специфические методы исследования, предметную область и практическую значимость. Она представляет собой систему теоретических и практических объективных верифицированных знаний о закономерностях, принципах, понятиях и категориях в области оперативно-розыскных правоотношений, выраженных в материальных носителях информации.

Предметом методологии оперативно-розыскной науки являются специфические закономерности научного познания объективной действительности, складывающейся в сфере оперативно-розыскных правоотношений, и система научных знаний о ней.

В свою очередь, под объектом методологии оперативно-розыскной науки понимается познавательная деятельность по производству научных знаний, изучаемая в историческом и социокультурном контексте.

Принимая за основу все вышеперечисленные суждения, полагаем, что *методология оперативно-розыскной науки* – это учение о специальных методах познания объективной действительности в области ОРД, имеющее своей целью фиксацию такой действительности без учёта её субъективного восприятия конкретным исследователем, представляющее собой систему основополагающих принципов, способов и методов формирования теории и практики ОРД.

Список литературы

1. Азаров В. А., Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 208 с.
2. Волынский А. Ф. Оперативно-разыскная деятельность: почему возможное по УПК России недопустимо? // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 3 (52). – С. 30–35.
3. Гриб В. Г., Ильин И. С. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. – Москва: Маркет ДС, 2010. – 216 с.
4. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – Москва: Юридическая литература, 1990. – 304 с.
5. Захарцев С. И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты : монография. – Санкт-Петербург: ЮФ СПбГУ, 2011. – 264 с.
6. Ковалёв О. Г. Оперативно-розыскная деятельность: психологические и историко-правовые проблемы. – Москва: Московский психолого-социальный институт, 2009. – 376 с.
7. Крошко В. П. О логической структуре философии сыска и насущных проблемах // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 1 (50). – С. 15–19.
8. Спасенников Б. А. О методологии, принципах, языке, субъектах оперативно-розыскной науки и некоторых иных её положениях (мнение о второй книге третьего тома монографии А. Ю. Шумилова «Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации») // Оперативник (сыщик). – 2017. – № 4 (53). – С. 10–13.
9. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации : монография. – Т. I. – Москва: ИД Шумиловой И. И., 2013. – 455 с.
10. Шумилов А. Ю. Феномен научных школ профессионального сыска : монография. – Москва: ИД Шумиловой И. И., 2007. – 160 с.

References

1. Azarov V. A., Kuznetsov Ye. V. Teoreticheskiye osnovy formirovaniya otrasli operativno-rozysknogo prava : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 208 s.
2. Volynskiy A. F. Operativno-razysknaya deyatel'nost': pochemu vozmozhnoye po UPK Rossii nedopustimo? // Operativnik (syshchik). – 2017. – № 3 (52). – S. 30–35.
3. Grib V. G., Il'in I. S. Pravovyye osnovy operativno-rozysknoy deyatel'nosti. – Moskva: Market DS, 2010. – 216 s.
4. Gurov A. I. Professional'naya prestupnost': proshloye i sovremennost'. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1990. – 304 s.
5. Zakhartsev S. I. Nauka operativno-rozysknoy deyatel'nosti: filosofskiy, teoretiko-pravovoy i prikladnoy aspekty : monografiya. – Sankt-Peterburg: YuF SPbGU, 2011. – 264 s.
6. Kovalev O. G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': psikhologicheskkiye i istoriko-pravovyye problemy. – Moskva: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut, 2009. – 376 s.
7. Kroshko V. P. O logicheskoy strukture filosofii syska i nasushchnykh problemakh // Operativnik (syshchik). – 2017. – № 1 (50). – S. 15–19.
8. Spasennikov B. A. O metodologii, printsipakh, yazyke, sub'yektakh operativno-rozysknoy nauki i nekotorykh inykh yeyo polozheniyakh (mneniye o vtoroy knige tret'yego toma monografii A. YU. Shumilova «Operativno-rozysknaya nauka v Rossiyskoy Federatsii») // Operativnik (syshchik). – 2017. – № 4 (53). – S. 10–13.
9. Shumilov A. Yu. Operativno-rozysknaya nauka v Rossiyskoy Federatsii : monografiya. – Moskva: ID Shumilovoy I. I., 2013. T. I. – 455 s.
10. Shumilov A. Yu. Fenomen nauchnykh shkol professional'nogo syska : monografiya. – Moskva: ID Shumilovoy I. I., 2007. – 160 s.

© Кондратьев М. В., 2020

Статья поступила в редакцию 22.05.2020 г.

УДК 343.983.22

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-164-169

И. В. Латышов

доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0003-3441-1556. E-mail: latyshov@gmail.com

Ф. П. Самуйленко

Волгоградская академия МВД России

Российская Федерация, 400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130

ORCID: 0000-0003-2116-025X. E-mail: samuylenkof@yandex.ru

Актуальные вопросы систематизации научных знаний об условиях выстрела в судебной баллистике

Аннотация: В данной научной статье рассмотрена проблема построения системы научных знаний об условиях выстрела в судебной баллистике. Отмечено, что их системность призвана обеспечить, во-первых, определение перечня условий выстрела, требующих учёта в решении задач экспертного исследования оружия, патронов и следов их действия; во-вторых, выделение системы связей при взаимодействии объектов, отражающих результат воздействия условий выстрела; в-третьих, классификацию условий выстрела по значимым для решения научных и практических задач параметрам. Авторами дана характеристика конструктивного, функционального фактора (условия) влияния оружия и патронов, факторов действия внешней среды и явлений пожара, структуры объекта поражения и его физических свойств, ситуативно-пространственного фактора, энергетических характеристик метаемого снаряжения. В статье также выделены формы связей, образуемые при взаимодействии объектов, предложены авторские классификации криминалистически значимых условий выстрела с их делением по следующим признакам: производности от объекта взаимодействия, производности от природного явления, способа производства, результатов эксплуатации и применения оружия, длительности воздействия, вида структурных связей между объектами взаимодействия, числу условий, действующих при выстреле и образовании следов.

Ключевые слова: условия выстрела, систематизация, объекты взаимодействия, судебная баллистика, огнестрельное оружие.

Для цитирования: Латышов И. В., Самуйленко Ф. П. Актуальные вопросы систематизации научных знаний об условиях выстрела в судебной баллистике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 164–169. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-164-169.

Igor V. Latyshov

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3441-1556. E-mail: latyshov@gmail.com

Fedor P. Samuylenko

Volgograd Academy of the MIA of Russia

130, Istorisheskaja str., Volgograd, 400089, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2116-025X. E-mail: samuylenkof@yandex.ru

Actual issues of systematization of scientific knowledge on the conditions of shot in the forensic ballistics

Annotation: In this research, there was considered a challenge of constructing a system of scientific knowledge of the shot conditions in judicial ballistics. It was observed that there are underlying factors that are intended to ensure [scientific knowledge] consistency: identification of the list of shot conditions, which require consideration when solving expert-level research tasks on weapons, cartridges and traces of their action; determination of the communication systems in the course of objects' interaction, which present the result of exposure to the conditions of the shot; classification of the shot conditions based on the grounds significant for solving scientific and practical problems. The article contains the characteristics of a constructive, functional

factor (condition) of weapons and cartridges influence, environmental and fire factors, the structure of the target and its physical properties, situational and spatial factors, and projectile energy characteristics. Highlighted are the forms of connections formed in the course of objects' interaction, proposed are the author's classifications of forensically significant shooting conditions with them being divided on the basis of the following criteria: production from the object of interaction, production from a natural phenomenon, production method, results weapon operation and utilization, duration of exposure, type of structural connections between interaction objects, number of conditions that apply when firing and the forming traces.

Keywords: shot conditions, systematization, objects of interaction, forensic ballistics, firearms.

For citation: Latyshov I. V., Samuylenko F. P. Actual issues of systematization of scientific knowledge on the conditions of shot in the forensic ballistics // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 164–169. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-164-169.

Эффективность экспертного исследования оружия, патронов и следов их действия, в числе прочих обстоятельств, определяется учётом условий, которые сопутствовали выстрелу на месте происшествия и оказали влияние на механизм образования и проявление свойств и признаков объектов, включая следы выстрела. Положительный результат при этом возможен лишь в случае, когда знания эксперта системны, а известные науке и практике факторы влияния, включая связи взаимодействия, учтены, что важно в процессе познания.

Развитие научных знаний судебной баллистики показало, что сведениям об условиях выстрела всегда присущи черты системности. Вместе с тем, установленные с их помощью закономерности отражают результаты взаимодействия элементов лишь локальных систем: «отдельный объект – конкретное условие – отдельный результат» [1, с. 28–29; 2, с. 64–70 и др.]. То есть, в этих случаях мы имеем дело с разрозненными системами знаний, не обладающими необходимой степенью общности для успешного решения экспертом задач по установлению обстоятельств происшедшего.

Сложившийся подход определяет природу проблем использования сведений об условиях выстрела в судебной баллистике, практике производства судебно-баллистических экспертиз.

Объективно есть потребность в системном построении научных знаний об условиях выстрела и закономерностях их воздействия на проявление свойств и признаков взаимодействующих объектов. Это позволит совершенствовать существующий подход к экспертному исследованию оружия, патронов и следов их действия, расширить потенциал научных знаний судебной баллистики.

Следует сказать, что систематизация, как инструмент познания, широко используется в решении научных и практических задач¹, а приёмы и средства её реализации не раз доказали свою эффективность. При этом в судебной баллистике системность сведений об условиях выстрела призваны обеспечить:

- выделение перечня условий выстрела, требующих учёта в решении задач экспертного исследования оружия, патронов и следов их действия;
- выделение системы связей при взаимодействии объектов, отражающих результат воздействия определенных условий выстрела;
- классификация условий выстрела по значимым для решения научных и практических задач основаниям.

Опорным элементом систематизации, по нашему мнению, целесообразно рассматривать объекты экспертного исследования – оружие, патроны и следы их действия, являющиеся основными носителями криминалистически значимой информации. Их свойства и признаки отражают влияние условий выстрела на процессы работы частей и механизмов оружия, движение пули (снаряда) по каналу ствола, образование следов на пулях и гильзах, процессы истечения газопороховой струи за пределы ствола, образования следов выстрела на повреждённых преградах.

В этой схеме познания условия выстрела занимают промежуточное положение между отображающими свойства объектами (оружие, патроны, объекты поражения) и результатом такого отображения – образуемыми при выстреле следами. Вместе с тем они также являются важным элементом целостной системы взаимодействующих объектов.

Следует особо подчеркнуть, что отличительными чертами условий выстрела является их ситуативность и комплексный характер воздействия. То есть в каждом случае мы наблюдаем совокупный результат этого действия, а перечень условий выстрела определяются конкретной ситуацией.

Выстраиваемая на таких основаниях модель познания в теоретическом аспекте создаст необходимые предпосылки для систематизации сведений об условиях выстрела и уяснения их влияния на проявление свойств и признаков оружия, патронов, следов их действия, позволит дополнить известные судебной баллистике сведения новыми данными. С практической точки зрения привязка условий выстрела к объектам исследования удобна для использования таких сведений при производстве экспертного исследования.

Итак, вопрос о систематизации в общетеоретическом и прикладном аспекте есть необходимость начать с анализа категорий «свойство» и «признак» как элементов формируемой познавательной модели.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов в 3-х томах. – Т. 1: Общая теория криминалистики. – Москва: Юрист, 1997. – С. 379–383; Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза». – Москва: Норма, 2009. – С. 296–299.

Современные научные представления о свойствах и признаках объектов криминалистического исследования полагаются, преимущественно, на сформулированный Р. С. Белкиным подход, при котором свойство вещи – это то, что характеризует какую-либо её сторону либо её взаимоотношения с другими вещами и явлениями². Свойства вещи, по мнению автора, «...существуют объективно, независимо от сознания субъекта. Они не могут быть отождествлены с ощущениями, ибо ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств. Свойства могут быть внешними, поверхностными, отражающими явление данной вещи, т. е. внешность, форму обнаружения сущности; свойства могут относиться и к внутреннему содержанию вещи, его сущности, внутренним связям его элементов»³. В числе свойств Р. С. Белкин выделяет существенные свойства, которые определяют качественные и количественные характеристики объекта⁴.

Эта позиция поддержана большинством ведущих отечественных учёных-криминалистов – Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской, Н. П. Майлис, А. М. Зининым и рядом других.

Подчеркивая взаимосвязь формы и содержания объекта, Т. В. Аверьянова отмечает, что изменение содержания на определённой стадии развития ведет к изменению формы. Исследование любого объекта, в том числе и объекта экспертизы, идет от формы к содержанию. И форма, и содержание выражаются через свойства и признаки⁵.

В научной проблематике свойств и признаков объектов принимается во внимание и множественность характеризующих объекты материального мира свойств. При этом, как справедливо отмечается: «...познание их в полном объёме невозможно, обычно ограничивается изучением лишь некоторых свойств, необходимых исследователю. Судебный эксперт, исследуя объекты, предоставленные в его распоряжение, изучает только те их свойства, которые позволяют ответить на поставленные ему вопросы»⁶.

Обращаясь к указанным в литературе подходам в оценке свойств и признаков объектов экспертного исследования [3, с. 35, 36; 4, с. 13 и др.], следует выделить описанную одним из авторов статьи систему свойств и признаков объектов судебно-баллистической экспертизы.

В решении вопроса, в частности, было предложено деление свойств и признаков объектов на группы – конструктивные, морфологи-

ческие, функциональные, энергетические, баллистические и технологические [5, с. 333–340], причём обращение к данному перечню свойств и признаков позволяет рассматривать объекты судебно-баллистического экспертного исследования с широкого числа сторон, то есть максимально полно.

Это важно при уяснении воздействия ситуативного множества условий выстрела на проявление свойств и признаков объектов, установлении их связей взаимодействия, объяснении выделяемых закономерностей.

1. С учётом современного состояния научных знаний в области условий выстрела и их влияния на проявление свойств и признаков объектов судебно-экспертных исследований оружия, патронов и следов их действия предлагается следующий перечень криминалистически значимых условий выстрела, их структурное построение в системе.

1.1. Конструктивный фактор⁷ (условие).

Совокупное воздействие его элементов выражают:

- общая конструкция стрелкового и газового ствольного оружия (его вид, тип и модель);
- калибр оружия;
- образец используемого для стрельбы патрона;
- конструкция частей, деталей и механизмов оружия;
- принцип работы автоматики оружия;
- способ производства оружия.

1.2. Функциональный фактор (условие) – состояние оружия и патронов.

Реализацию действия функционального фактора оружия и патронов определяет:

- наличие и состояние частей, деталей и механизмов оружия, компонентов патронов, что оказывает свое влияние на работу изделий в штатном режиме или проявление сбоя, на процессы и характеристики явления выстрела, способность оружия реализовывать своё целевое назначение.

Так, в обычном режиме работы боевая пружина стрелкового оружия обеспечивает передачу ударнику энергию, достаточную для срабатывания капсюля-воспламенителя, воспламенения порохового метательного заряда, нормального развития явления выстрела в целом. Подсадка же (ослабление) боевой пружины приводит к осечкам, затяжному выстрелу, изменению процессов и характеристик явления выстрела, отображению отличных от нормы следов выстрела на преградах;

- наличие посторонних веществ на частях, деталях и механизмах оружия, компонентах патрона, критическая масса которых вносит изменения в процесс работы изделий либо препятствует этой работе вообще.

Это различного рода наслонения, появление которых является результатом производства выстрелов из оружия (загрязнения пороховым нагаром частей, деталей и механизмов оружия,

² Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов в 3-х томах. – Т. 2: Частные криминалистические теории. – Москва: Юрист, 1997. – С. 82.

³ Там же.

⁴ Криминалистика. Краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 69.

⁵ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: для использования в учебном процессе по специальности «Судебная экспертиза». – Москва: Норма, 2009. – С. 214.

⁶ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. – Москва: Норма, 2009. – С. 92.

⁷ Термин «фактор выстрела» в работе используется в прикладном аспекте для иллюстрации проявления широкого перечня свойств и признаков, взаимодействующих в процессе производства выстрела и поражения цели (объектов).

канала ствола оружия, металлизация канала ствола), неправильного ухода за оружием и неблагоприятными условиями хранения оружия и патронов. Все это служит причиной сбоев в работе оружия, коррозии изделий, изменению конструктивных характеристик, ухудшения свойств порохового метательного заряда, капсульного состава патронов.

В этом перечне также случаи выстрела из оружия, канал ствола которого покрыт слоем ружейной смазки, стрельба из оружия, ствол которого чрезмерно разогрет из-за длительной стрельбы.

1.3. Воздействие факторов (условий) внешней среды и явлений пожара.

В перечне известных науке и практике видов условий внешней среды, оказывающих влияние на проявление свойств и признаков оружия и патронов:

- отрицательные температуры ниже – 100 С;
- термическое воздействие, вызываемое явлениями пожара;
- сильный встречный и боковой ветер;
- сильный дождь.

1.4. Фактор (условие) влияния структуры поражаемого при выстреле объекта и его физических свойств.

Указанную группу факторов (условий) определяют:

- размеры объекта, его физические свойства (вид материал, прочность, упругость);
- строение объекта (монокристаллический, многослойный), его структура и иные характеристики (количество слоев, расстояние между ними и пр.);
- ответ (реакция) объекта на ударное механическое, термическое, химическое воздействие основного и дополнительных факторов выстрела;
- механизм разрушения объекта при воздействии на него пули либо газопороховой струи, иные локальные проявления деструкции.

1.5. Ситуативно-пространственный фактор (условие), отражающий взаимное расположение перед выстрелом оружия и объекта поражения.

В данной группе условий:

- дистанция выстрела;
- угол наклона оружия к преграде при выстреле.

1.6. Энергетический фактор (условие) воздействия. Это иллюстрируют показатели кинетической энергии выстреленной пули (снаряда) на искомых участках траектории или при её встрече с преградой (объектом поражения). К частным случаям проявления фактора относится энергетическая недостаточность снаряда вследствие потери пулей энергии на дальних дистанциях, прохождения через плотную и жесткую преграду, процессы затяжного выстрела.

2. Выделение системы связей при взаимодействии объектов, отражающих результат воздействия условий выстрела.

Выделение и анализ системы взаимных связей, образуемых в результате действия условий выстрела, направлены на объяснение механизма образования и особенностей образуемых в процессе выстрела следов на пулях, гильзах и

преградах. Это важно при оценке выявляемых следов, формулировании экспертных выводов.

В разные годы в криминалистике и судебной экспертизе обращение к проблеме систем связей, характеризующих исследуемые объекты и явления, определяла необходимость совершенствования базовых понятий и приёмов систематизации научных знаний [3; 6, с. 16–28], классификации выделяемого объёма знаний [7], определения значения и места категории связи в структуре специального раздела общей теории криминалистики – криминалистической систематике⁸.

Проекция известных науке форм связи (генетическая, функциональная, объёмная, субстанциональная и связь преобразования), используемых в ходе экспертного исследования [6, с. 17], в плоскость выделенного нами перечня криминалистически значимых условий выстрела позволяет в прикладном аспекте дать характеристику этих связей, раскрыть их роль в объяснении особенностей изучаемых процессов и следов.

Основным (базовым) видом связи, отражающим взаимодействие объектов при выстреле и влияние условий выстрела на проявление их свойств и признаков, является генетическая связь – связь между причиной и следствием, между условием и взаимообусловленным.

Природа остальных видов связей производится от неё, определяется необходимостью выделения отдельных сторон процессов взаимодействия для решения научных и практических задач.

Генетическая связь в криминалистическом аспекте отражает зависимость сущности явления и наступающих результатов, возможность явления при определенных условиях, наличие причинной связи между событием и следствием [6, с. 17].

В познании закономерностей влияния условий выстрела на отображение свойств и признаков взаимодействующих объектов выделение и учет элементов генетической связи позволяет устанавливать причинную связь между произведённым действием и его результатом.

Результатом процессов познания, включающих построение рассуждений по индуктивному либо дедуктивному типу, выдвижение и проверку экспертных гипотез, являются выводы исследователя о наличии причинной связи между характерным проявлением свойств взаимодействующих объектов и конкретным условием выстрела.

Так, например, малая по размерам локализация копоти выстрела вокруг входного огнестрельного отверстия на повреждённой преграде в совокупности с выраженными границами её отложения позволяют принять в качестве рабочей гипотезу о возможном использовании стрелкового огнестрельного оружия с глушителем.

С учётом целей научного либо практического исследования выделение причинной связи может быть также рассмотрено в проекции: от причины к следствию; от общей причины к одному из следствий; от общего следствия к одной из причин [3, с. 10].

⁸ Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов в 3-х томах. – Т. 1: Общая теория криминалистики. – Москва: Юрист, 1997. – С. 379–380.

В проблематике условий выстрела это означает широкие возможности выделения закономерностей их влияния на процессы образования следов, их характерную морфологию и топографию отложения. При этом процессами познания охватываются не только простые, но и сложные (многоэлементные и разноуровневые) случаи взаимодействия.

Для судебной баллистики представляется актуальным выделение такой разновидности генетической связи, как функциональная. Её наличие позволяет рассмотреть причину и следствие выстрела в задачах закономерностей влияния условий выстрела, выделяемых по признаку связи между взаимозависимыми процессами, характеристиками взаимодействия.

Примерами этого могут служить случаи образования огнестрельных повреждений в условиях энергетической недостаточности снарядов, процессы внутренней и внешней баллистики стрельбы из стрелкового огнестрельного оружия с чрезмерно разогретым из-за длительной стрельбы стволом, существенно изношенным каналом ствола и пр. Анализ других известных науке и практике видов связей в проблематике уяснения роли условий выстрела на процесс образования и характеристики следов на пулях, гильзах и повреждённых преградах также имеет определённое значение.

Так нет оснований отрицать наличие объёмной связи, отражающей воспроизводство сходной в рамках вида огнестрельных повреждений или группы огнестрельных повреждений, причинённых при стрельбе с близких дистанций, картины отложения дополнительных следов выстрела.

То же самое можно сказать и о проявлении субстациональной связи и связи преобразования. Влияние конструктивного фактора (условия) выстрела, связанного с такой его стороной как способ производства оружия и патронов, в ряде случаев определяет специфику проявления не только свойств объектов, но и определяемые методиками подходы решения экспертных задач.

Выявление же следов с помощью технико-криминалистических средств и методов, а также оперирование экспертом опосредованной таким путём информацией, широко используется в экспертной практике.

Таким образом, в проблематике вопроса об условиях выстрела и определения их роли в процессе образования следов на пулях, гильзах и преградах есть все основания полагаться на учёт и оценку системы связей, имеющих место при выстреле между объектами взаимодействия. Постановку же акцента на одном либо нескольких видах связей определяет цель научного либо практического исследования, характер решаемых при этом задач.

3. Классификация условий выстрела является одним из инструментов упорядочения сведений о них. Разделение объёма научных знаний об условиях выстрела по разным основаниям позволяет также акцентировать внимание на ряде значимых сторон оружия, патронов и следов их действия, их связях и взаимодействиях, что необходимо в процессе познания.

В общем приближении факторы (условия) выстрела в их влиянии на отображение свойств и признаков оружия, патронов и следов их действия следует классифицировать:

1) по признаку производности от объекта взаимодействия:

- фактор (условие) влияния оружия (конструктивных и функциональных характеристик);

- фактор (условие) влияния патронов и их метаемого снаряжения (конструктивных, функциональных и энергетических характеристик);

- фактор (условие) влияния характеристик объекта поражения (твёрдость, количество слоев, механизм разрушения преграды при выстреле и пр.);

2) по признаку производности от природного явления:

- факторы (условия) влияния низких температур атмосферы (охлаждение оружия, патронов, сгущение или замерзание ружейной смазки);

- факторы (условия) влияния высоких температур, образуемых явлением пожара;

- факторы (условия) влияния дождя, сильного (встречного, бокового) ветра;

3) по признаку производности от способа производства, результатов эксплуатации и применения оружия:

- факторы (условия) технологической природы – проявление свойств и признаков объектов рассматривается во взаимосвязи с технологией производства оружия, патронов и объектов поражения как изделий (заводской, кустарный, самодельный);

- факторы (условия) как результат эксплуатации изделий (износ частей, деталей и механизмов оружия; металлизация канала ствола; изменение положения наковальни капсюльного гнезда патрона и пр.);

- факторы (условия) ситуации, имеющей место в момент выстрела (взаимное расположение объектов в момент выстрела; расстояние от дульного среза до объекта поражения и др.);

4) по признаку длительности воздействия:

- факторы (условия) постоянного действия (конструкция оружия и патронов, структура и физические свойства объекта);

- факторы (условия) срочного по времени действия (действие фактора дождя, отрицательных температур, энергетические характеристики снарядов на различных участках траектории);

5) по признаку вида структурных связей воздействия:

- факторы (условия) прямого воздействия (влияние конструкции оружия на проявление свойств и признаков и др.);

- факторы (условия) опосредованного действия (замерзание ружейной смазки в гнезде под ударник затвора автомата Калашникова АК-74М и нештатная фиксация ударника в гнезде и др.);

6) по числу условий, действующих при выстреле и образовании следов:

- единичные факторы (условия) воздействия;

– множественные факторы (условия) воздействия.

Результаты проведенного исследования создают предпосылки для системного рассмотрения и оценки известных судебной баллистике сведений об условиях выстрела и их влияния на процессы образования и характеристики

следов на пулях, гильзах и преградах, возникающих в результате выстрела из стрелкового огнестрельного оружия. Всё это призвано способствовать повышению эффективности экспертных исследований оружия, патронов и следов их действия, раскрытию и расследованию преступлений в целом.

Список литературы

1. Чулков И. А. Влияние низких температур на отложение продуктов выстрела при стрельбе из малокалиберного оружия заводского изготовления // Экспертная практика. – 1983. – № 21. – С. 28–29.
2. Латышов И. В. Особенности огнестрельных повреждений на многослойных объектах // Экспертная практика. – 2005. – № 58. – С. 64–70.
3. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование : монография. – Москва: Юридическая литература, 1971. – 164 с.
4. Шляхов А. Р. О свойствах объектов и их отображениях, изучаемых в судебной экспертизе // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы : Экспресс-информация. – 1983. – № 5. – С. 10–23.
5. Латышов И. В. Свойства и признаки стрелкового огнестрельного оружия как объекта диагностической судебно-баллистической экспертизы / Криминалистика и судебная экспертиза : наука, обучение, практика / под общ. ред. С.П. Кушниренко : 8-я (внеочередная) Международная научно-практическая конференция. – Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ, 2012. – С. 333–340.
6. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений : научно-практическое пособие. – Москва: Издательская группа Норма-Инфра, 1998. – 288 с.
7. Шляхов А. Р. Классификация судебных экспертиз и типизация их задач: материалы к учен. совету. – Москва: ВНИИСЭ, 1977. – 134 с.
8. Аветисян В. Р., Потапова Л. Ф. Влияние глушителя на отложение продуктов выстрела при стрельбе из разных видов оружия // Экспертная техника. – 1990. – Вып. 111. – С. 49–61.
9. Бергер В. Е. Влияние условий производства выстрела на характер отображения признаков в следах на пулях // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. – Сб. 2. – Душанбе: НИЛСЭ, 1962. – С. 267–270.
10. Кокин А. В. Теория и методические основы исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 352 с.

References

1. Chulkov I. A. Vliyaniye nizkikh temperatur na otlozheniye produktov vystrela pri strel'be iz malokalibernogo oruzhiya zavodskogo izgotovleniya // Ekspertnaya praktika. – 1983. – № 21. – S. 28–29.
2. Latyshov I. V. Osobennosti ognestrel'nykh povrezhdeniy na mnogoslownykh ob'yektakh // Ekspertnaya praktika. – 2005. – № 58. – S. 64–70.
3. Eysman A. A. Zaklyucheniye eksperta. Struktura i nauchnoye obosno-vaniye : monografiya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1971. – 164 s.
4. Shlyakhov A. R. O svoystvakh ob'yektov i ikh otobrazheniyakh, izuchayemykh v sudebnoy ekspertize // Novyye razrabotki i diskussionnyye problemy teorii i praktiki sudebnoy ekspertizy : Ekspress-informatsiya. – 1983. – № 5. – S. 10–23.
5. Latyshov I. V. Svoystva i priznaki strelkovogo ognestrel'nogo oruzhiya kak ob'yekta diagnosticheskoy sudebno-ballisticheskoy ekspertizy / Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza : nauka, obucheniye, praktika / pod obshch. red. S.P. Kushnirenko : 8-ya (vneocherednaya) Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy dom SPbGU, 2012. – S. 333–340.
6. Korukhov Yu. G. Kriminalisticheskaya diagnostika pri rassledovanii prestupleniy : nauchno-prakticheskoye posobiye. – Moskva: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA, 1998. – 288 s.
7. Shlyakhov A. R. Klassifikatsiya sudebnykh ekspertiz i tipizatsiya ikh zadach: materialy k uchen. совету. – Moskva: VNIISE, 1977. – 134 s.
8. Avetisyan V. R., Potapova L. F. Vliyaniye glushitelya na otlozheniye produktov vystrela pri strel'be iz raznykh vidov oruzhiya // Ekspertnaya tekhnika. – 1990. – Vyp. 111. – S. 49–61.
9. Berger V. Ye. Vliyaniye usloviy proizvodstva vystrela na kharakter otobrazheniya priznakov v sledakh na pulyakh // Voprosy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy. – Sb. 2. – Dushanbe: NILSE, 1962. – S. 267–270.
10. Kokin A. V. Teoriya i metodicheskiye osnovy issledovaniya narezного ognestrel'nogo oruzhiya po sledam na pulyakh. – Moskva: Yurlitinform, 2010. – 352 s.

© Латышов И. В., Самуйленко Ф. П., 2020
Статья поступила в редакцию 17.06.2020 г.

УДК 343.98

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-170-178

А. В. Скрипченко

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0003-1710-858X. E-mail: krimexpertiz@yandex.ru*

Е.С. Иванова

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0002-2654-946X. E-mail: ivas-1977@mail.ru*

Современные высокотехнологичные способы подделки оттисков печатей и штампов в документах

Аннотация: В статье проанализированы особенности современных высокотехнологичных способов подделки оттисков печатей и штампов в документах. Все они отображают технологические особенности и техническую оснащённость того времени, в котором они были придуманы и активно применялись. Особое внимание авторы уделяют физическому моделированию печатных форм по оттискам печатей, компьютерному моделированию цифровых образов оттисков по оттискам печатей, а также изготовлению поддельных печатных форм по цифровым оригинал-макетам оттисков, полученных в процессе компьютерного моделирования. В работе рассмотрены примерные комплексы признаков, характеризующие различные высокотехнологичные способы подделки оттисков печатей и штампов в документах. При подготовке статьи использовались общенаучные методы эмпирического познания (сравнение, описание), общелогические методы анализа, синтеза, обобщения, классификации, а также методы системно-структурного анализа. Цель проведенного исследования – наглядно продемонстрировать выявленные признаки, которые характеризуют современные способы подделки оттисков печатей и штампов в документах. Выводы, содержащиеся в статье, имеют практическую направленность и будут способствовать повышению раскрываемости и расследованию преступлений, совершаемых с использованием поддельных документов.

Ключевые слова: оттиски печатей; оттиски штампов; Flash-технология; лазерное гравирование по резине; фотополимерная технология; моделирование печатных форм по оттискам; знаковосинтезирующие печатающие устройства; имитация оттисков.

Для цитирования: Скрипченко А. В., Иванова Е. С. Современные высокотехнологичные способы подделки оттисков печатей и штампов в документах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 170–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-170-178.

Andrey V. Skripchenko

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1710-858X. E-mail: krimexpertiz@yandex.ru*

Elena S. Ivanova

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2654-946X. E-mail: ivas-1977@mail.ru*

Modern high-technological methods of forging overprinting seals and stamps in documents

Annotation: The article analyzes the features of modern high-tech methods for counterfeiting overprinting of the seals and stamps in documents. All of them reflect the technological features and technical equipment current time in which they were invented and actively used. The authors pay special attention to the physical modeling of printing plates from overprinting of seals, computer modeling of digital images of overprinting took from the sealing, as well as the manufacture of counterfeit printing plates from digital

camera-ready copies of the overprinting obtained in the process of computer simulation. The paper considers approximate sets of features characterizing various high-tech methods of counterfeiting overprinting of the seals and stamps in documents. In preparing the article, general-scientific methods of empirical knowledge (comparison, description), general-logical methods of analysis, synthesis, generalization, classification, as well as methods of systemic-structural analysis were used. The purpose of this study is to demonstrate the detected signs that characterize modern methods of counterfeiting overprinting of the seals and stamps in documents. The article's conclusions are practically oriented and will enhance the detection and investigation of crimes committed using sham papers.

Keywords: overprinting of seals; stamps, Flash-technology; laser engraving on rubber; photopolymer technology; print plate modeling; sign-synthesizing prints; imitation of prints.

For citation: Skripchenko A. V., Ivanova E. S. Modern high-technological methods of forging overprinting seals and stamps in documents // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 170–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-170-178.

Функционирование предприятий и учреждений различных форм собственности обеспечивается соответствующим документооборотом. Современное делопроизводство предусматривает нанесение оттисков печатей на первичную документацию, копии приказов, договоры, акты, справки, в трудовые книжки и ряд других документов. Оттиски печатей относятся к удостоверительным реквизитам документов, так как подтверждают права лиц на выполнение определённых должностных обязанностей¹. Поэтому технико-криминалистическое исследование оттисков печатей является необходимой процедурой, при решении вопроса о подлинности документов, что, в свою очередь, является необходимым элементом состава преступления. Вопросами исследования оттисков и печатей, а также проблемами определения комплекса соответствующих признаков занимались многие учёные-криминалисты и практикующие эксперты экспертно-криминалистических подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ряд проблемных вопросов нашли своё освещение в работах Н. Н. Шведовой, Т. И. Сафроненко, В. Г. Матюшевой, Н. В. Ефременко, А. А. Проткина, А. В. Ефименко. Однако углублённый анализ современных высокотехнологичных способов подделки оттисков печатей и штампов в документах в настоящее время отсутствует.

Известно, что в удостоверительных целях используются преимущественно плоские оттиски, состоящие из окрашенных реквизитов, нанесённых непосредственно на основу документов². К устройствам, предназначенным для

нанесения данных оттисков, относятся печати (простые и гербовые, круглые и иной формы), а также штампы (прямоугольные рамочные, безрамочные и угловые)³. Несмотря на то, что с юридической точки зрения печати и штампы имеют различную удостоверительную значимость, конструктивно они устроены одинаково и представляют собой оснастку, с которой скреплена печатная форма⁴. Как правило, сегодня это или форма высокой печати, или краскозаполненная форма трафаретной печати. Поэтому далее в тексте будут использоваться термины «печать» и «оттиск печати», смысл которых будет распространяться также на штампы и их оттиски.

В настоящее время известно множество способов подделки оттисков печатей на документах [6; 7]. Все они отображают технологические особенности и техническую оснащённость того времени, в котором они были придуманы и активно применялись⁵. Наше время характеризуется постепенным удешевлением технических средств и технологий в области организационной техники и штемпельного производства. Развитие современных технических средств и технологий вытеснило исторические низкотехнологичные способы подделки оттисков печатей в документах и свело успех подделки оттисков печатей к степени технического оснащения

пов), изготовленных по новым технологиям. – Москва: ЭКЦ МВД России, 1999. – С. 24.

³ Твёрдый полимер на металлической основе [Электронный ресурс] // Сайт «Экспокамера». – URL: http://www.expokamera.ru/polymer_technology.php (дата обращения: 22.02.2020 г.).

⁴ Технико-криминалистическая экспертиза документов : учебник / под ред. А. А. Проткина. – Москва: Юрилинформ, 2017. – С. 109.

⁵ Криминалистическое исследование документов : учебное пособие / под ред. М. В. Бобовкина, А. А. Проткина; изд., перераб. и доп. – Москва: ДГСК МВД России, 2014. – С. 157.

¹ Флеш-технология изготовления печатей и штампов [Электронный ресурс] // Сайт «Печати-М». – URL: http://www.pechati-m.ru/technology_flash.php (дата обращения: 02.03.2020).

² Сафроненко Т. И. Криминалистическое исследование удостоверительных печатных форм (печатей и штам-

подделывателя и навыков его владения современными технологиями в сфере организационной техники и штемпельного производства. Это, с одной стороны, увеличило качество подделки оттисков печатей (с точки зрения восприятия подделки невооружённым глазом), а с другой стороны, снизило разнообразие подделки до способов, обеспеченных современными распространёнными технологиями репрографической печати и технологиями производства печатных форм для печатей и штампов [8]. При этом сам принцип современной высокотехнологичной подделки оттисков в документах заключается в моделировании. Это может быть физическое моделирование непосредственно печатной формы с помощью стандартных самонаборных комплектов и последующего нанесения полученной печатной формой поддельных оттисков. Или это может быть виртуальное моделирование цифрового образа поддельного оттиска с помощью компьютерных технологий и последующего использования полученного цифрового образа либо для имитации оттисков непосредственно в документах путём распечатки их с помощью репрографической техники, либо для изготовления на основе полученного цифрового образа поддельных печатных форм с помощью современных технологий штемпельного производства.

Физическое моделирование печатных форм по оттискам печатей. Физическое моделирование печатных форм является более примитивным и производится с использованием комплектов самонаборных печатей, которые сами по себе являются продукцией высокотехнологичного производства. Сущность физического моделирования печатной формы заключается в подборке подходящего самонаборного комплекта и его использования для сборки печатной

Рис. 1. Комплект самонаборного штампа с механической оснасткой

формы по оттиску подлинной печати, ориентируясь на его общие признаки [4, с. 77; 5, с. 160].

Особенность самонаборной печатной формы заключается в её конструкции, которая представляет собой совокупность элементарных взаимозаменяемых печатных форм, закреплённых на направляющих выступах основы – текстовой платы (рис. 1).

Количество и длина направляющих выступов определяют максимальное количество строк печати или штампа, а также максимальное количество знаков в строке. Элементарные печатные формы скрепляются с текстовой платой за счёт трения при помощи замков. При этом встречаются две разновидности касс символов: с одним замком крепления и с двумя замками (рис. 2).

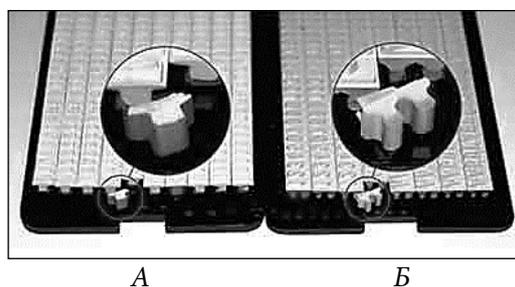

Рис. 2. А – однозамковая («Old»); Б – двухзамковая («Express») системы крепления

Они не взаимозаменяемы. Кассы и системы с П-образными (двойными) замками имеют обозначение «Old». Однозамковые кассы и системы имеют обозначение «Express». Содержание самонаборной печатной формы жестко привязано к предложенной основе (текстовой плате) и кассе знаков. Стандартная основа печати имеет ограничения по сложности конструкции (1; 1,5; 2 ряда по окружности, 1–3 строки в центре – в зависимости от размера), а также по максимальному количеству символов, которые можно разместить в одной строке. В наборе обычно представлены символы одного-двух размеров и одной-двух гарнитур. Обода являются неотъемлемой частью конструкции основы и также отличаются простотой, хотя и могут нести на себе микротексты. К особенностям относятся также размеры текстовых плат для изготовления печатей, которые также ограничены и привязаны к определенным стандартам (диаметр 30, 40, 42 мм). В результате составления получается печатная форма, которая оставляет оттиски, отличающиеся простотой графического содержания и упрощённой конфигурацией отдельных знаков⁶.

⁶ Флеш-технология изготовления печатей и штампов [Электронный ресурс] // Сайт «Печати-М». – URL: <http://>

Особенностью оттисков самонаборных печатей, бросающейся в глаза, является совпадающий «шаг» расположения знаков одной гарнитуры и ограниченное использование количества гарнитур шрифта при одном или двух размерах шрифта (рис. 3).

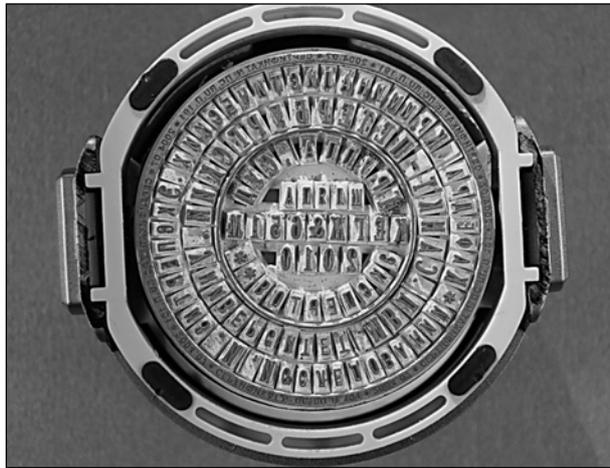

Рис 3. Самонаборная форма высокой печати, состоящая из элементарных печатных форм в виде знаков и символов

Оттиски печатей, нанесённые самонаборными печатными формами, характеризуются следующим комплексом признаков⁷:

- извилистые края штрихов;
- утолщение красочного слоя по краям отдельных штрихов;
- округлость угловых элементов знаков;
- наличие горизонтальных и радиальных смещений отдельных знаков;
- совпадающая ширина знаков одной гарнитуры;
- совпадающий шаг размещения знаков в одной гарнитуре;
- упрощённые гарнитуры знаков.

Компьютерное моделирование цифровых образов оттисков по оттискам печатей. Компьютерное моделирование цифровых образов оттисков по оттискам печатей в итоге даёт промежуточный виртуальный продукт, который может быть использован непосредственно для имитации в документах поддельных оттисков путём их распечатки с помощью репрографических знаковосинтезирующих печатающих устройств [4; 5, с. 112], или может быть использован как оригинал-макет для последующего изготовления с

него поддельных печатных форм с помощью современных, широко применяемых технологий штемпельного производства – лазерного гравирования по резине, фотополимерной и Flash-технологии.

Компьютерное моделирование цифрового образа оттиска по оттиску печати с реального документа может производиться по следующим двум направлениям.

Первое, наиболее простое направление, предусматривает сканирование требуемого оттиска (или похожего на требуемый) с подлинного документа и последующую доработку полученного цифрового образа оттиска в графических редакторах. В процессе доработки цифрового образа оттиска производится удаление ненужных реквизитов документа, которые были отсканированы заодно с оттиском, и дорисовка слабо или нечётко отобразившихся реквизитов самого оттиска (рис. 4).

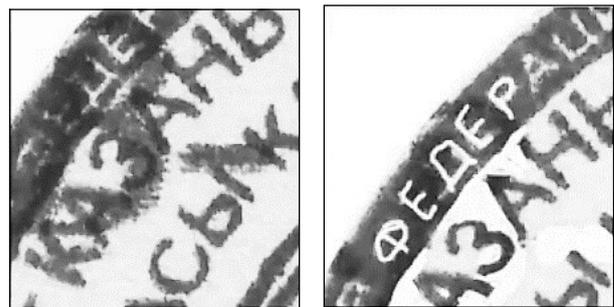

Рис 4. Изображения фрагментов отсканированного оттиска печати, слева – исходное, справа доработанное в графическом редакторе

Оригинал-макет, полученный в процессе компьютерного моделирования цифрового образа оттиска по первому направлению, представляет виртуальное полутоновое изображение оттиска, не обладающее высоким качеством и несущее в себе дефекты, отражающие особенности слеодообразования при нанесении подлинного оттиска-оригинала, и дефекты, полученные в результате ошибок при доработке первичного изображения оттиска в графическом редакторе. Если на основе данного оригинал-макета попытаться изготовить печатную форму по одной из современных технологий штемпельного производства, то качество оттисков, наносимых такой печатной формой, должно быть заведомо хуже, чем качество взятого за основу исходного оттиска-оригинала. Это обусловлено тем, что к перечисленным выше дефектам, вносимым в оригинал-макет в ходе его сканирования и доработки,

www.pechati-m.ru/technology_flash.php (дата обращения: 02.03.2020).

⁷ Твёрдый полимер на металлической основе [Электронный ресурс] // Сайт «Экспокамера». – URL: http://www.expokamera.ru/polymer_technology.php (дата обращения: 22.02.2020 г.).

добавятся и дефекты, обусловленные технологическими особенностями производства печатной формы.

Таким образом, оригинал-макет, полученный в процессе компьютерного моделирования цифрового образа оттиска по первому направлению, наиболее эффективно может быть использован для имитации оттиска печати в поддельном документе с помощью репрографических знаковсинтезирующих печатающих устройств, из которых наиболее распространёнными в настоящее время являются капельно-струйные и электрофотографические печатающие устройства. При этом наиболее близкими по восприятию (невооружённым глазом) к первичному оттиску оригиналу будут имитированные оттиски, распечатанные с помощью капельно-струйных печатающих устройств, особенно, если их картриджи будут заправлены специально подобранным по цвету красящим веществом или непосредственно штемпельной краской. Второе, более квалифицированное направление, предусматривает использование для компьютерного моделирования цифрового образа оттиска компьютерных программ, специально предназначенных для электронной вёрстки оригинал-макетов оттисков. В настоящее время широко распространены такие программы для создания оригинал-макетов оттисков, как «Stamp 0.85», «Master Stamp 1.1» «Corel Draw Graphics Suite 2017 19.1.0.434» и другие. С помощью подобных программ возможно создать качественный штриховой оригинал-макет оттиска как «с чистого листа», без вспомогательного образца, так и по отсканированному оттиску. Если в качестве шаблона используется отсканированный оттиск, то оригинал макет оттиска может быть сделан очень приближённым к исходному оттиску-оригиналу (рис. 5).

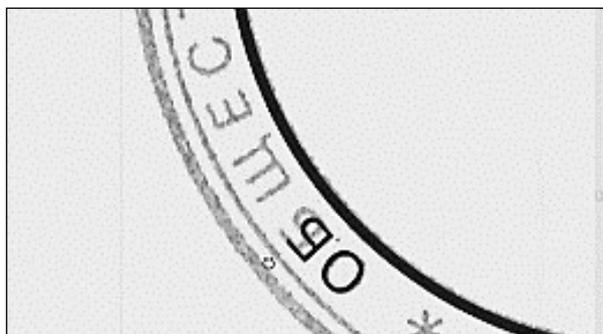

Рис 5. Компьютерная вёрстка оригинал-макета оттиска по отсканированному оттиску

Изготовление поддельных печатных форм по цифровым оригинал-макетам оттисков, полученных в процессе компьютерного моделиро-

вания. С помощью полученного оригинал-макета поддельная печать может быть изготовлена по любой современной технологии: непосредственно из электронного оригинал-макета – по технологии лазерного гравирования по резине; из распечатанного оригинал-макета в виде негатива – по фотополимерной технологии; из распечатанного оригинал-макета в виде позитива – по Flash-технологии.

Принцип лазерного гравирования по резине заключается в том, что в результате обработки резины в специальном устройстве – лазерном гравере барабанного или планшетного типа, сфокусированным пучком лазерного излучения на поверхности печатной формы выжигаются пробельные элементы.

Пучок мощностью около 40 ватт фокусируется в круглое пятно диаметром до 70 микрон. В результате, при попадании на резину, температура в точке фокусировки достигает нескольких тысяч градусов и резина моментально сгорает. Процесс горения происходит только в канале лазерного пучка, в связи с чем ширина разреза не превышает 70-100 микрон. Такая точность обработки дает возможность гравировать на резине очень мелкие особенности изображения.

Процесс гравирования управляется компьютером, который в соответствии с электронным макетом синхронизирует включение и выключение лазера с поступательными движениями планшета или вращательными и поступательными движениями барабана лазерного гравера.

После завершения гравирования готовую печатную форму извлекают из лазерного гравера, промывают с моющим средством от сажи, наклеивают на ручку или штемпельный блок оснастки и используют для нанесения оттисков.

Печатные формы, изготовленные способом лазерного гравирования по резине, характеризуются наличием относительно ровного дна, на котором просматривается множество параллельно расположенных узких полос – следов воздействия лазерного луча (рис. 6).

Оттиски, нанесённые печатными формами, изготовленными способом лазерного гравирования по резине, будут характеризоваться такими признаками, как выраженность угловых элементов знаков; относительно ровные края прямолинейных штрихов знаков; одинаковая форма и размеры симметричных элементов знаков; возможное наличие микротекстов и сложных микрореквизитов; утолщение красочного слоя по краям отдельных штрихов.

Для изготовления печатных форм по фотополимерной технологии используются жидкие

Рис 6. Печатная форма, изготовленная способом лазерного гравирования по резине

фотополимеры, которые под действием ультрафиолетовых лучей полимеризуются и теряют растворимость в воде. Процесс производства состоит из следующих этапов: 1) создание электронного макета; 2) изготовление фотоформы (негатива); 3) подготовка сборки для экспонирования; 4) экспонирование в ультрафиолетовых лучах; 5) очистка пробельных элементов; 6) дополнительная обработка [1; 3, с. 108].

Фотоформа изготавливается путём распечатки с помощью электрофотографического принтера файла электронного макета в виде негатива на плёночном материале, пропускающим ультрафиолетовые лучи. Для повышения качества будущей печатной формы распечатанный негатив обрабатывается аэрозольным затемнителем, который повышает оптическую плотность его тёмных участков и препятствует проникновению через них ультрафиолетовых лучей. На негатив накладывается защитно-разделительная пленка.

Обработанный негатив помещается на ровную поверхность и по периметру изображения реквизитов печатной формы, отступя от его краёв на расстояние 4-6 мм, наклеивается липкая бордюрная лента, которая образует ограниченный объём, препятствующий растеканию полимера. В образовавшийся объём наливается жидкий фотополимер, после чего этот объём закрывается прозрачной плёнкой. Полученная сборка вкладывается в копировальную кассету, представляющую собой два полированных стекла с пластиковыми ограничителями по углам, сходными по высоте с высотой бордюрной ленты, зажимается стеклами и помещается в экспонирующую камеру. Эк-

спонирующая камера представляет собой металлический чемодан, в котором имеется таймер и источник ультрафиолетового света. Подготовленная сборка, зажатая между двумя стёклами, размещается в экспонирующей камере таким образом, чтобы негатив был обращён вниз, ко дну камеры, а прозрачная плёнка обращена к источнику ультрафиолетового света. То есть сначала производится экспонирование основы будущей печатной формы, а затем экспонирование её печатающих элементов.

Далее выставляется необходимое время и производится первое экспонирование со стороны основы печатной формы. После чего сборка переворачивается печатающими элементами к источнику ультрафиолетового света и производится второе экспонирование. На участках, где ультрафиолетовый свет попал на фотополимер, происходит полимеризация материала и эти участки затвердевают и становятся нерастворимыми в горячей воде.

После экспонирования сборка разбирается и из неё осторожно, чтобы не повредить печатающие элементы, извлекается готовая печатная форма. Незатвердевший полимер смывается при помощи щетки средней жёсткости и моющего средства в проточной теплой воде.

Хорошо промытая форма помещается в кювету с водой и ставится в экспонирующую камеру для окончательной засветки (дублирования), которая придаёт печатной форме более высокие прочностные свойства. Для этого печатная форма подвергается засветке ультрафиолетовыми лучами в течение 7-10 минут, после чего печатная форма высушивается, обрезается по периметру, наклеивается на оснастку и используется для нанесения оттисков.

Печатные формы, изготовленные по фотополимерной технологии, характеризуются относительно ровным дном, полупрозрачным материалом, скруглением (оплавленностью) угловых элементов, высокой эластичностью и невысокой прочностью материала (рис. 7).

Оттиски, нанесённые печатными формами, изготовленными по фотополимерной технологии, будут характеризоваться такими признаками, как извилистые края штрихов знаков; округлость угловых элементов отдельных знаков; различные размеры симметричных элементов отдельных знаков; утолщение красочного слоя по краям отдельных штрихов.

Для изготовления печатных форм по Flash-технологии используется специально предназначенная для этого термочувствительная пористая резина. В процессе изготовления пе-

Рис 7. Форма высокой печати, изготовленная по фотополимерной технологии

чатной формы поры резины, расположенные на пробельных элементах, запекают во Flash-установке, используя тепловую энергию лампы-вспышки. На запекаемую поверхность для усиления теплового воздействия накладывают специальную термочувствительную углеродную пленку.

Принцип разделения печатающих и пробельных элементов на данных печатных формах обусловлен наличием пор на печатающих элементах и их отсутствием на пробельных элементах.

При таких условиях создаётся возможность диффузии красящего вещества из толщи материала формы через печатающие элементы и невозможность диффузии через пробельные элементы, то есть, по сути дела, печатная форма, изготовленная по Flash-технологии, является формой трафаретной печати.

Процесс производства состоит из следующих этапов: 1) создание электронного макета; 2) изготовление фотоформы (позитива); 3) монтаж заготовки; 4) экспонирование; 5) монтаж печатной формы в оснастку; 6) наполнение печатной формы чернилами [10].

Фотоформа изготавливается путём распечатки с помощью электрофотографического принтера файла электронного макета в виде позитива на плёночном материале. Для повышения качества будущей печатной формы распечатанный позитив обрабатывается аэрозольным затемнителем.

Далее собирается заготовка, состоящая из куска термочувствительной микропористой резины, распечатанной фотоформы (позитива) и углеродной плёнки. При этом углеродная плён-

ка помещается на резину, а фотоформа на углеродную плёнку. Заготовка прикрепляется скотчем к монтажному столику Flash-установки.

Принцип технологии изготовления основан на выборочном оплавлении пор термочувствительной микропористой резины под воздействием энергии света лампы-вспышки, преобразованной в тепловую энергию с помощью углеродной плёнки [9]. Участки углеродной плёнки, которые прилегают к участкам пробельных элементов будущей печатной формы, в процессе засветки лампой-вспышкой в Flash-установке нагреваются примерно до 75°C и, контактируя с поверхностью микропористой резины, оплавливают её и закрывают поверхностные поры. Участки резины, экранированные распечатанными реквизитами фотоформы, тепловому воздействию не подвергаются и превращаются в печатающие элементы. Поры на печатающих элементах остаются открытыми. После изготовления печатная форма насыщается красителем, прикрепляется к оснастке и используется для нанесения оттисков.

Печатные формы, изготовленные по Flash-технологии, характеризуются ровным и гладким дном, наличием пористых печатающих элементов, возвышающихся незначительно (на доли миллиметра), насыщенностью печатающих элементов красителем, отсутствием необходимости окрашивать печатную форму перед нанесением оттисков (рис. 8).

Рис 8. Форма трафаретной печати, изготовленная по Flash-технологии

Оттиски, нанесённые печатными формами, изготовленными способом лазерного гравирования по резине, будут характеризоваться такими признаками, как нечёткие края штрихов; равномерное распределение красящего вещества в

штрихах; расплывы красящего вещества по краям отдельных штрихов; отсутствие утолщения красочного слоя по краям штрихов.

Многоэтапность процесса моделирования печатной формы по оттиску является причиной того, что на каждом из этапов изготовления в будущую печатную форму вносятся индивидуальные особенности, отличающие реквизиты оттиска, нанесенного смоделированной печатью, от реквизитов исходного оригинала оттиска.

В конечном итоге при моделировании печатной формы по исходному оттиску-оригиналу с использованием той же самой технологии изготовления печатной формы, по которой была изготовлена исходная печатная форма, между исходным оттиском-оригиналом и оттиском, нанесённым смоделированной печатью, могут быть установлены различия в: расположении реквизитов; наличии и расположении дефектов на пробельных участках; диаметрах ободов; ширине штрихов; конфигурации элементов знаков.

Справедливо будет предположить, что если смоделированная по оттиску печатная форма будет изготовлена по технологии, отлич-

ной от технологии изготовления печатной формы, которой нанесен исходный оттиск, то различий между исходным и вторичным оттиском будет ещё больше.

Таким образом, установление поддельных оттисков, нанесённых печатными формами, смоделированными по подлинным оттискам, нельзя считать нерешаемой задачей в ходе их технико-криминалистического исследования.

Динамика развития науки и техники ежегодно вносит свои изменения в различные сферы человеческой деятельности, связанные с делопроизводством и документооборотом. Удешевляются и становятся доступнее современные технологии изготовления печатных форм для печатей и штампов. Вместе с тем возрастает и качество оттисков, нанесённых поддельными печатями, изготовленными по современным технологиям путём моделирования по оттиску [2]. Бытовало мнение, что оттиски, нанесённые данными печатями, будет невозможно отличить от оттисков, нанесённых подлинными печатями, однако практика и эксперименты показывают, что есть устойчивые признаки, которые могут быть использованы для выявления подделки.

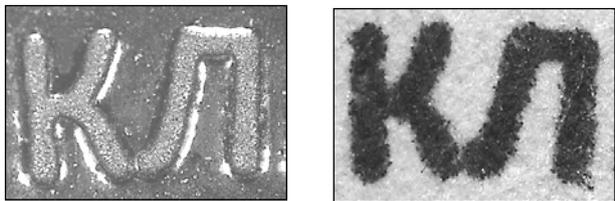

Рис 9. Вид фрагментов печатной формы, изготовленной по Flash-технологии, и её оттиска, использованного в качестве оттиска-оригинала

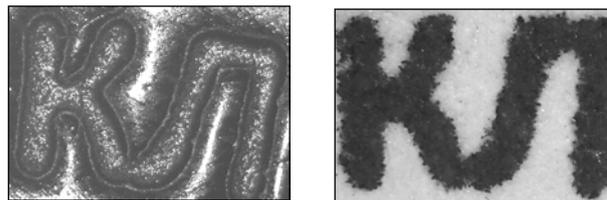

Рис 10. Вид фрагментов печатной формы, изготовленной по Flash-технологии, и её оттиска. Данная печатная форма смоделирована по оттиску-оригиналу (см. рис. 9). При внешней схожести реквизитов – гарнитуры знаков, слиянии знаков, заметны различия в конфигурации элементов знаков, отображающиеся в оттисках

Список литературы

1. Аюпова З. Н. Установление способов совершения преступлений, связанных с подделкой подакцизной продукции, как элемент криминалистической характеристики // Судебная экспертиза Беларуси. – 2019. – № 2 (9). – С. 9–15.
2. Баранова Н. Н., Никифорова К. С. Выявление признаков подделки документов / Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Саранск: ООО «ЮрЭксПрактик», 2019. – С. 25–28.
3. Ефименко А. В., Финогенов В. Ф. Информационное обеспечение криминалистического исследования оттисков красконаполненных печатей // Информационная безопасность регионов. – 2011. – № 1 (8). – С. 106–112.
4. Ефименко А. В. Исследование имитированных оттисков печатей и штампов // Информационная безопасность регионов. – 2010. – № 1 (6). – С. 79–84.
5. Ефименко А. В. Некоторые особенности криминалистического исследования оттисков стереотипных клише, изготовленных на основе полимерных композиций // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 8. – С. 143–178.

6. Казакова С. Е., Шинкарук В. М. Влияние разновидностей принципов печатных процессов при высокой печати на появление диагностических признаков в оттисках полиграфической продукции (на примере печати типоофсетом) // Эксперт-криминалист. – 2019. – № 4. – С. 23–24.

7. Козлов В. Л., Козлова Н. В. Анализ степени старения и дефектов оттисков печатей и штампов на основе построения карты корреляции / Прикладные проблемы оптики, информатики, радиофизики и физики конденсированного состояния : материалы IV Международной научно-практической конференции. – Минск: Институт прикладных физических проблем имени А. Н. Севченко, 2017. – С. 175–177.

8. Скрипченко А. В. Трансформация способов технической подделки подписи в современных условиях / Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 437–446.

9. Усков И. Н. О проблеме отсутствия методического обеспечения решения экспертных задач, ставящихся в отношении изображений оттисков печатей и штампов в копиях документов / Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VII Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 509–512.

10. Шведова Н. Н., Задоров А. Г. Особенности исследования оттисков печатей, изготовленных фотополимерным способом // Судебная экспертиза. – 2007. – Вып. 2. – С. 73–74.

References

1. Аупова З. Н. Ustanovlenie sposobov soversheniya prestuplenij, svyazannyh s poddelkoj podakciznoj produkcii, kak element kriminalisticheskoy harakteristiki // Sudebnaya ekspertiza Belarusi. – 2019. – № 2 (9). – С. 9–15.

2. Baranova N. N., Nikiforova K. S. Vyyavleniye priznakov poddelki dokumentov / Gosudarstvo i obshchestvo: aktual'nyye voprosy vzaimodeystviya : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Saransk: ООО «YurEksPraktik», 2019. – С. 25–28.

3. Efimenko A. V., Finogenov V. F. Informacionnoe obespechenie kriminalisticheskogo issledovaniya ottiskov kraskonapolnennyh pechatej // Informacionnaya bezopasnost' regionov. – 2011. – № 1 (8). – С. 106–112.

4. Efimenko A. V. Issledovanie imitirovannyh ottiskov pechatej i shtampov // Informacionnaya bezopasnost' regionov. – 2010. – № 1 (6). – С. 79–84.

5. Efimenko A. V. Nekotorye osobennosti kriminalisticheskogo issledovaniya ottiskov stereotipnyh klishe, izgotovlennyh na osnove polimernyh kompozicij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 8. – С. 143–178.

6. Kazakova S. E., Shinkaruk V. M. Vliyanie raznovidnostej principov pechatnyh processov pri vysokoj pechati na poyavlenie diagnosticheskikh priznakov v ottiskah poligraficheskoy produkcii (na primere pechati tipoofofsetom) // Ekspert-kriminalist. – 2019. – № 4. – С. 23–24.

7. Kozlov V. L., Kozlova N. V. Analiz stepeni stareniya i defektov ottiskov pechatej i shtampov na osnove postroyeniya karty korrelyatsii / Prikladnyye problemy optiki, informatiki, radiofiziki i fiziki kondensirovannogo sostoyaniya : materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Minsk: Institut prikladnykh fizicheskikh problem imeni A. N. Sevchenko, 2017. – С. 175–177.

8. Skripchenko A. V. Transformaciya sposobov tekhnicheskoy poddelki podpisi v sovremennyh usloviyah / Sudebnaya ekspertiza: proshloe, nastoyashchee i vzglyad v budushchee. : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2019. – С. 437–446.

9. Uskov I. N. O probleme otsutstviya metodicheskogo obespecheniya resheniya ekspertnykh zadach, stavyashchikhsya v otnoshenii izobrazheniy ottiskov pechatej i shtampov v kopiyakh dokumentov / Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v sovremennykh usloviyakh : materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva: RG-Press, 2019. – С. 509–512.

10. Shvedova N. N., Zadorov A. G. Osobennosti issledovaniya ottiskov pechatej, izgotovlennyh fotopolimernym sposobom // Sudebnaya ekspertiza. – 2007. – Вып. 2. – С. 73–74.

УДК: 343.98

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-179-184

Б. В. Ширшов

Волгоградская академия МВД России

Российская Федерация, 400089, Волгоград, ул Историческая д. 130

ORCID: 0000-0001-8454-6593. E-mail: boris.shirshov2016@yandex.ru

Особенности криминалистической тактики в системе научного знания и её связь с другими разделами криминалистики

Аннотация: *Актуальность темы исследования.* Криминалистическая тактика, представляющая собой систему специальных научных положений, призвана оптимизировать следственную деятельность в отношении применения средств и методов расследования преступлений. Среди множества теоретико-методологических вопросов как криминалистики, так и её разделов на современном этапе актуальным видится вопрос о понятии и содержании криминалистической тактики в системе научного знания. *Постановка проблемы.* Представленная структура и основа понятия криминалистической тактики как рекомендаций ограничивает её предметную область и не учитывает тесную связь с другими разделами криминалистики. *Цель исследования.* В целях правильного определения роли и места криминалистической тактики в системе научного знания необходимо подробно рассмотреть её связь с другими разделами криминалистики, в том числе и с иными смежными общественными науками. *Методы исследования.* Методология исследования представлена аналитическими методами, эмпирическими методами сравнения, описания и интерпретации, методами анализа и синтеза, индукции и дедукции. *Ключевые выводы и рекомендации.* Криминалистическая тактика включает в себя общие рекомендации расследуемого преступления, её положения не связаны с подробностями того или иного противозаконного действия, однако имеют тесную взаимосвязь с другими разделами криминалистики и другими науками, такими как уголовное право, уголовно-процессуальное право и др. Данная связь носит не односторонний характер, положения одного раздела влияют на развитие положений других научных знаний. Таким образом, в настоящее время особую важность приобретает вопрос расширения предметной области и возможностей криминалистической тактики с учётом её общих положений, влияния частных научных теорий криминалистики и основных аспектов её тесной взаимосвязи с другими науками.

Ключевые слова: расследование преступления, следственное действие, криминалистика, криминалистическая тактика, криминалистическая техника, криминалистическая методика.

Для цитирования: Ширшов Б. В. Особенности криминалистической тактики в системе научного знания и её связь с другими разделами криминалистики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 179–184. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-179-184.

Boris V. Shirshov

Volgograd Academy of the of the MIA of Russia

130, Istoricheskaya str., Volgograd, 400089, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8454-6593. E-mail: boris.shirshov2016@yandex.ru

Features of criminalistic tactics in the system of scientific knowledge and its relationship with other units of criminalistics

Annotation: *The topicality of the research problem.* Criminalistic tactics to be a system of special scientific statements is designed to optimize investigative activity related to applying means and methods of crime investigation. At the present stage among many theoretical and methodological issues concerning both criminalistics and its units, the question of the concept and content of criminalistic tactics in the system of scientific knowledge is said to be relevant. *The research problem definition.* The presented structure and the

basis of the concept of criminalistic tactics as recommendations limits its subject sphere and does not take into account its close relationship with other units of criminalistics. *The research aim.* To determine correctly the role and place of criminalistic tactics in the system of scientific knowledge it is necessary to consider in detail the relationship of the latter with its other units, including other interdisciplinary social sciences. *The research methods.* The research methodology is delivered by analytical methods, empirical methods of comparison, description and interpretation, methods of analysis and synthesis, methods of induction and deduction. *The key conclusions and recommendations.* Criminalistic tactics includes general recommendations of the crime to be investigated; its statements are not related to the details of a particular illegal action. However, the statements and methods of criminalistic tactics are closely connected with other units of criminalistics and other sciences, such as Criminal Law, Criminal Procedure Law, etc. This relationship is not of one-side character as the statements of one unit influence development of the statements of other scientific knowledge. Thus, at present the issue of expanding the subject area and the possibilities of criminalistic tactics is of great importance, taking into account its general principles, influence of individual scientific theories of criminalistics and the main aspects of the close relationship of the latter with other sciences.

Keywords: crime investigation, investigative action, criminalistics, criminalistic tactics, criminal investigation technique, criminalistic methodology.

For citation: Shirshov B. V. Features of criminalistic tactics in the system of scientific knowledge and its relationship with other units of criminalistics // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 179–184. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-179-184.

Введение

В настоящее время криминалистическая тактика как общая система расследования преступлений занимает центральное место в криминалистике. Ввиду отсутствия общепринятого определения понятия «криминалистическая тактика» в научной литературе ведутся дискуссии в отношении её роли в системе научного знания, толкования её целей, структуры и задач.

В современных исследованиях мнение о роли криминалистической тактики как определённой системы рекомендаций о целесообразности применения того или иного приёма в процессе расследования преступления имеет сегодня преобладающее значение. В свою очередь, тактическая рекомендация является своего рода действенным советом по определению оптимального способа реализации средств и методов расследования в разного рода специфических ситуациях, возникающих в практике предупреждения и раскрытия преступлений.

Однако представленная основа понятия криминалистической тактики как рекомендации о наиболее целесообразных действиях следствия в тех или иных ситуациях не вполне точна.

В целях правильного определения роли и места криминалистической тактики в системе научного знания необходимо учитывать её связь с другими разделами криминалистики.

Таким образом, среди множества теоретико-методологических вопросов криминалистики остановимся на исследовании актуального вопроса о понятии и содержании криминалистической тактики в системе научного знания.

Описание исследования

Криминалистическая тактика представлена разделами: общие положения и тактика отдельных следственных действий.

Содержательную характеристику понятия криминалистической тактики представляет определение И. О. Тюниса. По его словам, «это раздел криминалистики, представляющий собой систему научных положений и разработанных на их основе рекомендаций по организации и планированию расследования и судебного разбирательства, определению поведения лиц, осуществляющих доказывание, а также проведению отдельных следственных действий»¹.

Аналогично данному суждению представляет определение В. Я. Карлов, устанавливая, что содержание криминалистической тактики включает «систему научных положений и рекомендаций по организации и планированию расследования и тактике проведения отдельных следственных действий, направленных на соби- рание и исследование доказательств по уголовным делам»².

В целом в отношении содержания понятия криминалистической тактики наблюдается явное ограничение прикладной области целесообразности. Функциями собирания и исследования доказательств обращение с фактическими сведениями не ограничивается, не любая тактически значимая информация представлена доказательствами.

Таким образом, криминалистическая тактика является собой прежде всего способ следственных действий, принимаемый к учёту в определённых ситуациях, возникающих в ходе расследования преступления [1]. С точки зрения практики получается, что зачастую не сле-

¹ Тюнис И. О. Криминалистика: учебное пособие / 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Университет «Синергия», 2020. – С. 11.

² Карлов В. Я. Криминалистическая тактика: учеб. пособие для бакалавров. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – С. 3.

дователь выбирает тот или иной приём, а сама ситуация направляет следователя и устанавливает конкретный способ действий согласно положениям криминалистической тактики.

По целеполаганию криминалистическая тактика во многом повторяет предметное приложение познавательного потенциала криминалистики [2]. Так, цели криминалистической тактики можно представить как быстрое и полное раскрытие преступных действий, установление истины в решении задачи обеспечения объективного справедливого приговора суда. Исследуя элементы тактико-криминалистического обеспечения, Л. Е. Чистова отмечает, что «именно криминалистическая тактика даёт знания о том, какие доказательства могут быть получены при производстве конкретного следственного действия; возможности сочетания следственных действий таким образом, чтобы каждое последующее логически вытекало из предыдущего» [3, с. 120].

Анализ содержания криминалистической тактики позволяет выделить несколько её основных задач: разработка рекомендаций по организации, планированию расследования и проверке следственных версий; разработка тактических приёмов подготовки и реализации тактических операций, а также отдельных следственных (судебных) действий; разработка рекомендаций применения специальных знаний при производстве следственных и судебных действий.

Помимо целей и задач криминалистической тактики, суть её содержания отражается во взаимосвязи с другими разделами криминалистики, такими как криминалистическая техника и криминалистическая методика³.

Связь криминалистической тактики и криминалистической техники выражается в том, что положения криминалистической тактики указывают, при каких следственных действиях целесообразно применять технические средства и методы. Криминалистическая тактика содержит правила и рекомендации, позволяющие рационально использовать на практике расследования отдельных видов преступлений специфические технико-криминалистические приборы.

Таким образом, криминалистическая техника включает в себя «с одной стороны, определённую совокупность приборов, оборудования, технических приспособлений и материалов, с другой – систему методических рекомендаций по использованию этих средств в решении криминалистических задач»⁴.

В рамках уголовно-процессуальной деятельности в качестве субъектов использования криминалистических средств, приёмов и методов выступают профессиональные участники уголовного судопроизводства, осуществляющие свои полномочия и функции, предусмотренные уголовно-процессуальным законом [4].

Следует отметить, что отдельные тактические приёмы, а также и в целом вся тактика осуществления того или иного следственного действия подвержена изменениям в зависимости от специфики использования различных средств криминалистической техники [5]. Ввиду использования новых сведений других научных знаний, в особенности при изменениях положений законодательства, рекомендации раздела криминалистической тактики будут также подвержены изменениям в отношении появления новых тактических приёмов или внесения соответствующих корректировок в существующие. Подобные обстоятельства зачастую способствуют появлению новых технических приспособлений, приборов и материалов или новых рекомендаций по их применению, подходящих для реализации следственных действий в новых условиях.

Связь криминалистической тактики с криминалистической методикой заключается в том, что положения тактики невозможны к реализации на практике без соответствующей криминалистической методики расследования преступлений, отражающей приспособление данных положений к условиям и особенностям противодействия конкретному виду преступления.

Методика расследования преступлений представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по предотвращению противозаконных действий и организации расследования отдельных видов и групп преступлений [6]. В качестве основной задачи криминалистической методики выступает обеспечение всех участников следственных действий методическими знаниями об основных аспектах расследования любых преступных действий. Перед криминалистической методикой также нередко становится задача разработки новых методических приёмов и предложений либо внесения поправок в уже существующие, что зависит от изменений уголовного законодательства и процедур уголовного судопроизводства.

Исследуя связь данных разделов криминалистики, следует отметить, что воздействие криминалистической методики на криминалистическую тактику зачастую вызывает изменения в отношении раздела и криминалистической техники. Так, подобные обстоятельства вызывают изменения во всей системе работы с доказательствами по уголовным делам. В целом такое взаимодействие разделов криминалистики между

³ Бессонов А. А. Криминалистическая тактика: учебник. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – С. 112

⁴ Тюнис И. О. Криминалистика: учебное пособие / 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Университет «Синергия», 2020. – С. 11.

собой призвано решать задачи оптимального направления использования тактических приёмов, методов, технических приспособлений и других средств, изучаемых в рамках науки криминалистики.

В достижении цели исследования содержания криминалистической тактики в системе научного знания важно отметить её связь и с другими науками, с которыми связана криминалистика в целом.

В первую очередь отметим, что криминалистическая тактика как раздел криминалистики тесно взаимодействует с уголовным правом и уголовно-процессуальным правом.

Влияние уголовного права заключается в том, что положения уголовного закона выступают источником для формирования рекомендаций и установок криминалистической тактики. Разработка положений данного раздела прежде всего основывается на принципах законности, справедливости, основания уголовной ответственности.

Связь криминалистической тактики и уголовно-процессуального права заключается в том, что разработка положений криминалистической тактики обязана принимать к учёту процессуальные нормы борьбы с преступной деятельностью. Также результаты разработок положений криминалистической тактики обязаны представляться в соответствии с принципом их допустимости в уголовном судопроизводстве. Таким образом, складывается следующая взаимосвязь: уголовно-процессуальное право направленно на разработку процедур процессуальных действий, а криминалистическая тактика призвана обеспечивать их эффективность с помощью оптимальных рекомендаций, направленных на организацию расследования и судебного разбирательства.

В целом связь криминалистической тактики и уголовно-процессуального права заключается в оказываемом его влиянии на разрабатываемые положения криминалистической тактики. При разработке тактики следственных действий прежде всего учитываются требования уголовно-процессуального права о соблюдении прав и интересов участников уголовного судопроизводства, а также о соблюдении процессуальных гарантий.

Таким образом, «криминалистическая тактика выполняет свою роль как прикладная, вспомогательная дисциплина, обеспечивающая претворение в жизнь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных нормативных установлений»⁵.

Для определения роли криминалистической тактики в системе научного знания

⁵ Александров И. В. Криминалистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд. исправ. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – С. 211.

существенное значение отводится рассмотрению её связи с тактикой оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), реализуемых в рамках оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Связь криминалистической тактики с тактикой оперативно-розыскных мероприятий отмечает С. Н. Чурилов, выделяя, что их тесная взаимосвязь возникает при решении вопросов воспроизводства следственных действий, где широко используются возможности ОРД. Автор отмечает, что прежде всего данная связь выражается в их взаимном влиянии друг на друга – как прямом, так и обратном. Так, приёмы ОРМ находят своё отражение в криминалистической тактике в процессе разработки и совершенствования методов реализации отдельных следственных действий. В свою очередь, тактические приёмы и рекомендации криминалистической тактики имеют целью создание условий разработки основных аспектов проведения оперативно-розыскных мероприятий⁶. Как верно указывает Н. И. Крюкова, «науки криминалистика и оперативно-розыскная деятельность не только взаимодействуют между собой, но и развиваются за счёт друг друга»⁷.

Помимо рассмотренных связей криминалистической тактики с разделами криминалистики важно отметить её связь с общественными науками. Так, среди перечня различных специальных наук, на которых основывается часть положений криминалистической тактики, следует выделить этику, логику и судебную психологию.

Этика, представляющая собой науку о морали и нравственности, является руководством при разработке тактических приёмов и рекомендаций в целях правильного определения направлений действий следователя, судьи или оперативного работника. Этика как наука о системе норм и правил поведения людей создает основу для разработки положений криминалистической тактики о собирании и использовании доказательств, а также рекомендаций в отношениях между участниками судебного процесса в процессе доказывания.

Логика как нормативная наука о законах и приемах познавательной интеллектуальной деятельности принимает непосредственное участие в разработке основ криминалистической тактики при решении ряда тактических вопросов. Так, к примеру, именно логика играет важную роль при определении

⁶ Чурилов С. Н. Тактика следственных и иных процессуальных действий: практическое пособие в вопросах и ответах. – Москва: Юстициформ, 2019. – С. 104.

⁷ Крюкова Н. И. Криминалистика: учебное пособие. – Москва: Юстиция, 2019. – С. 13.

последовательности оценки доказательств и их свойств, последовательности различного рода следственных действий, использования средств фиксации оперативно-значимых для следствия сведений.

Важной научной основой криминалистической тактики являются положения судебной психологии по вопросам поведения участников следствия и деятельности субъекта доказывания. Взаимодействуя с криминалистической тактикой, положения судебной психологии не утрачивают своей сущности как науки о функционировании и развитии психики человека. Также судебной психологией исследуются основные психологические аспекты деятельности по допустимости, достоверности и использованию доказательств.

Таким образом, криминалистическая тактика имеет широкое применение на практике по борьбе с преступностью, как и другие разделы криминалистики и иные общественные науки. Практика расследования преступлений оказывает прямое влияние на совершенствование существующих и разработку новых тактических приёмов и рекомендаций, воздействует на расширение сферы применения в криминалистической тактике данных криминалистики и смежных с ней наук. Практика реализации борьбы с противоправными действиями выступает как своего рода источник развития криминалистической тактики, которая, в свою очередь, служит целям повышения эффективности этой борьбы.

Криминалистическая тактика в системе научного знания представляет собой инструментарий, направленный на целесообразное и рациональное решение задач отдельных следственных действий с учётом её тесного взаимодействия с другими науками, определяющими тенденции развития её приёмов и рекомендаций.

Заключение

Место и роль криминалистической тактики в системе научного знания определяется её тесной взаимосвязью с другими разделами криминалистики (криминалистическая техника, криминалистическая методика), а также иными смежными науками (уголовное право, уголовно-процессуальное право, оперативно-розыскная деятельность).

Кроме того, криминалистическая тактика, основываясь на положениях уголовного и уголовно-процессуального права, включая в себя общий опыт расследования преступных действий, широко применяет исследования таких специальных наук, как этика, логика и судебная психология. Научные достижения данных дисциплин способствуют обеспечению высокого уровня раскрываемости преступлений.

Криминалистическая тактика не вникает в особенности и какие-либо детали преступления, она включает в себя общие рекомендации для достижения цели раскрытия уголовного дела.

Проведённое исследование содержания криминалистической тактики позволяет сделать вывод необходимости совершенствования её приёмов и положений как раздела криминалистики. В первую очередь важно обратить внимание на расширение её предметной области, систематизации следственных действий.

На современном этапе особую важность приобретает возможность быстрой адаптации к новым правовым условиям с учётом развития как в целом науки криминалистики, так и иных, тесно связанных с ней научных знаний. В первую очередь важная роль в этом совершенствовании отводится развитию теории криминалистической тактики, что, очевидно, следует исходя из перспектив применения достижений других наук в разработке её положений и рекомендаций.

По своему содержанию криминалистическую тактику в системе научного знания целесообразно представлять в виде определённой структуры, в которую входит несколько составляющих. Во-первых, это её общие положения, которые определяют её понятие, направленность, предмет и принципы воздействия. Во-вторых, в структуре криминалистической тактики должна быть отведена роль использованию частных научных теорий криминалистики, отражающих результаты познания отдельных закономерностей в целях пополнения новыми сведениями общей теории криминалистики. Частные научные теории отражают её отдельные части в соответствии с тем или иным отдельным следственным действием. К таким частным научным теориям относятся: теория криминалистической идентификации; криминалистическое учение о навыках; теория криминалистического прогнозирования и др. В-третьих, исследование содержания криминалистической тактики продемонстрировало существенную значимость её взаимодействия с другими разделами криминалистики и иными областями знаний. В связи с этим в структуре криминалистической тактики необходимо учитывать взаимосвязи с достижениями других наук (уголовное право, уголовно-процессуальное право, оперативно-розыскная деятельность, судебная психология и др.), которые имеют значительное воздействие на разработку положений и рекомендаций криминалистической тактики, формирование тенденций её развития, и в целом оказывают ничем не заменимую помощь в исследовании вопросов рациональной организации расследования преступлений.

Список литературы

1. *Центров Е. Е.* Парадигма криминалистической тактики и её основные понятия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3. – С. 137–144.
2. *Шагимуратова З. А.* Криминалистическая тактика в свете расширения предметной области криминалистических исследований // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2 (52). – С. 164–169.
3. *Чистова Л. Е.* О некоторых элементах тактико-криминалистического обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 116–120.
4. *Цурлуй О. Ю.* Субъекты криминалистической тактики // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 2. – С. 43–48.
5. *Айвазова О. В., Коновалов С. И.* Криминалистический приём как категория современной науки криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 2-2. – С. 73–79.
6. *Латыпов А. И., Гареева Э. Р.* Система криминалистики // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – 2018. – № 1 (17). – С. 23–25.
7. *Аверьянова Т. В.* Ещё раз о криминалистической тактике и тактике защиты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 3-2. – С. 3-7.
8. *Вербля И. О.* Основы криминалистической тактики // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – 2018. – № 3 (19). – С. 437–439.
9. *Кулабов М. М.* Понятие и задачи криминалистической тактики // Молодой ученый. – 2020. – № 25 (129). – С. 483–486.
10. *Ушаков С. И.* Криминалистическая тактика: понятие, система, задачи и значение в расследовании преступлений // Молодой ученый. – 2020. – № 5 (295). – С. 234–236.

References

1. *Tsentrov Ye. Ye.* Paradigma kriminalisticheskoy taktiki i yeye osnovnyye ponyatiya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2016. – № 3. – S. 137–144.
2. *Shagimuratova Z. A.* Kriminalisticheskaya taktika v svete rasshireniya predmetnoy oblasti kriminalisticheskikh issledovaniy // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2018. – № 2 (52). – S. 164–169.
3. *Chistova L. Ye.* O nekotorykh elementakh taktiko-kriminalisticheskogo obespecheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 2. – S. 116–120.
4. *Tsurluy O. Yu.* Sub»yekty kriminalisticheskoy taktiki // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2015. – № 2. – S. 43–48.
5. *Ayvazova O. V., Konovalov S. I.* Kriminalisticheskii priyem kak kategoriya sovremennoy nauki kriminalistiki // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2016. – S.73–79.
6. *Lapytov A. I., Gareyeva E. R.* Sistema kriminalistiki // Nauchno-prakticheskii elektronnyy zhurnal Alleya Nauki. – 2018. – №1 (17). – S. 23–25.
7. *Aver'yanova T. V.* Yeshche raz o kriminalisticheskoy taktike i taktike zashchity // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. – 2016. – № 3-2. – S. 3-7.
8. *Verblya I. O.* Osnovy kriminalisticheskoy taktiki // Nauchno-prakticheskii elektronnyy zhurnal «Alleya Nauki». – 2018. – № 3 (19). – S. 437–439.
9. *Kilabov M. M.* Ponyatiye i zadachi kriminalisticheskoy taktiki // Molodoy uchenyy. – 2020. – № 25 (129). – S. 483–486.
10. *Ushakov S. I.* Kriminalisticheskaya taktika: ponyatiye, sistema, zadachi i znacheniye v rassledovanii prestupleniy // Molodoy uchenyy. – 2020. – № 5 (295). – S. 234–236.

© Ширшов Б. В., 2020

Статья поступила в редакцию 30.06.2020 г.

Административное право; административный процесс

УДК 354; 342.9

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-185-193

А. В. Равнюшкин

кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0002-3604-5070. E-mail: ravnyushkin@mail.ru

О происходящей трансформации административного права и государственного управления в России

Аннотация: Современная система государственного управления в России столкнулась с многочисленными вызовами современности. Актуальность и проблематика выражаются в том, что существующая система управления не способна самостоятельно приобрести свойства, позволяющие эффективно и результативно справляться с вызовами. По мнению автора, главенствующим фактором снижения степени значения административного права является действующая либеральная социально-экономическая система в России, во многом опирающаяся на прозападные институты и доктрины.

В предлагаемой статье в качестве цели определяется исследование проблематики, связанной с происходящей в стране трансформацией системы государственного управления и административного права как её правовой основы, анализ существующих проблем и выработка решения, чем и определяется теоретико-методологическое и практическое значение статьи.

В качестве основы существующих проблем в управлении выдвигается тезис, что в новой системе управления главенствующее положение в России должны получить отечественные доктрины и механизмы, отражающие прежде всего интересы традиционного российского общества.

Одной из мер, направленной на совершенствование системы государственного управления в России, является, по мнению автора, приобретение Государственным Советом Российской Федерации конституционного статуса, вопросы ведения, полномочия и функции, принципы организации деятельности и другие положения которого в дальнейшем должны быть определены в федеральном законе. Автором подчеркивается, что Госсовет наряду с Президентом РФ приобретает значение единого центра выработки, согласования и принятия государственных решений.

Кроме того, одной из функций Госсовета должен стать мониторинг деятельности федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ) и региональных органов исполнительной власти, оценка результативности, качества и эффективности их деятельности, что потребует создания механизма такого контроля.

Ключевые слова: государственное управление, административное право, трансформация, социально-экономическая модель развития, Госсовет.

Для цитирования: Равнюшкин А. В. О происходящей трансформации административного права и государственного управления в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 185–193. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-185-193.

Aleksandr V. Ravnyushkin

Cand. Sci. (Jurid.)

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3604-5070. E-mail: ravnyushkin@mail.ru

Current transformation of administrative law and state management in Russia

Annotation: Nowadays. The modern system of public administration in Russia face numerous challenges. The urgency of the problems is expressed in the fact that the existing system of governance is unable to independently acquire features that allowing it to cope with challenges effectively. The author believes that, the main factor in to reducing the importance of administrative law is the current liberal socio-economic system in Russia being largely based on Pro-Western institutions.

The aims of the this paper are to study the problems related to the transformation of the system of and administrative law as its legal basis, to analyze existing problems and to develop solutions to them, The last determines the theoretical, methodological and practical significance of the topic of the article. To solve the problem the author suggests that, the dominant position in Russia should be given to domestic institutions. The author emphasizes the need to improve the system of control over the efficiency and effectiveness of the work of state Executive bodies at various levels, which should greatly contribute to the formation of a universal Supervisory authority.

Further the author underlines that advanced technologies are introduced with a huge advance of their administrative legal regulation. This fact requires makes the administrative law return its original features being laid the basis for its formation, as well as become the basis for rapid and effective regulation of public relations in order to achieve the goals of management.

Keywords: public administration, administrative law, transformation, socio-economic model of development, new subjective rights.

For citation: Ravnyushkin A. V. Current transformation of administrative law and state management in Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 185–193. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-185-193.

Актуальность и постановка проблемы

На современном этапе имеющаяся система государственного управления переживает ощутимые изменения. Впервые решительным образом существенно дополняются и меняются некоторые нормы Конституции Российской Федерации. С воплощением в жизнь положений ежегодного Послания Президента России Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. (далее – Послание) должен в некоторой степени поменяться и общий вектор развития страны и системы государственного управления. Президент России в указанном Послании отметил, что

«сегодня в нашем обществе чётко обозначился запрос на перемены... Темпы изменений должны нарастать с каждым годом, с ощутимыми для граждан результатами по достижению достойного уровня жизни»¹.

Административное право как базовая отрасль, регулирующая отношения в сфере организации и функционирования государствен-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 20.02.2020).

ного управления, под влиянием современного развития науки административного права призвана обеспечить эффективный, практически организующий характер государственного управления. На современном этапе развития науки административного права стоит перед сложными задачами по определению перспектив своего развития. Общеизвестно, что политические, экономические, социальные и иные факторы имеют определенное влияние на структуру и содержание отраслей права. Не является исключением и административное право.

В силу определённой трансформации системы государственного управления (самой системы, задач, функций, содержания) неизбежны и изменения некоторых основ и механизма регулирования управленческих отношений, некоторых институтов административного права, их теоретико-правовых начал как взаимно обусловленных частей единого организационно-правового инструмента развития государства. Как отметил А. В. Кирин, «новые административно-правовые традиции должны базироваться на современных идеях» [1, с. 51].

А. Н. Савенков полагает, что «очевидна потребность в переосмыслении традиционных концепций правопонимания, поиске новых решений, основанных не только (и даже не столько) на достижениях правовой науки, сколько на синтезе философских, экономических и правовых идей» [2, с. 6].

Стоящие перед современной Россией вызовы и осознание новой социальной реальности российским обществом детерминируют в системе государственного управления трансформацию, особенности которой определяются взаимодействием трёх основ – политической, экономической и культурной, что в целом образует систему национальной безопасности России.

Кроме того, актуальны и слова Ю. А. Тихомирова о том, что «в целом необходима перебалансировка функций исполнительной власти и центральных органов, причём существенная» [3, с. 31].

К числу индикаторов накопившихся проблем в системе государственного управления относится возникшая в КоАП РФ нагромождённость статей, изменяющих и устанавливающих административную ответственность за различные деяния. Как пример можно привести статью 19.5 КоАП РФ «Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора (должностного лица), органа (должностного лица), осуществляющего муниципальный контроль», состоящую из

48 частей. Такая нагромождённость норм показывает, что различные ведомства при этом действовали в интересах не только государства в целом, но и в своих ведомственных, что справедливо отметил Ю. П. Соловей [4, с. 449].

Подобных примеров бессистемной работы законодателей можно привести немало. Мы постоянно видим, как в целях преодоления кризисных явлений на высшем уровне государственной власти принимаются оперативные решения. Однако если они осуществляются посредством принятия множественных дополнений в одну статью КоАП РФ, то можно себе представить, какая сложная ситуация сложилась в сфере исполнительной власти.

Так, в конце июня 2019 года в Иркутской области произошло сильное наводнение. 26 июня был введен режим ЧС в Тайшетском районе. К 27 июня в Иркутской области было затоплено более 800 домов в Нижнеудинском, Тайшетском и Тулунском районах, и региональные власти объявили режим ЧС уже по всему региону. Однако ещё 24 июня было ясно, что организация спасательно-восстановительных работ проводится на низком уровне. Президенту РФ В. В. Путину было доложено, что региональную комиссию по ликвидации последствий паводка возглавляет заместитель губернатора и председатель правительства Иркутской области Р. Н. Болотов, а не губернатор С. Г. Левченко. Глава государства «назвал неправильным и “странноватым” тот факт, что юридическую комиссию возглавлял председатель регионального правительства»².

За короткое время Президент РФ В. В. Путин побывал в районе бедствия трижды (29 июня, 19 июля и 2 сентября) с тем, чтобы лично проконтролировать проведение спасательных и иных необходимых работ и действия региональных и местных властей. 4 июля Президент объявил наводнение в Иркутской области чрезвычайной ситуацией федерального уровня. Из-за сильного паводка в Иркутской области в конце июня было затоплено 10,8 тысячи жилых домов³.

2 декабря 2019 г. глава государства принял отставку губернатора Иркутской области С. Г. Левченко как не справившегося с задачами⁴. Ход восстановительных и строительных работ в обозначенном регионе осуществляется под личным контролем Президента РФ⁵.

² Путин раскритиковал работу губернатора Иркутской области во время наводнения [Электронный ресурс] // Интернет-газета «Lenta.ru». – 2019. – 24 июля. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/24/wrongwrong>. (дата обращения: 16.09.2020).

³ Там же.

⁴ Не справился с задачами. Губернатор Иркутской области Сергей Левченко ушёл в отставку [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Яндекс». – 2019. – 12 декабря. – URL: <https://yandex.ru/video/preview?text=губернатор+иркутской+области+Болотов>. (дата обращения: 16.09.2020).

При этом следует отметить, что частью 2 статьи 20.6 КоАП РФ установлена ответственность за «непринятие мер по обеспечению готовности сил и средств, предназначенных для ликвидации чрезвычайных ситуаций, а равно несвоевременное направление в зону чрезвычайной ситуации сил и средств, предусмотренных утвержденным в установленном порядке планом ликвидации чрезвычайных ситуаций», влекущая наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

Однако только 31 декабря 2019 года вступили в силу изменения в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а именно: была добавлена норма, согласно которой комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности субъектов Российской Федерации возглавляют высшие должностные лица субъектов Российской Федерации (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации)⁶.

События, происшедшие в районе г. Норильска, также потребовали личного участия главы государства. Так, 29 мая 2020 г. произошла разгерметизация бака с дизельным топливом (20 тыс. тонн) на ТЭЦ-3 на дочернем предприятии «Норникеля» – компании НТЭК в районе Норильска. Это была крупнейшая в арктической зоне авария, создавшая угрозу экосистеме Северного Ледовитого океана. Компания НТЭК оповестила руководство Красноярского края об аварии не сразу, что усугубило ситуацию⁷. Как известно, устранение последствий обозначенной экологической катастрофы также не обошлось без личного вмешательства В. В. Путина.

⁵ На контроле у Президента ход восстановительных работ в Тулуне. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Первого канала Российского телевидения. – 2020 – 13 сентября. – URL: https://www.1tv.ru/news/2020-09-13/393197-na_kontrol_e_u_prezidenta_hod_vosstanovitelnyh_rabot_v_tulune. (дата обращения: 16.09.2020).

⁶ Данная норма предусмотрена частью 2.1 статьи 4.1 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», которая была добавлена Федеральным законом от 3 июля 2019 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей».

⁷ Багровые реки: к чему приведёт разлив 20 тыс. т дизеля в Норильске. Опасность может грозить не только хрупкой арктической экосистеме, но и здоровью людей. [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Известия». – 2020. – 2 июня. – URL: <https://iz.ru/1018811/aigul-khabibullina-svetlana-kazantceva/bagrovye-reki-k-chemu-privedet-razliv-20-tys-tonn-dizelia-v-norilске> (дата обращения: 16.06.2020).

Думается, что целостная система мер, направленных на преодоление обозначенного Ю. Е. Аврутиным ««ручного» управления», разрушающего саму сущность публичного управления, его принципы и основополагающие постулаты [5, с. 107], еще не предложена. В связи с этим более чем актуальными являются слова А. Н. Савенкова о том, что «роль самой науки и научной экспертизы неуклонно снижается, утрачены представления о смысле и идее права, которые заменены на правовую казуистику, по своей сути далекую от подлинных критериев научности знания» [2, с. 7].

Об основной цели развития административного права и государственного управления

Несмотря на наличие довольно демократических положений Конституции Российской Федерации, декларирующих права и свободы граждан и другие ценности, забюрократизованность и волокита в осуществлении многих государственных решений (особенно на стадии согласования), выполнения работ, предоставления услуг, ущемляют эти ценности, порождая негативное восприятие населением. Актуальны слова М. А. Шатиной о том, что «до сих пор не удалось закрепить и внедрить важнейшие элементы системы рациональной бюрократии, гарантирующие профессионализм государственного управления» [6, с. 32]. Созданная в 1900 году М. Вебером теория рациональной бюрократии закрепляла такие её принципы, как: безличный характер (обезличенные обязанности); принцип иерархии должностей; конкретное разделение труда в области управления (специфика функций по должности); квалификационный отбор работников; наличие правил и регламента работы; карьерный принцип; сосредоточение деятельности по одной должности; получение доходов только от организации-работодателя [7, с. 256–264].

Так, действующие в различных органах исполнительной власти административные регламенты не имеют общих правовых начал. Еще в 2005 году Ю. Н. Стариков, описывая существующий в стране «синдром бесправия», отмечал, что он «очень часто проявляется в системе публичного управления в виде “произвольного администрирования” (“административный произвол”)), не основанного на нормах действующего законодательства и установленных правом административных процедур [8, с. 31].

До настоящего момента в России не принят федеральный закон об административных процедурах, который закрепил бы необходимые единые основы и положения, направленные на усиление законности и порядка в исполнительно-распорядительной деятельности.

В качестве другого примера дефектности системы управления приведём перенос управ-

ленцами акцентов с целей организации на средства их достижения, перестановку приоритетов работы. Приказы, распоряжения, инструкции, соблюдение правил, оперирование статистическими данными, иерархия должностей и т. п., становятся самоцелью для управленцев, а цели-задания (цели существования организации, программные цели) уходят на второстепенный план.

Значительная часть управленческих решений не выполняется. В частности, аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, подчинённых Правительству России, за период 2017–2018 гг., проведённый Счётной Палатой Российской Федерации, показал, что «система стратегического планирования деятельности федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ) в настоящее время разбалансирована и неэффективна, недостаточно нормативно урегулирована и методически обеспечена, с низким уровнем контроля и исполнительской дисциплины»⁸.

Проведенный аудит также установил, что для обеспечения единого подхода к разработке, корректировке, осуществлению мониторинга и контроля реализации планов деятельности ФОИВ Минэкономразвития России утвердило соответствующие Методические рекомендации⁹, но поскольку они были закреплены в приказе, не имеющем государственной регистрации, отдельные ФОИВ не считают его обязательным к исполнению¹⁰.

Следует отметить, что указанные Методические рекомендации не содержат правил и процедур формирования и оценки достижения показателей деятельности ФОИВ, а также рекомендаций по определению задач¹¹, которые должны содержаться в текстовой части плана.

⁸ Отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года». Утверждён Коллегией Счётной палаты Российской Федерации 10 декабря 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Счётной палаты Российской Федерации. – URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/885/8852a97cd45346ecea99d20b1d265d0f.pdf>. (дата обращения: 21.02.2020).

⁹ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке, корректировке, осуществлению мониторинга и контроля реализации планов деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации : приказ Минэкономразвития от 15 февраля 2016 г. № 68 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71233156> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁰ Отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия... – С. 14.

Аудитом было также установлено, что «отсутствует нормативный правовой акт, регламентирующий осуществление комплексной оценки эффективности деятельности ФОИВ. Не сформирована система оценки эффективности деятельности ФОИВ на основе критериев, показателей»¹².

Все эти негативные факторы приводят к необходимости переосмысления подходов к организации управления.

В России остро стоит вопрос об определении отвечающих новым запросам направлений, средств развития российского государства, его будущего. Для определённой части российского и зарубежного общества стало очевидным, что так называемая либеральная идея исчерпала себя, о чем заявил Президент России В. В. Путин в интервью британской газете «The Financial Times»¹³.

Либеральная идея способствовала появлению новых субкультур, развитию межкультурных обменов и связей, культурного многообразия. Известный австралийский политический теоретик Чандрен Кукатас¹⁴ отмечает, что «либерализм – это доктрина, по определению сочувственно относящаяся к культурному многообразию, поскольку она делает акцент на праве индивида жить по собственному разумению, даже если этот образ жизни не одобряется большей частью общества» [9].

Однако в определённых кругах идеи либеральной идеологии, её отдельные элементы, служат средствами (орудием) разрушающего воздействия на государства, опирающиеся на традиционные ценности, ценности ярко выраженного большинства населения. Через внедрение идеологии так называемого «бесполого» воспитания детей, а не приоритета их семейного воспитания отцом и матерью, разрушение ценностей семьи осуществляется непрерывная

¹¹ Сведения о задачах должны предусматриваться в соответствии с подпунктом «б» пункта 5 Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации планов деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, утверждённых Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № № 1449 [Электронный ресурс] // Сайт «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420336234> (дата обращения: 22.02.2020).

¹² Отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия... – С. 14.

¹³ В преддверии саммита «Группы двадцати» Владимир Путин ответил на вопросы представителей газеты The Financial Times [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 22.02.2020).

¹⁴ Ч. Кукатас – автор нескольких книг о современном либерализме, до 2019 года возглавлял Департамент государственного управления Лондонской школы экономики, где занимал кафедру политической теории.

атака на российское государство, на российскую культуру и самосознание россиян. В ноябре 2012 года Россия была вынуждена принять соответствующие дополнения в законодательство и в федеральный закон о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранных агентов, финансируемых из-за рубежа и действующих в интересах иностранных структур в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации¹⁵.

Не во всех случаях органы государственной власти оперативно успевают противодействовать данным явлениям. В 90-х гг. прошлого века наше государство стояло на грани катастрофы. Существует мнение, что в период президентства Б. Н. Ельцина произошла реставрация в России «периферийного» капитализма (схожего с капитализмом периода царской России), когда открытая в начале 90-х годов XX века экономика России подверглась контролируемому со стороны стран Запада процессу перераспределения ресурсов в пользу более развитых и богатых стран – стран развитого «центра». «Став частью “периферии”, Россия обрекла себя на постоянный дефицит финансовых ресурсов, бегство капиталов и вывоз сырья» [10, с. 10].

И. В. Понкин такие негативные явления, как отказ от традиционных для данной конкретной страны нравственных оснований в проектировании, построении и функционировании системы государственного управления, игнорирование законных интересов государствообразующего народа, ошибочный выбор и реализацию заведомо чуждой традициям и условиям страны модели светскости государства относит к числу ценностно-парадигмальных ошибок¹⁶.

Господствующая прозападная либеральная модель, в основе которой лежит политика международного финансового капитала, не способствует развитию национальной экономики России. И в этот вид капитализма остаются встроенными многочисленные институциональные структуры – такие как бюрократизация, патрон-клиентская система отношений, теневая экономика [11, с. 68].

Последние события на международной арене и на внутрироссийской политико-эконо-

мической сцене позволяют сделать вывод о необходимости формирования новой модели развития. В ней главенствующее положение должна занять доктрина приоритета и верховенства российского закона, независимости государственных органов власти от международного давления в принятии решений и их реализации, о чем и говорил Президент России в вышеуказанном Послании.

Так или иначе постулаты либеральной модели в экономической и иной сферах создают нестабильность в государственном управлении, в её правовой системе. В этих условиях «классический государственный суверенитет “размывается”, человек теряет стойкую юридическую связь с конкретным государством» [12, с. 69].

Одним из средств преодоления обозначенной проблемы служит необходимое в современных условиях дополнение, закрепленное в статье 79 Конституции Российской Федерации, указывающее, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»¹⁷.

О направлении (модели) развития системы государственного управления и административного права

Устоявшиеся негативные явления не позволяют построить эффективно развивающуюся экономику Российского государства и вместе с этим систему эффективного государственного управления, инструментом которого должно служить обновленное административное право.

Новая политико-экономическая модель должна ориентироваться на развитие преимущественно внутреннего рынка, отражать интересы большинства граждан государства, способствовать экономическому росту прежде всего сектора реальной экономики и росту благосостояния граждан как потребителя отечественной продукции. Это должно повлечь синергетический эффект, вызванный совместными действиями целевых групп в экономической сфере.

Базируясь на отвечающем современным запросам административном праве, органы государственного управления должны быть способны к мобилизации различных ресурсов: финансово-материальных, людских (кадровых), организационных и информационных. Функции государственного управления должны агрегироваться для достижения общей цели – создания благоприятных условий

¹⁵ См. п. 6 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Данный правовой статус для российских НКО введён Федеральным законом от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/article/529521>. (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁶ Понкин И. В. Теория публичного управления : учебник. Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. – Москва: Буки Веди, 2017. – С. 503.

¹⁷ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва: Проспект, 2020. – 64 с.

для жизнедеятельности граждан на основе главенства человеческих ценностей. Думается, необходимо расширять и углублять роль граждан в решении публичных задач. Следует пересмотреть или даже создать вновь мотивационные основы для включения граждан в реальный процесс выработки решений. Активность граждан в политической и общественной жизни должна быть востребована самим государством. Граждане должны чувствовать сопричастность к управлению делами государства, региона и населенного пункта своего проживания.

В современных условиях органы государственного управления не имеют возможности оказывать полновесное эффективное воздействие на объекты управления, о чем было сказано выше. Думается, инициатива Президента Российской Федерации об изменении статуса федерального органа – Государственного Совета – выглядит своевременной и необходимой мерой. Однако общая формулировка назначения этого органа (обеспечение согласованного функционирования органов власти, определение основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетные направления социально-экономического развития России¹⁸), закрепленная в ныне действующем Положении о Государственном Совете¹⁹, нуждается в дополнении.

Как известно, в российской системе исполнительной власти отсутствует орган, осуществляющий функции комплексного контроля и оценки результативности и эффективности деятельности Правительства Российской Федерации, федеральных министров и министерств, других федеральных органов исполнительной власти. Например, Счётная палата Российской Федерации обладает ограниченной функцией контроля и оценки деятельности объектов. Данный орган осуществляет функцию по оценке эффективности формирования, управления и распоряжения федеральными ресурсами в целях обеспечения безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации только с финансовой позиции (финансовой деятельности объекта аудита (контроля),

совершённых финансовых и хозяйственных операций)²⁰.

Изменить положение дел в системе государственного управления может появление федерального органа, не входящего ни в одну из ветвей власти, который был бы наделён правом и реализовывал функцию мониторинга деятельности федеральных органов исполнительной власти, оценки их результативности и эффективности деятельности, качества исполнения и степени реализованности запланированных мероприятий. Думается, что таким органом должен стать реорганизованный Государственный Совет Российской Федерации (далее – Госсовет).

В действующей редакции основного закона, в пункте е5) к статье 83 Конституции Российской Федерации закреплено, что Президент Российской Федерации «формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; статус Государственного Совета Российской Федерации определяется федеральным законом».

Следовательно, Госсовет приобретает новый, конституционный, правовой статус, который подлежит уточнению нормами федерального закона. Новый Госсовет наделяется функциями по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия всех органов власти, совместно с Президентом РФ становится единым центром выработки и реализации важнейших государственных решений по различным направлениям. Указанная норма Конституции РФ допускает определение и закрепление в обозначенных рамках в федеральном законе о Госсовете его конкретных полномочий и функций, что позволяет закрепить практически любой комплекс функций. В Конституции РФ ничего не сказано и о субъектном составе Госсовета. В настоящее время по распоряжению Президента²¹ в Госсовете созданы 16 рабочих групп по различным направлениям, возглавляемые главами субъектов РФ.

¹⁸ О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти»: проект закона № 885214-7 (внесён Президентом Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Система обеспечения законодательной деятельности». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 22.02.2020).

¹⁹ О Государственном Совете Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/12120571> (дата обращения: 08.04.2020).

²⁰ О Счётной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/ (дата обращения: 22.02.2020).

²¹ О рабочих группах Государственного совета Российской Федерации (вместе с Положением о рабочих группах Государственного совета Российской Федерации): Распоряжение Президента РФ от 27 декабря 2018 г. № 404-рп [Электронный ресурс] // Сайт «Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/552045759> (дата обращения: 16.04.2020).

Согласно положению о рабочих группах Госсовета РФ, их основными функциями являются подготовка материалов к заседаниям Госсовета, анализ правоприменительной практики по направлениям деятельности и подготовка соответствующих предложений, анализ и оценка результатов реализации региональных проектов, выявление в субъектах РФ лучших практик государственного и муниципального управления и их распространение, взаимодействие с Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и нацпроектам, а также научно-методическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Госсовета. Закрепленное обозначенным указом положение о рабочих группах как основных структурных элементах Госсовета не позволяет повысить в целом статус этого органа, усилить роль губернаторов в выработке общефедеральных решений, что и было сказано Президентом РФ в вышеупомянутом Послании.

Думается, что в новом федеральном законе о Госсовете необходимо определить его вопросы ведения, полномочия и функции, принципы организации деятельности и другие положения. Полагаем, что одной из функций Госсовета должен стать мониторинг деятельности ФОИВ и региональных органов исполнительной власти, оценка результативности, качества и эффективности их деятельности. К числу основных вопросов, которые следует решить, относится вопрос выработки механизма исполнения решений и контроля в процессе его исполнения. Данные предложения требуют провести определённую нормотворческую

работу на основе достижений отечественной административной науки.

Заключение

Таким образом, перед системой государственного управления и административным правом как его правовой основой стоят весьма сложные задачи. Происходящие изменения в структуре нашего общества (не без внешнего воздействия) порождают потребность в его исследовании, результаты которого должны в определённой мере дать ответ на вопрос о сущности Российского государства, его управленческой структуры, которая в свою очередь должна быть способна успешно реагировать на современные вызовы.

В новых реалиях роль административного права как правовой основы трансформируемой системы государственного управления ещё более возрастает. Это требует от данной отрасли права на основе национальных интересов внесения существенного вклада в трансформацию системы государственного управления в целях построения высокоэффективной и результативной социально-экономической модели развития России. В этих целях и создается качественно новый центр принятия управленческих решений.

В свою очередь и административному праву под воздействием новых реалий необходимо перестроиться на основе достижений современной науки. Представляется, что административное право как отрасль должна вернуть себе первоначальные качества, заложенные при её формировании, и стать основой оперативного и эффективного регулирования общественных отношений для достижения целей управления.

Список литературы

1. *Кирилин А. В.* О реформировании административного права // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 51–56.
2. *Савенков А. Н.* Предисловие // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Савенкова. – Москва: ИГП РАН, 2019. – С. 5–8.
3. *Тихомиров Ю. А.* Административное право: вызовы, национальные цели, эффективность [вступительная статья] / Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) : монография / А. М. Абакирова, М. А. Абдыраев, Г. А. Василевич [и др.] / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2018. – С. 20–33.
4. *Соловей Ю. П.* Ещё раз о необходимости реформы законодательства об административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Том 16. – № 4. – С. 442–453.
5. *Аврутин Ю. Е.* Парадоксы контрольно-надзорной деятельности публичной администрации в контексте «ручного управления» // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 106–111.
6. *Штатаина М. А.* Парадигмы государственного управления и развитие административного права / Актуальные проблемы административного права и административного процесса: сборник научных статей / отв. ред. М. А. Штатаина. – Москва: РГУП, 2017. – С. 30–42.

7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Т. I. «Социология». – 445 с.

8. Стариков Ю. Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. – 2005. – № 4 (100). – С. 29–45.

9. Кукутас Ч. Теоретические основы мультикультурализма [Электронный ресурс] // Сайт «Полит.ру». – 2007. – 27 мая. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism> (дата обращения: 23.06.2020).

10. Кагарлицкий Б. Ю. Реставрация в России. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 376 с.

11. Гомцын О. А. Трансформация российского общества: ретроспекция проблем современной России // Человек. Общество. Управление. – 2015. – Том 16. – № 1. – С. 60–77.

12. Савенков А. Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А. Н. Савенкова. – Москва: ИГП РАН, 2019. – С. 9–92.

References

1. Kirin A. V. O reformirovaniy administrativnogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2012. – № 3. – С. 51–56.

2. Savenkov A. N. Predisloviye // Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitiy chelovechestva: doklady chlenov RAN / pod obshch. red. chl.-korr. RAN A. N. Savenkova. – Moskva: IGP RAN, 2019. – 408 s.

3. Tikhomirov Yu. A. Administrativnoye pravo: vyzovy, natsional'nyye tseli, effektivnost' (vstupitel'naya stat'ya) // Modernizatsiya administrativnogo zakonodatel'stva (tseli, zadachi, printsipy i aktual'nyye napravleniya): monografiya / A. M. Abakirova, M. A. Abdyrayev, G. A. Vasilevich [i dr.] / otv. red. A. F. Nozdrachev. – Moskva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: Infra-M, 2018. – 496 s.

4. Solovey Yu. P. Yeshche raz o neobkhodimosti reformy zakonodatel'stva ob administrativnoy otvetstvennosti // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2019. – Том 16. – № 4. – С. 442–453.

5. Avrutin Yu. Ye. Paradoksy kontrol'no-nadzornoй deyatelnosti publichnoy administratsii v kontekste «ruchnogo upravleniya» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo. – 2016. – № 3. – С. 106–111.

6. Shtatina M. A. Paradigmy gosudarstvennogo upravleniya i razvitiye administrativnogo prava / Aktual'nyye problemy administrativnogo prava i administrativnogo protsessa: sbornik nauchnykh statey / otv. red. M. A. Shtatina. – Moskva: RGUP, 2017. – 280 s.

7. Вебер М. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. / sost., obshch. red. i predisl. L. G. Ionina. – Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. – Т. I. «Sotsiologiya». – 445 s.

8. Starilov Yu. N. Administrativnoye pravo kak sredstvo razrusheniya «sindroma bespraviya» v sovremennom pravovom gosudarstve // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2005. – № 4 (100). – С. 29–45.

9. Kukatas Ch. Theoretical foundations of multiculturalism [Electronic resource] // <https://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism>.

10. Kagarlitskiy B. Yu. Restavratsiya v Rossii. – Moskva: Editorial URSS, 2000. – 376 s.

11. Gomtsyayn O. A. Transformatsiya rossiyskogo obshchestva: retrospektsiya problem sovremennoy Rossii // Chelovek. Obshchestvo. Upravleniye. – 2015. – Том 16. – № 1. – С. 60–77.

12. Savenkov A. N. Filosofiya prava, pravovoye myshleniye i global'nyye problemy sovremennoy tsivilizatsii // Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitiy chelovechestva: doklady chlenov RAN / pod obshch. red. chl.-korr. RAN A. N. Savenkova. – Moskva: IGP RAN, 2019. – 408 s.

© Равнюшкин А. В., 2020

Статья поступила в редакцию 20.09.2020 г.

Общая педагогика, история педагогики и образования

УДК 378

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-194-201

З. В. Васильева

адъюнкт

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0001-5582-5235. E-mail: zlatavas@gmail.com*

Возможности влияния гуманитарных дисциплин на духовно-нравственное развитие обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России

Аннотация: Актуальность темы связана с важностью гуманитарного образования для формирования мировоззренческих и духовно-нравственных основ личности. Необходимость гуманитарной и гуманитарной направленности университетского образования обосновывается многими педагогами. Университеты системы МВД России предоставляют обучающимся возможность освоения широкого круга гуманитарных дисциплин.

В статье представлены результаты исследования, в ходе которого была разработана система дисциплин гуманитарного цикла, влияющих на духовно-нравственное развитие обучающихся.

В процессе анализа были выделены мировоззренческий и психолого-педагогические блоки гуманитарных дисциплин, указано количество часов на каждом курсе обучения. Кроме того, в статье показаны междисциплинарные связи гуманитарных дисциплин, интегрирующих знания по духовно-нравственной сфере развития личности. Выделены четыре тематических модуля гуманитарных дисциплин: «Человек», «Общество», «Деятельность», «Мироздание». Проведён анализ междисциплинарного взаимодействия выбранных тринадцати гуманитарных дисциплин. Показаны примеры форм и методов формирующей работы согласно учебным планам освоения этих дисциплин. Соотнесены темы, их содержание, формирующиеся компетенции, формы и методы экспериментальной работы, что позволяет наглядно проследить междисциплинарные связи.

Ключевые слова: мировоззрение, университетское образование, саморазвитие, гуманитарные дисциплины, духовно-нравственные ценности, духовно-нравственное развитие курсантов.

Для цитирования: Васильева З. В. Возможности влияния гуманитарных дисциплин на духовно-нравственное развитие обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 194–201. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-194-201.

Zlata V. Vasileva

Graduate

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5582-5235. E-mail: zlatavas@gmail.com

Opportunities for the influence of humanitarian subjects on the spiritual and moral development of the cadets of higher educational organizations of the MIA of Russia

Annotation: The relevance of the topic is related to the importance of humanitarian education for the formation of worldview and spiritual and moral foundations of the personality. The need for humanistic and humanitarian orientation of University education is justified by many pedagogues. Universities of the MIA of Russia provide students with the opportunity to master a wide range of Humanities.

The article presents the results of a study that developed a system of Humanities that affect the spiritual and moral development of students.

In the course of the analysis, the worldview and psychological and pedagogical blocks of Humanities were identified, and the number of hours for each course of study was indicated. In addition, the article shows the interdisciplinary connections of Humanities that integrate knowledge on the spiritual and moral sphere of personal development. There are four thematic modules of Humanities: “Man”, “Society”, “Activity”, “Universe”. The analysis of the interdisciplinary interaction of the selected thirteen Humanities is carried out. Examples of forms and methods of formative work are shown, according to the curricula for the mastering these disciplines. The topics, their content, forming competencies, forms and methods of experimental work are correlated, which allows us to clearly trace the interdisciplinary connections.

Keywords: worldview, University education, self-development, Humanities, spiritual and moral values, spiritual and moral development of cadets.

For citation: Vasileva Z. V. Opportunities for the influence of humanitarian subjects on the spiritual and moral development of the cadets of higher educational organizations of the MIA of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 194–201. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-194-201.

Введение

Гуманитарное знание – важнейшая составляющая человеческой культуры, которая постоянно развивается наряду с естественными и техническими науками. Передавая накопленные человечеством знания, гуманитарные дисциплины влияют на развитие самосознания и самосовершенствование человека, поэтому можно говорить о потенциале гуманитарных наук, их воздействии на общественное и индивидуальное сознание, на личность человека в целом. Гуманитарные науки зародились в древности в рамках философии, из которой они стали выделяться только в XVIII в., а к XIX в. – формироваться как комплекс университетских дисциплин («науки о духе»). Они направлены на изучение человека в различных сферах его жизнедеятельности (от лат. *humanus* – человеческий), в том числе духовной и нравственной.

Ценностные основания отличают гуманитарное знание от других его видов. Гуманитарные дисциплины дают человеку тот мировоззренческий фундамент, который сопровождает его всю жизнь, «являясь предпосылкой успешного взаимодействия личности с другой личностью в системе “человек–человек”» [1, с. 153].

Для повышения духовно-нравственного уровня развития личности необходимо, чтобы образование было направлено на самого человека, а не только соответствовало требованиям профессии. В течение двух столетий ведущие мыслители подчёркивали необходимость отхода от прагматического отношения к образованию в пользу развития его гуманистической и гуманитарной направленности (А. Дистервег, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, П. Ф. Каптерев, Л. Н. Модзалевский, П. Ф. Лесафт, А. С. Макаренко, Л. С. Выготский, В. А. Сухомлинский, В. В. Давыдов и др.).

Система дисциплин гуманитарного цикла, влияющих на духовно-нравственное развитие обучающихся

Фундаментальное университетское образование вносит ощутимый вклад в развитие всесторонне развитой личности и профессионализма будущего специалиста. Обучение в университете призвано формировать навыки научно-исследовательской деятельности, научное мировоззрение и гражданскую позицию обучающихся. В образовательном процессе происходит не только трансляция ценностей мировой и отечественной культуры, обучение профессии, но и подготовка высококвалифицированных научных кадров. «Неразрывная связь науки с образовательным процессом – это главное в концепции университетского образования. В идеале любой преподаватель университета должен быть в первую очередь учёным в той области знаний, которую он преподаёт студентам. Именно структура классического университета, в состав которого входят факультеты естественнонаучного, гуманитарного и социально-экономического направлений научных исследований, оптимально этому соответствует» [2, с. 93]. В процессе подготовки интеллектуальной элиты общества университеты выводят на новый уровень проблему духовно-нравственного развития личности, а гуманитарные дисциплины являются неотъемлемым компонентом университетского образования. «Для сохранения гуманитарного суверенитета России важно ... выработать новую философию образования, в основе которой должно лежать воспитание высоких морально-нравственных качеств подрастающего поколения...» [3, с. 9].

Университеты системы МВД России как инновационные образовательные и научно-исследовательские центры обеспечивают высокие стандарты подготовки будущих специалистов в сфере правоохранительной деятельности. Фундаментализация образования в образовательных организациях высшего образования МВД России предполагает усвоение духовно-нравственных ценностей, мировоззренческих основ познавательной деятельности путём реализации возможностей дисциплин гуманитарного цикла.

В системе подготовки специалистов в Санкт-Петербургском университете МВД России выделен блок гуманитарных дисциплин. В него включено тринадцать дисциплин: философия, культурология, религиоведение, про-

фессиональная этика и служебный этикет, эстетическая культура сотрудников ОВД, нравственно-этические основы службы в ОВД, психология, общая психология, психология семьи, психология личности, педагогика, педагогика в деятельности сотрудников ОВД, педагогические основы воспитательной работы в ОВД и другие. Указанные дисциплины мировоззренческой и психолого-педагогической направленности оказывают непосредственное влияние на развитие личности, формирование ценностных отношений, мировоззрения, эрудиции.

В рамках исследования темы «Духовно-нравственное развитие обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России в процессе освоения гуманитарных дисциплин» была структурирована система дисциплин гуманитарного цикла, имеющих наибольшее значение для духовно-нравственного развития обучающихся. Были выделены два блока гуманитарных дисциплин – мировоззренческий и психолого-педагогический, определено количество часов в каждом блоке в зависимости от курса обучения (табл. 1).

Мировоззренческий блок включает шесть дисциплин, направленных на систематизацию взглядов, оценок, представлений о мире, человеке, обществе: философия, культурология, религиоведение, профессиональная этика и служебный этикет, нравственно-этические основы службы в ОВД, эстетическая культура сотрудников ОВД. Эти гуманитарные дисциплины формируют мировоззрение, кругозор, общую культуру обучающихся, учат их мыслить системно. Психолого-педагогический блок объединяет семь дисциплин, имеющих педагогические или психологические основания: психология, общая психология, психология семьи, психология личности, педагогика, педагогика в деятельности сотрудников ОВД, педагогические основы воспитательной работы в ОВД. Эти дисциплины направлены на формирование психолого-педагогических знаний будущего специалиста.

Рассмотрим почасовое соотношение гуманитарных дисциплин на примере специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», поскольку наибольшее количество гуманитарных дисциплин преподаётся обучающимся по этой специальности. На первом курсе дисциплины мировоззренческого блока составляют 100 часов (философия); на втором – их нет; на третьем – 80 часов (культурология, религи-

Распределение гуманитарных дисциплин по курсам с указанием часов

Дисциплины	Курс			
	Количество часов			
	1-й факультет (психологи)	2-й факультет (следователи)	3-й факультет (оперативники)	6-й факультет (участковые)
I. Мировоззренческий блок				
Философия	1	1	1	1
	100	100	100	100
Культурология	3	–	–	–
	40			
Религиоведение	3	–	2	3
	40	–	30	30
Профессиональная этика и служебный этикет	4	3	4	2
	60	60	60	60
Эстетическая культура сотрудников ОВД	–	–	–	4
	–	–	–	30
Нравственно-этические основы службы в ОВД	–	1	1	1
	–	22	22	22
II. Психолого-педагогический блок				
Психология	–	1	2	3
	–	60	60	60
Общая психология	1–2	–	–	–
	270	–	–	–
Психология семьи	3	–	–	–
	40			
Психология личности	2	–	–	–
	70	–	–	–
Педагогика	1	–	–	–
	90	–	–	–
Педагогика в деятельности сотрудников ОВД	–	3	–	–
	–	60	–	–
Педагогические основы воспитательной работы в ОВД	3	–	5	4
	30	–	44	30

оведение); на четвёртом – 60 часов (профессиональная этика и служебный этикет), на пятом – их нет.

На первом курсе дисциплины психолого-педагогического блока составляют 190 часов (общая психология, педагогика); на втором – 240 часов (общая психология, психология личности); на третьем – 70 часов (психология семьи, педагогические основы воспитательной работы в ОВД); на четвёртом и пятом – их нет.

Для различных специальностей может быть предусмотрено разное количество часов на гуманитарные дисциплины. Дисциплины в зависимости от года обучения и специальности могут меняться местами. Например, дисциплина «Религиоведение» у обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» преподаётся на третьем курсе и составляет 40 часов, а у обучающихся по специальности

«Правоохранительная деятельность» (специализация оперативно-розыскная деятельность) – на втором и составляет 30 часов. Для организации формирующей работы это непринципиально, однако имеет значение для преподавателей, которые могут использовать содержание каждой из дисциплин для духовно-нравственного развития обучающихся. Анализ данных табл. 1 позволил заключить, что отличия по количеству дисциплин у разных специальностей необходимо учитывать при проведении формирующей работы.

Самые благоприятные условия для духовно-нравственного развития курсантов имеют первый и второй года обучения, поскольку в это время осваивается наибольшее количество дисциплин мировоззренческого и психолого-педагогического блоков. На третьем, четвертом и пятом курсах также имеется достаточное коли-

чество часов гуманитарных дисциплин, но вектор обучения смещается в профессиональную сферу, которая должна строиться на сформированной нравственной основе.

Анализ распределения гуманитарных дисциплин по содержательным связям показывает, что здесь имеется определённый потенциал для совершенствования духовно-нравственного развития обучающихся. Необходимо добиваться такой последовательности их освоения по семестрам, при которой они шли бы от общего к частному и одновременно оказывали воздействие на духовно-нравственную сферу обучающихся. Это имеет значение в связи с развитием мотивации к саморазвитию и самосовершенствованию.

Междисциплинарные связи гуманитарных дисциплин, интегрирующих знания по духовно-нравственной сфере личности

Важной задачей моделирования содержания формирующей работы является определение междисциплинарных связей, позволяющих разрабатывать межкурсовые учебные модули. На схемах 1 и 2 представлены тематические

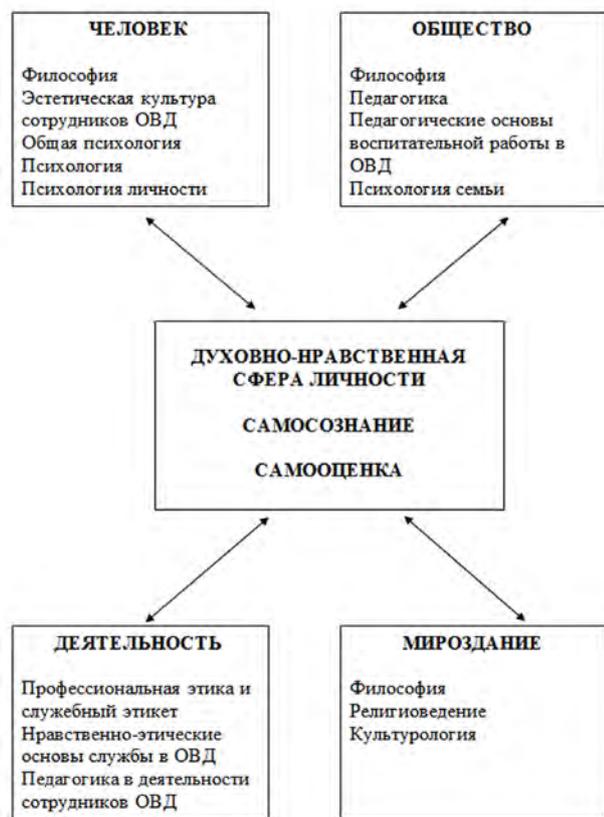

Схема 1. Тематические модули, интегрирующие знания по гуманитарным дисциплинам

модули по гуманитарным дисциплинам и основные гуманитарные дисциплины, интегрирующие знания о духовно-нравственной сфере личности. Разработка тематических модулей позволяет преподавателям и курсантам при освоении гуманитарных дисциплин, объединённых единым модулем, выявить актуальные мировоззренческие проблемы, способствует развитию мышления будущих специалистов, повышению их эрудиции, интеллекта, значимых для современного профессионала.

Тематические модули дисциплин, представленные на схеме 1, консолидируют знания о духовно-нравственной сфере развития человека, положительно влияют на самооценку и самосознание личности. Разделение на модули соответствует четырём уровням человеческой жизнедеятельности. Освоению модуля «Человек» более всего способствуют дисциплины: философия, эстетическая культура сотрудников ОВД, общая психология, психология личности. Модуль «Общество»: философия, педагогика, педагогические основы воспитательной работы в ОВД, психология семьи. Модуль «Деятельность»: профессиональная этика и служебный этикет, нравственно-этические основы службы в ОВД, педагогика в деятельности сотрудников ОВД. Модуль «Мироздание»: философия, религиоведение, культурология. На схеме 2 показаны междисциплинарные связи гуманитарных дисциплин, интегрирующих знания о духовно-нравственной сфере личности.

Схема 2. Основные учебные дисциплины, интегрирующие знания о духовно-нравственной сфере личности

Мировоззренческие и психолого-педагогические дисциплины взаимосвязаны и дополняют друг друга. Например, философия даёт фундаментальные гуманитарные знания, затрагивает проблемы, изучение которых продолжается в дальнейшем в процессе освоения религиоведения и культурологии. В то же время знания, полученные при изучении философии, являются основой для освоения последующих гуманитарных дисциплин как мировоззренческого, так и психолого-педагогического блока.

Важными для духовно-нравственного развития обучающихся являются дисциплины этической направленности, например, профессиональная этика и служебный этикет и нравственно-этические основы службы в ОВД. Они помогают понять духовно-нравственную проблематику уже в контексте непосредственной практической деятельности сотрудника полиции.

Для разработки программы формирующей работы необходимо конкретизировать содержание и формы духовно-нравственного развития в гуманитарных дисциплинах, причём они должны соответствовать учебным планам их освоения. Далее представлены примеры тем гуманитарных дисциплин, в наибольшей мере способствующие решению задач по духовно-нравственному развитию. Соотнесение темы с её содержанием и компетенциями особенно важно для формирующей работы, потому что духовно-нравственное развитие не должно быть «сверх» определённого стандарта, оно должно повышать эффективность освоения учебных предметов. Представленные формы и методы специально разработаны и апробированы в процессе экспериментальной формирующей работы.

По программам гуманитарных дисциплин предусмотрено большое количество тем, содержание которых позволяет развивать духовно-нравственную сферу личности. Так, по философии тема «Человек, его природа и сущность» (ОК-1) предусматривает обязательное рассмотрение следующих вопросов: человек как единство природного, социального и духовного; проблема жизни и смерти в духовном опыте человечества; смысл жизни. На четырёхчасовом семинаре в экспериментальной работе обучающимся было предложено обсудить переживания и духовно-нравственную трансформацию главного героя повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Также рассматривалась проблема эвтаназии. На семинар было дано задание

подготовить сообщение с презентацией по теме: «Эвтаназия как право на смерть: духовно-нравственный аспект». После заслушивания сообщения обучающиеся разделились на две группы, соответствующие их позиции «за» или «против» эвтаназии. Согласно заданию, курсанты приводили различные аргументы, чтобы обосновать своё мнение, что сопровождалось зачитыванием реальных историй людей, которые применили эвтаназию, и просмотром видеороликов. После дискуссии каждый курсант должен был написать собственный ответ на вопрос «Возможно ли не любить жизнь?».

Другим примером методики духовно-нравственного развития может служить тема «Мировые религии: история и современность» (ОК-5) по дисциплине «Религиоведение». Являясь итогом рассмотрения отдельных тем, посвящённых буддизму, христианству и исламу, данная тема предусматривает наиболее широкие возможности интерактивного проведения занятий. В рамках практического занятия (6 часов) рабочей учебной программой предусмотрено выездное занятие в Санкт-Петербургский государственный музей истории религии. В ходе экскурсии «Три мировые религии» обучающиеся наглядно знакомятся с историей формирования и основными особенностями вероучения и культовой практики трёх мировых религий: буддизма, христианства и ислама. В ходе экскурсионной программы курсанты получают представление об уникальных образцах религиозного искусства и философских идеях, позволяющих человеку жить в гармонии с другими людьми, с природой, с собственной совестью. В конце экскурсии предусмотрена обобщающая беседа, помогающая структурировать не только знания по теме, но и затронуть важнейшие вопросы духовно-нравственного развития. Обсуждение с обучающимися ценностей мировых религий позволяет понять их вневременной, всеобщий и универсальный характер.

Дисциплина «Профессиональная этика: проявление в поведении и деятельности сотрудников ОВД» (ОК-4, ОК-5). Одна из тем этого курса рассматривает культуру речи как зеркало личности сотрудника ОВД, а речь – как важное условие и средство коммуникации, основу для совершенствования профессионального мастерства. Кроме того, разбираются отклонения от речевой нормы. На двухчасовом практическом занятии преподаватель, раскрывая проблему

сквернословия в среде сотрудников ОВД, обобщил ответы, данные курсантами при опросе. Далее была проведена дискуссия о сквернословии, включающая обоснование собственной позиции по нескольким вопросам («Считаете ли вы, что сквернословие в среде сотрудников ОВД нормальное явление?», «Согласны ли вы с тем, что, употребляя нецензурные слова, человек оскорбляет свою мать, любовь и другие достойные чувства и действия?», «Можете ли вы согласиться с тем, что повальное распространение матерной, нецензурной лексики угрожает национальному единству страны, потому что нация объединяется языком и нормами общения?», «Как вы считаете, совместимы ли чувство собственного достоинства и сквернословие в общении?»). В ходе обсуждения выявились и были заслушаны противоположные точки зрения, что позволило сделать вывод об актуальности проблемы и негативном влиянии сквернословия на духовно-нравственное развитие сотрудников ОВД.

Таким образом, каждый преподаватель может видеть взаимосвязь тематических модулей по своему предмету, связать темы одной дисциплины со сходным материалом по другим дисциплинам, которые уже освоены, осваиваются параллельно и будут осваиваться в будущем. Одна из трудноразрешимых проблем при освоении гуманитарных дисциплин – это междисциплинарные связи. Несмотря на то, что в современных учебных программах в обязательном порядке указывается, с какими учебными дисциплинами и по каким темам связана осваиваемая, конкретное её содержание и формы работы требуют обязательной научно-методической

разработки. Это способствует тому, что преподаватель видит, какие фильмы, книги и вопросы обсуждались на других связанных дисциплинах.

Заключение

Завершая анализ системы дисциплин гуманитарного цикла как основы духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России, отметим следующее.

В системе подготовки специалистов в Санкт-Петербургском университете МВД России гуманитарное образование включает 13 дисциплин, в которых отобраны 42 темы. Выделен мировоззренческий блок, включающий шесть дисциплин, и психолого-педагогический блок, объединяющий семь дисциплин.

Анализ количества часов, отведённых на каждую дисциплину от первого к пятому курсу, позволяет заключить, что освоение дисциплин мировоззренческого и психолого-педагогического блоков предусмотрено на 1–2-м курсах и меньше – на 3–5-м годах обучения за счёт дисциплин профессионального цикла.

Многообразие содержания, взаимосвязь, большее количество времени, отведённое на освоение гуманитарных дисциплин, потребовало выделения тематических модулей, консолидирующих знания по духовно-нравственной сфере. Были выделены модули гуманитарных дисциплин «Человек», «Общество», «Деятельность», «Мироздание», соответствующие теоретическому анализу. Систематизированные учебные дисциплины в наибольшей мере направлены на освоение этих модулей.

Список литературы

1. Райхлина Е. Л. Потенциал содержания гуманитарных дисциплин и его реализация в процессе патриотического воспитания студентов педагогического вуза // Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 9–10. – С. 153–157.
2. Русанова А. А. Актуальные проблемы трансформации университетского образования в России // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 92–96.
3. Жиркова Г. П. Университетское образование в России: традиции и современность // Известия ВГПУ. – 2019. – № 1 (282). – С. 6–9.
4. Праздников Г. А. Болонский процесс в смысловом пространстве современного образования // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 42–47.
5. Бородавко Л. Т. Педагогические основы профессионального воспитания сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД России: теория и практика: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 355 с.
6. Шафигуллина Ю. В. Значимость дисциплин гуманитарного цикла в современном образовательном пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 3. – С. 305–308.

7. Васильева З. В. Проблема духовно-нравственного развития в отечественной педагогической мысли // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – С. 140–144.

8. Васильева З. В. Роль духовно-нравственного развития для обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований [Электронный ресурс] : материалы региональной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 6 декабря 2019 года / сост.: А. А. Сарсенова, Э. Х. Мамедов. – Электрон. дан. (4,70 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 267–271.

9. Гейжан Н. Ф., Васильева З. В. Условия духовно-нравственного развития сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России / Этическое и эстетическое в образовании. История проблемы, векторы : сборник научных статей: К 70-летию профессора Андрея Евгеньевича Зимбули / сост. Т. В. Шоломова; ред. Л. Н. Летягин. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 37–42.

10. Бялт В. С. Формирование нравственного облика обучающихся в образовательных организациях МВД России в аспекте повышения эффективности профессионального образования / Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 67–71.

References

1. Raikhlina E. L. Potentsial sodержaniya gumanitarnykh distsiplin i ego realizatsiya v protsesse patrioticheskogo vospitaniya studentov pedagogicheskogo vuza // Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal. – 2009. – № 9–10. – S. 153 – 157.

2. Rusanova A. A. Aktual'nye problemy transformatsii universitetskogo obrazovaniya v Rossii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2012. – № 4. – S. 92–96.

3. Zhirkova G. P. Universitetskoe obrazovanie v Rossii: traditsii i sovremennost' // Izvestiya VGPU. – 2019. – № 1 (282). – S. 6–9.

4. Prazdnikov G. A. Bolonskii protsess v smyslovom prostranstve sovremennogo obrazovaniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2005. – № 10. – S. 42–47.

5. Borodavko L. T. Pedagogicheskie osnovy professional'nogo vospitaniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov v vuzakh MVD Rossii: teoriya i praktika: monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2006. – 355 s.

6. Shafigullina Yu. V. Znachimost' distsiplin gumanitarnogo tsikla v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2010. – № 3. – S. 305–308.

7. Vasil'eva Z. V. Problema dukhovno-nravstvennogo razvitiya v otechestvennoi pedagogicheskoi mysli // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – С. 140–144.

8. Vasil'eva Z. V. Rol' dukhovno-nravstvennogo razvitiya dlya obuchayushchikhsya obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya MVD Rossii / Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy [Elektronnyi resurs]: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 6 dekabrya 2019 goda / sost.: A. A. Sarsenova, E. Kh. Mamedov. – Elektron. dan. (4,70 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2020. – S. 267–271.

9. Geizhan N. F., Vasil'eva Z. V. Usloviya dukhovno-nravstvennogo razvitiya sotrudnikov politsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii / Eticheskoe i esteticheskoe v obrazovanii. Istoriya problemy, vektory : sbornik nauchnykh statei: K 70-letiyu professora Andreyevich Zimbuli / sost. T. V. Sholomova; red. L. N. Letyagin. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2019. – S. 37–42.

10. Byalt V. S. Formirovanie нравstvennogo oblika obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii v aspekte povysheniya effektivnosti professional'nogo obrazovaniya / Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2019. – S. 67–71.

© Васильева З. В., 2020

Статья поступила в редакцию 01.06.2020 г.

Теория и методика профессионального образования

УДК 378.147

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-202-209.

Г. В. Марченко

доктор исторических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198096, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

ORCID: 0000-0002-9942-2553. E-mail: gen.marchenco@yandex.ru

И. А. Сошникова

кандидат педагогических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198096, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

ORCID: 0000-0001-9463-1812. E-mail: sukalik@mail.ru

Применение методов воспитывающего обучения в образовательных организациях МВД России

Аннотация: В статье рассматривается содержание современных технологий подготовки кадров органов внутренних дел, раскрываются подходы к обучению и воспитанию курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России и методы воспитывающего обучения, в основу которых заложено ценностное содержание профессиональной деятельности: патриотизм и гражданственность, служение Отечеству и интересам народа, верность закону и служебному долгу.

Авторы предлагают конкретные методы (кейс-методы, групповые дискуссии, ролевые и деловые игры) для использования в ходе семинаров и практических занятий по дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет». Данные методы носят активный и интерактивный характер, а их содержание построено на обращении к литературным и кинематографическим произведениям о деятельности сотрудников правоохранительных структур на различных этапах отечественной истории. Авторы приходят к выводу, что использование воспитывающих методов обучения на занятиях даёт курсантам и слушателям ясное представление об основных составляющих профессиональной деятельности и служебного долга, нормах морали и права, укрепляет понимание преемственности славных традиций предшествующих поколений сотрудников органов внутренних дел, позволяет создать в образовательных организациях МВД России благоприятную воспитывающую среду и качественно повысить уровень практической готовности выпускников к профессиональной деятельности.

Статья представляет методический интерес для научно-педагогических работников образовательных организаций системы МВД России, преподающих дисциплины гуманитарного цикла.

Ключевые слова: образование; ценности; воспитание; обучение; культура; патриотизм; гражданственность; кодекс; профессиональная этика; служебный этикет; воспитывающие методы.

Для цитирования: Марченко Г. В., Сошникова И. А. Применение методов воспитывающего обучения в образовательных организациях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 202–209. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-202-209.

Gennady V. Marchenko

Dr. Sci. (His.)

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9942-2553. E-mail: gen.marchenco@yandex.ru

Irina A. Soshnikova

Cand. Sci. (Pedag.)

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9463-1812. E-mail: sukalik@mail.ru

The application of educational teaching methods in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation: The article reveals the content of modern training technologies for internal affairs bodies; approaches are presented to training and education of cadets and students of educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and educational methods the foundation of which is formed value content of professional activities: patriotism and citizenship, service to the Fatherland and interests of the people, loyalty to the law and official duty.

The authors propose specific methods (case methods, group discussions, role-playing and business games) for use during seminars and practical classes in the discipline «Professional ethics and official etiquette». These methods are active and interactive, and their content is based on the appeal to literary and cinematic works on the activities of law enforcement officers on various stages of national history. The article is of methodological interest for scientific and academicians of educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, teaching humanities. The authors come to the conclusion that the use of educational methods of teaching in the classroom gives cadets and listeners a clear idea of the main components of professional activity and official duty, morality and law, strengthens the understanding of the continuity of the glorious traditions of previous generations of employees of the internal affairs bodies, allows creating the Ministry of Internal Affairs in educational organizations Russia a favorable upbringing environment and qualitatively raise the level of practical readiness of graduates for professional activities.

Keywords: education; value; training; culture patriotism; citizenship; professional ethics; service etiquette; educational methods.

For citation: Marchenko G. V., Soshnikova I. A. The application of educational teaching methods in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 202–209. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-202-209.

На современном этапе развития российского общества одним из приоритетных направлений в подготовке кадров в образовательных организациях МВД России становится применение в образовательном процессе методов профессионально-нравственного воспитания, направленных на формирование ценностных ориентиров

сотрудников органов внутренних дел. Основными составляющими этих ориентиров являются: устойчивость государственно-патриотического мировоззрения, уровень общей и правовой культуры, соответствие норм этики профессиональным знаниям, навыкам и умениям будущих специалистов правоохранительной сферы.

Современные требования к содержанию образования изложены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», который определяет необходимость обеспечения развития способностей каждого человека, формирования и развития его личности в соответствии с духовно-нравственными и социокультурными ценностями, принятыми в семье и обществе¹. Очевидно, что базовым компонентом здесь является воспитание.

Эти параметры воспитания получили отражение и в проекте приказа МВД России об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел. В документе четко указывается его основная цель – формирование у сотрудников нравственной мотивации к добросовестному выполнению служебных обязанностей, при которой этические нормы их профессиональной деятельности должны основываться на общепринятых в российском обществе нравственных принципах и ценностях².

Необходимо отметить, что вопросы организации профессионально-нравственного воспитания и формирования этического компонента профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел сегодня являются не только задачами практических работников территориальных подразделений органов внутренних дел, но и находятся в центре внимания научно-педагогических работников образовательных организаций МВД России.

Так, в одной из последних научных статей, посвященной вопросу формирования профессионально-этической культуры сотрудников органов внутренних дел, ее автор Е.А. Вызулин в качестве проблемного вопроса отметил отсутствие в рабочих учебных планах образовательных организаций МВД специальной дисциплины, формирующей такую культуру [1, с.106]. На наш взгляд, это утверждение является обоснованным.

Анализ рабочих учебных планов Санкт-Петербургского университета МВД России по всем специальностям за последние пять лет набора показал, что в каждом из них есть дисциплина «Профессиональная этика и служебный этикет». Целью этой дисциплины является освоение обучающимися общекультурных компетенций, а именно, формирование способностей к выполнению профессиональных задач в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и

служебного этикета. От курсантов и слушателей требуется понимать ценностное содержание выбранной профессии, цель, смысл и социальную значимость службы. При этом профессионально-нравственными ориентирами их мировоззрения являются идеи патриотизма, гражданственности и законности. Эти ориентиры лежат в основе воспитывающего обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в ходе изучения дисциплин гуманитарного цикла, и прежде всего «Профессиональной этики и служебного этикета».

Несомненно, освоение общекультурных компетенций служит основой для формирования профессионально-этической культуры обучающихся, ориентиров их мировоззрения внутри профессии. Это возлагает на преподавателя особую ответственность, выраженную в таком построении образовательного процесса, при котором содержание ценностных ориентаций курсантов и слушателей соответствовало бы мировоззренческим ценностям общества.

Основные теоретические и практические вопросы профессиональной этики и служебного этикета сотрудников МВД России сегодня глубоко раскрыты во многих учебных и научных изданиях [11; 12]³.

В то же время в этих изданиях недостаточно освещаются методические аспекты проведения занятий по данной дисциплине в образовательных организациях МВД России. С учётом этого в настоящей статье ставятся следующие задачи.

Во-первых, определить основные профессионально-нравственные ориентиры, составляющие основу воспитывающего обучения курсантов и слушателей.

³ Марченко Г. В., Игошин Н. А., Косолапов А. Д., Трофимова Т. А. Этические основы управления персоналом в органах внутренних дел : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. – 68 с.; Аминов И. И. и др. Профессиональная этика и служебный этикет : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность». – Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2017. – 271 с.; Кочин А. А., Шарухин А. П. Служебный этикет в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие: Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. – 308 с.; Кушнаренко И. А. Основы профессиональной этики сотрудников полиции : учебное наглядное пособие. – Москва: ДГСК МВД России, Московский университет им. В.Я. Кикотя: Медиа-Принт, 2016. – 80 с.; Трофимова Т. А., Миронов И. Л. Морально-этические основы деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015. – 65 с.; Аминов И. И., Щеглов А. В., Эриашвили Н. Д. и др. Профессиональная этика и служебный этикет сотрудников органов внутренних дел : учебник. – Москва: Юнити, 2015. – 271 с.; Кикоть В. Я. и др. Профессиональная этика и служебный этикет : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность». – Москва: Юнити-Дана, 2012. – 559 с.; и др.

¹ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон. – Москва: Проспект, 2014. – 160 с.

² Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : проект приказа МВД России от 27 апреля 2020 // Электронный ресурс: <https://regulation.gov.ru/projects#departments=7&search=01/02/04/20/00101503&npa=101503> (дата обращения: 28.04.2020)

Во-вторых, раскрыть конкретные методы работы преподавателей в рамках дисциплины «Профессиональная этика и служебный этикет», позволяющие заложить базис для формирования у курсантов и слушателей профессионально-нравственных ценностей.

В-третьих, оказать методическую поддержку в ведении данной дисциплины начинающим преподавателям, помочь им в профессиональном становлении.

Обращение к историческому аспекту становления и генезиса методов воспитания в обучении позволяет понять их важность на современном этапе развития общества. Актуально и сегодня звучат слова известного русского философа И.А. Ильина, сказанные почти столетие назад: «Образование без воспитания – дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полуобразованных, самомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов; оно вооружает противодуховные силы; оно развязывает и поощряет в человеке волка. Человек, лишенный патриотизма, легко продаст и силы, и ум, и – если сможет – богатства страны тем, кто дороже заплатит, не думая ни о современных ему соотечественниках, ни о потомках»⁴.

Качественная организация воспитательного процесса, в рамках которого происходит активное формирование у обучающихся профессионально-нравственных качеств и ценностей, является важнейшим компонентом образовательной деятельности в образовательных организациях МВД России. Ряд авторов, представителей Санкт-Петербургского университета МВД России – В. С. Бялт, И. Л. Миронов, С. Н. Трипутин, – раскрывая специфику образовательного процесса, основанного на ценностных ориентирах, предлагают в качестве неперемennого условия эффективности обучения обязательное сочетание различных форм воспитательной работы по направлениям профессионально-нравственного, патриотического и правового воспитания [2; 3; 4].

Соглашаясь с их выводами, можно выделить приоритетные направления деятельности научно-педагогических работников в этой сфере деятельности:

- формирование у обучающихся профессионально-нравственных ориентиров, которые в ходе обучения постепенно становятся личностными ценностями;
- воспитание профессионально-нравственной культуры курсантов и слушателей, в том числе, умения действовать в рамках законодательства и решать профессиональные задачи в соответствии с нормами морали и чувством долга.

По справедливой оценке, И.Ю. Устинова и Л.В. Филоненко, человек, живущий в начале третьего тысячелетия, должен быть гражданином, способным стать организатором и участником сложных социально-экономических процессов, содействовать сохранению целостности своего государства и обеспечению правопорядка [5]. Подобной модели поведения соответствует такой тип личности, у которой высокое профессиональное мастерство и интеллектуальный потенциал оказываются прочно связанными с нравственным уровнем развития. Воспитанию именно такой личности способствует применение современных педагогических технологий на основе методов «кейсов», групповых дискуссий, ролевых и деловых игр и др. Внедрение новых подходов в практику работы с личным составом стало сегодня неперемennым условием подготовки специалистов в различных отраслях [6; 7; 8; 9].

В образовательных организациях системы МВД России наиболее полную, по нашему мнению, возможность в полной мере реализовать методы воспитывающего обучения преподавателю дает преподавание дисциплины «Профессиональная этика и служебный этикет». Обобщение педагогического опыта проведения занятий по данной дисциплине преподавателями кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России позволяет выделить методы, обеспечивающие формирование у обучающихся профессионально-нравственных ориентиров будущей профессиональной деятельности.

Рассмотрим более предметно «кейс-метод», направленный на анализ обучающимися практической ситуации и принятие оптимального решения с позиции соответствия нормам профессиональной морали. В ходе занятий, проводимых с использованием этого метода, у курсантов и слушателей происходит развитие аналитического мышления и навыков аргументации, появляется умение вести дискуссию и прислушиваться к мнению других членов коллектива.

Так, на практических занятиях, например, можно рассмотреть конкретную ситуацию в правоохранительной сфере, связанную с личным моральным выбором на службе или в бытовой обстановке на основе принципов деятельности полиции: соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, законности, беспристрастности и др.

Центральным вопросом обсуждения становится нравственно-этический компонент профессиональной деятельности сотрудников полиции: «Оправдывается ли достижение цели применением любых, в том числе незаконных средств?» Целесообразно для этого использовать обращение к популярным литературным и кинематографическим произведениям о деятельности органов внутренних дел, в которых показы-

⁴ Ильин И. А. Путь к очевидности. – Москва: Дарь, ТД «Белый город», 2017. – С. 23.

вается уровень правовой культуры сотрудников органов внутренних дел и эффективность методов работы в борьбе с преступностью.

В начале занятия преподаватель кратко напоминает обучающимся содержание детективной повести братьев А. и Г. Вайнеров «Эра милосердия», по которой в 1979 г. был снят кинофильм о буднях советской милиции в послевоенной Москве «Место встречи изменить нельзя». Затем демонстрирует фрагмент из этого фильма, в котором два главных героя – сотрудники московского уголовного розыска Г. Жеглов и В. Шарапов спорят о целесообразности применения незаконных мер в интересах следствия при задержании вора-карманника Кирпича. Популярными точками зрения в этом споре являются утверждения главных героев. Мнение Жеглова выражается в хорошо понятном и популярном выражении: «Вор должен сидеть в тюрьме, и каким способом я его туда загоню, людям безразлично!», но в этом споре его подчиненный Шарапов возражает начальнику: «Работники МУРа не могут действовать шельмовскими методами!»

Обсуждение их позиций в учебной аудитории, как правило, дает результат в пользу аргументации Г. Жеглова, но после обращения преподавателя к финалу повести и фильма, выясняется, что вся версия опытного оперативника была изначально построена на его субъективных оценках. Все сомнения в виновности одного из подозреваемых в совершении убийства он трактовал в интересах следствия, а не в пользу обвиняемого (подозреваемого), как определяет презумпция невиновности.

Рассмотрение дальнейших вопросов этого «кейса» происходит в формате обсуждения еще одного популярного современного телесериала «Ликвидация» о борьбе с фашистским подпольем и «преступным миром» в послевоенной Одессе. Показ и обсуждение отдельных фрагментов сериала, например, совещания у командующего Одесским военным округом маршала Советского Союза Г.К. Жукова о борьбе с преступностью в регионе, сцены сходимки «воров в законе» с участием работника милиции, позволяют оценить различные подходы в организации оперативной деятельности и методы сотрудников правоохранительных органов.

Преподаватель должен донести нравственную позицию главного героя фильма подполковника милиции Д. Гоцмана, выступившего против предложенного маршалом фактического самосуда над представителями криминала. В сложившейся ситуации сотрудник уголовного розыска искренне считал, что следует идти с ними на контакт в интересах раскрытия более тяжких преступлений, но при этом действовать в отношении преступников строго по закону.

Завершить рассмотрение вопросов «кейса» можно сообщениями обучающихся об общей и

правовой культуре и соблюдении норм морали современным поколением сотрудников органов внутренних дел – героями таких популярных российских телесериалов, как «Улицы разбитых фонарей», «Убойная сила», «Глухарь», «Ментовские войны», «Карпов», «Тайны следствия», «Каменская» и др. Очевиден и общий вывод из обсуждения содержания «кейса»: принципы законности, гуманизма и справедливости должны всегда быть приоритетными направлениями деятельности сотрудников полиции.

К методам воспитывающего обучения необходимо отнести деловые игры и групповые дискуссии, в ходе которых обучающиеся получают навыки аргументации и повышают ораторское мастерство, отстаивают свою точку зрения с позиции обращения к этическим основам службы в ОВД, совершенствуют при этом навыки межличностного общения.

Здесь могут применяться интерперсональные упражнения (ролевые игры), когда участники играют отведенные им роли, требующие применения навыков межличностного общения. По этой схеме целесообразно, например, разобрать примерную схему действий сотрудников полиции при выезде на место совершения тяжкого преступления, а затем сравнить полученные ответы с практической деятельностью оперативников по задержанию и допросу подозреваемых в сексуальном насилии в одной из сцен кинофильма «Ворошиловский стрелок» (1998 г).

В сценарий проведения занятия по развитию навыков психологической работы и совершенствованию речевой культуры курсантов – будущих следователей и оперативных сотрудников, следует включать материалы лучших произведений отечественной и мировой литературы, в частности, фрагментов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором рассматриваются методы проведения расследования тяжкого преступления приставом следственной части полиции Санкт-Петербурга середины XIX в. Порфирием Петровичем⁵. Формат ролевой игры позволяет подготовить литературную инсценировку эпизодов встреч и допросов следователем студента Раскольниковым, совершившего двойное убийство, просмотреть кинофрагменты нескольких экранизаций романа, оценить следственное мастерство и образную речь сотрудника полиции, который в ходе своеобразной психологической дуэли следователя и подозреваемого, не имея прямых улик, фактически добился признания вины студентом Раскольниковым, убедив последнего в необходимости «явки с повинной».

С учётом того, что в структуре вышеуказанных активных и интерактивных методов

⁵ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – Москва: АСТ, 2015 – 672 с.

превалируют споры и дискуссии, в ходе которых аргументация участников должна оставаться в рамках норм и правил делового общения, нагрузка на преподавателя значительно возрастает. Он должен быть достаточно эмоциональным, поддерживать атмосферу сотрудничества, моделировать различные ситуации, быть главным арбитром в решении практических задач и вводных, оценивать умение обучаемых четко излагать свою точку зрения. Роль преподавателя меняется кардинальным образом – от традиционного руководства учебным занятием до творческого и креативного лидерства в ходе учебно-воспитательного процесса.

Здесь, по мнению В. И. Еремченко и Е. А. Щурова, приоритетным направлением формирования профессионально значимых качеств сотрудника полиции становится фасилитативный подход к обучению курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, когда преподаватель выступает в качестве своеобразного «генератора» образовательного процесса [10]. Очевидно, что педагогический работник не просто односторонне доводит до обучающихся необходимую информацию в рамках учебной дисциплины, а побуждает их к поиску новых знаний. Преподаватель подаёт идею, наталкивает на мысль, а активный поиск информации для развития идеи становится прерогативой обучающегося.

Эффективным воспитывающим методом обучения является и обращение к военно-историческому опыту боевого прошлого и героических традиций органов и войск НКВД в годы Великой Отечественной войне. Так, например, на занятиях могут использоваться видеофрагменты из современных кинофильмов и телесериалов о Великой Отечественной войне: «Блокада», «Ленинград», «Брестская крепость», «Сталинград», «Ладога», «Битва за Севастополь», «Утомленные солнцем-2», «Цитадель», «Мы из будущего», «А зори здесь тихие», «Диверсант», «Операция «Апостол»», «Смерть шпионам», «Момент истины», «Секретный эшелон», «По законам военного времени», кадры документальных фильмов: «900 дней», «Читаем блокадную книгу», «Голоса».

Приносят большой воспитательный эффект и выступления курсантов и слушателей с сообщениями о героизме бойцов, командиров и гражданского населения, защищавших «северную столицу» в годы войны, а также уроженцев Ленинграда, сражавшихся на других фронтах и на оккупированной территории, в честь которых впоследствии были названы многие улицы города: подводника П. Кузьмина, генерала Н. Симоняка, солдата-артиллериста А. Корзуна, партизана А. Германа, пограничника А. Гарькавого, летчиков П. Пилютова и С. Здоровцева, маршалов Г. Жукова, М. Захарова и В. Казакова,

адмирала В. Трибуца, разведчика Р. Зорге, милиционеров П. Винокурцева, И. Цыганкова и других героев.

Особого рассмотрения заслуживают кинематографические произведения, отражающие специфику службы и поведения сотрудников советской милиции: «Испытательный срок», «Сержант милиции», «Улица полна неожиданностей», «Следствие ведут знатоки», «Рожденная революцией», «Петровка, 38», «Огарева, 6», «Ларец Марии Медичи», «Инспектор ГАИ», «Будни уголовного розыска», «Я, следователь» и др.

Воспитанию на традициях правоохранительной службы способствует и рассмотрение на занятиях вопросов роли органов внутренних дел в поддержании законности и правопорядка на различных этапах развития российского государства, вкладе исторических персоналий в обеспечение внутривластной стабильности: имперских министров внутренних дел В. П. Кочубея, В. К. Плеве, П. А. Столыпина, министра полиции А. Д. Балашова, народных комиссаров и министров внутренних дел советской эпохи Ф. Э. Дзержинского и Н. А. Щелокова.

Все рассмотренные методы воспитывающего обучения позволяют преподавателю сформировать у обучающихся профессионально-нравственные ориентиры, основанные на патриотизме, гражданственности, уважении к выбранной профессии. Важно при этом отметить, что основными условиями эффективности данных методов являются, во-первых, их интерактивный формат, подразумевающий диалог и обратную связь преподавателя и обучающихся, во-вторых, общий культурный уровень развития самого преподавателя. Если преподаватель поверхностно ориентируется в содержании подобранных для занятий литературных и кинематографических произведений, в основном в рамках чужих критических оценок, то ему будет непросто добиться выполнения учебных и воспитательных целей.

Таким образом, рассмотрение воспитывающих методов обучения на примере проведения занятий по дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет» позволяет сделать следующие выводы:

1. В основу воспитывающего обучения в образовательных организациях МВД России должно быть заложено формирование у обучающихся профессионально-нравственных ориентиров, которые в процессе обучения становятся личными нравственными ценностями. К таким ориентирам относятся: готовность сотрудников органов внутренних дел к бескорыстному служению Отечеству и закону, верность присяге и служебному долгу, убежденность в правильности своего призвания и профессионального выбора, осознание большой ответственности за

выполнение задач по поддержанию законности и правопорядка в обществе.

2. Применение методов воспитывающего обучения – «кейс-методов», дискуссий, деловых и ролевых игр, обсуждение художественных фильмов и литературных произведений – позволяет формировать профессионально-нравственную культуру обучающихся, в том числе умение действовать в рамках законодательства и решать профессиональные задачи в соответствии с нормами морали и чувством долга. Особенностью этих методов является их интерактивный характер, а эффективность применения обеспечивает высокий уровень общей и правовой культуры преподавателя, его методическое мастерство и личные нравственные качества.

3. Образовательная деятельность в образовательных организациях МВД России должна строиться на осознании всеми участ-

никами учебно-воспитательного процесса (преподавателями, представителями управленческих структур, руководством подразделений курсантов и слушателей) особой роли образовательной организации как социокультурного института, призванного регулировать ценностные ориентиры обучающихся.

Очевидно, что использование воспитывающих методов обучения на занятиях даёт курсантам и слушателям ясное представление об основных составляющих профессиональной деятельности и служебного долга, нормах морали и права, укрепляет понимание преемственности славных традиций предшествующих поколений сотрудников органов внутренних дел, позволяет создать в образовательных организациях МВД России благоприятную воспитывающую среду и качественно повысить уровень практической готовности выпускников к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Вызулин Е. А. Вопросы формирования профессионально-этической культуры сотрудников органов внутренних дел в рамках единоначальной и коллегиальной моделей администрирования образовательной деятельности в вузах МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 102–107.

2. Бялт В. С. Формирование нравственного облика обучающихся в образовательных организациях МВД России в аспекте повышения эффективности профессионального образования / Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 67–71.

3. Миронов И. Л. Современная парадигма нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел / Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 260–262.

4. Трипутин С. Н. Условия оптимального выбора и эффективного применения методов профессионально-нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел / Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 418–422.

5. Устинов И. Ю., Филоненко Л. В. Культура толерантности как личностное качество современного военного специалиста / Психологическое обеспечение деятельности силовых структур в современной России: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции специалистов ведомственных психологических служб. Том II. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал РГА, 2012. – 302 с.

6. Сошникова И. А., Гейжан Н. Ф. Интерактивные технологии воспитательной работы с обучающимися образовательных организаций системы МВД России: монография. – Санкт-Петербург: СПб университет МВД России, 2019. – 117 с.

7. Садеков Р. Р., Сенаторова О. Ю. Психолого-педагогические аспекты подготовки кадрового резерва в современных условиях // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 5 (24) [Электронный ресурс] // Сайт «Киберленинка». Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-aspekty-podgotovki-kadrovogo-rezerva-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 19.01.2020).

8. Резапкина Г. В. Искусственный отбор. Пособие для менеджеров по работе с персоналом. – Москва: Генезис, 2004. – 176 с.

9. Гуревич А. Ассесмент: принципы подготовки и проведения. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 235 с.

10. Еремченко В. И., Шуруп Е. А. Педагогические условия формирования профессионально важных качеств личности курсантов образовательных организаций МВД России при реализации фасилитативного подхода к обучению // Вестник КРУ МВД России. – 2017. – № 3 (37) – С. 183–186.

11. Чимаров С. Ю. Служа России – служить закону: примеры благородства полицейской службы : монография. – Ставрополь: Логос, 2019. – 158 с.

12. Витольник Г. А. Воспитание профессиональной чести курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России : монография. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – 108 с.

References

1. Vyzulin Ye. A. Voprosy formirovaniya professional'no-eticheskoy kul'tury sotrudnikov organov vnutrennikh del v ramkakh yedinonachal'noy i kollegial'noy modeley administrirovaniya obrazovatel'noy deyatel'nosti v vuzakh MVD Rossii // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2017. – № 1. – S. 102–107.

2. Byalt V. S. Formirovaniye npravstvennogo oblika obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii v aspekte povysheniya effektivnosti professional'nogo obrazovaniya / Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 67–71.

3. Mironov I. L. Sovremennaya paradigma npravstvennogo vospitaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del / Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 260–262.

4. Triputin S. N. Usloviya optimal'nogo vybora i effektivnogo primeneniya metodov professional'no-npravstvennogo vospitaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del / Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2019. – S. 418–422.

5. Ustinov I. Yu., Filonenko L. V. Kul'tura tolerantnosti kak lichnostnoye kachestvo sovremennogo voyennogo spetsialista / Psikhologicheskoye obespecheniye deyatel'nosti silovykh struktur v sovremennoy Rossii: sbornik materialov IVserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii spetsialistov vedomstvennykh psikhologicheskikh sluzhb. Tom II. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy imeni V. B. Bobkova filial RTA, 2012. – 302 s.

6. Soshnikova I. A., Geyzhan N. F. Interaktivnyye tekhnologii vospitatel'noy raboty s obuchayushchimisya obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii: monografiya. – Sankt-Peterburg: SPb universitet MVD Rossii, 2019. – 117 s.

7. Sadekov R. R., Senatorova O. Yu. Psikhologo-pedagogicheskiye aspekty podgotovki kadrovogo rezerva v sovremennykh usloviyakh // Internet-zhurnal «Naukovedeniye». – 2014. – № 5 (24). – Elektronnyy resurs: <https://cyberleninka.ru/article/n/psikhologo-pedagogicheskie-aspekty-podgotovki-kadrovogo-rezerva-v-sovremennykh-usloviyakh> (data obrashcheniya: 19.01.2020).

8. Rezapkina G. V. Iskusstvennyy otbor. Posobiye dlya menedzherov po rabote s personalom. – Moskva: Genezis, 2004. – 176 s.

9. Gurevich A. Assesment: printsipy podgotovki i provedeniya. – Sankt-Peterburg: Rech', 2005. – 235 s.

10. Yermchenko V. I., Shchurov Ye. A. Pedagogicheskiye usloviya formirovaniya professional'no vazhnykh kachestv lichnosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii pri realizatsii fasilitativnogo podkhoda k obucheniyu // Vestnik KRU MVD Rossii. – 2017. – № 3 (37) – S. 183–186.

11. Chimarov S. Yu. Sluzha Rossii – sluzhit' zakonu: primery blagorodstva politseyskoy sluzhby : monografiya. – Stavropol': Logos, 2019. – 158 s.

12. Vitol'nik G. A. Vospitaniye professional'noy chesti kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2017. – 108 s.

О. Н. Миронкина

*Санкт-Петербургского университета МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0002-2881-5012. E-mail: madam.oksana-79@yandex.ru*

Комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД в системе повышения квалификации

Аннотация: В статье рассматриваются методы обучения в группах повышения квалификации, формируемых из числа сотрудников кадровых подразделений системы МВД России, предполагающие применение антикоррупционного просвещения на разных этапах профессиональной деятельности. Описывается комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения, позволяющий использовать разнообразные формы обучения сотрудников ОВД в их взаимосвязи. Показана результативность такого подхода в системе повышения квалификации. Комплексный подход позволяет в процессе обучения уделять внимание запросам и затруднениям в сфере профилактики коррупции без затрат времени на базовую учебную информацию. Рассматривается несколько этапов в организации и содержании обучения. Каждый из них соответствует разным стадиям профессионального становления специалистов кадровых подразделений органов внутренних дел, подробно описан и направлен на отдельную аудиторию, имеет свою ценность. Представлены возможности антикоррупционного просвещения начиная с отбора кадров для службы в органах внутренних дел и заканчивая подготовкой к увольнению. Проанализированы осуществляемые в настоящее время антикоррупционные обучающие мероприятия, определены способы интенсификации каждого из них и возможности лаконичного включения в разработанный комплекс содержания и форм. Предлагаемый подход может использоваться для большинства категорий должностей, не ограничиваясь только кадровыми подразделениями. Кроме того, разработанный методический материал после рассмотрения на курсах повышения квалификации может быть использован обучающимися в процессе своей служебной деятельности на местах.

Ключевые слова: интенсификация обучения, повышение квалификации, формирование антикоррупционного поведения, кадровые подразделения, учебный материал, образовательные организации, обучающиеся.

Для цитирования: Миронкина О. Н. Комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД в системе повышения квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 210–217. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-210-217.

Oksana N. Mironkina

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2881-5012. E-mail: madam.oksana-79@yandex.ru*

A comprehensive approach to the formation of anti-corruption behavior of the internal affairs bodies employees in the professional development system

Annotation: Methods of training in advanced training groups formed from the staff of personnel divisions of the MIA of Russia, which involve the use of anti-corruption education at different stages of professional activity are discussed in the article. A comprehensive approach to the formation of anti-corruption behavior, which allows using various forms of training of police officers in their relation is described. The effectiveness of this approach in the system of professional development was shown. A comprehensive approach allows the training process to pay attention to the needs and difficulties in the field of corruption prevention without spending time on basic training information. Several stages in the organization and content of training are considered. Each of them corresponds to different stages of professional development of specialists of personnel divisions of internal affairs bodies. Described in detail every stage is aimed at a separate audience and has its own value. The possibilities of anti-corruption education are presented, starting

with the selection of personnel for service in the internal affairs bodies and ending with the preparation for dismissal. The anti-corruption educational activities carried out at the present time are analyzed. Methods of intensifying each of them and the possibilities of optimal inclusion in the developed complex of content and forms are determined. The proposed approach can be used for majority posts. It is not limited to human resources units. In addition, the developed methodological material can be used by students in the course of their professional activities in the field after studying at advanced training courses.

Keywords: intensification of training, advanced training, the formation of anti-corruption behavior, personnel departments, educational material, educational organizations, students.

For citation: Mironkina O. N. A comprehensive approach to the formation of anti-corruption behavior of the internal affairs bodies employees in the professional development system // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 210–217. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-210-217.

Формирование антикоррупционного поведения на государственной службе – крайне актуальная тема в современной России. Это связано с тем, что коррупция по-прежнему вызывает в российском обществе тревогу как явление, препятствующее проведению социальных преобразований в государстве, экономическому развитию, вызывающее недоверие к государственным институтам. Государством коррупция рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации¹. В целях снижения коррупции наше государство разработало и развивает систему профилактических мер, включающих повышение качества профессиональной подготовки специалистов в сфере противодействия коррупции и совершенствование работы подразделений кадровых служб федеральных органов исполнительной власти (к ним относятся и органы внутренних дел, далее – ОВД). Они осуществляются прежде всего в рамках курсов повышения квалификации и позволяют усилить результативность внедряемых на всех уровнях государственной власти мероприятий по профилактике коррупции.

Вопросы профилактики коррупции вызывают необходимость искать способы интенсификации обучения в короткие сроки повышения квалификации сотрудников кадровых подразделений ОВД. Актуальность методического обеспечения связана с тем, что профилактика, заключающаяся в выявлении и последующем устранении причин коррупции, – сложный, многоуровневый процесс. Даже наличие высшего образования и многолетний опыт работы не всегда позволяют преодолеть возникающие в этой деятельности трудности. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, нормативно оформленное, это направление деятельности государственных органов развивается всего 12 лет. В декабре 2008 года в России принят Федеральный закон «О противодействии коррупции»², который позволил

структурировать работу в области профилактики коррупции, сформулировать систему антикоррупционных требований к государственным и муниципальным служащим и дал толчок развитию всего антикоррупционного законодательства страны. Однако любой закон не может учесть множество практических вопросов, которые должны регулироваться подзаконными актами. Это необходимо для того, чтобы избежать таких недостатков, как неполнота, неточность, противоречивость нормативных правовых актов.

Следует отметить, что антикоррупционному законодательству, как правило, присущи сложность, неясность и запутанность формулировок. Это является второй причиной возникающих затруднений. В-третьих, затруднения обосновываются тем, что задачи по противодействию коррупции охватывают все уровни государственных структур и организаций. В-четвертых, тем, что профилактические меры прежде всего направлены на формирование антикоррупционного поведения граждан в целом и сотрудников ОВД в частности. Регулирование и особенно коррекция поведения людей – дело непростое. Его нельзя осуществить каким-то одним способом или в какой-то определенный момент. Любой стиль поведения формируется у человека в течение длительного времени. На этот процесс влияют многие факторы, события, наличие образцов для подражания и тому подобное. Это многоэтапный процесс. На формирование социально значимого поведения людей влияет знание алгоритмов действий и жёстко установленные требования, в том числе правовых.

Перечисленное объясняет необходимость разработки в группах повышения квалификации сотрудников кадровых подразделений ОВД конкретных методических путей формирования антикоррупционного поведения.

Вопросы интенсификации обучения могут рассматриваться не только в рамках отведённого учебного периода, но и более широко. Речь идёт об использовании всех возможностей, имеющихся в системе МВД России. Они позволяют:

- повысить уровень осведомлённости сотрудников ОВД в сфере профилактики коррупции ещё до направления на повышение квалификации;
- сформировать профессиональные компетенции в рамках ведомственного среднего профессионального и высшего образования;

¹ Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 23 июня 2014 г. № 460 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26. – Ч. II. – Ст. 3520.

² О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ.

– поддержать уровень квалификации указанной категории сотрудников и осведомлённости о требованиях антикоррупционного законодательства.

Не стоит забывать и о служебной подготовке, имеющей важное значение для непрерывного обучения сотрудников и формирования у них базовых знаний в области профилактики коррупции.

Вопросы формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов государственной власти в целом и органов внутренних дел в частности в современной научной литературе исследуют многие авторы. Так, формирование антикоррупционного поведения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России как важную составляющую профессиональной подготовки описывают И. М. Лебеденко и С. В. Баринов [6]. Об основных направлениях антикоррупционного воспитания сотрудников органов внутренних дел пишет Я. Л. Алиев, указывая на необходимость применения комплекса мероприятий [1]. О необходимости формирования системности антикоррупционного образования говорит В. Е. Шорохов и делает важные выводы о том, что «кроме общей просветительской работы, важно проводить информационные и учебные мероприятия специфического содержания для определённых целевых аудиторий, таких как представители малого и среднего бизнеса или СМИ, учащиеся и студенты, депутаты различных уровней, работники сфер образования, здравоохранения и тому подобное. Такие меры должны соответствовать особенностям коррупционных проявлений в той или иной отрасли и способствовать формированию антикоррупционной культуры конкретных социальных групп» [13, с. 75].

О важности осуществления первоначальной антикоррупционной подготовки государственных служащих в начале их службы, в том числе в образовательных организациях, говорят М. В. Шедий [12], Л. Р. Хайрутдинова [11], А. В. Медведев и В. А. Маняхина [7]. При этом не имеет значения направленность специальности служащего, поскольку антикоррупционная политика государства распространена на все слои общества и виды государственной деятельности. Программы по формированию антикоррупционного поведения могут быть стандартизированы, но должны учитывать функциональные задачи каждого конкретного ведомства и учреждения, быть отдельным курсом или входить в соответствующие дисциплины отдельными темами (модулями).

О. Н. Журавлёва разрабатывала модель анализа эффективности антикоррупционного образования и формирования правосознания и правовой культуры обучающихся общеобразовательных школ, которая также может быть использована другими образовательными организациями любого уровня [2].

Мировой опыт антикоррупционного образования и воспитания исследуют И. В. Кичева и Л. О. Бродзели [4; 5], рассматривая в своих трудах образовательные программы и проекты разных стран. При этом они сопоставляют наличие таких программ с изменением положения страны в мировых антикоррупционных рейтингах. Проведён-

ные исследования показывают, что в каждой стране, где имеют место определённые успехи в борьбе с коррупционными проявлениями, реализовывались комплексные образовательные и воспитательные подходы к формированию антикоррупционного поведения, в том числе в высшей школе.

Наиболее значимыми представляются научные труды директора НИИ противодействия коррупции П. А. Кабанова, доктора юридических наук, профессора, являющегося членом рабочей группы президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции. Многие из его трудов посвящены антикоррупционному просвещению и могут быть использованы преподавателями в качестве источника учебных материалов, содержащих разъяснения антикоррупционного законодательства и алгоритмов действий должностных лиц. Он предложил новую редакцию научной и правовой категории «правовое просвещение», научную правовую дефиницию «виктимологическое антикоррупционное консультирование», рассматривая её как одну из основных форм антикоррупционного просвещения. Кроме того, им выявлено, «что правотворческие органы вкладывают разную смысловую нагрузку в предлагаемые ими термины и словосочетания, связанные с организацией и осуществлением антикоррупционного просвещения» [3, с. 43]. Как видно из его исследования, органы публичной власти, используя различные словосочетания на основе понятия «просвещение», не разъясняют их содержания. Кабанов называет основными элементами антикоррупционного просвещения:

- а) цели и задачи антикоррупционного просвещения;
- б) субъекты антикоррупционного просвещения;
- в) объекты антикоррупционного просвещения;
- г) средства антикоррупционного просвещения.

Рассмотрев каждый из этих элементов, автор предлагает определение антикоррупционного просвещения как «систему распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределённого круга лиц, направленную на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» [3, с. 49]. При этом в качестве субъектов он называет и педагогических работников, в качестве объектов антикоррупционного просвещения – обучающихся, государственных служащих. Естественно, что в условиях социальной важности данной проблемы образовательные организации также осуществляют антикоррупционное просвещение.

Одной из функций кадровых подразделений ОВД является просвещение в рамках выполнения задачи по формированию антикоррупци-

онного поведения. Это установлено Типовым положением о подразделении по профилактике коррупционных и иных правонарушений³.

Целью нашего исследования стала интенсификация обучения сотрудников кадровых подразделений ОВД с помощью разработки комплекса методов формирования антикоррупционного поведения. Данный комплекс строится на основе требований антикоррупционного законодательства, а также позволяет интенсифицировать обучение сотрудников кадровых подразделений на этапе повышения квалификации с учётом их первоначальной подготовленности.

Сформулированы следующие задачи разработки данного комплекса:

- изучение российского законодательства о требованиях к сотрудникам ОВД в области антикоррупционного поведения; об уведомлении кандидатов на службу в ОВД об антикоррупционных ограничениях, запретах и обязанностях; о наступлении ответственности за невыполнение требований антикоррупционного поведения;

- изучение программ обучения в образовательных организациях МВД России и рабочих программ дисциплин на предмет наличия курсов и учебного материала, позволяющих осуществлять антикоррупционное просвещение в разных формах обучения;

- проработка различных аспектов работы органов внутренних дел с личным составом в области формирования антикоррупционного поведения и выполнения антикоррупционных требований законодательства в подразделениях;

- определение методов антикоррупционного просвещения в территориальных органах МВД России и в образовательных организациях МВД России.

Исходя из требований российского законодательства, можно сформулировать несколько этапов формирования антикоррупционного поведения на разных стадиях профессионального становления сотрудников кадровых подразделений ОВД. Стоит отметить, что данные этапы могут рассматриваться и по отношению к другим подразделениям ОВД.

Первый этап – работа с кандидатами на службу (работу) в ОВД; второй этап – работа с абитуриентами образовательных организаций МВД России и стажёрами по должности сотрудника ОВД; третий этап – работа с действующими сотрудниками; четвёртый этап – работа с гражданами, уволенными со службы в ОВД. Каждый этап имеет свои особенности и проблемы в области формирования антикоррупционного поведения.

На первом этапе, который можно назвать ознакомительным, происходит работа по отбору кандидатов на службу в ОВД и их оформление. При этом одни из них планируются к назначению в подразделения территориальных органов МВД России, а другие – к направлению на очное обучение в образовательные организации МВД России.

Закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации»⁴ предусматривает, что гражданин, поступающий на службу в ОВД, и сотрудник при заключении контракта обязуются соблюдать ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел. Однако примерная форма контракта не описывает именно антикоррупционные обязанности, а лишь делает ссылку на ст. 14 указанного закона, где перечисляется только их часть. Как показывает практика, лишь единицы руководителей и сотрудников кадровых подразделений в беседе с кандидатами перечисляют хотя бы некоторые из запретов и обязанностей, сосредоточиваясь на других аспектах службы. Это приводит к неосведомленности граждан при принятии ими решения о поступлении на службу. Они теряют возможность сделать осознанный выбор профессии и настроиться на необходимые этические и юридические требования к служебному поведению. При этом сотрудники, проводящие беседу, сами не всегда в достаточной степени осведомлены о требованиях антикоррупционного законодательства. Оказать помощь в антикоррупционном просвещении на данном этапе может брошюра для поступающего на службу в ОВД, простая для восприятия. Ознакомление с ней кандидата должно происходить на стадии собеседования. Для интенсификации просвещения важно, чтобы содержание брошюры не было перегружено изложением правовых норм, но обязательно указывались последствия нарушений в этой сфере с разъяснением оснований для наказания. Целесообразно такую брошюру делать цветной, с иллюстрациями, возможно, в виде рисунков с текстами.

На втором этапе, который можно назвать вступительным, происходит работа с абитуриентами и стажёрами.

На абитуриентских сборах в образовательных организациях МВД России, а также в период испытания в территориальном органе должны быть организованы специальные обучающие мероприятия, посвящённые алгоритму выполнения конкретных ограничений, запретов и обязанностей, а также ответственности за их невыполнение. В образовательных организациях это могут быть ознакомительные лекции, а в территориальном органе – консультации наставника и руководителя либо участие стажёра в занятиях по служебной или морально-психологической подготовке на антикоррупционную тему. Интенсифицирующая роль алгоритмов в обучении на данном этапе обусловлена тем, что они просты в понимании и не перегружены информацией, хотя и содержат ссылки на конкретные правовые нормы. Данный этап упреждает возможные претензии сотрудников в дальнейшем о том, что им «никто не сообщал о столь многочисленных ограничениях». Осмысленное изучение абитуриентом и стажёром требований законодательства

³ О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции : Указ Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364.

⁴ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 49. – Ч. 1. – Ст. 7020.

позволяют сделать взвешенный выбор профессии. Осознанность в выборе профессии полезна не только гражданину, но и органам внутренних дел, так как это предотвращает нежелательный отток кадров после длительного оформления на службу и финансовых затрат Министерства внутренних дел Российской Федерации на обучение и профессиональное становление сотрудника.

Также на данном этапе полезны и значимы для формирования личности будущего сотрудника и его ориентации на профессионализм, честность и гуманизм в работе беседы упреждающего характера – например, развенчивающие слухи о тотальной распространённости коррупции в ОВД, информирование о деятельности подразделений собственной безопасности в сфере коррупции, о судьбах разоблачённых по фактам взяточничества сотрудников. Важно, чтобы такого рода беседы носили не только информационно-общающий характер, но и были приближены к условиям службы рядового и начальствующего состава, в том числе и с точки зрения последствий для их имиджа, семьи, судеб детей и т. д. А для верного психологического восприятия данной информации и недопущения суждения неопытного сотрудника о том, что «все в полиции – взяточники и коррупционеры», необходимо сопоставлять её с примерами неподкупности, высокопрофессиональных действий, героических поступков, которые должны быть для него ориентиром в повседневной служебной деятельности.

Третий этап – основной, который необходимо рассматривать отдельно для обучающихся в образовательных организациях МВД России и сотрудников, назначенных на должности в органах внутренних дел. Этот этап является длящимся. Его содержание может меняться по необходимости в соответствии с конкретными ситуациями и условиями службы. На данном этапе обеспечивается разностороннее и глубокое изучение вопросов противодействия коррупции и антикоррупционных задач уполномоченных органов и подразделений.

Для обучающихся в образовательных организациях МВД России по очной форме должно происходить внедрение соответствующей тематики в различные учебные дисциплины в течение всего периода обучения, с выделением её в отдельные темы, блоки или модули. За весь период обучения необходимо освоить антикоррупционные вопросы криминологического, уголовного, административного, дисциплинарного, психолого-педагогического и этического характера. Необходимо отметить, что в настоящее время в учебных планах всех специализаций существует дисциплина «Предупреждение коррупции в ОВД и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников ОВД». Она содержит перечень тем именно такой направленности. Однако объём времени, выделенный на эту дисциплину, не позволяет обеспечить необходимое раскрытие порядка выполнения ограничений, запросов, обязанностей и требований к служебному поведению сотрудников ОВД, ответственности за коррупционные правонарушения. Краткость

выделенного на дисциплину времени требует использования приёмов интенсификации освоения информации, в том числе разработанных автором статьи, к которым относятся: активная лекция [10], метод упрощения и структурирования, метод сравнительного анализа [8], алгоритмы действий, разработка и использование структурированных схем в дополнение к основному учебному материалу по вопросам, вызывающим затруднения [9], метод разработки сюжетов тематических кинофильмов и создания видеороликов, не описанный ранее как педагогический метод.

Кроме того, название указанной дисциплины упускает целую категорию должностей, имеющих в штатной структуре системы МВД России. Это федеральные государственные гражданские служащие, которые также несут ответственность за невыполнение антикоррупционных требований, распространяемых и на них тоже. В связи с этим возникает необходимость в её переименовании и более кратком изложении названия. Например, оно может звучать как «Противодействие коррупции в органах внутренних дел». Кроме того, дисциплина требует расширения и сосредоточения на темах, рассматривающих такие обязанности, как: уведомление о возникшем конфликте интересов и его урегулировании; подача сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера; обязанность уведомить о получении подарка на официальном мероприятии; уведомить об иной оплачиваемой работе; уведомить о склонении к коррупционному правонарушению. Также особого внимания требуют запреты, в частности, на получение подарка в связи с исполнением должностных обязанностей, на получение гражданства, подданства, вида на жительство в иностранном государстве, на работу по совместительству и т.д. Перечисление материала, необходимого к изучению в данной дисциплине, может занимать много времени, но указанного достаточно, чтобы осознать, насколько объёмны эти вопросы. Нормативные правовые документы, которые требуется изучить в данной дисциплине, занимают несколько страниц мелким шрифтом.

Ещё одной проблемой является то, что часто данная дисциплина преподаётся на третьем году обучения, когда обучающиеся ещё не имеют базовых знаний, позволяющих в полном объёме освоить необходимый учебный материал. Отсутствие первоначального ознакомления с антикоррупционными требованиями законодательства, которое мы предлагаем проводить на первом и втором этапе, а также элементарных правовых знаний у слушателей некоторых специализаций ещё более усложняет обучение. Должным образом эта дисциплина может быть освоена лишь к концу четвёртого или на пятом курсе обучения, когда уже полностью сформированы общекультурные, общепрофессиональные компетенции и в значительной степени профессиональные компетенции. Опыт преподавания дисциплины «Предупреждение коррупции в ОВД и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников

ОВД» говорит о том, что введение антикоррупционных тем или модулей в другие дисциплины, соответствующие указанной направленности, результативнее, так как это обеспечивает поэтапное погружение в антикоррупционную проблематику, а в той форме, в которой эта дисциплина существует в настоящее время, она могла бы быть максимально эффективной как объединяющая, конкретизирующая и завершающая формирование антикоррупционного поведения в образовательном процессе.

Так, например, в рамках действующих учебных планов на первом-втором году обучения курсанты всех специальностей в образовательных организациях МВД России изучают дисциплину «Государственная служба в ОВД», которая может быть дополнена более глубоким освещением учебного материала, где бы рассматривались виды ответственности и за коррупционные правонарушения дисциплинарного характера. Это позволит закрепить и расширить материал, с которым ранее был ознакомлен абитуриент. Дисциплина «Уголовное право» должна содержать отдельный модуль тем, где рассматриваются коррупционные составы преступлений, влекущих уголовную ответственность. По аналогии курс «Административное право» и другие дисциплины в соответствии с указанными выше направлениями, связанными с антикоррупционными вопросами, также должны содержать подобный модуль. Этический аспект формирования антикоррупционного стандарта поведения охватывает дисциплина «Профессиональная этика и служебный этикет», преподаваемая всем обучающимся в ведомственных образовательных организациях.

Преимуществом такого интенсивного комплексного подхода является то, что большой блок разноплановой антикоррупционной информации будет логично встроен в учебно-воспитательный процесс. Это позволит соблюсти принцип последовательного и постепенного формирования соответствующих компетенций и развития юридического мышления слушателей. Таким образом, существенно повышается качество усвоения учебного материала. Обучающийся застрахован от ситуации получения важной и сложной информации, когда должный уровень профессиональной компетентности ещё не сформировался.

В работе с сотрудниками, назначенными на должности в органах внутренних дел, антикоррупционное просвещение осуществляется на занятиях по служебной подготовке со служебными коллективами, с кадровым резервом, в индивидуальных беседах руководителей с подчинёнными, при осуществлении наставничества, на совещаниях, в том числе межведомственных, по выработке единообразного применения законодательства, а также путём размещения в расположении органа внутренних дел информационных листов и сообщений об изменении законодательства.

Также в органах внутренних дел для проведения занятий по морально-психологической

подготовке и единого дня государственно-правового информирования заблаговременно составляются тематические планы. Включение в них антикоррупционных тем, направленных узко на юридические аспекты выполнения каждого из ограничений или запретов, и рассмотрение видов ответственности позволит обеспечить гарантированное ознакомление сотрудников с требованиями законодательства. Без знания установленных антикоррупционных требований и процедур затруднительно сформировать антикоррупционное поведение даже при наличии выработанных этических установок.

Во всех перечисленных видах работы с личным составом интенсифицировать обучение помогут педагогические методы – применение алгоритмов, метод упрощения и структурирования.

Перечисленные три этапа формирования антикоррупционного поведения с применением интенсивных педагогических методов позволяют сформировать необходимую компетентность сотрудников, в том числе кадровых подразделений. Такой подход даёт возможность на курсах повышения квалификации работать с обучающимися на более сложном уровне и не тратить драгоценное время на усвоение первоначальных знаний об антикоррупционном законодательстве. Таким образом, описанный комплекс мер может стать средством интенсификации обучения в процессе повышения квалификации, то есть носить превентивный, подготовительный характер.

Наличие такой комплексной подготовки среди сотрудников кадровых подразделений имеет особую важность для этапа повышения квалификации, так как, выполняя задачи по профилактике коррупции, они должны разбираться в большом количестве кадровых процедур. Их выполнение не рассматривается ни в каких дисциплинах в образовательных организациях МВД России и не входит в тематику других видов подготовки. Исключение составляет факультет подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом (профильное направление подготовки кадров Санкт-Петербургского университета МВД России). Здесь дисциплина «Предупреждение коррупции в ОВД и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников ОВД» была расширена с учётом будущего вида деятельности слушателей и переименована в «Организацию работы по профилактике коррупционных и иных правонарушений в ОВД». В ней были учтены вышеизложенные темы и педагогические условия, а также внесены темы, связанные с деятельностью кадровых подразделений.

Однако в кадровых подразделениях территориальных органов внутренних дел пока очень немного выпускников указанного факультета. В связи с этим на курсы повышения квалификации прибывают сотрудники с разной подготовкой, и выделение максимального количества времени для специализированного учебного материала необходимо. Сотрудники указанных подразделений не только сами выполняют анти-

коррупционные требования, но и обучают, консультируют, проверяют других сотрудников.

В таком аспекте необходимо рассматривать повышение квалификации как еще одно направление на третьем этапе комплекса мер по формированию антикоррупционного поведения. С целью антикоррупционного просвещения и формирования антикоррупционного поведения отдельные учебные темы или модули должны быть включены в абсолютно все программы повышения квалификации и переподготовки всех категорий сотрудников ОВД. Это станет логическим продолжением обучения сотрудников, имеющих неведомственное образование и освоивших основы антикоррупционного поведения в период прохождения испытания и после назначения на должность.

Последним (заключительным) этапом можно назвать работу с сотрудниками, увольняемыми со службы в ОВД. Требуется, в частности, подробное разъяснение ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», действие которой распространяется на граждан, уволенных с государственной службы, в течение двух лет после увольнения. Практика такова, что чаще всего факт разъяснения данной статьи лишь включается в лист беседы, подписываемый сотрудником ОВД перед увольнением. Однако реального разъяснения не происходит, либо оно недостаточно квалифицировано, либо увольняемый не осознает всей серьезности требований указанной статьи и часто не считает их обязательными. Снизить количество нарушений, допускаемых уволенными из ОВД гражданами, могли бы:

- разработка для включения в лист беседы упрощенного и структурированного текста тре-

бований, подготовленного с применением одноименного метода;

- создание брошюры для увольняющегося со службы в ОВД, которая включала бы также и вопросы социального обеспечения сотрудников.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что описанный комплекс мер по формированию антикоррупционного поведения с использованием приёмов интенсификации обширного материала позволяет сопровождать сотрудника ОВД на протяжении всей службы, а также граждан на стадии принятия решения о службе в ОВД и после увольнения со службы. Описанный комплекс мер позволяет интенсифицировать обучение в процессе повышения квалификации сотрудников кадровых подразделений, будучи превентивной мерой, имеющей эффект заблаговременной поэтапной подготовки сотрудников. Особенную важность имеет формирование антикоррупционной грамотности курсантов и слушателей в процессе обучения по направлению «Подготовка сотрудников для подразделений по работе с личным составом», так как рассматриваемые вопросы являются их будущими непосредственными должностными обязанностями.

Такой подход высвобождает дополнительное время на курсах повышения квалификации за счёт более качественной первоначальной подготовки сотрудников и позволяет уделять больше внимания рассмотрению сложных кадровых процедур в области профилактики коррупции и действительно проблемных вопросов.

Кроме того, разработанный комплекс мер может быть методическим материалом для обучающихся на курсах повышения квалификации, востребованным в повседневной служебной деятельности.

Список литературы

1. Алиев Я. Л. Основные направления антикоррупционного воспитания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 6. – С. 79–82.
2. Журавлёва О. Н. Эффективность антикоррупционного образования обучающихся как фактор успешного противодействия коррупции / Факторы и условия искоренения коррупции и других негативных явлений в образовании: психолого-педагогический аспект (на примере Краснодарского края): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Славянск-на-Кубани, 28–29 мая 2016 г.). – Славянск-на-Кубани: Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет» в г. Славянск-на-Кубани, 2016. – С. 134–139.
3. Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 42–51.
4. Кичева И. В., Бродзели Л. О. Антикоррупционное воспитание: мировой опыт и российская практика // European Research. – 2016. – № 12 (23). – С. 74–77.
5. Кичева И. В., Бродзели Л. О. Мировой опыт антикоррупционного воспитания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 2. – С. 212–216.
6. Лебеденко И. М., Баринов С. В. Формирование антикоррупционного поведения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России как важная составляющая профессиональной подготовки // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 335–337.
7. Медведев А. В., Маняхина В. А. Формирование антикоррупционной устойчивости сотрудников органов внутренних дел в процессе подготовки в образовательных организациях МВД России // Эпоха науки. – 2016. – № 6. – С. 31.

8. *Миронкина О. Н.* Методика освоения норм антикоррупционного законодательства в системе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2019. – № 3 (169). – С. 210–216.

9. *Миронкина О. Н.* Педагогические требования к формированию учебного материала курса повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом // Международный научный журнал. – 2019. – № 4. – С. 101–108.

10. *Миронкина О. Н.* Пути преодоления затруднений в обучении сотрудников кадровых подразделений / Педагогика и психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: теория, методика, практика: [Электронный ресурс] : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18 октября 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 236–240.

11. *Хайрутдинова Л. Р.* Антикоррупционное образование в образовательной системе России // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 6–7 (10–11). – С. 4–7.

12. *Шедий М. В.* Антикоррупционное образование кадров как фактор повышения эффективности государственной политики противодействия коррупции // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2–1. – С. 150–154.

13. *Шорохов В. Е.* Антикоррупционное образование в рамках реализации государственной антикоррупционной политики // Развитие территорий. – 2016. – № 3–4 (6). – С. 74–78.

References

1. *Aliyev Ya. L.* Osnovnyye napravleniya antikorrupsionnogo vospitaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2017. – № 6. – S. 79–82.

2. *Zhuravleva O. N.* Effektivnost' antikorrupsionnogo obrazovaniya obuchayushchikhsya kak faktor uspeshnogo protivodeystviya korruptsii / Faktory i usloviya iskoreneniya korruptsii i drugikh negativnykh yavleniy v obrazovanii: psikhologo–pedagogicheskiy aspekt (na primere Krasnodarskogo kraja): materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno–prakticheskoy konferentsii (g. Slavyansk-na-Kubani, 28–29 maya 2016 g.). – Slavyansk-na-Kubani: Filial federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya «Kubanskiy gosudarstvennyy universitet» v g. Slavyanske-na-Kubani, 2016. – S. 134–139.

3. *Kabanov P. A.* Antikorrupsionnoye prosveshcheniye kak sredstvo protivodeystviya korruptsii: ponyatiye i sodержaniye // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. – 2014. – №4. – S. 42–51.

4. *Kicheva I. V., Brodzeli L. O.* Antikorrupsionnoye vospitaniye: mirovoy opyt i rossiyskaya praktika // European Research. – 2016. – № 12 (23). – S. 74–77.

5. *Kicheva I. V., Brodzeli L. O.* Mirovoy opyt antikorrupsionnogo vospitaniya // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2016. – № 2. – S. 212–216.

6. *Lebedenko I. M., Barinov S. V.* Formirovaniye antikorrupsionnogo povedeniya kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii kak vazhnaya sostavlyayushchaya professional'noy podgotovki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 10. – S. 335–337.

7. *Medvedev A. V., Manyakhina V. A.* Formirovaniye antikorrupsionnoy ustoychivosti sotrudnikov organov vnutrennikh del v protsesse podgotovki v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Epokha nauki. – 2016. – № 6. – S. 31.

8. *Миронкина О. Н.* Методика освоения норм антикоррупционного законодательства в системе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2019. – № 3 (169). – С. 210–216.

9. *Миронкина О. Н.* Педагогические требования к формированию учебного материала курса повышения квалификации сотрудников подразделений по работе с личным составом // Международный научный журнал. – 2019. – № 4. – С. 101–108.

10. *Миронкина О. Н.* Пути преодоления затруднений в обучении сотрудников кадровых подразделений // Педагогика и психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: теория, методика, практика: [Электронный ресурс]: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18 октября 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 236–240.

11. *Хайрутдинова Л. Р.* Антикоррупционное образование в образовательной системе России // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 6–7 (10–11). – С. 4–7.

12. *Шедий М. В.* Антикоррупционное образование кадров как фактор повышения эффективности государственной политики противодействия коррупции // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2–1. – С. 150–154.

13. *Шорохов В. Е.* Антикоррупционное образование в рамках реализации государственной антикоррупционной политики // Развитие территорий. – 2016. – № 3–4 (6). – С. 74–78.

Психология труда, инженерная психология, эргономика

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-218-226

Е. Н. Арбузова

кандидат психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6

ORCID: 0000-0002-1643-0529. E-mail: asmaen@yandex.ru

А. И. Семакова

кандидат психологических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

ORCID: 0000-0002-1909-7653. E-mail: nst21911@yandex.ru

Оценка психологического состояния и ресурсов совладающего поведения обучающихся образовательной организации МВД России в условиях самоизоляции

Аннотация: *Введение.* В работе исследуется эмоциональная сфера обучающихся образовательной организации МВД России в условиях самоизоляции. При этом феномен самоизоляции рассматривается с точки зрения воздействия на субъекта как стресс-факторов, так и ситуации частичной, в том числе социальной, депривации. Именно комплексность подобного воздействия и обусловила актуальность исследования. *Цель исследования.* Изучение динамики изменения состояний и ресурсов совладающего поведения в процессе самоизоляции обучающихся Санкт-Петербургского университета МВД России. *Методы исследования.* В структуру методов исследования были включены тест Люшера, МЦВ Л. Н. Собчик, анкета текущего эмоционального состояния (СУПОС-8), методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (форма С), опросник «ИЖС» Р. Плутчика, Х. Келлермана, опросник (SACS) С. Хобфолла. *Основные результаты исследования.* В процессе исследования были выделены основные показатели в структуре эмоциональной сферы обучающихся как первичного показателя личностных изменений, определены основные качественные параметры данных изменений, которые включили в себя увеличение общей неудовлетворённости, пессимистичности, апатичности, бессилия, недовольства жизненным укладом, расслабленности, уровня тревоги и опасений на фоне общего снижения параметров мотивации. Показана специфика трансформации системы защитных реакций в период карантина от одного до полутора месяцев. Заклю-

чение. Делается вывод относительно форм коррекционной работы, способной стабилизировать эмоциональные состояния на комфортном для продолжения обучения уровне.

Ключевые слова: самоизоляция, стресс, обучающиеся, психологическое состояние, депривация, личность, совладающее поведение, коррекция

Для цитирования: Арбузова Е. Н., Семакова А. И. Оценка психологического состояния и ресурсов совладающего поведения обучающихся образовательной организации МВД России в условиях самоизоляции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 218–226. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-218-226.

Elena N. Arbuzova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

Saint Petersburg state University

6, Makarova emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1643-0529. E-mail: asmaen@yandex.ru

Anastasia I. Semakova

Cand. Sci. (Psy.)

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1909-7653. E-mail: nst21911@yandex.ru

Assessment of psychological status and coping resources of students of the educational organization of the MIA of Russia in the conditions of self-isolation

Annotation: *Introduction.* The paper examines the emotional sphere of students of the educational organization of the Ministry of internal Affairs of Russia in conditions of self-isolation. At the same time, the phenomenon of self-isolation is considered from the point of view of the impact on the subject of both stress factors and the situation of partial, including social, deprivation. It is the complexity of such an impact that caused the relevance of the study. *Purpose of research.* Study of dynamics of changes in States and resources of coping behavior in the process of self-isolation of students of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. *Method of research.* The structure of the research methods was included Luscher test, CHOICE In. Sobchik, the questionnaire of the current emotional state (SUPOS-8), method of multivariate study of personality by R. Cattell (form C) questionnaire IHC Plutchik R., Kellerman H., questionnaire (SACS) S. Hobfoll. *The main results of the research.* The research process identified the key indicators in the structure of the emotional sphere of students as a primary indicator of personal change, the main quality parameters of these changes included the increase of General dissatisfaction, of pessimism, apathy, powerlessness, resentment of life, relaxation, anxiety levels and fears on the background of General decrease of parameters of motivation. The specificity of transformation of the system of protective reactions during the quarantine period from 1 month to 1.5 months is shown. *Conclusion.* The conclusion is made about the forms of correctional work that can stabilize emotional States at a comfortable level for continuing education.

Keywords: self-isolation, stress, students, psychological state, deprivation, personality, coping behavior, correction

For citation: Arbuzova E. N., Semakova A. I. Assessment of psychological status and coping resources of students of the educational organization of the MIA of Russia in the conditions of self-isolation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 218–226. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-218-226.

Введение. В январе 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку новой коронавирусной инфекции COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области

общественного здравоохранения, а в марте 2020 года было объявлено, что COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию. Вслед за данным заявлением в России последовал ряд мер,

направленных на снижение уровня распространения заболевания. Так, в соответствии с нормативными правовыми актами Минобрнауки России и МВД России руководством Санкт-Петербургского университета МВД России принято решение о переходе на дистанционную форму обучения курсантов, слушателей и адъюнктов.

По мнению З. И. Кекелидзе, генерального директора Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, меры, предпринятые в России с целью борьбы с коронавирусной инфекцией COVID-19, и сама по себе ситуация с заболеванием вызывают стресс у населения, так как выходят за рамки индивидуального опыта каждого отдельно взятого человека и его окружения. Основными факторами формирования негативных психических состояний у жителей страны учёный называет радикальное изменение условий жизни людей в результате введения режима самоизоляции¹.

Самоизоляция определяется как комплекс ограничительных мер для населения, вводимых правительством на определённый срок с целью борьбы с распространением опасного заболевания. Несмотря на то, что самоизоляция рассматривается как способ снижения риска заражения опасным заболеванием, она связана с рядом психологических последствий. Изоляция человека от привычной социальной среды даже на непродолжительное время может вызывать стресс и депривацию. Типичные проявления стрессовых ситуаций описаны в значительном количестве научных источников, начиная с работ Г. Селье, а также нашли отражение в трудах современных отечественных и зарубежных ученых (Ю. В. Щербатых, 2006; Н. В. Тарабрина, 2008; Л. А. Китаев-Смык, 2009; А. Р. Акимова, 2016; А. Г. Караяни, 2018). R. V. Harrison (1985) выделяет два условия формирования стресса: 1) окружающая среда не обеспечивает достаточных, по мнению человека, ресурсов для удовлетворения его потребностей; 2) способности человека, по его мнению, не отвечают требованиям, необходимым для получения этих ресурсов [10]. И. Ю. Кобозев (2009) среди факторов, приводящих к трансформации стресса в дистресс, выделяет: недостаток нужной информации, негативный прогноз ситуации, чувство беспомощности перед возникшей проблемой и др. [3]. С. К. Нартова-Бочавер (2019) подчёркивает, что стресс – результат субъективного несоответствия между личностью и окружающей сре-

дой [7]. Наиболее приемлемым для исследуемой ситуации является определение, данное Р. Лазарусом, который понимает под стрессом обусловленное «внешней угрозой» психическое состояние, оказывающее влияние на способность человека достаточно эффективно осуществлять свою деятельность².

Однако современная ситуация характеризуется тем, что стресс теснейшим образом связан с попаданием человека в ситуацию депривации, являющейся следствием частичной или полной изоляции субъекта от социума. В свою очередь, под депривацией понимается особое психическое состояние, которое обусловлено нахождением человека в условиях существенного ограничения или лишения возможности удовлетворения базовых потребностей, в данном случае связанных с социумом [10].

В свою очередь социально-психологическая депривация и её последствия изучались отечественными и зарубежными исследователями в рамках: пенитенциарной психологии (Е. В. Ермаков, 2009; Г. И. Аксенова, 2014; K. Gerhard, 1990; R. L. Bonner, A. R. Rich, 1990, М. Г. Дебольский, Д. В. Сочивко, 2017), экстремальных ситуаций (А. Н. Койчубаева, Л. Н. Орлова, 2015), военной службы (А. С. Кислицына, 2010; Н. А. Андриянова, 2015; Г. В. Зибров, А. В. Белошицкий, Т. Ю. Скибо, 2020), детско-родительских отношений (Г. А. Литвинов, Э. Р. Зарединова, З. С. Меджитова, Э. Э. Фазылова, 2015; А. Ю. Нестеров, 2018), воспитания в интернатных детских учреждениях (Т. Н. Павлычева, 2010; С. А. Дмитриева, 2012; Е. С. Фоминых, 2016), детерминации преступности (Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов, 1996; М. П. Клейменов, 2018; О. А. Котельникова, 2019; Gerald R. Ford, 2018; C. Ronald Chester, 2018).

Содержательно понятие депривации близко понятию фрустрации, проявляющей себя в тщетности усилий по достижению цели, в невозможности получить желаемое по объективным причинам [4]. При этом в психологической науке утвердилось представление о том, что депривация – более широкое, чем фрустрация, понятие, означающее состояние, крайне тяжело и болезненно переживаемое человеком и имеющее более серьёзные и разрушительные последствия, чем фрустрированность. Поскольку депривированными в разных условиях могут быть разные потребности, термином «депривация» принято обозначать класс личностных психических состояний, являющихся результатом длительно действующих препятствий на пути удовлетворения различных потребностей человека [2].

¹ Зураб Кекелидзе – о коронавирусе и фейках // Доброе утро. – Фрагмент выпуска от 7 апреля 2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Первого канала» – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/nashi-gosti/zurab-kekeliдзе-o-koronaviruse-i-fejkah-dobroe-utro-fragment-vypuska-ot-07-04-2020> (дата обращения: 25.04.2020)

² Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / под ред. Л. Леви. – Ленинград: Медицина, 1970. – С. 178–200.

В целом эффекты от стресса и депривации в период самоизоляции могут быть совершенно различными. Так, S. K. Brooks с соавторами опубликовали результаты исследований о психологическом воздействии самоизоляции, согласно которым к числу негативных психологических состояний необходимо отнести симптомы посттравматического стресса, фрустрации и агрессии [8]. Данные проведенного нами исследования, направленного на выявление психологических эффектов самоизоляции и карантина, также позволяют судить о наличии у обследованных лиц не только собственно типичных симптомов стресса и социальной депривации, но и широкого спектра сопутствующих симптомов, таких как гипотимия, дисфория, бессонница, стресс, тревога, агрессия, раздражительность, эмоциональное выгорание, депрессивные реакции и состояния, раздражительность.

Цель исследования. В фокусе нашего исследования было выявление особенностей психического состояния курсантов в условиях самоизоляции, выявление предикторов негативных психических состояний, а также анализ возможных защитных реакций субъекта в период самоизоляции. Целью эмпирического исследования, проведенного в период с 15 по 19 апреля 2020 года, являлась разработка рекомендаций, позволяющих нормализовать психическое состояние обучающихся, а также мобилизовать себя на продуктивную учебную деятельность в дистанционном режиме. Выборка испытуемых представлена 134 курсантами Санкт-Петербургского университета МВД России.

Методы исследования. Психодиагностический инструментарий представлен: методом

цветовых выборов Л. Н. Собчик, анкетой текущего эмоционального состояния (СУПОС-8), методикой многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (форма С), опросником «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Х. Келлермана, опросником «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолла. Математико-статистическая обработка данных проводилась при помощи анализа первичного набора данных (среднее арифметическое, стандартное отклонение, коэффициент асимметрии), сравнительного (t-критерий Стьюдента) и регрессионного видов анализа.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе исследования нами был изучен спектр психических состояний курсантов. Изучение психического состояния проводилось при помощи методики СУПОС-8. Курсанты посредством метода самоотчета оценивали своё обычное состояние и состояние, актуальное на момент исследования. Сравнительный анализ полученных данных показал ряд значимых отличий (табл. 1).

Исходя из полученных данных, представим формулы, описывающие обычное и актуальное на момент исследования психическое состояние курсантов.

Формула 1, описывающая обычное психическое состояние курсантов:

$$P(21) > E(18,1) > A(13,7) > O(7,9) = D(7,9) > S(7,8) > N(6,7) > U(5,6)$$

Формула 2, описывающая актуальное на момент исследования психическое состояние курсантов:

$$P(28,8) > E(21,4) > A(13) > D(11,4) > N(9,7) > U(7,6) > S(6,9) > O(5,8)$$

Итак, обычное для курсантов психическое состояние может быть описано как психическое

Таблица 1

Результаты исследования психического состояния обучающихся (при помощи методики СУПОС-8)

Групповые статистики				t-критерий равенства средних		
Группа:		М	Стд. отклонение	Нормативы	t	p
1- обычное состояние						
2- актуальное состояние						
P (психическое спокойствие)**	1	21,0	7,8	15-35	-3,82	0,001
	2	28,8	10,1			
E (чувство силы и энергии)*	1	18,1	5,5	14-26	-2,42	0,02
	2	21,4	6,6			
A (стремление к действию)	1	13,7	3,6	7-17	0,76	0,45
	2	13,0	4,1			
O (импульсивная реактивность)**	1	7,9	2,9	3-11	2,81	0,006
	2	5,8	3,7			
N (психическое беспокойство, напряжение)**	1	6,6	3,1	8-16	3,49	0,001
	2	9,7	4,5			
U (опасение, тревога)*	1	5,6	3,6	5-13	2,28	0,03
	2	7,6	2,0			
D (депрессия, изнурённость)**	1	7,9	3,0	3-11	-2,51	0,005
	2	11,4	4,4			
S (удрученность, подавленность)	1	7,8	3,5	3-11	0,99	0,32
	2	6,9	4,6			

Примечание: ** статистически значимые различия на уровне $p \leq 0,01$; * статистически значимые различия на уровне $p \leq 0,05$.

спокойствие (удовлетворенность, благодушие, уравновешенность и беззаботность). При этом в условиях самоизоляции уровень психического спокойствия обучающихся только увеличивается (0,01), что, на наш взгляд, объясняется их пребыванием в комфортной среде (по месту жительства) и ощущением физической безопасности, вызванным отсутствием необходимости ежедневно посещать общественные места, пользоваться транспортом. В обычной ситуации обучающимся также свойственны энергичность, чувство уверенности в себе, подвижность и активность, которые в ситуации самоизоляции значительно повышаются (0,05), не выходя, однако, за рамки средних нормативных значений (от 14 до 26 баллов).

Начиная со следующей позиции, а именно, стремления к действию, в структуре обычного и актуального психического состояния курсантов выявлены противоположные изменения. Так, для обычного состояния курсантов негативные проявления, такие как напряжённость, импульсивная реактивность, тревога, депрессия, подавленность практически нехарактерны. В то же время в структуре актуального психического состояния наблюдаются тенденции к повышению пессимистичности, апатичности и ощущения бессилия, недовольства существующим жизненным укладом, растёт расслабленность, снижается мотивация (0,01). Возрастает уровень тревоги и опасений (0,05), раздражительность, неудовлетворенность, нетерпеливость (0,01).

Следует отметить, что выявленные психические изменения в группе курсантов в период самоизоляции проявляют себя в пределах нормативных значений, что, вполне возможно, обусловлено специально ориентированным профессиональным отбором в данную образовательную организацию, однако тенденция их изменения в целом указывает на снижение эмоционального фона исследуемых в процессе самоизоляции и на возможность развития дезадаптивных расстройств впоследствии, что может негативно повлиять на эффективность учебной деятельности. Последнее, в свою очередь, обуславливает необходимость своевременного оказания психологической поддержки курсантам, обучения их навыкам саморегуляции психических состояний.

Полученные результаты подтвердились с помощью использования других методов исследования. Так, изучение психического состояния обучающихся (при помощи стандартизированного метода и метода цветовых выборов) показало, что 48 % из них переживают состояние эмоциональной напряженности в различной степени выраженности: от незначительного (3 балла) до состояния дезадаптации (9 баллов).

Контент-анализ результатов метода цветовых выборов в выборке курсантов, переживающих стресс, позволил выявить негативные пси-

хические состояния, входящие в его структуру. Так, к проявлениям стресса, согласно результатам теста, относятся следующие симптомы:

- ощущение нестабильности, давления обстоятельств (80 %);
- эмоциональный дискомфорт (73 %);
- ощущение беспомощности, безвыходности ситуации, ощущение пустоты и бессмысленности постановки новых целей (53 %);
- актуализированная потребность в безопасности и комфорте (42 %);
- ощущение неопределённости, неуверенности в будущем (32 %);
- ощущение повышенных требований к нему (32 %);
- нетерпеливость, злость, раздражительность (16 %).

Наряду с этими состояниями выявлено стремление к независимости (26%) и готовность к преодолению трудностей (16%).

Данные изменения подтверждаются и частичными сдвигами в структуре защитного и поведенческого комплекса. Качественный анализ защитных реакций показал, что ведущими формами психологических защит у курсантов являются отрицание и компенсация. Адаптивные копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки», «Ассертивные действия» и «Вступление в социальный контакт» являются приоритетными для 46 %, 41 % и 38 % обучающихся соответственно. Они направлены на поиск внешних (социальных) ресурсов, информационной, эмоциональной и действенной поддержки. Прямая копинг-стратегия «Импульсивные действия» доминирует в структуре совладающего поведения у 43 % обследованных лиц. Пассивные стратегии «Осторожные действия» и «Избегание» доминируют в структуре совладающего поведения у 28 % и 33 % обследованных лиц соответственно. Приоритетное использование при совладании с трудными жизненными ситуациями посредством асоциальных копинг-стратегий агрессивных и асоциальных действий характерно для 36 % и 26 % обследованных лиц. Манипулятивные действия преимущественно используются 18 % обследованных (не вошли в таблицу).

Поскольку в исследуемой выборке элементы ухудшения эмоциональных состояний демонстрировали не все её представители, на следующем этапе все исследуемые были разделены на группы по признаку «переживание негативных психических состояний», на основании чего далее был проведен сравнительный анализ психологических показателей курсантов, куда вошел комплекс показателей «личность–защита–поведение». В таблицу вошли лишь те показатели, которые продемонстрировали выраженные различия, а также несколько показателей, демонстрирующих тенденцию их изменения (таблица 2).

**Результаты сравнительного анализа личностных особенностей
и особенностей поведения курсантов**

Групповые статистики				t-критерий равенства средних	
Группа: 1 – менее склонные к негативным переживаниям 2 – более склонные к негативным переживаниям психических состояний	М	Стд. отклонение	t	p	
Методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (форма С)					
Фактор А: «замкнутость - общительность»	1	6,10	3,19	1,26	0,22
	2	4,89	2,75		
Фактор В: интеллект	1	6,45	2,39	-1,93	0,06
	2	7,74	1,69		
Фактор F: «сдержанность - экспрессивность»	1	6,20	1,61	1,36	0,18
	2	5,42	1,95		
Фактор L: «доверчивость - подозрительность»	1	6,35	2,85	1,11	0,27
	2	5,42	2,34		
Опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Х. Келлермана					
Вытеснение	1	30,95	27,58	-2,54	0,02*
	2	51,79	23,27		
Интеллектуализация	1	58,10	22,19	-1,62	0,11
	2	69,26	20,68		
Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолла					
Поиск социальной поддержки	1	23,50	3,62	-1,60	0,12
	2	25,26	3,23		
Осторожные действия	1	20,75	3,57	-2,10	0,04*
	2	22,79	2,32		

Примечание: * статистически значимые различия на уровне $p \leq 0,05$

Сравнительный анализ показал наличие незначительных значимых изменений в структуре показателей в течение исследуемого периода, однако не в рамках доминирующих характеристик. Как и следовало ожидать, несмотря на незначительное снижение общительности, экспрессивности и подозрительности, личностные изменения за столь короткий период не показали значительных изменений. В свою очередь в структуре защитных реакций и поведения значительный рост показали параметры вытеснения (0,05) и осторожных действий (0,04), что указывает на наличие перестройки в наиболее динамичных структурах личностной иерархии уже в течение первых месяцев самоизоляции. Можно предположить, что для курсантов, переживающих в момент исследования негативные психические состояния, характерно чаще неосознанное подавление неприемлемых мыслей и переживаний. В свою очередь для курсантов, переживающих в момент исследования негативные психические состояния, в большей мере характерно при совладании с трудными жизненными ситуациями пассивное поведение.

Далее в целях выявления психологических особенностей курсантов, влияющих на формирование негативных психических состояний, осуществлена процедура регрессионного анализа. Согласно полученным результатам была составлена следующая формула:

Негативное психическое состояние = (константа 6,79) – копинг «Ассертивные действия» (-0,62) – копинг «Вступление в социальный контакт» (-0,61) + копинг «Осторожные действия» (0,49) – фактор С (-0,48) – фактор N (-0,48) + фактор М (0,46) + копинг «Избегание» (0,36) + фактор I (0,34) – фактор Q2 (-0,34) – фактор Q1 (-0,34) + копинг «Агрессивные действия» (0,33) + копинг «Импульсивные действия» (0,32) + психологическая защита «Проекция» (0,31) + психологическая защита «Вытеснение» (0,3) + психологическая защита «Реактивные образования» (0,29)

Согласно полученным данным нами был сделан вывод о том, что на формирование негативных психических состояний обучающихся влияют:

1) черты характера: эмоциональная неустойчивость (низкий порог в отношении фрустрации), изменчивость и пластичность, тенден-

ции к избеганию требований действительности, склонность к астенизации, раздражительность, эмоциональная возбудимость (фактор С); прямолинейность – наивность, естественность и непосредственность поведения, эмоциональность, недисциплинированность (фактор N); чувствительность – (впечатлительность, богатство эмоциональных переживаний, склонность к эмпатии, сочувствию, сопереживанию и пониманию других людей, утончённая эмоциональность (фактор I); консервативность – (устойчивость по отношению к традициям, сомнение в отношении новых идей и принципов, сопротивление переменам, узость интеллектуальных интересов, ориентация на конкретную реальную деятельность (фактор Q1); конформизм – зависимость от мнения и требований группы, стремление работать и принимать решения вместе с другими людьми, низкая самостоятельность (фактор Q2);

2) психологические защиты по типу проекции и вытеснения, что выражается в неосознаваемом отторжении неприемлемых мыслей, чувств и побуждений с целью сохранения психологического благополучия. Кроме этого, курсанты используют психологическую защиту по типу реактивных образований, трансформации истинных, но запрещённых со стороны бессознательной сферы эмоций и чувств в противоположные состояния. По всей видимости, развитию негативных психических состояний способствует и бессознательный отказ от выражения истинных чувств по отношению к резко изменившимся условиям жизнедеятельности. Это приводит к кумуляции эмоций в неосознаваемой сфере психики и, как результат, усилению тревоги, напряжения, депрессивных состояний;

3) несформированность адаптивных социальных копинг-стратегий вступления в социальный контакт и ассертивных действий, которые направлены на разрешение проблемной или стрессовой ситуации либо на получение социальной поддержки от среды, тенденции к использованию дезадаптивных копинг-стратегий: агрессивных, импульсивных, осторожных действий, а также и избегания, характеризующихся социальной несмелостью и в то же время неуверенностью в себе и негативизмом по отношению к окружающим.

Таким образом, длительное психологическое воздействие самоизоляции и карантина, безусловно, является широкомасштабным и существенным, способным в долгосрочной перспективе оказать значительное влияние как на эмоциональное состояние субъекта, так и на другие личностные и поведенческие составляющие. Зарубежные [9] и отечественные [1] психологические исследования подтверждают подобные выводы, а также указывают на необходимость измерения силы выраженности острых психологических реакций на травматические со-

бытия с целью их оперативной коррекции, поскольку они могут выступить в качестве фактора риска формирования ПТСР, психосоматических заболеваний, что способно в свою очередь снизить качество жизни субъекта и потребовать долгосрочной психокоррекционной работы.

Полученные нами результаты актуализируют необходимость разработки практических рекомендаций для курсантов, находящихся в условиях самоизоляции. В основу разработанных практических рекомендаций легли многочисленные работы в области стресса и иных негативных психических состояний. Методы психологической коррекции стресса раскрыты отечественными психологами в рамках экстренной (А. Г. Караяни, П. А. Корчемный, 2010; В. В. Свириденко, В. В. Соколянский, 2017; О. П. Колина, А. В. Гришин, Е. В. Петрова, 2017; Ю. С. Шойгу, Л. Н. Тимофеева, Е. В. Курилова, 2019) и неэкстренной помощи (А. П. Шихова, 2009; И. Ю. Кобозев, 2011; В. И. Мельников, 2012, В. В. Гудимов, 2016; М. А. Одинцова, Н. Л. Захарова, 2016, И. В. Плужников, 2020). Большинство рекомендаций ориентировано на широкую аудиторию и могут быть применены в том числе всеми категориями обучающихся. При разработке были учтены данные анализа работ И. В. Плужникова, который с целью снижения риска развития негативных психических состояний разработал алгоритм последовательных действий в данном направлении³.

Как следует из работ автора, первоначально необходимо принять и переосмыслить ситуацию исходя из того факта, что избегание негатива без его принятия приводит к усилению тревоги, стресса и иных негативных психических состояний. Далее рекомендуется установить режим и границы учебной и внеучебной деятельности. И. В. Плужников предлагает использовать с этой целью методику установления временных и пространственных рамок. В частности, полезно разграничить рабочее и нерабочее пространство, выделить временные промежутки для учёбы и отдыха, соблюдать режим питания, двигательной активности. Полезно выделить время на творчество и хобби.

Следующим пунктом является ограничение информации из социальных сетей и иных непроверенных источников. Проблемы достоверности информации, публикуемой в открытом доступе, изучали в своих исследованиях А. Р. Бодямина, 2012; А. А. Якунин, 2014; А. А. Морозова, 2017; А. В. Кутузов, 2020 и др. Р. В. Жолудь подчеркивает, что пользователи социальной сети получают возможность трансляции массовой информации

³ Общие принципы заботы о психическом здоровье в условиях карантина и самоизоляции [Электронный ресурс] // Сайт «Стопкоронавирус». – Режим доступа: <https://стопкоронавирус.рф/news/20200423-1500.html> (дата обращения: 25.04.2020).

без помощи СМИ, которые выступали «этическим фильтром» и пропускали в сферу массовой коммуникации только ту информацию, которая соответствовала требованиям профессиональной этики [2]. Кроме этого, социальные сети создают и дополнительную информационную нагрузку, параллельную процессу обучения.

Безусловно, важным компонентом работы со стрессом является своевременное и планомерное решение проблем и затруднений рациональными способами. При этом важно соблюдать правила взаимодействия с другими людьми, снижать риск конфликтного взаимодействия, деэскалировать конфликты.

С целью сохранения психологического здоровья важно использовать позитивный опыт в борьбе с негативными эмоциями, заботиться о своем психическом состоянии.

С целью оптимизации психических состояний, а также активизации психической активности обучающимся важно использовать методы психологической коррекции. Одним из основных направлений коррекции является «релаксация». Использовать этот метод для оптимизации своего состояния может каждый человек, в том числе не имеющий специального образования. Широко известны и несложны в реализации приёмы нервно-мышечной релаксации, представляющей собой систему специальных упражнений для расслабления различных групп мышц. Целью тренировки является снятие мышечного тонуса, напрямую связанного с различными формами отрицательного эмоционального возбуждения: страх, тревожность, смущение. Уменьшив или предотвратив тонус мышц, можно снять стрессовые состояния, бессонницу, мигрени, а также нормализовать эмоциональный фон. Примером может быть ритмическое дыхание, тренинг прогрессирующей мышечной релаксации, пассивная концентрация.

Второе направление – мобилизация, реализуется на первой стадии развития стресса и зависит от тех психологических ресурсов, которыми обладает личность. Эффективными средствами являются: целеполагание, тайм-менеджмент, аутогенная тренировка и саморегуляция, дыхательная и звуковая гимнастика.

Целеполагание обеспечивает самопомощь в осознании жизненных и профессиональных целей, ценностей, приоритетов и т. д. Рекомендуемые методы: анкета «Жизненные цели», упражнения «Карта моей жизни», «Шесть шагов в достижении цели». Тайм-менеджмент направлен на выяснение основных причин дефицита времени, анализ использования времени и его планирования, выработку навыков эффективного планирования и контроля времени.

Аутогенная тренировка и саморегуляция – средства снятия эмоционального напряжения и

усталости, улучшения психосоматического самочувствия, повышения работоспособности.

Кроме аутокоррекции, в условиях самоизоляции эффективным направлением психокоррекционного воздействия на психическую сферу курсантов должен стать тренинг адаптивного совладающего поведения.

В результате проведенного исследования мы можем сформулировать следующие выводы.

1. Современные условия подготовки курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России на фоне угрозы распространения в мире и в России новой коронавирусной инфекции COVID-19, самоизоляции и перехода на дистанционный формат обучения создают предпосылки для ряда ограничений в структуре организации образовательного процесса.

2. Обычное для обучающихся психическое состояние может быть описано как психическое спокойствие, энергичность, активность. Для обычного состояния негативные проявления в структуре эмоциональной сферы курсантов, проходивших достаточно жесткий профессиональный психологический отбор, такие как напряжённость, импульсивная реактивность, тревога, депрессия, подавленность практически не характерны. В то же время в структуре актуального психического состояния данной выборки наблюдаются тенденции к повышению общей неудовлетворенности, пессимистичности, апатичности и ощущения бессилия, недовольства существующим жизненным укладом, растут расслабленность, уровень тревоги и опасений, раздражительность, нетерпеливость, проявляющиеся на фоне снижения параметров мотивация.

3. Около половины обследованных курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России (48 %) в момент изучения их психологических особенностей переживали стресс. К числу его основных характеристик можно отнести ощущения нестабильности актуальной жизненной ситуации и связанный с этим эмоциональный дискомфорт. И хотя выявленные негативные психические состояния варьируются в пределах нормативных значений, тенденция к их деформации позволяет сделать вывод о достаточно быстрых изменениях в структуре наиболее подверженных влиянию ситуативных факторов личностных структурных образованиях. Часть параметров, подвергающихся изменениям, можно обозначить в качестве дезадаптивных факторов.

4. К числу психологических особенностей, влияющих на формирование негативных психических состояний, относятся несбалансированные черты характера (эмоциональная нестабильность, чувствительность, прямолинейность, конформность, консерватизм); незрелость меха-

низмов психологических защит личности (вытеснение, проекция и реактивные образования); несформированные адаптивные просоциальные копинг-стратегии, доминирование в структуре совладающего поведения неадаптивных стратегий агрессивного и импульсивного поведения, избегания и осторожных действий.

5. Профилактическая работа с обучающимися должна включать в себя следующие этапы: определение временных рамок обучения, предоставление достоверной информации, «эмоциональное обучение», апелляцию к ценностям и знаниям, фор-

мирование стрессоустойчивости, предоставление альтернативы реальным социальным контактам.

6. Своевременное оказание психологической поддержки курсантам, обучение их навыкам саморегуляции психических состояний на данном этапе можно считать значимой составляющей самого процесса обучения. Овладение приемами снятия эмоционального напряжения и мобилизации ресурсов способно нормализовать психическое состояние курсантов и слушателей, мотивировать и стимулировать их на учебную деятельность, личностное развитие.

Список литературы

1. *Василенко Е. А.* Проблема сущности и функций социального стресса в психологии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 299–319.
2. *Жолудь Р. В.* Профессиональная этика журналиста в социальных медиа: новые вызовы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2012. – № 1. – С. 167–171.
3. *Кобозев И. Ю.* Стресс в профессиональной деятельности руководителя // Вестник психотерапии. – 2009. – № 30 (35). – С. 95–105.
4. *Крылова А. В.* Преодоление депривации у студентов в образовательном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Психология. Социология. Педагогика». – 2010. – № 4. – С. 133–139.
5. *Куприна О. А., Глушач Н. Н.* Особенности профессиональной деятельности, протекающей в экстремальных условиях // Вестник университета. – 2014. – № 9. – С. 190–192.
6. *Левитов А. Б.* Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 40–47.
7. *Нартова-Бочавер С. К.* Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 5. – С. 15–26.
8. *Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J.* The psychological impact of quarantine and how to reduce it // Rapid review of the evidence. – 2020. – March 14. – Vol. 395. – Issue 10227. – S. 912–920.
9. *Garfin D. R., Thompson R. R., Holman E. A.* Acute stress and subsequent health outcomes // A systematic review. Journal of Psychosomatic Research. – 2018. – September. – Vol. 112. – S. 107–113.
10. *Harrison R. V.* The person-environment fit model and the study of job stress / Human stress and cognition in organizations/ eds. T. A. Beehr, R. S. Bhagat. – New York: Wiley, 1985. – S. 23–55.

References

1. *Vasilenko Ye. A.* Problema sushchnosti i funktsiy sotsial'nogo stressa v psikhologii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – № 3. – S. 299–319.
2. *Zholud' R. V.* Professional'naya etika zhurnalista v sotsial'nykh media: novyye vyzovy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika». – 2012. – № 1. – S. 167–171.
3. *Kobozev I. Yu.* Stress v professional'noy deyatel'nosti rukovoditelya // Vestnik psikhoterapii. – 2009. – № 30 (35). – S. 95–105.
4. *Krylova A. V.* Preodoleniye deprivatsii u studentov v obrazovatel'nom protsesse // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12 «Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika». – 2010. – № 4. – S. 133–139.
5. *Kuprina O. A., Glushach N. N.* Osobennosti professional'noy deyatel'nosti, protekayushchey v ekstremal'nykh usloviyakh // Vestnik universiteta. – 2014. – № 9. – S. 190–192.
6. *Levitov A. B.* Frustratsiya kak odin iz vidov psikhicheskikh sostoyaniy // Voprosy psikhologii. – 2007. – № 6. – S. 40–47.
7. *Nartova-Bochaver S. K.* Zhiznennaya sreda kak istochnik stressa i resurs yego preodoleniya: vozvrashchayas' k psikhologii povsednevnosti // Psikhologicheskii zhurnal. – 2019. – T. 40. – № 5. – S. 15–26.
8. *Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J.* The psychological impact of quarantine and how to reduce it // Rapid review of the evidence. – 2020. – March 14. – Vol. 395. – Issue 10227. – S. 912–920.
9. *Garfin D. R., Thompson R. R., Holman E. A.* Acute stress and subsequent health outcomes // A systematic review. Journal of Psychosomatic Research. – 2018. – September. – Vol. 112. – S. 107–113.
10. *Harrison R. V.* The person-environment fit model and the study of job stress / Human stress and cognition in organizations/ eds. T. A. Beehr, R. S. Bhagat. – New York: Wiley, 1985. – S. 23–55.

УДК 159.9.316

DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-227-233

Н. Ф. Гейжан

доктор педагогических наук, профессор
Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1
ORCID: 0000-0002-1272-8766. E-mail: naftus@yandex.ru

Т. А. Симакова

кандидат психологических наук, доцент
Академия ФСИН России (Рязань)
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1
ORCID: 0000-0002-5715-0291. E-mail: simakovatanea@yandex.ru

Дистанционное обучение в аспекте психологии труда преподавателей и обучающихся

Аннотация: Статья представляет анализ опыта дистанционного обучения в условиях самоизоляции, полученного весной 2020 года в образовательных организациях высшего образования. Опрос обучающихся в первые дни перехода на онлайн-обучение и через три месяца работы в данном режиме позволил выявить наиболее распространённые затруднения, проявленные в субъективных оценках курсантов и преподавателей образовательной организации высшего образования.

Выявлены четыре группы затруднений, которые, по мнению обучающихся, снижают не только продуктивность работы в процессе вынужденного дистанционного обучения, но и удовлетворенность такой формой обучения: трудности, связанные со снижением мотивации, креативности, ценности профессионального обучения; трудности в понимании и выполнении заданий; пользовательские трудности при работе с компьютером; трудности технического характера, связанные с неудовлетворительной работой компьютера или интернета. Приведены количественные характеристики каждой группы затруднений, обсуждаются их вероятные причины и пути поддержки обучающихся.

Приведены некоторые данные опроса обучающихся и преподавателей через три месяца обучения в режиме самоизоляции. Приводится ряд данных о психологических причинах субъективных трудностей обучающихся.

Ключевые слова: дистанционное обучение в высшей школе; обучение в условиях самоизоляции; субъективные оценки затруднений в онлайн обучении.

Для цитирования: Гейжан Н. Ф., Симакова Т. А. Дистанционное обучение в аспекте психологии труда преподавателей и обучающихся // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 227–233. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-227-233.

Natalya F. Geyzhan

Dr. Sci. (Ped.), Professor
Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1272-8766. E-mail: naftus@yandex.ru

Tatyana A. Simakova

Cand. Sci. (Psy.), Docent
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)
1, Sennaia str., Ryazan, 390000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5715-0291. E-mail: simakovatanea@yandex.ru

Distance learning in the aspect of labor psychology of teachers and students

Annotation: The article analyzes the experience of distance learning in conditions of self-isolation, obtained in the spring of 2020 in higher education institutions. A survey of students in the first days of transition to online training and after three months of working in this mode revealed the most common difficulties manifested in the subjective assessments of cadets and teachers of higher education organizations.

Four groups of difficulties are identified that, according to students, reduce not only the productivity of work in the process of forced distance learning, but also the satisfaction of this form of training: difficulties associated with a decrease in motivation, creativity, and the value of professional training; difficulties in understanding and completing tasks; user difficulties when working with a computer; technical difficulties associated with unsatisfactory computer or Internet performance. Quantitative characteristics of each group of difficulties are given, their probable causes and ways to support students are discussed.

Some data from the survey of students and teachers after three months of training in self-isolation are presented. A number of data on the psychological causes of subjective difficulties of students is provided.

Keywords: distance learning in higher education; learning in conditions of self-isolation; subjective assessments of difficulties in online learning.

For citation: Geyzhan N. F., Simakova T. A. Distance learning in the aspect of labor psychology of teachers and students // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 227–233. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-227-233.

Введение. Особенности дистанционного обучения исследуются в отечественной психолого-педагогической литературе около тридцати лет. Разработаны его разнообразные технологии, оборудование, программное обеспечение. Определены его признаки, отличия от заочного обучения и традиционного обучения с применением компьютерных и интернет-систем. Во многих публикациях представлены всевозможные формы и методы, способы индивидуальной и групповой организации работы с обучающимися, обеспечивающей «систематическую и эффективную интерактивность» [1; 2; 6; 8]. Показано, что дистанционное обучение строится в соответствии с теми же принципами, целями и содержанием, что и очное обучение. Но формы подачи материала и формы взаимодействия педагогического работника и обучающихся между собой различны. Отлична их реализация, которая обусловлена спецификой новой формы обучения, возможностями информационной среды интернет, её услугами [3, с. 36].

Доказаны положительные стороны дистанционных технологий. Среди них: повышение производительности труда преподавателей и повышение эффективности учебной деятельности за счёт организации самообразования, масштабной доступности информационных, научных и учебных ресурсов; возможности обучения по индивидуальному временному графику и / или по индивидуальным учебным планам студентов; обеспечения территориальной мобильности и возможность совмещения студентом обучения и работы; освоения студентами современных информационных технологий и оборудования [5, с. 109]. Имеются результаты опросов преподавателей, студентов очной и заочной форм обучения, а также работодателей, раскрывающих их отношение к дистанционной

форме обучения специалистов [9; 12]. В частности, было показано, что практически все преподаватели и студенты положительно оценивают использование интернет-технологий и средств электронной коммуникации применительно к заочной форме обучения. Для очной формы они принимаются лишь как сопутствующие, обогащающие процесс обучения, оценки знаний и административного контроля [4].

Частным случаем дистанционного является электронное обучение (E-learning, онлайн-обучение) [7; 13]. Его использование началось с применением компьютеров в образовательном процессе. К этой технологии обучения принято относить электронные учебники, курсы на носителях CD-ROM, дистанционное обучение [10; 11]. К несомненным преимуществам электронного обучения относятся такие характеристики, как свобода и легкость доступа, гибкость обучения за счёт индивидуального выбора продолжительности и последовательности изучения материала с учётом индивидуальных особенностей и предпочтений, высокие технологические возможности обновления содержания и форм презентаций, более чёткие критерии оценки знаний обучающихся, снижение затрат на обучение.

Постановка проблемы. До апрельских событий 2020 года, связанных с режимом самоизоляции в условиях карантина, обучение с использованием компьютеров чередовалось с обычными, классическими аудиторными занятиями. Возникающие индивидуальные трудности электронного обучения могли и разрешались при встрече преподавателей и обучающихся во время аудиторных занятий. Организация образования в условиях карантина резко обострила данную проблематику, особенно с точки зрения эффективности, перспективности, социальной значимости и самочувствия

участников дистанционного образования. В её обсуждение включились широкие слои общественности, пресса, журналисты, телеведущие, блогеры. Заговорили о возможности широкого распространения дистанционной формы обучения в системе образования, особенно высшего, где самостоятельность студентов существенно выше, а потребность в охвате отдаленных регионов квалифицированными преподавателями ощущается остро. Из дидактической проблемы ситуация превратилась в психологическую, социальную и трудовую.

Более чем трёхмесячный опыт преподавания в высшей школе в условиях вынужденного перехода на дистанционное обучение позволил проанализировать плюсы и минусы его организации в аспекте психологии труда. Был получен уникальный опыт, осмысление которого важно в том числе и для организационно-управленческих решений в случае повторения такого рода ситуаций, а также как рефлексивная задача для преподавателей и обучающихся в целях оптимизации образовательного процесса в особых условиях.

Обращение к этой стороне проблемы позволяет несколько иначе взглянуть на деятельность преподавателей и обучающихся в образовательном процессе – с точки зрения самоорганизации их труда, требующих иначе организованных усилий. При вынужденном дистанционном обучении резко возрастает субъектность каждого в дистанционном взаимодействии, его мотивация и ответственность. Основным для исследования здесь является вопрос – что именно в дистанционном обучении вызывает затруднения у преподавателей и обучающихся, причём не столько в освоении учебной информации, сколько в организации самого труда. Здесь уместно отметить, что в педагогической психологии и педагогике широко используется (и исследуется) понятие «учебная деятельность», близкое к понятию «учебный труд». Если в первом ведущей является когнитивная составляющая, то во втором – конативная (волевая, эргическая). Связывает их эмотивная составляющая, центром которой в образовательном процессе является интерес: мотивы учения и выбора профессии, личные и социальные ценности, познавательные предпочтения.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный выше, необходимо выявить, какие затруднения выявляются у субъектов вынужденного дистанционного обучения в сфере понимания, воли и мотивации.

Методика исследования. С этой целью нами была разработана экспресс-анкета по изучению психологической готовности обучающихся продолжать обучение в условиях экстренного перехода в онлайн-формат, исключая аудиторные занятия в условиях самоизоляции. Анкетный опрос проводился в дистанционном режиме с помощью электронных форм опроса.

В настоящее время в сети интернет имеется немало сервисов для обработки и проведения опросов: <https://www.testograf.ru>, <https://www.surveymonkey.com>, <https://anketolog.ru>, <https://docs.google.com/forms>. Каждый со своими недостатками, но все они обладают большим преимуществом относительно проведения анкетирования в бумажном варианте. Первое преимущество заключается в возможности получать ответы в режиме реального времени, когда ответ респондента моментально записывается в созданную базу данных; второе – мгновенная обработка данных (нет необходимости в подсчётах); третье – пластичность исследования, т. е. легко можно поменять вопросы в случае, если они непонятны респондентам или недостаточно информативны.

При составлении опросов хорошо себя рекомендовал сервис <https://docs.google.com/forms>, который не ограничивает использование количества респондентов, а форма с полученными данными достаточно понятна для восприятия. По завершении опроса респондент кнопкой «Отправить» завершал опрос. Обработка данных происходит посредством формы. Перейдя по вкладке «Ответы», владелец формы может посмотреть уже полученные ответы в виде графиков и диаграмм.

Воспользовавшись кнопкой, в таблице можно посмотреть ответы каждого респондента с возможностью фильтрации по дате и по заданным параметрам, также есть возможность рассчитывать и применять статистические методы обработки. Исследование готовности к онлайн-обучению и затруднений в его процессе проходило именно с помощью технологии, описанной выше. Использован авторский опросник «Психологическая готовность к онлайн-обучению».

В первоначальном анкетировании принял участие 381 студент, при этом ответы были получены в течение первых нескольких дней обучения в условиях самоизоляции. Через три месяца методом опроса и индивидуальных бесед были получены ответы от 35 курсантов и адъюнктов, а также 18 педагогических работников Санкт-Петербургского университета МВД России. Выявлялось отношение к факторам с помощью анкетирования ранее. Были получены следующие результаты.

На первоначальном этапе опроса в условиях самоизоляции выделились четыре основных типа затруднений. Они выразились в количестве ответов на вопросы анкеты, а также в личных комментариях отвечавших (процентное соотношение ответов приводится по каждой группе отдельно, то есть, если затруднения отметили 45 %, то 55 % отвечавших первоначально их не имели).

1. Трудности, связанные со снижением мотивации, креативности, ценности профессионального обучения отмечены в 45 % ответов. Персональные ответы: снизилась мотивация, потеря интереса при этом виде обучения; снизилась все мои характеристики; лучше личностное общение; не хватает комментариев преподавателя, выставляемых оценок; оформление сайта вводит в депрессию, о личной креативно-

сти на его фоне речь вести не приходится; потеря смысла обучения при такой форме; потеря интереса.

2. Трудности в понимании и выполнении заданий. Эту группу трудностей отметили 33 % отвечающих на вопросы анкеты. В свободных ответах отмечалось: нет прямой связи с преподавателем; сложно воспринимать информацию в такой форме; не могу усваивать материал в такой форме; не понимаю формулировку заданий; не понимаю, за что снижаются оценки; не вся информация в открытом доступе.

3. Пользовательские трудности при работе с компьютером или интернетом. 19 % ответивших отмечают трудности такого рода. В комментариях назывались: недостаток компьютерной грамотности; затрачивается большое количество времени из-за недостатка знаний; не получается войти в онлайн-общение.

4. Трудности технического характера, связанные с неудовлетворительной работой компьютера или интернета, отметили 28 % заполнявших анкету. Наиболее часто отмечалось, что компьютер устарел; медленное соединение с интернетом, затрудняющее обучение. Кроме того, назывались такие причины как: отсутствие возможности использования интернета или плохое соединение; нестабильная работа сайта, недружественный интерфейс, проблема со входом, отсутствие чата.

Обсуждение результатов. Как видно, чаще всего затруднения курсантов в онлайн-обучении связаны с отношениями, ценностями и мотивами, которые в условиях вынужденной самоизоляции подвергаются наибольшему испытанию.

Различие между системным и вынужденным режимом дистанционного обучения связано с экстремальными обстоятельствами. В данном случае – с самоизоляцией. Онлайн-обучение ориентировано на те же дисциплины, программы, преподавателей, что и при аудиторной форме. Могут добавляться онлайн-лекции, но это не специальные курсы и учебники, рассчитанные на дистанционное системное обучение.

Данное различие существенно влияет на результативность освоения информации, прежде всего в силу снижения мотивации и, соответственно, работоспособности или желания выполнять задания. Особенно это проявилось при повторном опросе через три месяца самоизоляции. Добровольный и вынужденный выбор режима обучения мотивирован по-разному. Широкие социальные мотивы (получить профессию, отличная успеваемость, самоутверждение, самореализация) недостаточно регулируют повседневную учебную деятельность. Но и при первоначальном опросе 45 % ответивших отмечают у себя снижение мотивации вплоть до «неинтересно учиться». С чем связан этот результат?

Первый очевидный ответ – люди, особенно молодые, нуждаются в постоянном общении. В аудитории происходит обмен мнениями, эмоциями, можно показать себя, поучиться у других,

получить оценку за потраченные усилия. Это важный компонент – общение в процессе обучения. Воспринимая себя среди других, сравнивая свои суждения с ответами других, обучающийся постоянно контролирует и поддерживает уровень собственной значимости, общую и частные самооценки, которые мотивируют, дают дополнительную энергию.

Второй очевидный ответ – в аудитории человек организован правилами взаимодействия. В условиях дистанционного обучения он должен организовать себя сам, даже если присутствует на онлайн-лекции. Влияет тут и отвлекаемость (это характеристика особенности мышления, в психологии называется полезависимость–полезависимость). Для экстрасертов (а среди курсантов их много) внешняя организация особенно важна.

В специальном исследовании, проведенном с помощью методики Л. Н. Собчик «Индивидуально-типологический опросник», были получены статистически значимые зависимости. Выявленные корреляционные связи говорят о том, что для тех, кому легче дается онлайн-обучение, характерны выраженные экстраверсия, лабильность, мотивационная неустойчивость, демонстративность. Чем лучше адаптация к дистанционному обучению, тем сильнее выражено активное взаимодействие с людьми. По-видимому, для них неважно – непосредственное ли это общение или опосредованное интернетом. Также им присуще такое качество, как демонстративность, они хотят, чтобы об их достижениях в онлайн-обучении знали многие. Кроме того, они непостоянны в своих интересах.

Чем большие трудности испытывают обучающиеся при переходе на онлайн-обучение, тем реже они хотят показать себя в лучшем свете, т. е. они прямо говорят о своих проблемах в учебной деятельности, их ответы, касающиеся объяснения причин затруднений, более искренние. Для них важно, чтобы оценивание результатов учебных заданий осуществлялось не в форме отметок, а в форме развернутых рецензий, с точным указанием недостатков в выполнении учебных заданий.

Важно учитывать, что мотивы избегания неудач по сравнению с мотивами достижения успехов оказывают положительное влияние на эмоциональную сферу человека, предполагая в качестве основных стимулов воздействия состояния удовлетворения и радости. Стыд, страх, совесть как основные стимулы мотива избегания неудач могут вызывать запредельное торможение в условиях дистресса и являться причиной учебной дезадаптации даже у студентов, положительно успевающих в обычных условиях организации учебной деятельности.

Опрос и индивидуальные беседы с курсантами, адъюнктами и преподавателями через три месяца обучения в условиях самоизоляции показывают, что значительной трудностью для многих из них стало такое явление, как постоянное откладывание выполнения заданий, и

в конечном итоге – работа в режиме спешки и стресса. Это явление получило в психологии название прокрастинация – «откладывание, отсрочивание». Его называют болезнью XXI века. В отличие от лени, когда человек не хочет выполнять какое-то дело, здесь наблюдается постоянное осознанное затягивание, откладывание дела «на потом», чтобы заняться ими в последний момент. И причина здесь не столько в скуке, усталости, трудностях с концентрацией внимания, недостаточной мотивации. Скорее всего (и этот вопрос ещё исследуется), дело здесь в перегруженности мозга современного человека информацией, необходимостью её постоянно воспринимать. Это своеобразная защита, когда возможность не выполнять информационную задачу сразу даёт иллюзию свободы, комфортного существования. Чем сложнее задача, тем охотнее человек отвлекается на малонужную информацию в тех же сетях. Отсутствие внешнего организатора играет здесь отрицательную роль, снижая и настроение, и работоспособность.

Обсуждая субъективные трудности дистанционного обучения в условиях самоизоляции, важно учитывать, что общее снижение настроения, неудовлетворённости отмечается многими не только в связи с обучением, но и в связи с условиями работы на дому, когда сложнее организовать спокойные условия, отвлекают окружающие. В частности, проверка заданий по темам семинарских и практических заданий адъюнктов показывает, что они нередко выполнялись (и отсылались преподавателю) ночью. Однако индивидуальные беседы показывают, что неудовлетворённость обучающихся связана именно с организацией учебного труда, а не только с усталостью от однообразных условий.

Вторая группа трудностей связана с пониманием и выполнением заданий в режиме онлайн-обучения. Она также связана с мотивацией и самоорганизацией обучающихся, вызывая ощущение неудовлетворённости и «неинтересности». Умение понять материал означает не просто его услышать, прочитать, даже законспектировать, а именно понять. Понимание – это универсальная операция мышления, в результате которой новое знание включается в систему устоявшихся идей и представлений, сформированных у человека ранее. Это способность осознать смысл события, ситуации, речи, текста, объяснения. Понимание часто заменяют словом осмысление, которое добавляет оттенок самостоятельности и волевого усилия субъекта.

По каким признакам можно судить, что обучающийся понимает, например, новый учебный материал? Он может: приводить примеры; ставить вопросы в связи с освоенной информацией; перенести полученные знания в новые условия и использовать их; узнавать общее в разных формулировках; выделять главное и второстепенное в тексте, сообщении; перевести учебный или научный текст на свой язык, пересказать его своими словами (кодирование и декодирование текста); рассмотреть один и

тот же объект или его свойства в разных связях и отношениях; перевести абстрактно-логические формы информации в образно-наглядную (нарисовать схему, построить таблицу); менять поведение или действия в соответствии с освоенной информацией; систематизировать, классифицировать, группировать предметы или понятия; решать нестандартные задачи или использовать нестандартные способы решения задачи. Соответствием этим признакам выбираются методы развития понимания. Самостоятельно оценить курсанту свой уровень понимания – непонимания сложно. Но если становится скучно разбираться в материале – это один из признаков недостаточного осмысления информации.

В аудиторной работе преподаватель на примере собственной аналитической работы, разбора понятия или текста помогает выделить положения главные и вытекающие из него. Заслушивание докладов на семинаре или результатов групповой работы также дает возможность более глубокого понимания осваиваемой информации. Однако при дистанционной оценке выполняемых заданий, объяснение недостатков логики и понимания превращается для преподавателя в сложную задачу, поскольку нужно письменно аргументировать оценку 15–20, а то и 25 присланных онлайн-заданий. На эту трудность как основную указывали подавляющее большинство преподавателей, опрошенных через три месяца обучения в режиме самоизоляции.

В то же время курсанты и адъюнкты чаще всего называли такую трудность, как многократно возросший объём письменных заданий, которые им приходилось выполнять в режиме онлайн-обучения. При аудиторной форме семинары и практические занятия не требуют подготовки письменных заданий (докладов, сообщений, презентаций, отзывов, рецензий, решения задач) от каждого. При дистанционной форме требования формального контроля вынуждают эти письменные работы выполнять.

С одной стороны, это положительный фактор – возрастает объём самостоятельной работы. С другой – это ведёт к формализации выполняемых заданий. Дистанционное обучение резко активизирует нахождение информации в интернете. Раскрытие любой темы там часто представлено в курсовых, дипломных работах, а также многообразных учебниках и пособиях. В них, как правило, нет авторского взгляда. В результате «из фарша еще раз получают фарш» или «пилят опилки». Обучающиеся реже анализируют статьи, монографии, диссертации, классические исследовательские работы. Они сложны для восприятия и требуют для освоения мыслительных усилий. Но именно эти мыслительные усилия и развивают мышление, способность понимания. Конечно, и при аудиторной организации обучения преподаватель сталкивается с тем же явлением. Но, обсуждая, например, доклад на семинаре, есть возможность выделить существенные связи, характеристики, разобрать

ся в определениях. Ещё К. Д. Ушинский писал: «Умственный труд едва ли не самый тяжелый труд для человека. Мечтать – легко и приятно, но думать – трудно. Не только в детях, но и во взрослых людях мы чаще всего встречаемся с ленью мысли» [14, с. 142]. Учить пониманию – одна из важных задач, которую, по мнению преподавателей, труднее всего решать в режиме дистанционного обучения.

Режим вынужденного дистанционного обучения влияет и на поведение преподавателя. В аудиторном общении он психологически значительно более свободен в проявлении эмоций, а главное – восприятия, у него есть обратная реакция слушателей. Педагог видит – понимают ли его (по глазам, мимике, позам, отвлекаемости, сосредоточенности) и соответственно разъясняет непонятое. Может повторить что-то, вернуться к схеме или презентации, ответить на вопрос. Он чувствует понимание аудитории по многим признакам и корректирует способ подачи информации. Кроме того, обратная связь увеличивает эмоциональную окраску материала, что, соответственно, влияет на заинтересованность слушателей. В режиме онлайн-лекции подача материала более формализована. Наблюдение за учителями на занятиях старшеклассников, организованных по ТВ-каналам (математика, русский язык для ЕГЭ), удивляет тем, что учителя там почти не разъясняют материал, не отвечают на вопрос «почему?», не раскрывают – хотя бы кратко – историю возникновения проблемы, ситуации, правила, в основном излагая порядок требуемых для экзамена действий.

Если лекция проводится в режиме видеобщения, то формализованность проявляется у всех его участников в силу психологических причин. Привыкнуть к такой форме можно, но это требует времени. Известно, что если в аудитории установлена видекамера или присутствуют посторонние, то поведение и преподавателя, и курсантов меняется в сторону большего напряжения, «замораживания реакций». А в удалённом режиме груз ответственности преподавателя увеличивается, требуется профессиональное мастерство и опыт работы.

Третья группа затруднений связана с недостаточностью пользовательских умений и обучающихся, и преподавателей. Мониторинг показал, что для небольшого количества обучающихся дефицит пользовательских знаний является препятствием для продолжения обучения. Для сохранения возможности продолжения обучения этой – пусть и немногочисленной

– группы (19 %) помощь следует рассматривать в двух направлениях: во-первых, создание индивидуальных профилей обучения на основе учёта персонального уровня пользовательских знаний, во-вторых, организацию экспресс-курсов с указанием источников, адаптированных к уровню имеющихся знаний, ориентированных на зону ближайшего развития в качестве условия продолжения обучения в онлайн-формате.

Четвертая группа затруднений, связанная с техническим оснащением дистанционного обучения, не подлежит психологическому анализу. Помощь обучающимся в этом направлении лежит на пути организационно-управленческих решений: привлечение в случае необходимости спонсорской помощи, передача ноутбуков на условиях аренды в период обучения, охват единой учебной интернет-сетью и т. д.

Заключение. Завершая рассмотрение дистанционного обучения в аспекте психологии труда, следует отметить, что большое количество факторов и условий, которые затрудняют обучение в этом режиме, осталось за рамками рассмотрения. В целом заявления представителей органов власти на самом высоком уровне свидетельствуют о том, что использование дистанционного обучения возможно лишь в ограниченных рамках особых обстоятельств в системе образования. Тем не менее полученный опыт выявил образовательные задачи, которые необходимо решать не столько с точки зрения дидактики, сколько подготовки обучающихся в высшей школе к профессиональной деятельности в любой сфере труда. Среди них: самостоятельно и осознанно организовывать свою учебную (рабочую) деятельность, опираясь на помощь преподавателей; разобраться в иерархии мотивов своих действий или бездействия, осознать цели и спланировать своё ближайшее и отдаленное будущее; использовать условия онлайн-обучения для воспитания своего характера, организованности, силы воли, способности доводить дело до конца; понимать развивающую ценность живого общения в традиционном обучении; важно осознать, каким образом каждый осваивает информацию, используется ли анализ, синтез, сравнение; ставятся ли вопросы, высказываются ли предположения; ценить возможность свободного поиска информации, учась мышлению у тех, кто мыслить умеет, используя первоисточники, работы классиков и исследователей. Если мы не хотим, чтобы искусственный интеллект превзошел человеческий разум, необходимо его развивать.

Список литературы

1. Андреев А. А., Солдаткин В. И. Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // Cloud of Science. – 2013. – № 1. – С. 14–20.
2. Балакин М. А. Психолого-педагогические проблемы дистанционного образования // Педагогическое обозрение. – 2005. – № 1. – С. 99–107.
3. Козлова Д. А. Дистанционное обучение как инновационный подход в реализации непрерывного образования // Вестник ТГПИ. – 2013. – Спецвыпуск № 1. – С. 36–40.
4. Куликова Е. В. Анализ факторов, сопутствующих дистанционному обучению в вузе // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 4 (24). – С. 143–150.

5. Куликова Е. В., Сорока Е. Г. Дистанционное обучение как технологическое решение электронно-образовательной среды вуза // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 1 (21). – С. 108–113.
6. Курицына Г. А. Сущностно-содержательные характеристики дистанционного обучения в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2016. – № 2. – С. 26–39.
7. Миронова Е. В. Сравнительный анализ организации учебного процесса очного и дистанционного обучения // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 5 (68). – С. 261–263.
8. Овсянников В. И. Дистанционное образование в России: миф или реальная перспектива // Педагогика. – 1996. – № 3. – С. 4–6.
9. Петровский А. А. Обучение персонала с применением дистанционных технологий // Профессиональная ориентация. – 2017. – № 1. – С. 308–313.
10. Пидкасистый П. И., Тыщенко О. Б. Компьютерные технологии в системе дистанционного обучения // Педагогика. – 2000. – № 5. – С. 7–12.
11. Солдаткин В. И. Электронная педагогика: основания и проблемы // Байкальский психологический и педагогический журнал. – 2003. – № 1. – С. 61–70.
12. Стегний В. Н., Черновалов Г. А. Преподаватель высшей школы и дистанционное образование // Высшее образование в России. – 2011. – № 7. – С. 94–97.
13. Троян Г. М. Применение универсальных подходов для улучшения качества дистанционного образования // Открытое образование. – 2004. – № 2. – С. 37–47.
14. Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении / Избранные пед. соч. в 2-х тт. – Т. 1. – Москва: Педагогика, 1974. – С. 124–144.

References

1. Andreev A. A., Soldatkin V. I. Distantcionnoe obuchenie i distantcionnye obrazovatel'nye tekhnologii // Cloud of Science. – 2013. – № 1. – С. 14–20.
2. Balakin M. A. Psikhologo-pedagogicheskie problemy distantcionnogo obrazovaniya // Pedagogicheskoe obozrenie. – 2005. – № 1. – С. 99–107
3. Kozlova D. A. Distantcionnoe obuchenie kak innovatsionnyi podkhod v realizatsii nepreryvnogo obrazovaniya // Vestnik TGPI. – 2013. – Spetsvypusk № 1. – С. 36–40.
4. Kulikova E. V. Analiz faktorov, soputstvuyushchikh distantcionnomu obucheniyu v vuze // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii. – 2017. – № 4 (24). – С. 143–150.
5. Kulikova E. V., Soroka E. G. Distantcionnoe obuchenie kak tekhnologicheskoe reshenie elektronno-obrazovatel'noi sredy vuza // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii. – 2017. – № 1 (21). – С. 108–113.
6. Kuritsyna G. A. Sushchnostno-soderzhatel'nye kharakteristiki distantcionnogo obucheniya v vuze // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo. – 2016. – № 2. – С. 26–39.
7. Mironova E. V. Sravnitel'nyi analiz organizatsii uchebnogo protsessa ochnogo i distantcionnogo obucheniya // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 5 (68). – С. 261–263.
8. Ovsyannikov V. I. Distantcionnoe obrazovanie v Rossii: mif ili real'naya perspektiva // Pedagogika. – 1996. – № 3. – С. 4–6.
9. Petrovskii A. A. Obuchenie personala s primeneniem distantcionnykh tekhnologii // Professional'naya orientatsiya. – 2017. – № 1. – С. 308–313.
10. Pidkasytyi P. I., Tyshchenko O. B. Komp'yuternye tekhnologii v sisteme distantcionnogo obucheniya // Pedagogika. – 2000. – № 5. – С. 7–12.
11. Soldatkin V. I. Elektronnyaya pedagogika: osnovaniya i problemy // Baikal'skii psikhologicheskii i pedagogicheskii zhurnal. – 2003. – № 1. – С. 61–70.
12. Stegnii V. N., Chernovalov G. A. Prepodavatel' vyshei shkoly i distantcionnoe obrazovanie // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2011. – № 7. – С. 94–97.
13. Troyan G. M. Primenenie universal'nykh podkhodov dlya uluchsheniya kachestva distantcionnogo obrazovaniya // Otkrytoe obrazovanie. – 2004. – № 2. – С. 37–47.
14. Ushinskii K. D. Trud v ego psikhicheskom i vospitatel'nom znachenii / izbrannye ped. soch. v 2-kh tt. – Т. 1. – Москва: Pedagogika, 1974. – С. 124–144.

© Гейжан Н. Ф., Симакова Т. А., 2020
Статья поступила в редакцию 30.06.2020 г.

Е. А. Попинако

адъюнкт

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0002-1242-9467. E-mail: tatainchik@rambler.ru*

Н. А. Гончарова

кандидат психологических наук, доцент

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1
ORCID: 0000-0003-0795-4969. E-mail: goncharova_n@bk.ru*

Психологические особенности социально-психологической адаптации сотрудников органов внутренних дел с различным уровнем личностного адаптационного потенциала

Аннотация: Социально-психологическая адаптация сотрудников органов внутренних является значимым условием успешности профессиональной деятельности, определяющим эффективность и надёжность субъекта труда в выполнении оперативно-служебных задач. Научная значимость проблемы актуализируется в профессиях социальной направленности и требует отношения к ней не только с позиции физиологического приспособления, но и анализа перспектив прогнозирования динамики адаптации, построения конструктивного взаимодействия и сотрудничества в социально-профессиональной среде. Актуальные эмпирические исследования показывают, что в правоохранительной сфере проблемы профессиональной адаптации сопряжены со множеством социальных факторов регулятивного, ценностного и морально-нравственного содержания. В представленных результатах эмпирического исследования обсуждаются особенности социально-психологической адаптации сотрудников органов внутренних дел с различным уровнем личностного адаптационного потенциала. Статистический анализ показателей двух групп адаптированных и неадаптированных сотрудников позволил установить достоверно значимые различия адаптации на физическом, психологическом и социальном уровнях. Выявлено, что сотрудники с низким уровнем адаптационного потенциала отличаются астеническими реакциями, нервно-психической неустойчивостью, эмоциональным дискомфортом, выраженностью отрицательных эмоциональных состояний. Общий профиль их социально-психологической адаптации характеризуется низким уровнем поведенческой саморегуляции и коммуникативного потенциала, затруднениями в установлении конструктивных взаимоотношений, дезадаптивными нарушениями. Установлено, что сотрудники с высоким уровнем личностного адаптационного потенциала отличаются активностью и работоспособностью, нервно-психической устойчивостью, способностью к поведенческой саморегуляции, коммуникативными умениями и моральной нормативностью. Показатели социально-психологической адаптации сотрудников свидетельствуют о способности к адекватному восприятию социальных норм, наличии профессиональных мотивов в деятельности, согласованности личностных интересов с интересами служебной деятельности, доброжелательности во взаимоотношениях, готовности к сотрудничеству и ответственности.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, личностный адаптационный потенциал, поведенческая саморегуляция, дезадаптация, успешность адаптации, моральная нормативность.

Для цитирования: Попинако Е. А., Гончарова Н. А. Психологические особенности социально-психологической адаптации сотрудников органов внутренних дел с различным уровнем личностного адаптационного потенциала // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 234–240. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-234-240.

Ekaterina A. Popinako

Graduate

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1242-9467. E-mail: tatainchik@rambler.ru

Natalia A. Goncharova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0795-4969. E-mail: goncharova_n@bk.ru

Psychological features of the socio-psychological adaptation of employees of internal affairs bodies with a different level of personal adaptation potential

Annotation: Socio-psychological adaptation of the employee is an important condition for the success of professional activities, determining the effectiveness and reliability of the subject in performing operational tasks. The scientific significance of the problem is actualized in the professions of social orientation and requires not only physiological adaptations, but analysis of prospects predict the dynamics of adaptation, a constructive interaction and cooperation in socio-professional environment. Current empirical studies show that law enforcement problems of professional adaptation involve a lot of social regulatory factors, value and moral content. In the presented results of empirical research the peculiarities of socio-psychological adaptation of employees of internal Affairs bodies with different level of personal adaptive capacity are discussed. Statistical analysis of indicators of two groups of adapted and unadapted staff allowed us to establish reliably significant differences in the adaptation on physical, psychological and social levels. It was revealed that employees with low levels of adaptive capacity are different in asthenic reactions, neuro-psychological instability, emotional discomfort, severity of negative emotional state. The overall profile of socio-psychological adaptation is characterized by low level of behavioral self-regulation and communicative potential difficulties in establishing a constructive relationship, deconditioning disorders. It was found that employees with a high level of personal adaptive capacity are different in activity and performance, neuro-psychological stability, the capacity for behavioral self-control, communicative abilities and moral normativity. Indicators of socio-psychological adaptation demonstrate the ability to adequate perception of social norms, the availability of professional motives in the activities, alignment of personal interests with the interests of the service activities, goodwill in the relationship, cooperation and responsibility.

Keywords: socio-psychological adaptation, personal adaptation potential, behavioral self-regulation, disadaptation, adaptation success, moral norms.

For citation: Popinako E. A., Goncharova N. A. Psychological features of the socio-psychological adaptation of employees of internal affairs bodies with a different level of personal adaptation potential // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3 (87). – P. 234–240. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-234-240.

Актуальность

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел сопряжена с постоянной трансформацией объектов взаимодействия в социальной среде и факторов стрессового характера, требующих от субъекта труда определённого запаса адаптационного потенциала и социально-психологических умений. Показатели социально-психологической адаптации субъектов правоохранительной сферы деятельности являются существенными маркерами успешности протекания адаптационных процес-

сов к профессиональной деятельности. В практической деятельности правоохранительных органов проблемы социально-психологической адаптации актуализируются как при взаимодействии сотрудников в рамках профессионального коллектива, так и в работе с «ненормальным объектом труда» (по С. П. Безносову) [1].

Задачи адаптации субъекта труда в качестве значимых выступают при необходимости освоения новых видов деятельности, установления социальных отношений в рамках выполнения профессиональных обязанностей, при изме-

нении характера деятельности, передвижении по службе, в условиях профессионального обучения. Успешность адаптационных процессов определяется наличием психического потенциала личности, который интегрирует деятельность психических процессов и личностных смыслов, обеспечивая согласование и оптимизацию соответствия требований социальной среды и внутренних диспозиций субъекта.

Социально-психологическая адаптация представляет собой непрерывный процесс активного приспособления личности к социальным требованиям и нормативам. В исследованиях проблем социально-психологической адаптации А. А. Реан отмечает, что «именно структуры личности, как отражение складывающихся отношений и связей», выполняют существенную роль в адаптационном процессе [2, с. 31]. Адаптационные возможности личности в правоохранительной сфере являются базовой индивидуально-психологической характеристикой и основным её стержнем, что, по словам Д. А. Леонтьева, отражает качество личностной зрелости субъекта деятельности и его способность к преодолению внутриличностного конфликта. Возникая в ситуации нарушения равновесия, конфликт и внутренние противоречия детерминируют состояние неравновесности, разрешение которого требует усилий по «преодолению» внутренних противоречий [3]. Возможности субъекта деятельности к успешному преодолению кроются в совокупности личностных характеристик, которые в научной литературе определяются как личностный адаптационный потенциал.

В естественных науках под личностным адаптационным потенциалом понимают состояние готовности организма и всех его систем к адекватному ответу на неблагоприятные обстоятельства, что равнозначно пониманию «состояния здоровья». В психологических исследованиях под личностным адаптационным потенциалом понимают совокупность индивидуально-психологических характеристик, которые, с точки зрения А. Г. Маклакова, содержат значимую информацию о том, в какой степени свойства личности соответствуют существующим нормативам [4].

А. А. Реан также обращает внимание на значимость и ведущие позиции личностного потенциала в обеспечении социально-психологической адаптации, что в жизненно важных обстоятельствах придает субъекту активность, способствует мобилизации и согласованности эмоционального и когнитивного компонента психики [2].

Личностный адаптационный потенциал обеспечивает субъекту возможность активизации регулятивных процессов, и осуществляется это каждый раз с помощью действия одних и тех же психических механизмов, которые С. Т. Посохова назвала «личностным адаптационным

синдромом» [5]. Основу его составляют интегральные функциональные системы, объединяющие функции способностей к саморегуляции, личностные смыслы в деятельности и профессионально важные качества. Адаптационный потенциал представлен совокупностью специфических, социальных, личностных и индивидуальных компетенций, что энергетически повышает возможности для адаптации субъекта в ситуации нестабильности деятельности [6]. Реализация потенциала определяется тенденциями к изменениям, динамикой умений субъекта. Это позволяет избежать ошибок в перцептивной оценке собственных состояний, осуществлять прогноз степени опасности внешних средовых влияний и обеспечить адекватные действия в ситуации нарушения гомеостаза [7]. Адаптационные изменения возможны при условии готовности личности к таким изменениям и наличии необходимых психологических ресурсов физиологического, психологического и социального уровня. Таким образом, потенциал психических ресурсов и их реализация для успешности адаптации должны совпадать.

Цель исследования: выявить психологические особенности социально-психологической адаптации сотрудников органов внутренних дел с различным уровнем личностного адаптационного потенциала.

Организация и методы исследования

В исследовании принимали участие сотрудники органов внутренних дел мужского пола в количестве 105 человек. Средний возраст сотрудников составил 25 лет. Стаж службы в органах внутренних дел составил от 1 до 2 лет. Исследование личностного адаптационного потенциала позволило разделить выборку на две группы в соответствии с данным критерием. При последующем статистическом анализе в состав первой группы были включены лица с высокими показателями личностного адаптационного потенциала – адаптированные лица. В состав второй группы были включены лица с низким адаптационным потенциалом – неадаптированные. Показатели лиц со средними значениями были исключены из таблиц статистического анализа.

Психодиагностическое исследование показателей адаптационного потенциала проводилось при помощи Многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (А. Г. Маклаков и С. В. Чермянин)¹. В исследовании показателей социально-психологической адаптации использовалась Методика диагностики социально-психологической

¹ Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. – Москва: Бахрах-М, 2006. – С. 549–672.

адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд) [8]. Математическая обработка полученных эмпирических показателей была произведена с помощью стандартных компьютерных программ SPSS, Statistics-21, Microsoft Excel. Эмпирические данные соответствуют значениям нормального распределения и проанализированы на значимость различий при помощи t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования

На первом этапе исследования производилось сравнение результатов диагностики уровня личностного адаптационного потенциала адаптированных и неадаптированных сотрудников (многоуровневый личностный опросник А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина), что позволило выявить существенное количество значимых различий (при $p \leq 0,001$) между группами (рис. 1).

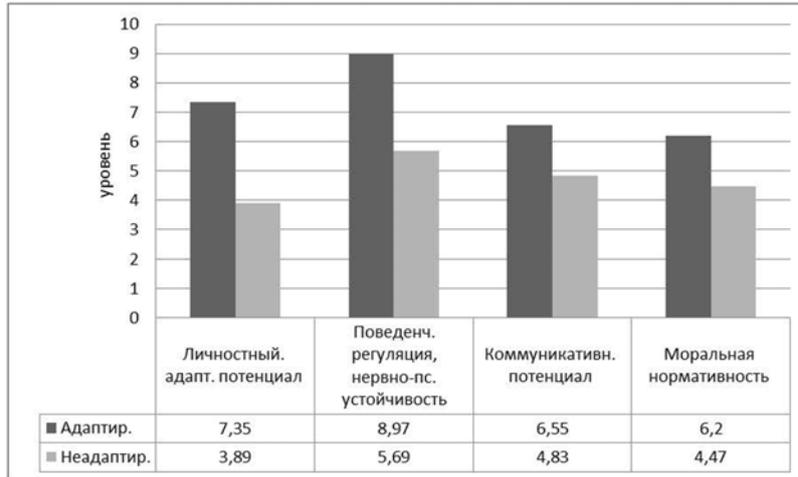

Рис. 1. Сравнение показателей личностного адаптационного потенциала адаптированных и неадаптированных сотрудников

Показатели личностного адаптационного потенциала адаптированных лиц находятся в зоне высоких значений. Представители данной группы отличаются лёгкостью адаптации к новым условиям деятельности, сохранением необходимого уровня работоспособности, эмоциональной устойчивостью. Поведенческая регуляция и нервно-психическая устойчивость соответствуют уровню высоких значений. Коммуникативный потенциал, социально-психологические умения и моральная нормативность значимо выше значений показателей группы неадаптированных лиц.

Показатели представителей группы с низким адаптационным потенциалом соответству-

ют уровню «сниженной» адаптации, отличаются наличием признаков акцентуаций и пограничных состояний, нервно-психической неустойчивости, нарушений функциональных состояний, неадекватной самооценки, затруднений в установлении социальных контактов.

Сравнительный анализ показателей интегральной шкалы «Деадаптационные нарушения» позволил установить значимые различия между группами (при $p \leq 0,0001$). В показателях группы лиц с высоким уровнем адаптационного потенциала значения достоверно ниже, что позволяет констатировать отсутствие признаков деадаптационных нарушений (рис. 2).

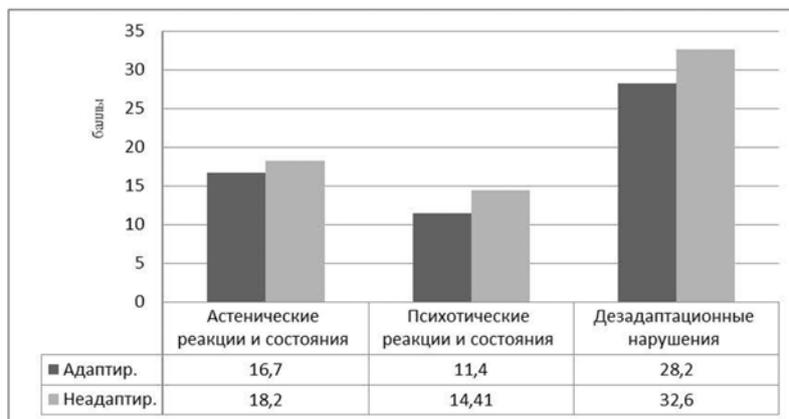

Рис. 2. Сравнение показателей личностного адаптационного потенциала адаптированных и неадаптированных сотрудников

В группе неадаптированных сотрудников отмечается более высокий уровень значений астенических реакций, свидетельствующий о высоком уровне тревожности, низкой толерантности к неблагоприятным условиям труда, сниженной работоспособности, высоком уровне нервно-психического напряжения и конфликтности в межличностном взаимодействии. В социальных контактах это выражается в неустойчивости морально-нравственной ориентации, нарушениях групповых норм, агрессивности по отношению к окружающим.

В соответствии с пониманием адаптации как интегративного свойства, которое, по словам А. Г. Маклакова, обеспечивает процессы регуля-

ции приспособления, при анализе показателей двух групп с различным уровнем адаптационного потенциала отмечаются как устойчивые, так и динамические образования физиологического, психологического и социального уровня [9].

На втором этапе исследования проведено сравнение психодиагностических показателей экспериментальных групп, полученных по результатам методики диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд). Выявленные значимые различия между группами в показателях социально-психологической адаптации подтверждают результаты, полученные в исследовании личностного адаптационного потенциала (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение результатов исследования показателей социально-психологической адаптации

№	Шкалы	Адаптированные M±σ	Неадаптированные M±σ	t-критерий Стьюдента (значение p)
1	Адаптивность	152,22 ± 18,19	143,33 ± 18,94	0,02
2	Деадаптивность	36,48 ± 23,55	51,92 ± 19,90	0,0006
3	Интегральный показатель социально- психологической адаптации	81,88 ± 10,59	73,09 ± 10,02	0,00007

Адаптированные респонденты отличаются высоким уровнем приспособления к социальным требованиям, способны к согласованию их со своими мотивами и интересами. Неадаптированные лица характеризуются незрелостью, дисгармоничностью в принятии решений, невротическими отклонениями, за-

трудняющими процессы приспособления к социальной среде.

Анализ основных интегральных значений социально-психологической адаптации позволил выявить значимые различия между группами (при $p \leq 0,0001$) практически по всем показателям (рис. 3).

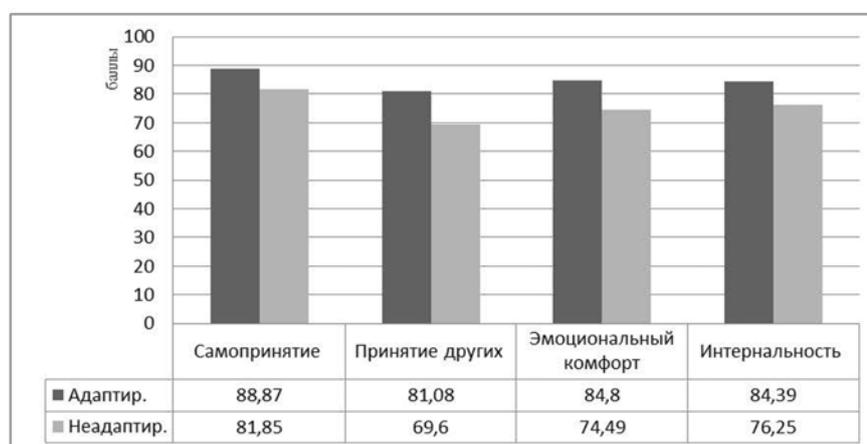

Рис. 3. Сравнение показателей социально-психологической адаптации адаптированных и неадаптированных сотрудников

Достоверные различия между группами выявлены в показателях шкалы «Самопринятие» ($p \leq 0,003$). Высокие значения установлены в группе адаптированных лиц. Они адекватно оценивают собственные личностные характеристики, удовлетворены ими, способны к конструктивным самоизменениям.

Показатели шкалы «Непринятие себя», которые интегративно представлены в диагностической шкале «Самопринятие», значимо ниже в группе неадаптированных лиц. Отмечается низкая самооценка, неудовлетворенность собственными личностными свойствами и готовность к самообвинению.

Интегральный показатель значений шкалы «Принятие других» в группе адаптированных сотрудников достоверно выше ($p \leq 0,00001$). Это позволяет констатировать высокий уровень потребности во взаимодействии, совместной деятельности, доброжелательных отношениях, позитивном отношении к себе окружающих. В соответствии с данными потребностями предпринимается конструктивные действия, направленные на сотрудничество, соблюдение общественных норм и взаимодействие.

Низкие значения в группе неадаптированных лиц позволяют охарактеризовать их в качестве не принимающих себя и свои личностные особенности, избегающих взаимодействия с другими. Такие лица в совместной деятельности раздражительны, критичны, не уверены в себе, ожидают в отношении себя негативизма со стороны иных лиц.

Анализ значений интегрального показателя «Эмоциональный комфорт» позволил выявить достоверно значимые различия ($p \leq 0,0002$), в соответствии с которыми в группе адаптированных лиц отмечается преобладание положительных эмоций и состояние благополучия. Представители группы неадаптированных лиц характеризуются состояниями эмоционального дискомфорта, неуверенности и подавленности, преобладанием отрицательных эмоциональных переживаний.

Сравнение показателей шкалы «Интернальность» позволило установить достоверные различия ($p \leq 0,003$), в соответствии с которыми адаптированные лица отличаются внутренним локусом контроля, ответственностью в отношении к себе и другим. Респонденты данной группы проявляют активность в деятельности, источником которой являются собственные убеждения и сформированные социально значимые установки.

Группа неадаптированных сотрудников отличается внешним локусом контроля, пассивностью в деятельности. Для них характерно стремление перекладывать ответственность за собственное поведение на иных лиц, склонность к обвинению в собственных неудачах партнеров

по взаимодействию, они испытывают затруднения при самостоятельном решении вопросов, требующих ответственности и конструктивных поступков.

Выявлены статистически значимые различия между группами в значениях шкалы «Эскапизм» (реакция избегания неприятного). Данный показатель в группе неадаптированных сотрудников достоверно выше ($p \leq 0,02$), что свидетельствует о наличии высокого уровня психологической защиты, стремлении избегать решения проблем и ответственности. Д. Г. Литинская, исследуя проблему эскапизма, определяет его как форму адаптации индивида к социуму, в качестве результата которого может выступать частичная социальная дезадаптация [10]. Как способ преодоления стрессовых ситуаций реакции избегания для неадаптированных лиц выступают в качестве приоритетных стратегий, что позволяет снять напряжение и частично разрешить противоречия, возникающие в условиях социального взаимодействия.

Заключение

Сравнение показателей социально-психологической адаптации групп с высоким и низким уровнем личностного адаптационного потенциала позволило установить достоверно значимые различия, определяющие способы приспособления к социальным условиям деятельности. Установлено, что личностный адаптационный потенциал представляет собой интегральную характеристику субъекта, суммирующую показатели физиологического, психологического и социального уровня.

Сотрудники с низким уровнем личностного адаптационного потенциала характеризуются на физиологическом уровне нервно-психической неустойчивостью, ситуативной тревожностью, астеничностью и отсутствием мотивации к профессиональной деятельности. Отмечается переживание состояний эмоционального дискомфорта и непринятия себя, что в совместной деятельности выражено в виде негативизма по отношению к другим, раздражительности и конфликтности, нервно-психических срывах, отсутствии способности к поведенческой саморегуляции. На социально-психологическом уровне неадаптированные лица испытывают затруднения в установлении и поддержании коммуникативных контактов, проявляют агрессивность, используют неконструктивные технологии психологической защиты, избегают ответственности при решении проблемных ситуаций, склонны к дезадаптивным нарушениям.

Способы адаптации лиц с высокими значениями личностного адаптационного потенциала на физиологическом уровне отличаются нервно-психической устойчивостью, активностью и

потенциалом работоспособности, нормальным уровнем нервно-психического напряжения, необходимого для успешной адаптации. На социально-психологическом уровне адаптированные сотрудники демонстрируют моральную нормативность в деятельности, способность к регуляции поведения в соответствии с нормативными требованиями социума, готовность к установлению и поддержанию конструктивных психологических взаимоотношений с окружа-

щими. Лица адаптированной группы находятся в состоянии эмоционального комфорта, способны контролировать себя и самостоятельно решать вопросы в любом виде деятельности на основе устойчивых социально значимых установок. Социально-психологическая адаптация реализуется при помощи способностей адекватно оценивать себя, принимать индивидуальность других людей и устанавливать доброжелательные отношения в деятельности.

Список литературы

1. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. – Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 272 с.
2. Реан А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2006. – 479 с.
3. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Учёные записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. – Вып. 1 / под общ. ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2002. – С. 56–65.
4. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24.
5. Посохова С. Т. Психология адаптирующейся личности : монография. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 240 с.
6. Гончарова Н. А. Взаимосвязь профессионально-психологического потенциала личности сотрудников полиции и профессиональных компетенций // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 54–5. – С. 314–320.
7. Гончарова Н. А., Жидкова О. А. Эмоционально-волевая регуляция как условие обеспечения надёжности деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2017. – № 3 (70). – С. 11–15.
8. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва: Изд-во Института психотерапии, 2002. – С. 193–197.
9. Маклаков А. Г. Общая психология. – Санкт-Петербург: Питер, 2017. – 583 с.
10. Литинская Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – Т. 1. – С. 308–311.

References

1. Beznosov S. P. Professionalnaya deformatsiya lichnosti. – Sankt-Peterburg: Rech, 2004. – 272 s.
2. Rean A. A. Psixologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika. – Sankt-Peterburg: Prajm-Evroznak, 2006. – 479 s.
3. Leontev D. A. Lichnostnoe v lichnosti: lichnostny`j potencial kak osnova. samodeterminatsii // Uchyonye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU im. M. V. Lomonosova Vyp. 1 / pod obshch. red. B. S. Bratusya, D. A. Leonteva. – Moskva: Smysl, 2002. – S. 56–65.
4. Maklakov A. G. Lichnostnyj adaptatsionnyj potencial: ego mobilizatsiya i prognozirovanie v ekstremal'nykh usloviyax // Psixologicheskij zhurnal. – 2001. – T. 22. № 1. – S. 16–24.
5. Posokhova S. T. Psixologiya adaptiruyushhejsya lichnosti: monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2001. – 240 s.
6. Goncharova N. A. Vzaimosvyazi professionalno-psixologicheskogo potenciala lichnosti sotrudnikov politsii i professional'ny`x kompetencij // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2017. – № 54–5. – S. 314–320.
7. Goncharova N. A., Zhidkova O. A. Emocionalno-volevaya regulyatsiya kak uslovie obespecheniya nadezhnosti deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennix del // Psixopedagogika v pravoohranitel'nykh organax. – 2017. – № 3 (70). – S. 11–15.
8. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M. Socialno-psixologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i maly`x grupp. – Moskva, Izd-vo Instituta Psixoterapii, 2002. – S. 193–197.
9. Maklakov A. G. Obshhaya psixologiya. – Sankt-Peterburg: Piter, 2017. – 583 s.
10. Litinskaya D. G. Tipy sovremennogo eskapizma i fenomen ekzistentsial'nogo eskapizma // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – № 1. – Т. 1. – С. 308–311.